

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования

Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе

Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу <http://books.google.com>.

UC-NRLF

B 2 958 637

KEY
LIBRARY
UNIVERSITY OF
CALIFORNIA

ANTHROPOLOGY LIBRARY

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ
СБОРНИКЪ.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ
СБОРНИКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ИМПЕРАТОРСКИМЪ

Классомъ

РУССКИМЪ ГЕОГРАФИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ.

ВЫПУСКЪ III.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ЭДУАРДА ПРАПА

1858.

GN2

R78

v. 3

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 26 апрѣля 1858 года.

Ценсоръ *Д. Мацкевичъ.*

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТРЕТЬЯГО ВЫПУСКА.

	СТР.
Слобода Трехъизбянская	1
Бытъ Малорусскаго крестьянина (преимущественно въ Полтавской губерніи).	19
Замѣтки о западной части Гродненской губерніи	47
Этнографическій взглядъ на Виленскую губернію (Д. Члена А. Киркора)	115

843849

СТАТЬИ
О РУССКИХЪ И ИХЪ СОВРЕМЕННИКАХЪ.

СЛОБОДА ТРЕХЪИЗБЯНСКАЯ.

Слобода Трехъизбянская, казенное селеніе Харьковской губерніи, Старобѣльскаго уѣзда, находится на лѣвомъ берегу Сѣвернаго Донца, недалеко отъ границы Екатеринославской губерніи, въ семи верстахъ отъ города Славяносербска и въ семидесяти отъ уѣзднаго города Старобѣльска.

Чтобы судить о наружности, бытѣ и языкѣ жителей Трехъизбянской слободы, нужно предварительно знать нѣкоторыя обстоятельства. Первоначальное заселеніе сей мѣстности послѣдовало «1715 года. По именному указу великаго государя царя и великаго князя Петра Алексіевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи, часть жителей Бѣлогородской губерніи, города Салтова, села Нижняго, съ четвертной ихъ жалованной, помѣстной земли, перешла на бывшую тогда Украинскую дивію и пожалована 20,000 десятинъ земли по лѣвой сторонѣ рѣки Сѣвернаго Донца, никѣмъ незаселенной и невладѣемой, съ лѣсомъ, сѣнными покосами и со всеми угодыями, и съ привиллегією, какою пользовались отъ Россійскихъ великихъ князей и царей, на прежнемъ жительствѣ дарованною, т. е. безъ потерянія однодворческаго званія.» Такъ значитъ въ найденномъ мною дѣлѣ о неправильномъ завладѣніи земли сосѣднимъ помѣщикомъ Шидловскимъ, принадлежащей Трехъизбянскому обществу. И донинѣ мѣсто, гдѣ первоначально поселились эти выходцы, носитъ названіе *Салтовскаго*. Неизвѣстно, почему, мѣсто это скоро оставлено, и сторожевой *городокъ* основался при самомъ берегу рѣки Донца. *Городокъ* этотъ служилъ защитою отъ разбойничьихъ набѣговъ хищныхъ Татаръ до времени, когда Крымскія степи, по правой сторонѣ рѣки Сѣвернаго Донца, заселены были регулярными русскими

войсками. Тамъ была и церковь. Предположительно около 1760 года, тревожимые набѣгами Татаръ, а болѣе, кажется, разливомъ рѣки Донца, затоплявшаго во время половодья большую часть жилья, жители городка принуждены были удалиться: отъ безпокойнаго Донца на разстояніе версты и болѣе, ближе къ горѣ, на то мѣсто, гдѣ издавна былъ хуторъ, состоявшій изъ трехъ избъ, отъ которыхъ, говорятъ, и слобода получила названіе *Трехъизбянска*. Въ 1787 году, по Высочайшему повелѣнію, Трехъизбянское общество обращено въ казачье званіе, и эти новые казаки участвовали не только въ разныхъ сраженіяхъ, но и въ достопамятныхъ штурмахъ Очакова и Измаила. Въ 1795 году жители Трехъизбянска возвращены въ прежнее однодворческое званіе; а тѣмъ, которые хотѣли остаться на правахъ казаковъ, предложено было переселиться на рѣку Кубань, что болѣшая часть жителей и исполнила. Эти обстоятельства, т.-е. жизнь, исполненная опасностей при сосѣдствѣ хищныхъ Татаръ, а потомъ казачество, имѣли сильное вліяніе на образованіе наружности, языка, быта и на то рѣзкое различіе, какое находится между старожилыми и поселившимися вновь (около 1795—1802) переселенцами, перешедшими изъ разныхъ мѣстъ Курской и Воронежской губерній (Обоянскаго, Валуйскаго и Нижне-Дѣвицакаго уѣздовъ). *Старожилы* здѣшніе — народъ статный, полный, красивый, опрятный, расторопный, вѣжливый; позднѣйшіе *переселенцы*, и преимущественно Воронежцы, — высока ростомъ, тощи вялы, неопрятны и слишкомъ простоваты.

Я З Ы К Ъ.

Старожилы говорятъ нарѣчіемъ, близко подходящимъ къ московскому, между-тѣмъ какъ нарѣчіе переселенцевъ имѣетъ значительное отъ него уклоненіе, такъ-что старожилы, сами Русскіе, называютъ переселенцевъ Русаками. И дѣйствительно эти послѣдніе русятъ до-крайности и многія слова произносятъ въ носъ. *Кайб*, *щб* вм. что, въ-самомъ дѣлѣ, *яго*, *яму* вм. его, ему, *ибнъ* вм. онъ — любимые ихъ звуки. *Ионъ кажа* : *хади ка двару* — онъ сказалъ : пойдемъ домой. *Кайб кожа*, *щб юбнъ гаворя*? Что рассказываетъ, о чемъ говоритъ онъ?

Общее старожиламъ и переселенцамъ : *а* вмѣсто *о*. *Хутаръ*, *дабро*, *Багародица* вм. хуторъ, добро, Богородица. — Иногда : *а* вмѣсто *е*. Напр. *чаго*, *чаловькъ* вм. чего, человекъ. *Сабь*, *табь* вм. себѣ, тебѣ.

Особенности въ словообразованіи : напр. *видя*, *гаворя*, *ходя*, *пздя*, *идя* вм. видитъ, говоритъ, ходитъ, ѣздитъ, идетъ; *стучить*, *сидить*, *стойтъ* вм. стучитъ, сидитъ, стоитъ; *пид* вм. пьетъ; *папдѣ* вм. поѣдетъ.

Слова мѣстные, или малоизвѣстныя : *Аспдсѣ* — праздникъ Рождества Богородицы.

Савѣтка, *савѣтъ* — кошель лозовый для складки угля.

Щарба, *щарбица* — уха, ушица.

Каюкъ — челнокъ, лодка.

Гамазга — магазинъ.

Качать — пѣтухи.

Ажна — между-тѣмъ, какъ или на самомъ дѣлѣ оказалось.

Атселя, *отселича* — отсюда.

Бирчивый, *перебирчивый* — разборчивый, переборчивый.

Калагушка — долбленая, некрашеная миска.

Махотка — горшочикъ, которымъ пьютъ воду.

Кашолка — мѣра, изъ лозы сѣтвенная.

Калатовка — чѣмъ сколачиваютъ масло; въ переносномъ смыслѣ калатовкой называется мужнина сестра.

Пикюльки — такъ называется молодой камышъ, которымъ весною лакомятся жители.

Тѣря — кушанье, употребляемое въ рабочую пору. Оно составляется такимъ образомъ: наливъ воды въ калагушку, бросаютъ туда кусочки ржанаго хлѣба и соль.

Перестановка буквъ: *притча* вм. притча; *секлетарь* вм. секретарь.

ДОМАШНІЙ БЫТЪ.

1) *Избы* вообще дсревянные и преимущественно дубовыя. Прежде строились съ закатами. У старожиловъ избы опрятныя, окнами на улицу, большею частію съ высокими рублеными крыльцами; а у переселенцевъ выходитъ на улицу глухая стѣна, и только въ послѣднее время перевелись у нихъ курныя избы, такъ-что теперь во всемъ селеніи остается одна курная изба. Внутреннее расположеніе избъ почти у всѣхъ одинаково: при входѣ въ дверь, въ правомъ, противоположномъ двери углу, стоятъ образа, а налѣво, подлѣ самой двери, помѣщается печка; отъ печки идетъ полъ до лавокъ, лавки же находятся вокругъ стола и подъ стѣною противу печи. Подлѣ двери съ правой стороны бываетъ шкапикъ, или палічка, для посуды, а внизу подъ шкапикомъ устроивается въ родѣ гроба конѣкъ, куда ставятъ молоко и другіе съѣстные припасы; конѣкъ этотъ, впрочемъ, иногда дѣлается и въ сѣнцахъ. Противъ полу вверху бываютъ полати; но они теперь уже очень рѣдки у трехъизбянскихъ мужиковъ.

2) *Платье*, въ настоящее время, почти у всѣхъ жителей Трехъизбянской слободы одинаковое; старики переселенцы отличаются нѣсколько своею одеждою, а вся молодежь одѣвается одинаково, хотя платье у старожиловъ, какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ, вообще наряднѣе. Женскій полъ у старожиловъ издавна ходитъ въ сарафанахъ, а у переселенцевъ — въ юбкахъ а иногда, особенно дѣвки, и въ однихъ рубахахъ; только въ недавнее время, съ измѣненіемъ избъ, онѣ

начали измѣнять и свой костюмъ. Курная изба, какъ извѣстно, не имѣетъ трубы для схода дыму; дымъ валитъ изъ печи въ хату, изъ хаты въ двери, всегда растворенныя во время топки: отъ этого въ курной избѣ верхняя половина всегда бываетъ покрыта сажей, и бабы, особенно во время стряпни, надѣваютъ поношенные юбки и обвертываютъ голову тряпницами отъ осыпающейся съ потолка сажи. Курныя избы теперь совершенно перевелись и у переселенцевъ; но неопрятность, бывшая слѣдствіемъ устройства избъ, все еще остается, и до сихъ поръ можно отличить старожила отъ переселенца. *Обувь* у переселенцевъ — лапти; но и они выходятъ изъ употребленія, отъ недостатка коры: по рѣкѣ Довцу растетъ почти одинъ дубъ, тогда-какъ для лаптей нужна кора липы или другаго мягкаго дерева. Старожилы лаптей не носили и прежде. Въ будни употребляютъ *чирики* (черевики), а по праздникамъ сапоги. Обыкновенная одежда мужиковъ: рубахи, штаны холщевые, бѣлые, поясъ, онучи и чирики на ногахъ, а на головѣ — шапка. Сверху надѣваютъ зипунъ, зимою же короткій полушубокъ. По праздникамъ носятъ то же платье, только понаряднѣе: рубаха бываетъ съ ластовками, съ вышитымъ подоломъ и окаймленной пазухой, шаровары набойчатые или синіе, на ногахъ сапоги, зипунъ поярчатый, почти всегда синій, шапка съ сѣрымъ околышемъ. Старожилы иногда ходятъ подпоясанные, иногда же въ-распашку, а переселенцы непременно подпоясанные, и притомъ всегда ниже живота, и имѣютъ оттопыренную пазуху.

Женскій нарядъ нѣсколько разнообразнѣе; обыкновенный: рубаха, сарафанъ, на ногахъ черевики, на головѣ у женщинъ кокошникъ, а у дѣвушекъ платокъ. Праздничный: рубаха, отъ пояса коленкоровая или ситцевая, съ такими же или кумачными вышитыми рукавами; сарафанъ (передняя часть) шерстяной спереди, а сверху до низу, по всему подолу и по краямъ, обшитый узкимъ ситцемъ; на головѣ у дѣвушекъ шитая повязка или шелковый платокъ; въ косѣ влетены ленты, а на концѣ косы махоръ; на шеѣ монисты и крестъ. У женщинъ на головѣ кокошникъ, а подъ нимъ кичка, которая надѣвается прежде всего, и подвязанный сзади *подзатылень*; сверху кокошника женщины покрываются еще платкомъ, а иногда кисеей; волосы подбираютъ подъ кичку и вмѣсто косы выпускаютъ въ два раза сшитую ленту; на ногахъ носятъ бахилки, поверхъ чулокъ. Въ холодное время надѣваютъ халатъ, синій, нанковый, а зимою крытую синимъ сукномъ или нанкой шубу. Кокошники бываютъ штофные, но болѣе бархатные. Украшенія для расхожаго — мишурныя, а для праздничнаго — серебряныя и золотыя, такъ-что полный головной уборъ стоитъ рублей до 9 серебромъ. Зато онъ проченъ и переходитъ отъ матери къ дочерямъ и т. д.

3) *Пища*. Въ пищу жители Трехъизбянской слободы не прихотливы: молока ѣдятъ мало, мясо употребляютъ почти-что только въ дни розговѣнья. Обыкновенныя у нихъ кушанья, когда живутъ дома: *бориць* или щи и *каша*. Въ рабочую же пору, на полѣ, они ѣдятъ одну *тюрю* и, весьма рѣдко, жидкую кашу. Старожилы ржаного хлѣба почти не употребляютъ; переселенцы же чаще ржаной, а иногда и пшеничный, но онъ у нихъ хуже ржаного. Квасъ любятъ; кромѣ питья, онъ составляетъ у нихъ непремѣнное условіе почти каждого кушанья. Такъ, вареный *картофель*, очищенный, а иногда и нечищенный, крошатъ, всыпаютъ въ миску съ квасомъ и посоливши ѣдятъ. При *блинахъ* наливаютъ въ миску квасъ, кладутъ туда же тертый или толченый хрѣвъ, а если есть медъ, то подмѣшиваютъ и его, и обмакиваютъ въ этотъ соусъ блины. Съ квасомъ ѣдятъ и арбузы, обчистивъ и искрошивъ ихъ на мелкіе куски.

Обѣды во время свадьбы и при поминовеніи усопшихъ бываютъ весьма обильны въ Трехъизбянской слободѣ. Непремѣнныя блюда такого обѣда въ скромные дни: 1. *Пирогъ* съ начинкой, или съ мясомъ, или съ сыромъ; разрѣзывается и поливается масломъ. 2. *Холодное* (по-мѣстному *халадецъ*). Сваренныя свиныя, бараныя или коровьи ноги раздробляютъ и раскладываютъ въ миски; туда же наливаютъ и вариво отъ нихъ и ставятъ въ холодное мѣсто, чтобы застыло. При подачѣ *холодца* настоль, во время свадьбы, кравчій солить, разрѣзываетъ его ножомъ на куски и наливаетъ на холодецъ квасу съ хрѣномъ. 3. *Бориць* съ мясомъ. 4. *Липша*. 5. *Курица* вареная. 6 и 7. *Жаркое* — баранина, а потомъ — свинина. 8. *Липшевникъ*. 9. *Каша* пшенная, съ масломъ и сметаной, и потомъ 10, если это лѣтомъ или осенью, *арбузъ* или какой-нибудь *узваръ*. Обѣдъ постный: *Пирогъ* постный, который разрѣзывается и поливается постнымъ масломъ; *холодное* рыбе или же соленая головка капусты съ олеей; *соленые огурцы*; *бориць*, *горохъ* или квасоль; *пампушки* съ олеей; *гороховый кисель*, *каша* пшенная и *узваръ* или арбузъ.

Замѣчательно, что здѣсь пекутъ не круглыя булки, а такъ-называемыя *пирогы*, или *слѣпцы*, или *стѣльни*. При свадьбахъ употребляются особаго вида *калачи*. Калачи эти даютъ вмѣсто подарковъ сватамъ при сватаньѣ, сговорахъ и свадьбѣ, а также приносятъ и къ священнику при оповѣщеніи.

4) *Занятія мѣстныя*. Здѣшній народъ трудолюбивъ до крайности. Удить рыбу или курить, отъ нечего дѣлать, трубку считается здѣсь за порокъ; да мужику и подумать объ этомъ почти некогда. Весна и лѣто, осень и зима, будни и праздникъ, день и ночь, ведро и венастье у него проходятъ въ непрерывной дѣятельности; на всякое время и случай есть

свои занятія. Здѣшніе мужики живутъ семьями, нерѣдко большими, иногда душъ до сорока; несмотря на то, у нихъ не освобождаются отъ работы и малыя дѣти. Всѣмъ и всегда есть своего рода дѣло и занятія.

Лишь только открывається весна, домохозяину предстоитъ : сѣять, скородить, пахать, готовить сѣмена для посѣва, палить уголь и отправлять для распродажи изготовленное съ зимы. Это распредѣляется такимъ образомъ : паханину засѣвають и скородятъ одни мужики ; въ малосемейныхъ домахъ иногда въ этой работѣ помогаютъ и женщины. По окончаніи скородьбы одна часть семьи принимается пахать подъ яровой хлѣбъ , другая занимается углепаленіемъ , а одинъ или двое изъ семьи, на лошадахъ, отправляются въ дорогу съ угольями, или *плужками*, заготовленными зимою ; пока другіе пашутъ, палятъ уголья, готовятъ сѣмена для посѣва, они возвращаются изъ дороги. Если въ семействѣ живъ старикъ, то, пока дѣти управляются съ своей работой, онъ тоже не остается празднымъ ; въ любимомъ его сарайчикѣ, или на току, только и слышно : стукъ, стукъ... Это онъ дѣлаетъ плуги, или починиваетъ колеса, или молотитъ сѣмена, и т. п. Женскій полъ въ это время также въ работѣ : снуютъ, ткутъ иряжу, бѣлятъ; убираютъ огороды : садятъ, сѣютъ и проч. Время сѣянія кончилось, *косовица* еще не настала. Въ это время семья пашетъ для проса, гречихи, бакшей, огороды для конопляи; огораживается ; а по изготовленіи угольевъ и уже на волахъ опять отправляются въ дорогу, или же по ярмаркамъ съ плужками и т. п. Старшіе изъ семьи въ это время ѣздить для осмотра и закупки травы у сосѣднихъ помѣщиковъ за рѣку Донецъ, въ Екатеринославскую губернію (по скудости своей земли), или занимаются поправкою телегъ, повозокъ и проч. У женщинъ есть своя работа : онѣ поливають огороды, стригутъ овецъ, прядутъ шерсть и проч ; по праздникамъ гурьбами отправляются за скородою, шавелемъ, чеснокомъ, пикгульками и проч.

Настаетъ косовица. Вслѣлъ за мужчинами-косарями отправляются, чрезъ два-три дня, и бабы за Донецъ , на помѣщичьи степи , и, пока первые косятъ , послѣднія громадятъ, копняютъ. Покончивъ работу тамъ , возвращаются для уборки луга домой. Между-тѣмъ какъ мужчины возятъ сѣно, бабы полиютъ огороды, бакши. Тутъ настаетъ и жатва — труды невнимовѣрные, время самое жаркое для работниковъ. Семейства переселяются на поле. Пища ихъ во все рабочее время состоитъ почти исключительно изъ одной *тюри*; только въ праздники и воскресные дни приходятъ домой полакомиться борщемъ и кашей, и то пока работа на своемъ *боку*, а если за Донцемъ верстъ за 30 и далѣе отъ селенія, то живутъ тамъ до тѣхъ поръ, пока совершенно окончатъ работу. Да и въ праздники народъ не остается дома и не сидитъ праздно : мужчины

ходить на базаръ для распродажи арбузовъ и т. п. и для покупки нужнаго для домашнихъ потребностей, или ловятъ раковъ, рыбу, пасутъ рабочей скотъ и проч., а женщины въ лѣсу рвутъ ежевику, терень, малину, лѣсные яблоки, дерутъ хмель, собираютъ желуди и т. п. Мужики, покосивши ячмень и овесъ и убравши рожь, жатву пшеницы и проса предоставляютъ уже женщинамъ, а сами принимаютъ за новую работу: возятъ нажатое, пашутъ для озимаго хлѣба, палятъ уголь, и т. п.

Осенью, по окончаніи полевыхъ работъ и по уборкѣ бакшей, каждый день тянутся изъ слободы обозы на лошадяхъ и волахъ въ дорогу въ города Черкасскъ, Азовъ, Таганрогъ, Ростовъ и другіе, съ углями, плугами, полозьями, *тагунами* и т. п. Женщины, убравъ коноплю, мочатъ ее, трутъ, также волочатъ волну и исправляютъ другія подобныя работы, а мужики, возвратясь изъ дороги, сѣютъ рожь, пашутъ, закупаютъ землю у помѣщиковъ для будущихъ посѣвовъ, и т. п.

Зимой отправляются для закупки лѣса у помѣщиковъ, рубятъ и доставляютъ домой лѣсъ и дрова. Послѣ праздника Рождества Христова, или когда установится зимняя дорога, отправляются съ угольемъ въ приморскіе города и оттуда привозятъ рыбу: тарань, *сулу* (судаки). Въ дорогѣ бываютъ обыкновенно отъ двухъ до трехъ недѣль. Когда же дорога разстроивается, то занимаются дома заготовленіемъ товара для весенней продажи. Женщины во все это время прядутъ, ткутъ и проч. Такимъ-образомъ, занятія болѣе общія и жизненные въ Трехъизбянской слободѣ: хлѣбопашество и лѣсные промыслы, преимущественно плугодѣланіе и углепаленіе. Если положить, что каждый хозяинъ двора сходитъ въ дорогу два раза въ годъ на двухъ подводахъ, т.-е. доставитъ угля четыре сапета, то, полагая на каждый сапетъ 8 четвертей, выйдетъ, что каждый хозяинъ отвезетъ въ годъ 32 четверти угля, а все общество Трехъизбянское, состоящее изъ 400 дворовъ, около 12,800 четвертей. Выпалка угля производится почти круглый годъ; но преимущественно ею занимаются при открытіи весны, когда сырость земли не позволяетъ еще ни скородить, ни пахать, и осенью, по окончаніи полевыхъ работъ. За слободой, весной и осенью, образуются угольныя биржи, и дымъ отъ нихъ покрываетъ всю слободу. При выпалкѣ употребляется одно орудіе — лопата.

ОСОБЕННОСТИ СЕМЕЙНАГО БЫТА.

У Русскихъ большая тяжесть возложена на женщинъ. Правда, что приданаго за дѣвками не берутъ, напротивъ рѣдкій не приплатится еще при сватаньи невѣстѣ на нарядки, на справку кокошника, отъ 3 до 10 рублей серебромъ. Кромѣ того *саборы*, хотя бываютъ въ домѣ невѣсты, играютъ на

счетъ жениха, такъ-что не только водка, хлѣбъ и вообще вся провизія привозится женихомъ, но и прислугу при сговорахъ составляютъ только родные жениха. Свадьба также играется на счетъ жениха. Со стороны отца невесты требуется расходъ только на обѣдъ, когда послѣ вѣнца молодой съ поѣздомъ прїѣдетъ за молодою княгинею; но это непродолжительно, а потому и неубыточно, тогда-какъ отцу жениха свадьба обходится отъ 15 до 50 рублей серебромъ, смотря по состоянію. Зато женившись мужъ не заботится уже во что одѣваться самому, женѣ и семейству. Зипунъ, поясъ, онучи для черевикъ, рубахи и штаны (портки) для мужа и сыновей, а также сарафаны, рубахи и прочее платье для дочерей приготовляетъ жена. Добрый мужъ, если захочетъ, хлопочетъ объ обуви для семьи, а если нѣтъ, такъ и обувь и все, что нужно для платья, должна промыслить жена. И это соблюдается чрезвычайно строго. Когда недостаетъ у ней домашней шерсти для сукна и сарафановы, а также прядыва для полотна, то и это рѣдко покупается мужемъ, а больше зарабатываетъ сама жена по-людямъ. И горе женѣ, которая не умѣетъ или плохо умѣетъ ткать, прядь, шить, или лѣнива, или же по хворости не успѣваетъ одѣвать свою семью.

По снятіи съ овецъ шерсти, а также по уборкѣ конопля, производится раздѣлъ паявъ: полный пай идетъ на мужа съ женой; если у свекрови есть сынъ, то она отдѣляетъ $\frac{1}{2}$ или $\frac{1}{4}$ пая дѣлу сына, смотря по тому, пахарь ли онъ, или только погоничъ; если невестка имѣетъ сына, котораго уже въ работѣ, то также получаетъ $\frac{1}{2}$ или $\frac{1}{4}$ пая; на дѣвокъ, сколько бы ихъ ни было, не получаютъ ничего. Если свекоръ вдовъ, то пай свой отдастъ дочери, которая его одѣваетъ. Вдова получаетъ пай, если есть у ней сыновья работники; если же у нея нѣтъ такихъ дѣтей, то лишается пая или же беретъ на свою долю работника, служащаго по найму, приготовляетъ ему все, что доставила бы мужу, т.-е. зипунъ, поясъ, онучи, рубаху и проч. Дѣвки должны зарабатывать на одежду для себя сами; въ богатыхъ семействахъ, когда за работою остаются до глубокой осени и не успѣваютъ ничего заработать для себя на-сторонѣ, отецъ или дѣдъ даетъ бабамъ и дѣвкамъ на синьку для сарафановъ, иногда даритъ имъ по платку, и это считается великою милостію.

Бабы пекутъ и варятъ, если семейство большое, по очереди; когда же въ семьѣ душъ около сорока, то одна назначается для печенья, а другая для варенья, и очередная пользуется или расположеніемъ, или ненавистію работниковъ, смотря по своему искусству въ стряпнѣ. Впрочемъ вообще и пироги и вариво здѣсь не вкусны: это происходитъ, между прочимъ, и оттого, что бабамъ нѣтъ времени съ должнымъ вниманіемъ ухаживать за стряпней. Отъ этого же, что бабы

безпрестанно заняты, въ рабочую пору трехъизбянскіе мужики и ѣдятъ одну тюрю. Едва баба управится съ своею жатвою, какъ спѣшить заработать что-нибудь на-сторонѣ для своихъ расходовъ и чтобы избѣжать упрековъ отъ мужа или старшаго въ семействѣ, что она «не рабочая, не успѣла-де заработать и на платокъ». Случается, что иная баба до того устанетъ, что не въ-состояніи заняться варивомъ, хотя бы и была провизія; она спѣшить поѣсть тюри и хоть немного отдохнуть. Нерѣдко въ лунную ночь женщины почти вовсе не спятъ, а все занимаются работою. И нельзя не удивляться ихъ трудолюбію, особенно когда, кромѣ работы, должны еще ухаживать и кормить грудью своихъ дѣтей. Мать, покормивъ дитя, кладетъ его подъ стойку въ холодокъ или въ походную люльку. Оно покричитъ, покричитъ, да и уснетъ крѣпко; но дѣти, которыя на ногахъ, постоянно бродятъ за мамою съ плачемъ.

Садовъ въ нашемъ селеніи вовсе нѣтъ, а лѣсныхъ плодовъ, особенно въ годы урожайные, довольно. Заготовленіе ихъ лежитъ также на обязанности женщинъ. Въ праздничные дни, вмѣсто-того, чтобы послѣ тяжелыхъ трудовъ отдохнуть, женщина должна спѣшить въ лѣсъ, за терномъ, лѣсными яблоками, ежевикой, малиной и т. п., чтобы зимой полакомить иногда семейство узваромъ или, въ-случаѣ гостей, имѣть чѣмъ попотчевать ихъ. Иногда разгульный мужъ смѣло ведетъ цѣлую компанію къ себѣ въ домъ, и счастлива жена, у которой есть чѣмъ принять гостей; въ-противномъ-случаѣ гости, не употчеванные, разносятъ далеко молву о безслави жены, которая не припасла ничего, чѣмъ бы ихъ попотчевать. Русскіе мужички любятъ у сосѣдей Малороссовъ покушать хорошей *стравы*, и удивляются, отчего ихъ жены не умѣютъ готовить также вкусно.

МѢСТНАЯ СВАДЬБА.

За нѣсколько дней до свадьбы бываютъ *сговоры*, или *своды*. Вотъ какъ это бываетъ: одинъ изъ родственниковъ невѣсты созываетъ ея родню; между-тѣмъ, какъ родня невѣсты сходится, вечеромъ пріѣзжаетъ женихъ съ своею роднею и привозитъ всю провизію, нужную при сговорахъ, входитъ въ домъ, кладетъ на столъ *калачъ* и ставитъ штофъ водки. Помолившись Богу и поздоровавшись, дружка требуетъ отъ отца невѣсты, чтобы показали товаръ; тогда выводятъ невѣсту и ставятъ вмѣстѣ съ женихомъ. Въ это время затепливаютъ свѣчи, и всѣ встаютъ. Помолившись Богу, дружка спрашиваетъ о взаимномъ согласіи у жениха и невѣсты и, получивъ утвердительный отвѣтъ, беретъ водку, ставитъ на поднось, наливаетъ и подноситъ рюмку *сведеннымъ*, жениху и невѣстѣ. Женихъ, прихлебывая, подаетъ невѣстѣ. Въ это время подруги ея начинаютъ пѣть:

Бирчатый, пирибирчатый (*) младъ Михайлушка,
Перебирая красныхъ дѣвакъ у кругу:
Салавей калину шекаталь.
А Михайлушка Марьюшку палаваль.
И та и ся хараша, а моя Марьюшка
Лучше всѣхъ, пригажѣ всѣхъ,
И касою, и касою.

Чего невѣста не допила, выпиваетъ женихъ; потомъ онъ беретъ невѣстинъ подарокъ, который обыкновенно бываетъ хустка, или платокъ, утираетъ невѣсту, и они цѣлуются. Когда женихъ положить подарокъ, который отъ 10 коп. доходитъ до 2 руб. сер., смотря по состоянію жениха, тогда невѣста подносить подарки нареченному свекру, свекрови, сестрамъ, братьямъ, дядямъ, теткамъ жениха и проч., всѣмъ подноситъ платки, а свекрови аршина три коленкору на рукава для рубахи. Свекровь же отдариваетъ аршиномъ штофной матеріи или краснаго бархата, для кокошника, или кладетъ сарафанъ для нареченной дочки. Сестрамъ жениха дарятъ ленты, мальчикамъ-братьямъ шелковые или суконные поясочки. Отдарки идутъ своимъ чередомъ и, смотря по состоянію и усердію, бываютъ отъ 2 коп. асс. до 10 коп. сер. Обдаривъ всѣхъ, невѣстину родню усаживаютъ за столъ; а женихова въ это время становится для прислуги у порога, и обязана накормить и напоить новыхъ своихъ родственниковъ. Во время вечера и послѣ того до самой полночи молодежь веселится и поетъ пѣсни. Вотъ одна изъ нихъ:

Отъ терему до терему дарожка.
Праважала Марьюшка батюшку;
Апаздапа пазнымъ-паздно ка двару,
Заначевала пады сасною у бару.
Наѣхаль Михайлушка на каню
И хѣча сѣчь, рубить сасѣнку.
Азавалася Марьюшка у бару:
Руби, руби сасѣнку,
Для тебе эта сасѣнка сдженая
Для тебе виленая рушивая.

Къ свѣту провожаютъ дѣвки жениха и поютъ ему:

Вярнись, вярнись. Михайлушка,
Вярнись, Степановичъ!
Пазабыль рукавички
У тѣщи на палички.

На другой день утромъ отецъ жениха съ родными идетъ *опожмелиться* и приноситъ съ собой штофъ водки и калачъ. Выпивъ и закусивъ, назначаютъ день свадьбы, и тѣмъ оканчиваются сговоры.

(*) См. языкъ, стр. 2.

Свадьба начинается съ вечера того дня, въ который женихъ и невѣста должны вѣнчаться. Обратимъ вниманіе сначала на то, что дѣлается въ это время у жениха. Въ продолженіе дня женихъ созываетъ своихъ родныхъ, съ обычнымъ привѣтомъ: «батюшка и матушка прося на хлѣбъ, на соль и на каравай». Вечеромъ собирается родня. Въ это время *свашка* (преимущественно сестра жениха или братова жена) хлопочетъ съ дружкой около караваевъ. Изготовивъ три хлѣба, снимаютъ мѣдный образокъ и прикладываютъ къ каждому такъ, что знакъ этотъ остается и тогда, когда каравай испечется. При этомъ дружка встаетъ: «сватъ и сваха, дружка съ поддружьемъ и весь честной паѣздъ, багаславите каравай сажать». «Богъ багаславить», отвѣчаетъ компанія три раза. Тогда наливаютъ два стакана водки, прикрѣпляютъ къ нимъ по свѣчѣ и ставятъ по обѣ стороны печи. Свашка садитъ хлѣбъ на лопату, дружка вмѣстѣ съ ней беретъ за ручку лопаты и такимъ-образомъ садятъ. Въ это время поютъ:

Нашъ каравай въ печь пашолъ,
Нашъ каравай въ печушку.

Когда посадятъ каравай, дружка съ свашкой цѣлуются, выпиваютъ стаканъ водки, а другой подносятъ всѣмъ присутствующимъ, и всѣ понемногу прикушиваютъ. Когда каравай выпечется, хоръ поетъ:

Заюшка на лавочки хѣдя,
Стринькій въ печь зазирая,
Уже, уже каравай паспѣлъ,
Уже, уже яравой паспѣлъ.

Нашъ каравай вонъ просится,
Нашъ яравой заслѣдку бѣе:
Вынь, вынь мине, свашунька,
Вынь, вынь, маладая,
Съ огня, съ поломя,
Съ кирпичатой печи.

Послѣ этого дружка возглашаетъ: «сватъ и сваха, дружка съ поддружьемъ и весь честной паѣздъ, багаславите каравай вынимать». «Богъ багаславить», отвѣчаютъ всѣ три раза. Вынувъ каравай, ставятъ его на столъ. Свашка подаетъ сито и вмѣстѣ съ дружкой укладываетъ каравай: сначала въ сито кладутъ сѣна, потомъ разстилаютъ хустку, затѣмъ уже кладутъ каравай и накрываютъ его сверху платкомъ. Приготовленный такимъ образомъ каравай относятъ гурьбой въ анбаръ или другое мѣсто, гдѣ будетъ спальня для молодыхъ, припѣвая:

Нашъ каравай на мѣсто пашолъ,
Нашъ яравой на мѣстечко!

Положивъ тамъ каравай , возвращаются въ избу, гдѣ уже приготовленъ столъ. Вечеряютъ. Попойка идетъ щедро. Затѣмъ расходятся. У неvěсты въ это время подружки поютъ пѣсни, почти тѣ же, что и на сговорахъ. Потомъ неvěста усаживается подругъ вечерять и потчуетъ ихъ водкою. Послѣ вечера молодые парни являются съ сопѣлками, гармоніями и проводятъ вечеръ весело. За-полночь уже компанія расходится.

На другой день неvěста встаетъ утромъ рано. Теперь судьба ея должна рѣшиться. Выйдя на дворъ, она громко голосить, припѣвая :

Вставайте, мои подружки!
Уже заря занимается,
Разлучники саветаются,
Хочутъ мнѣ разлучить
Съ роднымъ батюшкой,
Съ родной мамушкой.

Сходятся подружки. Если отецъ и мать живы, начинаютъ одѣвать неvěсту къ вѣнцу; если же неvěста сирота, то ведутъ ее на кладбище — оплакивать родителей.

Возвратясь, одѣваютъ къ вѣнцу. Когда у жениха все готово, является къ неvěстѣ дружка, зоветъ отца и мать. За-тепливаютъ свѣчи. Помолясь Богу, отецъ и мать становятся съ образомъ, а дочь, заливаясь слезами, падаетъ въ ноги; ее поднимаютъ, подводятъ къ отцу и матери для благословенья. Дружки поютъ :

Жаль мнѣ тебе, мой батюшка!
Жаль мнѣ тебе, мая мамушка!
Остаются у тебе и рута, и мята,
И пахучи васильки!
Стой, мая береза, безъ верха,
Живи ты, мой батюшка, безъ меня.

Получивъ благословеніе и поцѣлуясь съ родителями, неvěста идетъ съ подругами въ церковь, при чемъ поютъ :

Подкова ниточка
Къ стѣнки льнетъ,
А Марьюшка батюшки
Челомъ бьетъ :
Прости, батюшка, багаслави
На Божій судъ пайтить.

Подобное тому дѣлается и у жениха. Рано утромъ собираются у жениха родственники его и свадебный *цетъ*, т.-е. дружки, свашки и подружье, который держитъ вѣнецъ у жениха. Свашка хлопочетъ около стола, который приготовляется такимъ образомъ : разстилаютъ скатерть, кладутъ по краямъ стола *пирог* и ложки, а по срединѣ ставятъ жареный окорокъ свиной. Все это накрываютъ сверху другою скатер-

тью, на которую кладутъ калачъ и штофъ водки. Сваха беретъ калачъ, кладетъ его въ миску и туда же укладываетъ *коточекъ* масла, гребень, двѣ ложечки, связанные ленточкою, и все это сверху посыпаетъ хмелемъ. Водку распиваютъ бояре. Когда женихъ готовъ, его благословляютъ, какъ и невѣсту; сваха беретъ миску съ описаннымъ снарядомъ, и ведутъ жениха въ церковь.

Послѣ вѣнчанія молодые отправляются домой, каждый къ своимъ родителямъ. У молодой въ это время столъ накрытъ такимъ же точно порядкомъ, какъ и у молодого; только нѣтъ свиного окорока.

Приведа отъ вѣнца молодого домой, поѣзжане усаживаются за столъ и поютъ :

Пагнулися сѣни,
Какъ бояре сѣли:
Не такъ то пагнутся,
Какъ мѣду напьются,
Вина наберутся.

Подается закуска. Послѣ двухъ блюдовъ подаютъ окорокъ. Завидя его, поѣзжане встаютъ, запрягаютъ коней и подѣзжаютъ къ крыльцу съ колокольчиками, погремущками, съ развѣвающимися на дугахъ лентами или платками; садятъ молодого, и вся компанія ѣдетъ къ молодой :

Во время поѣзда бояре поютъ :

Не спите, не дремлите, бояре!
Берите коньи шлычки въ ручки,
Бейте челомъ Михайлину батюшкѣ,
Чтобъ пустилъ Михайлушку съ нами,
Съ честными, похвальными боярами.

Темная, синяя ночушка,
Зажурилась Михайлова матушка,
Што долго, што нескоро
Михайлушки нѣту;
А его красны дѣвки ухватили,
Въ высокъ теремъ павели,
За дубовый столъ посадили
И Марьею подарили.

Прежде, чѣмъ они пріѣдутъ, перейдемъ къ молодой и посмотримъ, что дѣлается у нея во дворѣ.

Лишь только молодая переступила порогъ церковный, ее окружаютъ подружки и уводятъ съ собой. Отойдя отъ церкви, дружки поютъ :

Съ лугу, лугу зелѣнаго,
Всѣ дѣвушки веселы идутъ,

Золотыни вѣнчиками мѣняются,
Одна Марьюшка не мѣняется.

Прійдя домой, молодая сквозь слезы подтягиваетъ вѣ-
стѣ съ подружками :

Потеряла свой
Золотъ вѣнокъ,
И русую косушку,
И свою волюшку.

Молодая усаживаетъ подругъ за столъ. Подается легкая
закуска, въ-продолженіе которой молодая голосить, обни-
маетъ, цѣдуетъ подругъ, приговаривая : «какъ мнѣ въ чужіе
люди пайтить, какъ свекру и свекровѣ дагадить, свою во-
люшку пагубить», и проч.

Вечерѣтъ. Вотъ слышатся уже гулъ, гамъ людей и то-
потъ борзыхъ коней. Это приближается поѣздъ молодаго.
Подружки вскакиваютъ ; молодая заливается слезами. Раз-
дается громкій стукъ у воротъ. Дружки поютъ :

Надвинули тучи тѣмныя,
Наѣхали незваные гости :
Паламили сѣни новыя,
Выпужнули салавья съ саду.
Всплакалась Марьюшка,
Вагаревалась Ивановна :
Свѣтъ ты мой салавей въ саду !
Кинула ключики, на палѣ въ кутѣ :
• Я тебѣ, батюшка, не клюшница, не варещница,
Клюшница лютому свѣкру да свекровьи. •

Съ послѣдними словами усиливаются удары въ ворота. На
дворѣ поднимается суматоха. Поѣзжане рвутся во дворъ ; но
родственники молодой засунули крѣпко засовы и не пускаютъ
ихъ. Видя усилія свои напрасными, поѣзжане вступаютъ въ
переговоры и платятъ требуемую дань (коп. 10 сер. и штофъ
водки) : тогда ворота растворяются, и поѣздъ съ шумомъ и га-
момъ въѣзжаетъ на дворъ и останавливается у крыльца. Мо-
лодой, сопровождаемый поѣзжанами, идетъ въ хату ; въ это
время подружки поютъ прощальную пѣснь :

Всѣ, всѣ ўтушки
Съ озера лѣтъ,
Всѣ, всѣ дѣвушки
Съ терема плутъ,
Одна Марьюшка оставѣется,
Михайлушки даставѣется.

Съ послѣдними словами онѣ обнимаются и прощаются съ
молодою, но, встрѣгя молодаго, защелкиваютъ дверь и тре-
буютъ съ него выкупа. Послѣ непродолжительныхъ перегово-
ровъ, берутъ *скулъ*, около 50 коп мѣди, и непремѣнно бу-

тылку водки ; распиваютъ ее , дѣлятъ между собою деньги , впускаютъ молодого , а сами съ шумомъ выбѣгаютъ вонъ изъ избы . Сцена переиъняется .

Дѣвушка уже нѣтъ ; молодая окружается бабами . Свашка ставитъ на столъ блюдо съ калачемъ , масломъ , гребнемъ , ложечками и хмелемъ .

«Сватъ и сваха , дружка съ подружемъ и вся чесная компанія ! багаславите молодую княгиню павить и другимъ разомъ и третьимъ !» «Богъ багаславить» , отвѣчаютъ всѣ три раза . Послѣ сего свашка садитъ молодыхъ за приготовленный уже столъ , подъ образа , и зажигаетъ свѣчи . Всѣ встаютъ и молятся Богу ; помолясь , свашка садится подлѣ невѣсты , снимаетъ повязку и начинаетъ расчесывать ей косу . Въ это время поютъ :

Не трубушки трубятъ
Рано на зарѣ ,
Марьюшка плача
Па русай кашъ .
Пріѣхала свашунья
Немилостива ,
Взяла мою косушку
Рвать и метать
И надвое заплетать .
И золото съ косушки вымѣтывая
И надвое косушку заплѣтывая .

Въ-продолженіе пѣнія сваха расчесываетъ молодую , примазываетъ ей голову масломъ , надѣваетъ кокошникъ и накрываетъ кисеей , потомъ схватываетъ миску и обсыпаетъ всю компанію хмелемъ , а связанные ложечки кладетъ передъ молодыми . Молодые , весь день неѣвшіе , и теперь сидятъ , какъ вкопанные , въ-продолженіе всего обѣда . По окончаніи обѣда , поѣзжане бросаются на коней , и вотъ зазвенѣли колокольчики , загремѣли бубенчики ; поѣздъ передъ крыльцомъ . Свашка встаетъ изъ-за стола , ставитъ молодыхъ вмѣстѣ ; они молятся Богу и прощаются съ батюшкой и матушкой . Въ это время поютъ :

Ѣхала Марья со двора ,
Домила березу съ верха :
Стой моя береза безъ верха ,
Живи , батюшка , безъ меня .
Али мне батюшка не любя ,
Середь нощушки са двара шлетъ ?

Молодого садятъ вмѣстѣ съ княгиней , и весь поѣздъ трогается . Въ это время каждый изъ поѣзжанъ старается похватать своими лошадьми ; поэтому гонятъ , что есть силы , и всячески стараются обогнать другъ друга . Во время поѣзда мужики и бабы , нерѣдко уже пьяные , кричатъ , что кому при-

деть въ голову. Такимъ-образомъ проѣзжаютъ по нѣсколькимъ улицамъ назадъ и впередъ, и во все время кричатъ безъ пощады; наконецъ, по командѣ дружки, поѣздъ направляется ко двору молодаго. Крикъ утихаетъ. Въ растворенныя ворота завидя освѣщеніе и среди двора родителей молодаго передъ накрытымъ скатертью столомъ, съ образомъ, хлѣбомъ и солью, поѣздъ останавливается. Дружка и свашка ссаживаютъ молодыхъ, ведутъ къ отцу и матери. Въ это время поютъ :

Сустрѣнь, сустрѣнь, батюшка :
Сынъ соколъ їдя,
Саколушку визеть.
Въ полѣ работницу,
Въ домѣ кукобницу,
Гастямъ привѣтницу,
Михайлушки савѣтницу.

Молодые, полойдя къ родителямъ, кладутъ три земныхъ поклона, цѣлуютъ икону, хлѣбъ, отца и кланяются ему въ ноги. Тоже повторяется передъ матерью и передъ старшими братьями, сестрами, дядями и проч. Поѣздъ угощается щедро виномъ.

«Сватъ и сваха, дружка съ подружьемъ и вся чесная компанія, багаславите молодыхъ въ домъ ввестъ», раздается голосъ дружки. «Богъ багаславить», отвѣчаютъ всѣ. Молодые, руководимые дружкою, а за ними и вся компанія, входятъ въ избу. Столъ накрытъ. Дружка ставитъ молодыхъ передъ столомъ. Гости усаживаются вокругъ стола. Дружка подаетъ молодымъ поднось съ рюмками, наливаетъ, и молодые подносятъ по чинамъ. Лишь только рюмка снята, подружье принимаетъ поднось; молодые кланяются тому, кто пьетъ, и лежатъ на землѣ до тѣхъ поръ, пока рюмка не будетъ выпита. Такъ потчуютъ всѣхъ гостей. Затѣмъ начинаются пригадки. Многіе, попробовавъ водки, говорятъ : «горько!» Услышавъ это, молодые встаютъ, цѣлуются и опять падаютъ въ ноги, давая знать, что они подсластили, и просятъ выпить; но тотъ, отвѣдавъ немного водки, опять говорить : «шпаруна впала», и т. п. Эта церемонія иногда съ однимъ гостемъ продолжается четверть часа, между-тѣмъ какъ молодые, еще неѣвшіе въ тотъ день ничего, должны потчывать и кланяться всѣмъ своимъ гостямъ.

Отпотчивавъ всѣхъ, дружка съ свашкой берутъ по рюмкѣ водки, выпиваютъ, цѣлуются и благодарятъ компанію. «Багаславите маладыхъ на хватуру свестъ», раздается въ избѣ голосъ дружки.

Молодыхъ ведутъ въ анбаръ, или луньку (такъ называется загородка на току для складки половы), и тутъ только предлагаютъ имъ покушать. Покормя, укладываютъ. Въ

это время гости ужинають, пьютъ безъ пощады, поютъ пѣсни, шумятъ, иногда напиваются до-упада. На другой день поднимають молодыхъ. Это дѣлается такимъ образомъ :

Рано поутру, дружка съ свашкой отправляются къ молодымъ, одѣвають ихъ. Въ это время собираются родственники и поютъ пѣсни.

Приводятъ молодыхъ; и молодая остается здѣсь, а молодой отправляется съ дружкой и подружьемъ звать тестя и тещу. Тесть потчуетъ гостей и снаряжаетъ подводы съ приданымъ; потомъ идутъ, и въ слѣдъ за ними тянется подвода съ сундукомъ—приданымъ. Въ это время поютъ :

Откудова свѣтелъ мѣсяцъ взойдя,
Оттудова мой батюшка прѣйдя,
И съ шубками, съ нарядами
Съ долгими рукавами.

Компанія, когда завидитъ обозъ, тестя и тещу, поетъ :

Пайди-ка, батюшка, не бойся,
Въ червоны чабаты абуйся!
Пайди-ка, матушка, не бойся,
Въ червоны чабаты абуйся!

Попотчивавъ тестя и тещу, вся компанія отправляется въ спальню молодыхъ; берутъ каравай, съ плясками и пѣснями, кладутъ его на голову дружкѣ, несутъ и поютъ :

Дружко каравай крѣя,
Залатой ножикъ моя (моеть),
Серебряну тарелачку.
Табе было не дружковать,
Табе было пановать
У городѣ паномъ!

Дружка разрѣзываетъ каравай на части. Эти частицы кладутся на поднось по одной; подружіе, или дядька, наливаетъ водку, а сваха (теща) кладетъ подарокъ. При этомъ дружка возглашаетъ имя и отчество того, кому принадлежитъ подарокъ; напр., «Сидоръ Пахомычъ! если ты на бесѣдѣ, покажи своё бѣлое лицо, черныя брови; сыръ, каравай принимай, нашихъ маладыхъ надѣлай: не рублимъ, полтинай, залатою гривной. Нашимъ молодымъ много надобно: на мыльца, бялильца, чтобы были румяныя лица.» Тотъ, къ кому относится воззваніе, беретъ рюмку и кусочекъ каравая и пьетъ; при этомъ молодые падаютъ ему въ ноги, а онъ беретъ подарокъ и тутъ же кладетъ отдарокъ, если человѣкъ денежный. Если же кто даритъ овцу и т. п., то объявляетъ объ этомъ громогласно, а подружье громко повторяетъ: «Си

дортъ Пахомычъ овцу; пиши овцу.» Братъ невѣсты или тотъ, кому поручается замѣчать подарки, давно уже стойтъ съ рогачемъ, или кочергой, и при словахъ: «пиши овцу», черкаетъ орудиемъ печку или потолокъ въ избѣ, такъ-что *шпаруны* летятъ внизъ. Общій смѣхъ и крикъ: «шпаруна упала, шпаруна упала». При этомъ молодые встаютъ, цѣлуются и благодарятъ за подарокъ. Тоже или подобное дѣлается и съ прочими подарками, и каждый подарокъ непременно сопровождается возгласомъ дружки: «если ты на бесѣдѣ»... и проч.

Свекру и свекрови молодая (или теща) кладетъ рубахи, прочимъ платки. При этомъ поютъ:

Сказали: наша Марьюшка
Ни ткаха, ни пряха;
Ажна наша Марьюшка
И ткаха и пряха!
Рано вставала,
Товко пряха,
И бѣло бялила,
Весь родъ придарила.

Послѣ подарковъ и обѣда, дружка всю *бесѣду* (компанію) зоветъ къ себѣ. Его дарятъ шараварами, хусткой, платкомъ, деньгами, рублей до 5 асс., и штофомъ водки. Хустка подъ караваемъ и платокъ, которымъ накрытъ былъ каравай, также принадлежатъ ему. Потомъ *бесѣда* идетъ по роднымъ, и это продолжается день, два, смотря по тому, сколько родныхъ. Но *окорокъ* еще цѣлъ; онъ, такъ же, какъ и при печеньи каравая, былъ зрителемъ свадьбы и все-таки уцѣлѣлъ. Какое же назначеніе этого окорока? Прятать концы: когда обойдутъ родственниковъ, тогда всѣ гурьбой идутъ концы прятать къ молодому. Этотъ окорокъ иначе называется *разгонщикомъ*, потому-что *бесѣда*, съѣвъ его и попохмелившись, расходится по домамъ.

БЫТЬ МАЛУРУССКАГО КРЕСТЬЯНИНА

(ПРЕИМУЩЕСТВЕННО ВЪ ПОЛТАВСКОЙ ГУБЕРНІИ).

Въ-слѣдствіе географическаго положенія и климатическихъ условій, югъ и юго-западъ Европейской Россіи рѣзко отличаются отъ остальныхъ частей нашей обширной имперіи. Вся прекрасная полоса, орошаемая Десной, Сеймомъ, Донцомъ, Сулою, Пселомъ, Ворсклою, Бугомъ, Днѣстромъ и Днѣпромъ, со множествомъ небольшихъ рѣчекъ, изобилуетъ превосходными лугами (степями) и превосходнымъ черноземомъ, который сильно облегчаетъ и вознаграждаетъ съ лихвою трудъ земледѣльца. На этомъ плодородномъ пространствѣ, подъ благодатнымъ небомъ, водятся съ успѣхомъ овцы, начиная отъ простой породы до самыхъ дорогихъ, тонкорунныхъ меринсовъ; водятся табуны прекрасныхъ лошадей; размножаются стада рогатаго скота, составляющаго первое условіе довольства края, и произрастаютъ всевозможные сорта хлѣбовъ, почти всегда приносящихъ обильную жатву. Кромѣ хлѣбовъ жители сѣютъ также масляничныя растенія: коноплю, ленъ, подсолвечники и т. п., а мало-мальски зажиточные хозяева засѣваютъ поля арбузами, дынями, тыквами, огурцами и кукурузой (пшійка). Во многихъ мѣстахъ съ успѣхомъ разводится табакъ, не только мѣстный, именуемый *махоркой* (аммерсфордскій), но и турецкій и американскій. Послѣдніе сорта

скоро однакожь перерождаются и теряють свои хорошія качества.

Малороссія безлѣсна сравнительно ; но берега почти всѣхъ рѣкъ покрыты лѣсами , и есть лѣсистыя мѣстности , значительныя относительно . Зато растительность необыкновенно богата , и подлѣ открытымъ небомъ произрастають яблоки , рѣдкіе сорта грушъ , сливъ , вишни , абрикосы , грецкіе орѣхи , черешни , и во многихъ мѣстахъ по Днѣстру , Бугу и Днѣпру дозрѣваетъ виноградъ , хотя качества весьма посредственнаго и не въ большомъ количествѣ . Съ нѣкоторыхъ поръ туковыя деревья (*шовковыця*) , доставлявшія прежде два раза въ лѣто плоды для лакомства , начинаютъ принимать на себя роль болѣе значительную , при показавшемся стремленіи къ шелководству не только у просвѣщенныхъ помѣщиковъ , но и у простолюдиновъ .

Небольшіе размѣры статьи не позволяютъ подробно исчислить всѣ удобства страны , представляемыя почвою ; но нельзя не упомянуть объ одномъ весьма важномъ мѣстномъ произведеніи : это — выдѣлка селитры , преимущественно по контракту для пороховыхъ заводовъ и въ небольшомъ количествѣ для частнаго потребленія . Въ Черниговской губерніи есть фарфоровая глина , произведенія изъ которой можно видѣть и здѣсь въ Петербургѣ (въ Пассажѣ) ; а Кіевская Межигорская фаянсовая фабрика извѣстна болѣе или менѣе каждому . Не такъ давно , Кіевской губерніи , Радомысльскаго уѣзда въ имѣніи помѣщика В. И. Сивицкаго открыты огромнѣйшія копи превосходнаго лабрадора , которымъ подобныхъ по величинѣ до сихъ поръ не встрѣчается на всемъ земномъ шарѣ . Въ рѣкахъ водится рыба , начиная отъ осетра и стерляди до самой мелкой плотички ; въ лѣсахъ — разные звѣри : и медвѣди , и дикіе кабаны , и дикія козы , и волки , и лисицы , и зайцы . Дичи изобиліе , а флора необыкновенно роскошно убираетъ душистыми коврами разнообразныхъ цвѣтовъ луга , поля и рощи .

Изъ этого краткаго , слегка набросаннаго очерка уже видно , сколько естественныхъ богатствъ разсыпано въ Южномъ краѣ , какой тамъ благодатный климатъ и какими удобствами должна изобиловать жизнь человѣка на этой мѣстности .

Какъ южная природа отличается отъ сѣверной, такъ и племя малорусское отличается отъ великорусскаго: типомъ, языкомъ, характеромъ, одеждою, нравами и обычаями. Малороссъ имѣетъ болѣе или менѣе азіатекій обликъ, темные волосы, загорѣлую кожу, и онъ худощавъ по преимуществу. Языкъ его тотъ же славянскій, но отлившійся въ особую форму, въ-слѣдствіе климатическихъ и нѣкоторыхъ другихъ условіи, и удержавшій многія древнія рѣченія.

Характеръ Малоросса добрый, спокойный, слегка насмѣшливый и не скоро забывающій оскорбленіе. Лѣнь проглядываетъ во всѣхъ его дѣйствіяхъ и движеніяхъ, но не та, которую придаютъ ему досужіе наблюдатели нравовъ народныхъ, изучающіе край изъ почтового экипажа, не та, о которой такъ краснорѣчиво пописываютъ нѣкоторые беллетристы, а лѣнь — достояніе южнаго климата. Лѣнь эта вытекаетъ собственно изъ всѣхъ его работъ и занятій. Вспомните, что Малороссъ обрабатываетъ свои поля, перевозитъ тяжести, отправляетъ ремесло извозчика все на волахъ, походка которыхъ тяжела и необыкновенно медленна, вспомните, что онъ работаетъ подъ ужаснымъ зноемъ почти съ апрѣля до половины сентября, и лѣнь эта, подвергающая его насмѣшкамъ и порицаніямъ, приметъ въ глазахъ вашихъ не столь ужасающія формы и не столь громадныя размѣры. Лѣнь эта вошла въ пословицу, подъ именемъ малорусской, и тѣ, которые любятъ *dolce far niente* итальянскаго тунеядца, тѣ ставятъ климатическое условіе въ укоръ доброму и трудолюбивому Малороссу. Не спору, что, можетъ-быть, классъ болѣе образованный въ Малороссіи и подверженъ пресловутой лѣни; но зачѣмъ же, не зная дѣла, порицать добраго простолудина? Когда, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, назначенъ былъ малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ князь Куракинъ, вельможа, снискавшій въ краю всеобщую любовь и уваженіе, онъ сначала тоже, по обычаю всѣхъ, нападалъ на малорусскую лѣнь, о которой слыхалъ столько остроумныхъ и неостроумныхъ анекдотовъ. Однажды завелъ онъ объ этомъ рѣчь съ однимъ изъ просвѣщенныхъ предводителей дворянства и совѣтовался, какъ-бы искоренить это зло. Предводитель спросилъ, гдѣ же князь видѣлъ слѣдствіе этой лѣни, случалось ли ему замѣтить по всему краю хоть одну полоску

необработанной земли? Вельможа задумался и убѣдился, что порокъ этотъ должно-быть не такъ значителенъ, какъ говорятъ о немъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, почва въ Малороссіи необыкновенно плодородна, изрѣдка развѣ кое-гдѣ требующая удобренія, климатъ благодатный; слѣдовательно, земледѣльцу не предстоитъ тѣхъ трудовъ, какіе несетъ его сѣверный собратъ на своей трудной и не всегда благодарной почвѣ. А когда приходитъ время косыбы, жатвы, уборки хлѣба съ полей, то не мѣшало бы вопіющимъ противъ лѣни проѣхать хоть по большимъ дорогамъ Малороссіи. Эти наблюдатели увидѣли бы дѣятельность и движеніе не только днемъ, но цѣлую ночь, въ-продолженіе которой возы, накладенные снопами, медленно двигаются по всѣмъ направленіямъ, — медленно, потому-что, какъ замѣчено выше, волъ идетъ своимъ медленнымъ, однообразнымъ шагомъ. Если же, разметавшись на этомъ возу, крѣпко спать Малороссъ, увѣренный, что волю довезутъ его къ порогу хаты, то начавшему работать съ разсвѣтомъ можно и уснуть во время пути.

Представляя все это на судъ просвѣщеннаго читателя, и я съ своей стороны скажу, что хотя лѣнь эта и не такъ ужасна, какъ о ней отзываются, однако при нѣкоторыхъ улучшеніяхъ она дѣйствительно могла бы быть меньше. Дастъ Богъ, современемъ, при развитіи грамотности, чему сильно споспѣшествуютъ Министерство Государственныхъ Имуществъ и многіе разумные помѣщики, народъ займется съ успѣхомъ какими-нибудь новыми работами, промыслами или ремеслами, которые избавятъ его отъ излишняго свободнаго времени. Что же касается до земледѣлія, то его можно и должно улучшить, потому-что Малороссъ пашетъ едва не дупотопнымъ плугомъ, иногда четырьмя парами быковъ. Впрочемъ, образчики плуговъ временъ Ноя случалось мнѣ видѣть въ глубинѣ Грузіи, гдѣ запрягаютъ по двѣнадцати паръ, включая въ это число пары четыре буйволовъ. Между-прочимъ надо сказать и то, что на югѣ попадается грунтъ земли необыкновенно твердый, въ-особенности на лугахъ, которыхъ иначе и нельзя вспахать, какъ плугомъ, который бралъ бы очень глубоко. Улучшеніе земледѣлія сэкономитъ крестьянину время на другую какую-нибудь работу, потому-что хлѣба и безъ того родится столько, что его дѣвать некуда. Изобиліе

при недостаткѣ хорошихъ путей сообщенія поддерживаетъ почти постоянно самыя низкія цѣны, не смотря на большое количество вывокурень, потребляющихъ рѣжь большими массами; а голода опасаться не возможно, съ тѣхъ поръ, какъ Министерство Государственныхъ Имуществъ учредило общественную замяшку, а Министерство Внутреннихъ Дѣлъ строго наблюдаетъ о наполненіи общественныхъ магазиновъ.

Исключительная черта малорусскаго характера — юморъ проявляющійся иногда и въ грубыхъ формахъ, но постоянно преобладающій во всѣхъ рѣчахъ Малоросса. Малороссъ не только подшучиваетъ надъ другими, но и надъ самимъ собою, не смотря иногда на чрезвычайно грустное свое положеніе. Притомъ же, доведя языкъ свой до необыкновенной степени лаконизма, онъ иногда шутитъ необыкновенно остроумно.

Бытъ малорусскаго крестьянина совершенно патриархальный, исключая одно обстоятельство, оставшееся, какъ наслѣдіе древнихъ Славянъ, у Великорусса и утратившееся въ Малороссіи. Я говорю объ исключеніи изъ народнаго быта обычая править родоначальнику всею семьею. Здѣсь очевидно вліяніе безпрестанныхъ войнъ края, въ—продолженіе которыхъ семейства раздѣлялись и дробились при частыхъ переселеніяхъ. Впрочемъ встрѣчаются семейства, гдѣ всѣ члены живутъ вмѣстѣ подъ начальствомъ дѣда и работаютъ сообща, хотя подобныя примѣры очень рѣдки и совершенно не въ нравахъ народа.

Крестьяне малорусскіе живутъ въ мѣстечкахъ, селеніяхъ, деревняхъ и хуторахъ. Послѣдніе разбросаны въ степныхъ мѣстахъ, и количество избъ, ихъ составляющихъ, отъ одной доходитъ до двадцати и болѣе. Старинныя селенія и деревни лежатъ обыкновенно по берегамъ рѣкъ, окруженныя небольшими лѣсами и возвышенностями, расходящимися въ разныхъ направленіяхъ и служащими продолженіемъ нагорныхъ береговъ. Селенія эти обыкновенно раскинуты на живописныхъ мѣстностяхъ, окруженыя радомъ крылатыхъ мельницъ, которыя преимущественно строятся на горахъ, для того, чтобы вѣтеръ могъ свободно ворчать ихъ крылья. Избы (хаты) Малороссовъ разбросаны въ безпорядкѣ, рѣдко образуя улицы, но по болѣе части окружая обширныя выговы, на которыхъ пасутся домашнія птицы и молодые домашнія

животныя. Во многихъ мѣстахъ выгоны эти называются *солонцами*, потому-что состоятъ изъ глинистой солончатой почвы. Вообще всѣ эти долины, идущія между горами, поросшія лѣсомъ и занятыя подъ селенія и деревни, безъ-сомнѣнія, въ до-историческія времена служили ложемъ рѣкъ, занимавшихъ иногда все это пространство. Доказательствомъ подобнаго предположенія служатъ, во-первыхъ, близость воды отъ уровня земли, во-вторыхъ, остатки болотъ, въ которыхъ окаменѣлости рѣчныхъ раковинъ попадаютъ въ горахъ, очевидно служившихъ берегами.

Видъ малоросскаго селенія чрезвычайно пріятенъ для взора: чистыя, выѣланные хаты почти всегда окружены садами, и легкій плетень и сквозныя сколоченныя изъ жердей ворота даютъ возможность видѣть всю дѣятельность и движеніе сельскихъ жителей. У оконъ, въ-особенности, если въ семействѣ есть дѣвушка, красуются простые цвѣты: гвоздики, барвеннокъ, дзиндзиверъ, красоля, королевъ цвѣтъ, зоря, штокъ-роза и роза обыкновенная (троянда). Огородъ украшенъ высокими подсолнечниками и разноцвѣтнымъ макомъ; тамъ-и-сямъ цвѣтутъ пышными бѣлыми букетами кусты бузины, калины, и возлѣ нѣкихъ хатъ растутъ душистые кусты сирени (бузокъ).

Дворъ Малоросса не имѣетъ однообразной, постоянной архитектуры; устроивается онъ безъ задуманнаго плана: то бываетъ окруженъ хозяйственными постройками, то постройки эти вытянуты въ одну линію съ хатой, то разбросаны между группами деревьевъ, которыя вообще въ большомъ почетѣ у Малоросса. Никогда, имѣя даже необходимость построить какой-нибудь сарай на извѣстномъ мѣстѣ, на которомъ растеть дерево, Малороссъ не срубить дерева, но, жертвуя наружнымъ видомъ сарая, окружить постройкою старинный дубъ или берестъ и пропустить дерево сквозь крышу. Хозяйственныя постройки состоятъ изъ *комѳри* (кладовой), *возивни* (сарая для телегъ), *кошари* (сарая для овецъ), *загодна* (открытаго сарая для скота и лошадей), разнообразныхъ *хлѣвовъ* (для свиней, домашнихъ птицъ), *сажѣ* (особаго помѣщенія для откармливанія свиней), и нѣсколькихъ *ровѣтокъ* (навѣсовъ), а иногда и продолговатыхъ хлѣвовъ. У зажиточныхъ хозяевъ бываетъ и крытос гумно, съ высокой кони-

ческой крышей, которое называется *клуя*. Обыкновенно хлѣбъ ставится на *току* и молотится подѣ открытымъ небомъ. Площадка, предназначенная для этого, утрамбовывается особаго рода орудіемъ, называемымъ *тѣлокъ*, и дѣлается чрезвычайно тверда. Вотъ и все незатѣйливое устройство. Если хозяинъ ремесленникъ, то онъ ставитъ, гдѣ ему удобнѣе, особую повѣтку для своего спеціальнаго занятія.

Жилище Малоросса, его хата, отличается, если не всегда снаружи, то всегда внутри, необыкновенною чистотою. И снаружи у бѣльшей части крестьянъ избы чисто выбѣлены и даже у оконъ раскрашены разноцвѣтною глиною; но внутри постоянно соблюдается самая строгая чистота, какая только возможна при большомъ семействѣ, и не смотря на то, что зимою въ избѣ помѣщаются многія изъ домашнихъ животныхъ: молодые телята, ягнята и насѣдки. Архитектура хатъ очень проста; хаты раздѣляются на два рода: на *рубленныя* (срубленныя изъ дерева) и на *мазанки*. Первые строятся въ мѣстахъ лѣсистыхъ, при безлѣсѣ же только людьми жилищными, а послѣднія тамъ, гдѣ лѣсъ рѣдокъ и вообще на степныхъ пространствахъ. Мы возьмемъ для примѣра мазанку хозяина средняго состоянія. Надо замѣтить, что всѣ вообще постройки Малоросса дѣлаются сосѣдами и знакомыми, безъ всякаго предварительнаго условія, даромъ, по-сосѣдски. Каждый женатый человекъ обязанъ умѣть плотничать и не смѣетъ отказаться, если сосѣдъ приглашаетъ его на работу. Хозяинъ обязанъ только хорошо кормить *маистра* (плотника) и въ извѣстное время угощать виномъ. Избравъ мѣсто для новой хаты и сдѣлавъ *закладины*, т.-е. освятивъ мѣсто, врываютъ по угламъ высокіе столбы (*сохи*). Послѣ этого плотники начинаютъ строить крышу, предварительно на землѣ, гдѣ-нибудь по-близости. Размѣривъ, какъ слѣдуетъ, кладутъ они нѣсколько вѣнцовъ дерева, связываютъ ихъ балками (*свалокъ*), утверждаютъ стропилы (*крокъ*), которыя обшиваютъ тоненькими жердями (*латы*) въ видѣ сѣти. Въ это время плотники, менѣе искусные, вбиваютъ между поставленныхъ столбовъ дубовыя колья, оставляя мѣсто для дверей и оконъ, и оплетаютъ ихъ хворостомъ. Женщины кладутъ на плетень толстые слои глины, и стѣны готовы. Въ иныхъ мѣстахъ плетень дѣлаютъ въ два ряда и узкое пространство на-

бываютъ глиной, смѣшанной съ соломой. Тогда плотники разбираютъ срубъ и крышу и утверждаютъ уже все это на столбахъ накрѣпко. Двери дѣлаются тѣми же мастерами; но окна покупаются на армаркахъ готовыми. Крыша бываетъ соломенная или, въ-особенности по-близости большихъ рѣкъ, тростниковая.

Подобное жилище состоятъ обыкновенно изъ избы (*хаты*), сѣней и *хижи* (кладовой). Въ сѣняхъ ставится плетеная дымовая труба, которая называется *дымарь*, до верху крыши; а оконечность ея на кровлѣ называется *верхъ* (собственно труба) и бываетъ покрыта иногда деревянной кровелькой, или и просто остаѣтся непокрытою. Въ стѣнныхъ совершенно ровныхъ мѣстахъ, во время сильныхъ мителей, трубы эти служатъ единственнымъ отверстіемъ для выхода, потому-что снѣгъ заваливаетъ избы въ уровень съ крышами. Изъ сѣней бываетъ одинъ или два выхода. Иногда одна дверь открывается прямо въ *загороду* (открытый сарай для скота), а иногда на гумно, смотря по обстоятельствамъ, потому-что, какъ сказано выше, у Малоросса нѣтъ системы въ расположеніи хозяйственныхъ построекъ.

Внутренность хаты обставлена тоже довольно оригинально. При входѣ, одинъ уголъ занятъ печью, сколоченною изъ глины иногда весьма искусно и красиво. Израсцовая печь уже роскошь и встрѣчается у зажиточнаго хозяина, у котораго есть свѣтлица: такая печь называется *груба*, и въ ней уже не готовится пища. По другую сторону двери прибиты полки (*полѣци*) для разныхъ домашнихъ сосудовъ, а иногда стоитъ *судникъ* — родъ шкафа безъ дверецъ, но съ полками, для того же самаго употребленія. Вдоль стѣны, противоположной печкѣ, вверху тянется еще одна большая полка, на которой поставлены и положены разные хозяйственныя принадлежности. Въ переднемъ углу (*покуть*) стоитъ божница (кіотъ) съ иконами, украшенная цвѣтами, преимущественно васильками и гвоздикой. Иногда уголъ этотъ обить кускомъ обоевъ. Передъ иконами, на шнурочкахъ, повѣшены различныя писанки и голуби, сдѣланные изъ разноцвѣтной бумаги — произведеніе дѣвушекъ. Въ переднемъ же углу подъ образами стоитъ столъ по бѣльшей части сундукъ (*скриня*) на подмосткахъ, покрытый чистою скатертью, на которой

лежить хлѣбъ и соль — признакъ гостепріимства. Вдоль стѣнъ тянутся скамьи (*лавы*), а на пространствахъ между печкой и стѣною устроены нары (*пиль*), на которыхъ спятъ обыкновенно хозяинъ съ хозяйкой. Прочіе члены семейства размѣщаются гдѣ кому удобнѣе: кто на лавкахъ, кто на печкѣ; а въ лѣтнее время, по обычаю, все народонаселеніе, за исключеніемъ стариковъ, спитъ на открытомъ воздухѣ. Возлѣ наръ виситъ обыкновенно колыбель, на такомъ разстояніи, чтобы мать ночью могла качать ея ногою, если ребенокъ заплачетъ съ просонья. Подъ нарами, а иногда подъ скамьями и даже подъ печью, заплетается помѣщеніе (*куча*) для домашнихъ птицъ, необходимое въ-особенности весною, когда насѣдокъ сажаютъ на яицы. На стѣнѣ на колышкахъ висятъ: шапки, длинные кнуты (*батога*), которыми погоняютъ воловъ, и если есть взрослая дочери, то гдѣ-нибудь въ стѣнѣ вмазанъ кусочекъ разбитаго зеркала. Это хата обыкновеннаго земледѣльца, простаго *хлѣбороба*; но если кто изъ семьи занимается какимъ-нибудь ремесломъ, то въ хатѣ стоятъ и необходимыя для этого принадлежности: орудія бочара, верстакъ ткача или ткачихи, *дзигликъ* (треногій стулъ) саножника и т. п. Въ сѣняхъ тоже не пусто: здѣсь непремѣнно стоятъ ступа, въ которой толкутъ пшено, *тѣрница*, на которой готовятъ ленъ и пеньку въ дурную погоду, бочки, боченки; а вверху на поперечной балкѣ стропилъ виситъ сало, безъ котораго трудно обойтись Малороссу. На чердакѣ (*горыще*) сложены тоже разныя домашнія принадлежности. Въ *хмизѣ* хранится мука, крупа, соль, иногда зерновой хлѣбъ и разная домашняя рухлядь. У иныхъ въ сѣняхъ или *хмизѣ* устроивается небольшой погребъ, но чаще вырываютъ его вблизи избы. Въ мѣстахъ гористыхъ роютъ погреба въ горѣ; и такой погребъ уже называется *лѣтъ*, который имѣетъ иногда очень длинныя рукава.

Хорошая хозяйка и изъ сѣней устроитъ весьма приличное помѣщеніе лѣтомъ для обѣда, потому-что въ хатѣ обыкновенно душно. Нижняя часть трубы у нея обложена глиной и смазана чисто; по угламъ сдѣланы тоже глиняные столбики, на которыхъ стоитъ ведро съ свѣжею волою или посуда; полъ болѣе или менѣе чистый и превосходно смазанный.

Зажиточный Малороссъ имѣетъ вѣтряную мельницу, до-

ставляющую ему порядочный доход, а именно десятую часть зерна, называемую *размиръ*. Иные же, кто не въ-состояніи имѣть мельницы, а не хочет отдавать за помолъ десятой части, устраиваютъ у себя въ сѣняхъ *жорна*, т.-е. ручную мельницу, въ которой мелютъ уже руками. За право смолотъ хлѣбъ въ чужихъ *жорнахъ* тоже платится *десятина*. У очень богатыхъ крестьянъ, въ-особенности живущихъ хуторами, бываютъ и водяныя мельницы. Жители деревень, расположенныхъ по берегамъ значительныхъ рѣчекъ, преимущественно занимаются рыбною ловлей, воздѣлывая поля собственно для своего обихода; каждый предпочитаетъ разѣзжать въ челнокѣ и ловить рыбу и раковъ, сбывая уловъ въ близлежащихъ городахъ или мѣстечкахъ. Есть села, славящіяся своими рыбаками, и туда изъ далекихъ мѣстъ съѣзжаются покупатели.

Между Малороссами есть и пчеловоды, и въ иной *паськѣ* (пчельникѣ) можно насчитать по нѣскольку сотъ ульевъ. *Пасьчниками* обыкновенно бываютъ старики, которые, близко ознакомившись съ природой, обладаютъ иногда нѣкоторыми тайнами, до сихъ поръ неразгаданными наукой; такъ, иные знаютъ цѣлебную силу растений, съзываютъ имъ однимъ извѣстнымъ способомъ змѣй, заговариваютъ зубную боль и т. п. Народъ всегда почти приписываетъ старикамъ-пасьчникамъ знакомство съ сверхъестественными силами. Въ лѣтнее время, когда цвѣтетъ гречиха, пчельники перевозятся въ поле, что называется *вывозить паську въ гречки*. Медъ и воскъ покупаютъ обыкновенно пріѣзжіе торговцы (преимущественно рыльскіе).

У Малоросса все свое, непокупное, исключая соли и косъ (*). Разумѣется, я говорю о предметахъ первой потребности; но предметы роскоши, конечно условной, приобретаются на ярмонкахъ, которыхъ въ краѣ изобиліе.

Теперь, когда мы нѣкоторымъ-образомъ, хоть поверхностно, ознакомились съ принадлежностями быта малорусскаго крестьянина, прослѣдимъ вкратцѣ жизнь Малоросса отъ колыбели до могилы, взглянемъ на этого крестьянина во

(*) Косы тоже развозятся по Малороссіи рыльскими купцами, которые получаютъ ихъ изъ Австріи.

всѣхъ возрастахъ, при всѣхъ условіяхъ его праздничной и будничной жизни, при всѣхъ обстоятельствахъ, вытекающихъ изъ его скромнаго патріархальнаго быта.

Рожденіе младенца не всегда происходитъ въ хатѣ: нерѣдко ребенокъ впервые увидитъ свѣтъ Божій въ чистомъ полѣ, на нивѣ колосистой пшеницы, гдѣ-нибудь подъ копнами, и, спеленанный наскоро, укладывается подъ импровизированнымъ навѣсомъ. Мать его, крѣпкая, неисторченная натура, иногда часа черезъ три снова принимается за работу. Родильницы (*породіля*) производятъ на свѣтъ дѣтей безъ особыхъ мученій, и слабость ихъ много если продолжается дня два, три. Обыкновенно акушерками служатъ старухи, не имѣющія никакихъ спеціальныхъ познаній, а дѣйствующія по преданіямъ и по навыку.

Съ первыхъ же дней жизни ребенокъ поступаетъ или къ какой-нибудь родственницѣ-старухѣ, или чаще къ маленькимъ дѣвочкамъ въ семействѣ, и по цѣлымъ днямъ виситъ въ своей колыбели, качаемый подъ припѣвъ безчисленнаго множества пѣсенокъ, которыя тутъ же импровизируются маленькими няньками, какъ справедливо замѣчаетъ М. Максимовичъ (Украинскія Народныя Пѣсни). Ничего не можетъ быть проще этого напѣва; но пѣсенки иногда бываютъ необыкновенно интересны. По бѣльшей части въ нихъ главную роль играетъ котъ, какъ первая и часто единственная игрушка ребенка. Едва только дитя начинаетъ сидѣть, оно переходитъ изъ колыбели на цѣлый день въ старое лукошко, въ которомъ и сидитъ, часто забытое совершенно, предоставленное самому себѣ, играя съ котенкомъ или какимъ-нибудь лоскуткомъ. Во время полевыхъ работъ, матери однако же носятъ дѣтей съ собою, какъ-бы ни было поле далеко. Выучась ползать, ребенку предстоитъ уже болѣе разнообразія; но едва начинаетъ онъ ходить, какъ дѣлается полнымъ властелиномъ своего времени и цѣлые дни, не смотря на пору года и погоду, проводить на дворѣ, играя съ сосѣдними ребятишками. Тутъ уже онъ волею бродитъ, поднявъ рубашенку, по лужамъ, пересыпаться пескомъ, рыть ямки, строить домики, гоняться за домашними птицами, а зимою скользить по льду, спускаться въ саночкахъ и играть въ снѣжки.

Счастливыиъ возрастъ младенчества проходитъ однакожь

очень скоро, а отрочеству предстоятъ уже свои занятія. Достигнувъ семи лѣтъ, мальчикъ надѣваетъ штаны и называется *погоньчъ*, т.-е. погонщикъ воловъ во время паханья, но кромѣ этого онъ пасеть телятъ, овецъ, свиней и исправляетъ нѣкоторыя самыя легкія обязанности по хозяйству. Дѣвочка повязываетъ *запѣски* (см. ниже) и называется *пража*, потому что съ этихъ поръ начинаетъ знакомиться съ мочкой и веретеномъ. Съ семи лѣтъ дѣвочка начинаетъ нянчить дѣтей; пасеть тоже телятъ, овецъ, гусей и помогаетъ матери въ домашнемъ хозяйствѣ. Но вообще до 12 лѣтъ дѣти пользуются еще бѣльшей или мѣньшей свободой. Послѣ мальчики несутъ работы наравнѣ съ взрослыми, разумѣется, работы легкія; дѣвочки придутъ, шьютъ, стираютъ, бѣлятъ полотно и во время полевыхъ работъ сгребаютъ сѣно и жнутъ.

Дождавшись 18 лѣтъ, парубокъ (парень) подумываетъ уже о женить бѣ. Онъ выбираетъ себѣ подругу жизни часто еще съ отроческаго возраста, когда ребятишки пасутъ вмѣстѣ скотъ съ дѣвочками или играютъ въ свои незатѣйливыя игры. Привязанность эта увеличивается съ лѣтами на *улицѣ*, на *вечерницахъ*, *досѣткахъ* и *грищѣ*. *Улица* значитъ собраніе молодыхъ людей вечеромъ гдѣ-нибудь на площади, весной, лѣтомъ и въ началѣ осени. На улицѣ поютъ пѣсни, балагурятъ, а иногда и танцуютъ до полуночи. Какъ только опустился вечеръ и добрые люди поушивали, старики, дѣти и женатые люди ложатся спать, а юность спѣшитъ на улицу. Лѣтнею ночью пѣсни не умолкаютъ по селенію и звонко переливаются въ разныхъ мѣстахъ подъ навѣсомъ свѣтлаго украинскаго неба. Каждый парень открыто ухаживаетъ за предметомъ своей вѣжности, и, нагулявшись досыта, спѣвъ множество пѣсенъ, потанцовавъ, пары нечувствительно расходятся, окутанныя таинственнымъ покрываломъ ночи, и почти всегда остаются вмѣстѣ до утра. Но да не подумаютъ читатели, что молодость въ это время предается разврату. Я нарочно упомянулъ объ этомъ обстоятельствѣ, потому-что мнѣ хочется показать въ настоящемъ свѣтѣ чистыя патриархальныя нравы малорусскаго народа. Свидѣтельство объ этомъ можно найти еще у Боплана, который хотя и служилъ польскому королю, слѣдовательно смотритъ на Украинцевъ глазами Поляковъ, однако же отдастъ полную справедливость поведенію Мало-

россіянокъ. Но кто жилъ долго въ краю и знаетъ основательно бытъ народный; тотъ можетъ сказать, что, хотя грустные примѣры разврата и встрѣчаются иногда въ Малороссіи, однако это чрезвычайно рѣдко и почти всегда бываетъ слѣдствіемъ другихъ условій, но не свободнаго обращенія молодежи. Парень, избравшій дѣвушку, смотритъ на нее какъ на будущую супругу и уважаетъ честь ее до-того, что не осмѣливается даже обнаружить передъ подругой увлеченія пылкаго возраста. Нерѣдко бывали примѣры, что дѣвушка отказывалась гулять виѣстѣ съ любимымъ парнемъ, позволявшимъ себѣ требовать болѣе того, что допускаетъ народная благопристойность. Наконецъ эта свобода съ дѣтства, патриархальная простота, отсутствіе пороковъ вообще умѣряютъ какъ-то требованія пола, и молодежь довольствуется невинными ласками (жениханьемъ). Одно уже это названіе ясно опредѣляетъ характеръ ласки. Разумѣется, любящіеся по большей части женятся; но бываютъ случаи, что родители противятся браку и принуждаютъ сына жениться на избранной нимъ, дочь выдаютъ за того, кто имъ кажется приличной для нея партіей. И въ самомъ простомъ быту, въ глуши какаго-нибудь хутора, есть свои условія, приличія, свои глубокія драмы, однимъ словомъ, все, что встрѣчается и въ мирѣ образованномъ, только послѣ другими формами. И здѣсь въ супружествѣ играетъ важную (но не главную) роль богатство, хотя зачастую случается, что бѣднякъ, простой *найметъ*, служившій у хозяина, женится на его единственной дочери и получаетъ все ея состояніе, и, наоборотъ, самая бѣднѣйшая дѣвушка, трудолюбивая или скромная красавица, выходитъ за перваго богача въ деревнѣ.

Осеннія и зимнія встрѣчи у молодежи происходятъ на *вечерницахъ*, *досельткахъ* и *грицѣ*. Опредѣливъ для своего малорусскаго словаря значеніе этихъ словъ, я полагаю приличнымъ сдѣлать здѣсь выписки.

Досельтки — это посидѣлки, собраніе молодыхъ дѣвушекъ, сходящихся въ какую-нибудь избу для работы. *Досельтки* можно раздѣлить на двѣ части: на *вечерницы* и собственно *досельтки*. Дѣвушки стовариваются, избираютъ какую-нибудь женщину и поручаютъ ей устроить свои собранія, принося кто что можетъ изъ провизіи, разумѣется, припасаетъ

мой дома секретно. Надобно замѣтить, что матери и отцы возстають (наружно) противъ этихъ собраній, и если бы родители увидѣли дочь свою, отправляющуюся на *досвѣтки*, они бы пожалуй и погоняли ее для примѣра; но родители стараются смотрѣть на это сквозь пальцы, потому-что сами провели лучшіе свои годы на этихъ сходкахъ юности. Забравъ всѣ принадлежности работы и не забывая провизіи, дѣвушки отправляются съ вечера въ избранную избу и занимаются работою (это *вечерницы*), тамъ ночуютъ, встають чрезвычайно рано и снова работаютъ, распѣвая пѣсни (это *досвѣтки*). На вечерницы всегда, а на досвѣтки довольно рѣдко являются парни. У каждаго изъ нихъ есть своя зазноба; у кого же нѣтъ, тѣ идутъ съ товарищами провести время. Не только не лишнимъ, но необходимымъ будетъ замѣтить здѣсь, что вечернія и ночныя эти собранія основацы на самой чистой, строгой нравственности. Ни одинъ парень, ни одна дѣвушка не позволяютъ себѣ ни малѣйшей нескромности, оскорбляющей добрые нравы. Сначала работа идетъ чинно, потомъ начинаются шутки; парни стараются мѣшать работать дѣвушкамъ, эти бьютъ ихъ по рукамъ веретенами, *гребнями* и чѣмъ придется. Наконецъ восстанавливается порядокъ: кто-нибудь рассказываетъ сказки, поютъ пѣсни; а если случится, что лихачъ какой принесетъ балалайку или скрипку и хватитъ *горлицу, метѣлицу*, конечно работа иной разъ летитъ на лавку, а рѣзвыя пары и попляшутъ немного. До сихъ поръ, смѣло можно сказать, въ Малороссіи была примѣрная чистота нравовъ. Вкусный завтракъ подкрѣпляетъ силы, работа идетъ своимъ порядкомъ, и не умолкаютъ пѣсни беззаботной молодежи.

Какъ вечерницы и досвѣтки учрежденія постоянныя, въ родѣ нашихъ собраній, такъ грище собраніе импровизированное, очень похожес на пикникъ. Точно также избирается домъ, нанимается музыка и припасается угощеніе. На грище идутъ уже собственно веселиться, потому-что дѣлается это во время праздниковъ.

Осенью, тотчасъ же послѣ уборки хлѣба, начинаются сватовства. Парень, задумавшій жениться, спрашиваетъ у родителей благословенія и избираетъ двухъ *старостъ*, обыкновенно почетнѣйшихъ крестьянъ, обладающихъ также даромъ слова и знакомыхъ съ своей трудной обязанностью. По-

молясь Богу, старосты, въ сопровожденіи жениха, отправляются къ назначенному дому важной, мѣрной походкой, опираясь на *ципки* (палки) и не позабывъ взять съ собою хлѣба и соли.

Въ семействахъ, гдѣ есть невѣсты, все давно уже готово, и дѣвушка почти всегда знаетъ, въ какой день придуть ее сватать. При словахъ: «старосты идутъ», въ хатѣ подымается суматоха: невѣста спѣшитъ поправить что-нибудь въ своемъ нарядѣ, а родители садятся подъ образами. Старосты должны постучаться въ дверь; ихъ спрашиваютъ: что за люди и зачѣмъ пришли? тѣ отвѣчаютъ заученными извѣстными фразами и наконецъ входятъ въ избу. Официальные переговоры продолжаются довольно долго, въ—продолженіе которыхъ женихъ стоитъ, потупя глаза, а невѣста, отворотясь лицомъ къ печкѣ, должна, по обычаю, отламывать кусочки глины (*ничь колупать*), какъ-бы выражая тѣмъ свое крайнее замѣшательство. Если родители согласны, то принимаютъ отъ старосты хлѣбъ и соль; если же не согласны, то благодарятъ за честь и отказываютъ. Обыкновенно въ случаѣ согласія спрашиваютъ желаніе дочери и, получивъ удовлетворительный отвѣтъ, приказываютъ перевязать дорогихъ гостей. Невѣста спѣшитъ вынуть приготовленные заранѣе полотенцы (*рушники*) и перевязываетъ ими старость черезъ плечо, а жениху повязываетъ на правой рукѣ платокъ выше локтя. Обрядъ этотъ называется *давать рушники, или знаки*, и отказаться послѣ этого считается уже поступкомъ безчестнымъ. Въ случаѣ отказа, еще водятся въ иныхъ мѣстахъ подносить жениху *гарбузъ* (тыкву).

Испекши довольно *шишекъ* (*), съ извѣстными обрядами, за нѣсколько дней до свадьбы, невѣста (*молода, заручена*), одѣвшись въ лучшее платье, убравъ голову цвѣтами и подпоясавшись вышитымъ полотенцемъ, идетъ приглашать знакомыхъ на свадьбу, а дѣвушекъ *кликать у дружки*. Войдя въ хату, она должна три раза поклониться, проговорить фразу: «*Просыли батько й маты и я прошу на хлѣбъ на силу и на весилля*» и положить на столъ шишку. Начинаетъ она съ ближайшихъ сосѣдокъ, и такимъ-образомъ скоро составляется цѣлая

(*) Пшеничный плоскій небольшой хлѣбъ, съ разными украшеніями.

вереница молодыхъ дѣвушекъ, которыя идутъ съ пѣснями отъ хаты до хаты, и число ихъ возрастаетъ безпрестанно. Молодая выбираетъ изъ среды дѣвушекъ *старшу дружку*, т.-е. ту, которая должна держать вѣнецъ надъ нею.

Женихъ съ своей стороны собираетъ бояръ — молодыхъ парней, избравъ изъ нихъ *старшаго боярина* (шафера).

Незадолго до свадьбы (*весилли*), въ домѣ невѣсты собираются женщины мѣсить *коравай* (особеннаго рода хлѣбъ) и мѣсить его съ извѣстными пѣснями. Въ это же время идутъ разныя приготовленія къ приему гостей. Въ субботу собирается *дѣвичь-вѣчирь* (дѣвичникъ), а въ воскресенье обыкновенно чета вѣнчается послѣ обѣдни. Возвратясь изъ церкви, новобрачные (*князь и княгиня*) входятъ въ домъ съ церемоніей и съ музыкой; потомъ начинается обѣдъ, за которымъ новобрачные сидятъ на почетномъ мѣстѣ, а передъ ними въ кувшинѣ, наподнесенномъ рожью, горятъ ихъ вѣнчальные свѣчи, связанные вмѣстѣ красною лентою. Народъ замѣчаетъ, что чья свѣча сгоритъ болѣе, тотъ долженъ умереть скорѣе. Объемъ статьи не позволяетъ здѣсь привести пѣсенъ, которыя сопровождаютъ каждое почти дѣйствіе не только новобрачныхъ, но и всѣхъ чиновъ свадебной церемоніи: *дружка, сващкы, свѣтилки*. Свѣтилка (она же и старшая дружка) держитъ *вилыце*, или *вилыце*: клинокъ сабли, украшенный цвѣтами и калиновыми ягодами. Очень часто теперь *вилыце* дѣлаютъ изъ какой-нибудь вѣтки. Молодыхъ торжественно уводятъ въ *комору*, и черезъ нѣсколько времени, смотря по тому, окажется ли новобрачная цѣломудренною, или нѣтъ, происходитъ ужасный шумъ: веселыя пѣсни и пляски, или буйство, при которомъ разбиваютъ посуду, утварь и все, что попадется подъ руку. Въ первомъ случаѣ пляшутъ съ обыкновенными пѣснями *приданки* и прыгаютъ по лавкамъ. Въ случаѣ нецѣломудрія надѣваютъ матери на щею хомутъ. Парни и дѣвушки уходятъ вѣдѣвъ затѣмъ, какъ уведутъ новобрачныхъ...

На другой день, если новобрачная цѣломудренна, что почти всегда и случается, то надъ домомъ ея выставляется шестъ, на который вѣшаютъ красную *завязку*; дружка и старосты перевязываются красными поясами черезъ плечо, и, умывъ торжественно молодую у ближайшаго колодца, весъ

снадебный поѣздъ съ музыкой отправляется къ роднымъ и знакомымъ на *добры день*, т.-е. съ визитами. Родные и знакомые дарятъ новобрачныхъ каждый по своему состоянію : домашними животными, холстомъ и проч.

Молодую увозятъ въ домъ мужа съ церемоніей : на воротахъ раскидываютъ иногда огонь, черезъ который должны переѣхать новобрачные. За телѣгой, на которой сидитъ она съ мужемъ, и гдѣ заключается ея прилазокъ, слѣдуютъ иногда конные бояре, и всегда ѣдетъ нѣсколько повозокъ съ поѣзжанами. Потомъ идутъ пирры у родныхъ и знакомыхъ (*перезва и беседа*). Черезъ недѣлю новобрачные одни уже дѣлаютъ визиты и разносятъ калачи. Ничего не можетъ быть интереснѣе встрѣтить гдѣ-нибудь въ полѣ подобную чету. Изъ веселыхъ, говорливыхъ молодыхъ людей, недавно проводившихъ ночи напролетъ въ нѣжностяхъ и шутившихъ разговорахъ, они дѣлаются серьезнѣе, принявъ на себя новыя обязанности. Парень, который недѣлю тому назадъ ходилъ чуть не въ прыжку, выступаетъ важно и медленно по дорогѣ, съ своею *люлькой* (трубка) въ зубахъ; а новобрачная — недавно еще рѣзвая дѣвушка — тоже подражаетъ мужу. Только на молодыхъ лицахъ нѣтъ перемѣны : та же улыбка, тѣ же веселые взгляды, и чета разговариваетъ, вѣроятно, о будущемъ житьѣ-бытьѣ....

Парень уже не существуетъ ; на сцену появляется *чоловикъ*, т.-е. мужъ, женатый, и принимаетъ на себя серьезныя обязанности. Почти всегда женатый сынъ отдѣляется отъ отца и живетъ своимъ домомъ. Онъ уже теперь *плугатьиры*. Эта одна изъ самыхъ тяжелыхъ и трудныхъ работъ крестьянина. Отъ зари до зари долженъ онъ итти за плугомъ, влеконнымъ волами, и смотрѣть, чтобы борозды ложились ровно, чтобы желѣзо брало въ-мѣру, и на каждомъ заворотѣ подымать этотъ тяжелый плугъ, выворачивать его вверхъ желѣзомъ и на обратномъ пути снова направлять по бороздѣ. Въ-слѣдствіе системы паханья, Малороссы и мѣру земли раздѣляютъ на свои плуговыя роздыхи. Нормальная мѣра *день*, т.-е. пространство, которое можно вспахать въ-продолженіе дня. День раздѣляется на три *упруга*, т.-е. упражки : упругъ утренній, послѣобѣденный и вечерній. Четыре упруга составляютъ десятину.

Какъ только сойдетъ снѣгъ и просохнетъ земля, Малороссъ начинаетъ пахать и оканчиваетъ эту работу уже послѣ перваго мороза. Твердыя нивы и подъ извѣстные сорта хлѣбовъ онъ пашетъ тяжелымъ своимъ плугомъ; мягкія же и смотря по налобности онъ разрыхляетъ деревяннымъ рало-мъ. По вспаханной или разрыхленной нивѣ, передъ сѣйбой онъ проходитъ еще бороною и потомъ посѣявъ боронуетъ снова. Въ маѣ оканчиваются послѣдніе посѣвы поздней гречихи; на какой-нибудь мѣсяцъ Малороссъ разстаетъ съ плугомъ. Но въ это время предстоятъ ему другія работы. Къ двадцатому іюня въ степяхъ поспѣваютъ травы — время *косовицы*. Здѣсь опять я предложу читателямъ выписку изъ моего словаря.

«Полевая эта работа отбывается въ Малороссіи съ какою-то торжественностью. Болѣе зажиточные хозяева еще зимою запасаются косарями, давая послѣднимъ деньги, водку или хлѣбъ съ условіемъ откосить извѣстное число дней. Около Иванова дня или послѣ рабочіе собираются къ своему хозяину, который уже и отправилъ въ степь всю необходимую провизію: водку, хлѣбъ, рыбу, разное вариво, и позаботился выстроить шалаши. Рано утромъ или на ночь выходятъ *косари* изъ деревни съ громкими пѣснями и, положивъ косы на плечи, отправляются въ степь иногда верстъ за десять. Въ этой толпѣ легко узнать молодыхъ парней, которые въ первый разъ отправляются на *косовицу* съ *косами*. «Я косарь» — эта мысль тѣшитъ молодаго парня, потому-что косить начинаютъ тѣ изъ молодыхъ людей, которые приближаются къ совершеннолѣтію. Новички земли полъ собой не слышатъ, и хотя знаютъ, что косьба не бездѣлица, однако тѣмъ съ не мѣньшимъ удовольствіемъ воображаютъ себя совершеннолѣтними. Вотъ косари приходятъ къ шалашу, а тамъ давно уже вырыта *палѣнка* (земляная печь), и заботливыя хозяйки поставили возлѣ шалаша нѣсколько *вагановъ* (деревянныхъ корытъ), наполненныхъ какимъ-нибудь кушаньемъ, возлѣ которыхъ лежитъ хлѣбъ, нарѣзанный ломтями, и приборы готовы. Каждый добрый человекъ долженъ носить ложку съ собою, по пословицѣ: *кто носить, той не просить*.

«Обыкновенно косари встаютъ до разсвѣта, чтобы до зноку пройти нѣсколько *ручекъ* (пространство, выкошенное однимъ

человѣкомъ въ длину — до конца всего мѣста, назначеннаго хозяиномъ, а въ ширину — пока захватитъ коса), и позавтракавъ, выпивъ предварительно добрую косарскую порцію, отправляются на работу. Впереди идетъ *атаманъ*, избираемый *косарями*, котораго обязанность — вести ровно товарищей и подгонять *лѣнтыевъ* и отсталыхъ. Въ атаманы избираютъ обыкновенно человѣка, извѣстнаго по косьбѣ, и онъ ведетъ себя серьезно, сообразно съ возложенною на него обязанностью. Работаютъ *косари*, *тнутъ* травку-муравку, а около десяти часовъ утра единодушно поглядываютъ на то мѣсто, гдѣ далеко въ степи едва виднѣется таборъ. «Шабашъ!» восклицаетъ вдругъ атаманъ, и работа останавливается, а не одинъ зоркій глазъ усмотритъ близъ шалаша *възху*, т.-е. воткнутыя въ землю вилы, на которыхъ надѣта чья-нибудь шапка: это сигналъ, что пора обѣдать. Кухаркамъ небольшого стоитъ труда отыскать шапку, которыхъ десятки валяются возлѣ шалаша. *Косари* не косятъ въ своихъ обыкновенныхъ бараньихъ шапкахъ, а у кого нѣтъ круглой шляпы (соломенной или войлочной), тотъ завязываетъ голову платкомъ, листомъ, а иной и безъ всякой покрывки отправляется на работу. Съ нѣсиями *косари* подходятъ къ шалашу, гдѣ кушанье уже разлито въ *саганы*. Хозяинъ подчуетъ рабочихъ водкой, и они ту же минуту садятся за изобильный, вкусный обѣдъ. А обѣдъ непременно долженъ быть вкусенъ, потому-что по законамъ косолицы, если кушанье приготовлено дурно, косари имѣютъ полное и неотъемлемое право подвергнуть кухарку наказанію лопатками, которыми они острятъ косу. Каждый *косарь* можетъ ударить одинъ разъ кухарку лопаткой, какъ ему угодно. За обѣдомъ идутъ рассказы о семъ, о томъ; воспоминанія о прошлогодней косолицѣ перемѣшиваются съ замѣчаніями о настоящей; то подтруниваютъ опытные косари надъ молодежью, то рассказываютъ случай, что такой-то чуть не *выкосилъ* перепелку, а тотъ непременно *выкосилъ* бы зайца, если бы шелъ осторожниче, и т. д. Послѣ обѣда небольшой отдыхъ и снова за работу часовъ до 4-хъ, тамъ полдникъ, потомъ работа, а съ заходомъ солнца ужинъ. Необыкновенно живописны группы *косарей* вечеромъ, когда при лунномъ освѣщеніи сидятъ они возлѣ шалаша, загорѣлые, въ однихъ рубахахъ. Почти у каждаго въ зубахъ коротенькая трубка, шапка надѣта на

бекрень; а въ кружкѣ молодежь отхватываетъ *гайдуну* или другую плясовую. Бренчитъ балайка, *голобитъ совила*, какой-нибудь хватина клеплетъ въ звонкую косу лопаткою или ударяетъ въ мѣднѣй котель; пляска продолжается до поздней ночи, хотя завтра съ разсвѣтомъ снова на работу. А когда присоединятся еще *гребцы*, тогда таборъ становится гораздо живописнѣе, потому-что прибавляется нѣсколько десятковъ дѣвушекъ, молодыхъ и парнишекъ, которымъ не выпало еще на долю чести работать косою. И все это подъ открытыиъ небомъ; въ атмосферѣ, напитанной запахомъ полевыхъ цвѣтовъ и только-что скошеннаго сѣна. Кокетливыя дѣвушки ищють множество способовъ украшаться цвѣтами, потому-что украинская флора богата, а за цвѣтами ходить не далеко. Когда сѣно сгребено и пролежить нѣсколько времени въ длинныхъ рядахъ, тогда его складываютъ въ копны, которыя потомъ сметываютъ въ стоги, или скирды.»

Вслѣдъ за уборкой сѣна наступаетъ жатва (жныва). Это самое трудное и требующее необыкновенной дѣятельности время для крестьянина. Прежде всего посѣваетъ рожь, потомъ созрѣваютъ вдругъ всѣ хлѣба, и жатва продолжается иногда весь сентябрь мѣсяцъ. Снопъ складываютъ сначала въ *платки* (по 5 сноповъ), потомъ въ *полукопы* (по 30 сноповъ), которыя уже и свозятся на гумно. У многихъ крестьянъ празднуютъ *обжинки* (время окончанія жатвы), сопровождаемыя известными пѣснями, которыхъ множество. Обыкновенно избирается изъ среды жницъ самая красивая дѣвушка, надѣваетъ на голову вѣнокъ изъ колосьевъ и подноситъ такой же вѣнокъ, украшенный цвѣтами, хозяйну или помѣщику. Но въ августѣ сѣютъ уже озимыя рожь и пшеницу и принимаются пахать. Женскія работы удваиваются; кромѣ жатвы, должно еще убирать баштанъ (бакша), пеньку, ленъ и огороды. Осенью женщины рубятъ капусту, квасятъ свеклу, мочатъ коноплю и ленъ и приготавлиють прядиво. Съ первыми заморозками работы продолжаютъ въ избахъ.

И такимъ образомъ проходитъ дѣятельная жизнь трудолюбиваго Малоросса, котораго обыкновенно называютъ *лѣнн*-*вымъ*. Далекое до свѣта осенью и зимою просыпается семейство, зажигаетъ *каганецъ* (жирнякъ), и умывшись, помолясь Богу и позавтракавъ кускомъ хлѣба, каждый спѣшитъ къ

своими обыденнымъ занятіямъ: мужчины идутъ къ есоту, овцамъ положить корму, и возвратясь занимаются или починкой одежды, удряжи, сбруи, или другимъ дѣломъ; женщины идутъ за водой, затапливаютъ печь и садятся за пряжу, исключая взрослыхъ дѣвушекъ, которыя работаютъ на *досвѣткахъ*. Дѣвушки уходятъ однакожь изъ дому подъ предлогомъ работы у какой-нибудь подруги. Съ разсвѣтомъ мужчины отправляются на молотьбу и входятъ въ хату вообѣдать часовъ около 9; потомъ, послѣ краткаго отдыха, снова работаютъ съ перемежками до сумерекъ. Иногда, если необходимо, молотятъ и при лунномъ свѣтѣ.

Въ праздникъ Малороссъ непременно отправляется къ обѣднѣ, и если въ деревнѣ нѣтъ церкви, то идетъ въ ближайшее селеніе, и цѣлый день не работаетъ, проводя время у родныхъ, знакомыхъ или приглашивъ гостей къ себѣ.

Домашняя, семейная жизнь Малоросса проходитъ спокойно, въ тишинѣ и занятіяхъ. Супруги живутъ между собою миролюбиво, въ-особенности, вели, по народному обычаю, женатый сынъ живетъ собственнымъ домомъ. Если же нѣсколько женатыхъ сыновей живутъ при отцѣ, то, въ-особенности между женщинами, затѣваются ссоры, имѣющія вліаніе на жизнь супруговъ.

Обзаведясь дѣтми, Малороссъ продолжаетъ свою мирную жизнь, воздѣлывая поле, занимается какии-нибудь ремесломъ: иной выстраиваетъ мельницу, другой заводитъ маслобойню; тотъ дѣлаетъ колесы, тотъ лѣпитъ горшки, тотъ выдѣлываетъ кожи. Въ каждой деревнѣ есть свой портной (*кравецъ*), сапожникъ (*швецъ*), кузнецъ (*коваль*); послѣднимъ ремесломъ преимущественно занимается Цыгане. Конечно, произведенія этихъ ремесленниковъ грубы, но удовлетворяютъ вполнѣ мѣстныхъ потребителей.

Упрекаютъ Малоросса въ пристрастіи къ водкѣ; но мнѣ кажется, что упрекъ этотъ, хотя отчасти и справедливый, не долженъ бы одинакожь всей тяжестью падать на крестьянина. Въ краю въкуривалось огромное количество вина, дешевизна его была непомѣрная, а кромѣ-того въ каждой деревнѣ сидѣлъ въ шинкѣ одинъ или два Еврея, занимающаго чарочной продажей. Въ послѣдніи десять лѣтъ, когда правительство строго запретило Евреямъ жить въ деревняхъ и корчмахъ по

дорогамъ , разница въ потребленіи горячихъ напитковъ сдѣлалась уже ошутительною . Кто не знаетъ Евреевъ , кто не видѣлъ собственными глазами ихъ плутней , тотъ не повѣритъ , до какой степени племя это доводило обманъ и мошенничество . Они нарочно напавали народъ , чтобы у пьянаго крестьянина легче выманить курицу , мѣшокъ муки или что-нибудь изъ хозяйства . Еврей готовъ попотчивать даромъ стаканомъ водки , если имѣетъ въ виду какую-нибудь торговую сдѣлку . Наконецъ водка сдѣлалась необходимою потребностью крестьянина , при всѣхъ его торжествахъ и праздникахъ . Штофъ водки не такъ еще давно стоилъ 15 копеекъ мѣлью , а на три дома приходился одинъ шинокъ : можно ли было простолюдину остеречься отъ соблазна ? Притомъ же , привыкнувъ издревле къ водкѣ , народъ пьетъ ее безъ особеннаго вреда ; въ праздникъ вы увидите многихъ подъ хмѣлькомъ , но очень рѣдко пьяныхъ . Пьяница въ Малороссіи , какъ и вездѣ , заслуживаетъ всеобщее презрѣніе .

Что же касается воровства , то и до сихъ поръ чрезвычайно рѣдко встрѣчаются случаи кражи , какъ-бы въ воспоминаніе того , что въ древнія времена порокъ этотъ слишкомъ строго наказывался въ Малороссіи : вора живаго закапывали въ землю вмѣстѣ съ украденной вещью . Во всемъ языкѣ не существуетъ слова *воръ* , а замѣняется оно словомъ *злодій* . Въ этомъ отношеніи никто не можетъ упрекнуть Малоросса : родители строго наказываютъ малыхъ ребятъ за покушеніе на чужую собственность , и порокъ этотъ вносится въ патриархальныя села болѣе людьми посторонними или тѣми изъ туземцевъ , которые жила въ большихъ городахъ . Последніе приносятъ и прививаютъ въ деревняхъ и другіе пороки — сдѣлствіе городской жизни вообще . Но пороки какъ-то нескоро и непрочно прививаются между крестьянами малорусскими : вообще презрѣніе клеймитъ того , кто отступаетъ отъ правилъ добродѣтели , и нерѣдко самый испорченный человекъ , возвратившійся въ деревню пьяницей и негодлемъ , мало-по-малу , приходитъ въ нормальное состояніе , не находя ни товарищей , ни подражателей .

Богатство естественныхъ произведеній даетъ Малороссу возможность быть прихотливымъ въ пищѣ , а потому онъ питается пищею болѣе вкусною и изобильною , чѣмъ его сѣ-

верный собратъ. У каждаго, самаго бѣднѣйшаго, изъ крестьянъ готовится обѣдъ и ужинъ ежедневно. Борщъ, уха, галушки, лапша, вареники, каша различныхъ сортовъ, балабушки, голубцы, перепичка и кашшъ разнообразяютъ попеременно столъ малорусскаго крестьянина. Если нѣтъ мяса, т.-е. баранины, свиины, или битой птицы, то у каждаго непременно есть сало, молоко, сметана, творогъ, масло. Говядину найдете развѣ въ городѣхъ: сельскіе жители никогда не бьютъ скотины, развѣ уже въ крайней необходимости. У зажиточныхъ готовится и завтракъ. Прибавьте къ этому изобиліе разнообразныхъ плодовъ и зелени, и увидите, сколько предметовъ для самой вкусной пищи. Малороссы пьютъ чистую воду, изрѣдка грушевый или яблочный квасъ, а хлѣбный (сыровецъ), употребляемый для *борща*, служитъ питьемъ весьма нечасто.

Одежда у крестьянъ довольно неприхотлива. Мужчины носятъ штаны суконные и холщовые, тулупы и верхнія одежды (*свиты*), имѣющія различныя подраздѣленія: *кирея*, *кобенякъ*, просто *свита*, *каптаномъ* и *юпка* (коротенькое полукафтанье особаго покроя). Свиты (*кирея*, *кобенякъ*) дѣлаются съ капишонами (*видлѣга*, *кѣбка*) для защиты головы и шеи отъ дождя и мятели. Шапки вообще высокія бараньи; въ иныхъ мѣстностяхъ лѣтомъ носятъ круглыя шляпы (*брыль*) войлочныя или соломенныя. Женщины, вмѣсто исподницъ, поверхъ рубахи повязываютъ куски шерстяной ткани, именуемой *запасками*. *Позадница* надѣвается сзади, потомъ слѣдуетъ *попередница*, въ родѣ фартука, которыя и стягиваются краснымъ шерстянымъ поясомъ, окрашеннымъ или *кармазиномъ* (кошенилью), или *червецемъ*. Это яички одного насекомаго, находимыя въ іюнѣ и началѣ іюля подъ известной травой — предметъ, приносящій порядочный доходъ проворной Малороссіянкѣ. Запаски дѣлаются и изъ другихъ матерій, стаметовыя и шелковыя. Другой, болѣе празничный родъ этой одежды называется *плахтѣ* и бываетъ изъ матерій, собственно для этого приготовляемой и также называемой, или изъ шелковыхъ матерій, и даже изъ парчи. Это уже верхъ щегольства и великолѣпія. На талію дѣвушки надѣваютъ горсетъ, или кирсетъ, родъ легкаго пальто безъ рукавовъ, которыхъ не дѣлаютъ потому, что не хотятъ скрыть рукавовъ сорочки; иногда необыкновенно красиво вышитыхъ. Жен-

щины преимущественно носят юбки — родъ того же горсета съ рукавами. Подолъ рубашекъ тоже очень красиво вышивается бѣлыми нитками или красною бумагою (*заполочь*). Эта оборка называется *ляховка*. Для холода у женщинъ есть тулупы, отличающіеся отъ мужскихъ откиднымъ полукруглымъ воротникомъ, и свиты особаго покроя. Сверхъ чепца (*очіпокъ*) женщины носятъ прозрачныя, тонкія покрывала съ длинными концами, называемыя *намитка*. Дѣвушки разнообразно заплетаютъ волосы въ мелкія косички (*дрибушки*), оставляя большую косу назадъ, которая, бывъ убрана множествомъ разноцвѣтныхъ лентъ (*косынкъ*), опускается почти всегда ниже пояса. Голову повязываютъ тоже лентами, подкладывая искусно одну подъ другую такъ, чтобы одна не мѣшала видѣть край другой. На шею надѣваютъ множество монистъ.

Мужская обувь состоитъ обыкновенно изъ сапоговъ, *черевиковъ* (башмаковъ) и у бѣднѣйшихъ изъ *постоловъ*. Это родъ сандалій изъ кожи, которыя поверхъ онучъ завязываются ремнями или просто шнурками. Женщины тоже носятъ сапоги (щоголихи сафьянныя) и черевикки. Но онѣ до-того привыкли ходить босыми ногами, что обыкновенно можно встрѣтить Малороссіянку, идущую по лѣмъ, даже куда-нибудь въ гости или въ церковь, съ сапогами въ рукахъ. Онѣ надѣваютъ ихъ изъ приличія, уже подходя къ мѣсту.

Мужчины сами себѣ плетутъ рукавицы на зиму, а женщины никогда не употребляютъ перчатокъ.

Выѣзды Малоросса изъ деревни бывають или на ярмонки и торги въ разные города и мѣстечки, или, что очень рѣдко, въ гости къ роднымъ. Въ это время крестьяне надѣваютъ лучшія свои одежды, точно такъ же, какъ въ праздники, на свадьбы, или на похороны.

Малороссъ необыкновенно набоженъ и свято чтитъ все относящееся къ религіи. Привязанность свою къ вѣрѣ онъ доказалъ, во-первыхъ, тѣмъ, что не было еще до-сихъ-поръ ни одного старообрядца или раскольника изъ Малороссовъ, а во-вторыхъ, тѣмъ, что онъ, принимая мученія отъ Поляковъ во время Уніи, бился за вѣру и остался православнымъ. Посты соблюдаются со всею строгостью; даже дѣтямъ, переставшимъ кормиться грудью, не даютъ ничего скоромнаго по середамъ и пятницамъ.

Сочельникъ (*свято-вечирь*) въ Малороссіи празднуется особеннымъ торжественнымъ образомъ: всѣ члены семейства и кто-нибудь изъ постороннихъ убогихъ сосѣдей, помолившись Богу, садятся за столъ. *Кутья* (*) и *узварь* (**) въ горшкахъ, обернутыхъ душистымъ сѣномъ, стоятъ въ переднемъ углу подъ образами (*покуть*). Кутья однакожь отдается преимуществу, потому-что существуетъ даже пословица: *кутью на покуть, а узварь на базарь*. Передъ ужиномъ еще, когда кутья готова и ее вынуть изъ печи, тогда кто-нибудь изъ семейства беретъ горшокъ и говоритъ: «*Собь! кутья на покуть, а узварь на базарь.*» При этомъ дерутъ слегка маленькихъ мальчиновъ за *чуприны*, чтобы куры были хохлаты. Когда же подадутъ кутью на столъ и всѣ возьмутъ по первой ложкѣ, хозяинъ отворяетъ окна и приглашаетъ морозъ: «*Морозе, морозе, иды куты исты, та не поморозь нашою гречки.*»

Канунъ Нового года (*щедрый вечирь*) празднуется также. За ужиномъ подаютъ кутью и узварь; но кушанья эти не играютъ уже никакой особенной роли.

Когда же побѣдятъ послѣднюю кутью 5-го января, тогда старшій изъ семейства выходитъ изъ хаты прогонять кутью, что иногда дѣлается выстрѣлами, но по большей части стучать чѣмъ-нибудь объ уголъ избы, приговаривая: «*Зима одъ насъ, а лито до насъ*». Какъ всякій темный простолюдинъ, Малороссъ имѣетъ свои повѣрья и предрасудки, которыхъ онъ не оставляетъ по привычкѣ къ преданіямъ. Такъ, сохранился обычай *колдки* (пѣнія обрядныхъ пѣсенъ подъ окнами), вечеромъ же наканунѣ Нового года—*щедровки* (пѣнія пѣсенъ подъ окнами), наканунѣ Иванова дня — обрядъ купала. Послѣднее однако же собственно забава молодежи, не имѣющая другаго значенія, кромѣ случая пріятно провести время. Всѣ эти обряды описаны уже во многихъ мѣстахъ, а потому я о нихъ и не распространяюсь.

Народъ вѣритъ также въ существованіе вѣдьмъ, вовкулакъ, упырей, русалокъ и тому подобныхъ остатковъ древ-

---

(*) Каша изъ пшеничной или ячной крупы, приготовленной крупяне обыкновеннаго, а также изъ рису.

(**) Компотъ изъ сухихъ грушъ, яблокъ, сливъ, вишенъ, а иногда съ прибавкой изюму и вяпныхъ ягодъ.

нихъ преданій, которыя глухо сохранились до нашихъ временъ и съ каждымъ годомъ дѣлаются неясвѣннѣе въ народномъ воображеніи. Всѣ исчадія славянской мѣологии блуждаютъ еще по ночамъ, въ силу народнаго повѣрья, хотя ихъ никто и не видитъ никогда собственными глазами.

Малорусскія пѣсни отличаются какъ стройностью содержанія, по бѣльшей части драматическаго, такъ и чрезвычайно пріятными голосами. Простыя эти мелодіи необыкновенно поэтичны, оригинальны, но почти всѣ проникнуты глубокою грустью, исключая пѣсенъ плясовыхъ, которыхъ однако же очень немного. Малороссы народъ необыкновенно пѣвучій: вездѣ по деревнямъ, въ поляхъ, въ лѣсахъ вы услышите ихъ заунывыя напѣвы; но все это пѣсни, бодѣе или менѣе, новѣйшей эпохи. Прежнія, старинныя казацкія пѣсни почти перевелись, потому что онѣ знакомы были преимущественно только особому классу рапсодовъ—слѣпцовъ—*бандуристовъ*, или *кобзарей*. У этихъ слѣпцовъ существовали особыя школы, гдѣ извѣстный бандуристъ передавалъ слѣпымъ ученикамъ своимъ искусство пѣнія. Теперешнее поколѣніе бандуристовъ знаетъ очень мало старинныхъ пѣсенъ, и то часто отрывками, съ новыми вставками, съ безчисленными ошибками. Напѣвъ этихъ пѣсенъ, извѣстныхъ у насъ въ литературѣ подъ именемъ *думъ*, монотоненъ, печаленъ, но приличенъ героическому ихъ содержанию.

Пляска Малороссовъ не отличается разнообразіемъ: у мужчинъ казачокъ и присядки въ разныхъ видахъ; у женщинъ мѣрное притаптыванье ногами. Общія же танцы: горлица, метелица, для которыхъ есть особыя напѣвы.

Возъ Малоросса тяжелъ и неуклюжъ, но крѣпокъ и подымаетъ около ста пудовъ, если запряженъ парой добрыхъ *чумацкихъ* воловъ. *Чумаки*, если хотите, особенная каста, и хотя каждый имѣетъ право *чумаковать*, сколько его душъ угодно, однако есть цѣлыя деревни, населенныя исключительно одними *чумаками*. Это—сословіе извозчиковъ и вмѣстѣ торговцевъ солью и рыбою. *Чумаки* заводятся отличными волами, покупасть необыкновенно прочную телѣгу (*чумацкій визъ*), и съ открытіемъ весны, когда въ степяхъ есть уже подножный кормъ, отправляется въ Крымъ за солью или на Донъ за рыбою. *Чумаки* всегда запасается деньгами изъ дому

на покупку товара; но если ему случится съ мѣста клажа, онъ охотно, за недорогую цѣну, берется ее доставить, потому что все равно долженъ везть пустую телѣгу. Порядочный хозяинъ имѣетъ до десяти и больше возовъ. Чумаки никогда не ѣздятъ въ одиночку, но сговариваются вмѣстѣ и составляютъ *вѣлку*, избравъ изъ среды себя атамана, который облакается, на время пути, безусловною властью. Въ прежнія времена у чумаковъ было оружіе; но теперь не предстоить въ этомъ надобности. На атаманскомъ возу ѣдетъ пѣтухъ — живые часы, который аккуратно кричитъ въ извѣстные часы. Это необходимо чумаку ночью въ степяхъ, когда небо покрыто облаками и неизвѣстно время по созвѣздіямъ. Чумаки продолжаютъ воловъ подножнымъ кормомъ, а сами варятъ себѣ обѣдать и ужинать, имѣя для этого всѣ припасы съ собою. Малороссъ, гдѣ бы то ни было, не можетъ обойтись безъ горячей пищи, въ дорогѣ ли, во время ли полевыхъ работъ; даже пастухи въ полѣ раскладываютъ огонь и варятъ себѣ *кулиши* (жидкую кашу), *галушки* или какую-нибудь другую похлебку. Накупивъ соли или рыбы на мѣстѣ по низкой цѣнѣ, чумаки спѣшатъ назадъ, распродаютъ товаръ по ярмаркамъ и снова отправляются, какъ они говорятъ, въ дорогу. Кто нѣсколько лѣтъ занимался этимъ прибыльнымъ промысломъ, тотъ оставляетъ его лишь развѣ уже по особенной причинѣ. Подобная кочевая жизнь, по бѣльшей части въ безлюдныхъ степяхъ, имѣетъ влияние и на характеръ чловека: оттого и чумацкія пѣсни, удерживая общую всѣмъ малорусскимъ пѣснямъ черту — заунывность, заключаютъ въ себѣ какое-то удалство, степной разгулъ и неуловимый отгѣнокъ прони надъ судьбою. Всѣ вообще чумаки народъ достаточный, хотя и не занимаются земледѣліемъ, предоставляя это членамъ семейства, остающимся дома.

Малороссы вообще рѣдко подвергаются болѣзнямъ, исключая дѣтскаго возраста и болѣзней поварныхъ. Въ каждомъ селеніи существуютъ простонародныя лекарки, которыя пользуют преимущественно травами и кореньями, сопровождаая лечение какими-нибудь таинственными дѣйствіями.

Малороссы часто доживаютъ до глубокой старости и продолжаютъ трудиться по-мѣрѣ силъ и возможности, стараясь не быть въ тягость своимъ семействамъ. Покойниковъ опла-

квиваютъ особеннымъ речитативомъ, импрофизируемымъ иногда тутъ же на мѣстѣ. Надъ могилами парней, на крестѣ прибываютъ маленькій флагъ изъ платка (*хустка*) — очень часто подарка любимой дѣвушки.

Вотъ краткій очеркъ быта малорусскаго крестьянина. Современемъ, когда благодѣтельныя мѣры правительства, принимаемыя къ просвѣщенію низшаго класса, достигнуть своей цѣли, Малороссъ, конечно, оставитъ свои нѣкоторыя грубыя привычки, займется промышленностью; но дай Богъ, чтобы онъ не измѣнялъ своей доброй, строгой нравственности и продолжалъ вести такую же тихую семейную жизнь, какую ведетъ доселѣ.

UNIV. OF
CALIFORNIA

53.

53.

52.

ЗАМѢТКИ О ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ ГРОДНЕНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Замѣтки о западной части губерніи Гродненской состоятъ изъ двухъ отдѣленій: въ одномъ разсматриваются историческія извѣстія о временахъ, предшествовавшихъ началу XIV столѣтія; въ другомъ предлагаются замѣтки о современномъ бытѣ въ-отношеніи къ языку. Такъ-какъ древнѣйшими обитателями означенной страны были до конца XIII столѣтія *Ятвяги*, то на нихъ и обращено главное вниманіе въ первомъ отдѣленіи замѣтокъ. А именно:

1) Изъ разсмотрѣнія историческихъ извѣстій оказывается, что не вся западная часть нынѣшней Гродненской губерніи принадлежала Ятвягамъ: южная ея половина находилась во власти князей юго-западной Руси. Этими князьямъ, а не Ятвягамъ, принадлежали въ XII и XIII столѣтіи, въ періодъ самостоятельнаго, независимаго бытія Ятвяговъ, нынѣшніе города: Брестъ, Кобринъ, Каменецъ, Мельникъ, Дрогичинъ, Бѣльскъ, т.-е. все пространство по р. Бугу до р. Нарева. Мнѣнія Стрыйковского, Бѣльскаго и ихъ послѣдователей относительно пространства, которое занимали Ятвяги, были, кажется, ошибочны.

2) На основаніи историческихъ источниковъ опредѣлено, сколько это было возможно, пространство, которое нѣкогда занималъ этотъ народъ. Пространство это заключалось между средними частями Нѣмана и Наревомъ, между верховьями

р. Ланки, впадающей въ Бобръ, на западъ, и верховьями рр. Нарева, Свислочи и Ясіолды на востокъ.

3) Наконецъ обращено вниманіе на племенное происхожденіе этого народа. На извѣстныхъ основаніяхъ дѣлается заключеніе, что основной элементъ, изъ котораго развилась въ-послѣдствіи народность ятвяжская, былъ элементъ не славянской, а чуждый ему. Какое-то не-славянское племя, одно изъ племенъ сарматскихъ, кочевавшихъ у сѣверныхъ береговъ Чернаго моря, по мнѣнію Шафарика, успѣло пробраться въ Подлясье. Запертое здѣсь въ-послѣдствіи отсюда народами славянскими, оно не могло не подвергнуться въ сильной степени ихъ вліянію, не могло потомъ не утратить своей самостоятельности: это племя погибло въ кровавой борьбѣ съ сосѣдями, а народность его была поглощена народностью побѣдителей. Этимъ, кажется, устраняются противорѣчія новѣйшихъ изслѣдователей объ этомъ предметѣ: гг. Шафарика, Шульца, Ярошевича и другихъ, которыхъ мнѣнія имѣютъ только одностороннюю справедливость.

Во второмъ отдѣленіи замѣтокъ бытъ современный разсмотрѣнъ только со стороны языка. При этомъ, согласно требованію программы Русскаго Географическаго Общества, обращено главное вниманіе на мѣстные свойства языка народнаго и приведены собранные на мѣстѣ образцы его въ двоякой формѣ: а) *прозаической* — три отрывка изъ народныхъ преданій, и б) *стихотворной* — собраніе народныхъ пѣсень числомъ 28. Къ образцамъ присоединено нѣсколько замѣчаній филологическихъ и историческихъ, относящихся къ разсматриваемой мѣстности. Для болѣшей ясности приложена карта описываемой страны.

Времена, предшествовавшія XIV столѣтію.

Прежде чѣмъ приступимъ къ разсмотрѣнію нынѣшняго быта обитателей западной части Гродненской губерніи, необходимо бросить хоть бѣглый взглядъ на времена минувшія: настоящее бываетъ слѣдствіемъ прошедшаго, для сужденія

о первомъ надлежитъ вспомнить послѣднее, одно другимъ дополняется и въ связи представляется мыслямъ яснѣе. (1)

Означенная страна извѣстна въ исторіи подъ именемъ *Подлясья*. Древнѣйшими обитателями ея были *Ятвяги*. Мы не намѣрены входить здѣсь въ подробное разсмотрѣніе судьбы этого народа, о которомъ встрѣчаются отрывочныя извѣстія въ русскихъ и польскихъ лѣтописяхъ съ 983 по 1282 годъ. Обратимъ вниманіе только на слѣдующіе два вопроса, находящіеся въ тѣсной связи съ исторіею здѣшняго края, а именно:

- 1) Гдѣ жили и какое пространство занимали Ятвяги?
- 2) Къ какому племени принадлежалъ этотъ народъ?

Относительно перваго вопроса у польскихъ лѣтописцевъ и историковъ находимъ слѣдующія извѣстія. Историкъ первой половины XVI столѣтія *Бѣльскій* (Мартинъ и сынъ его Іоакимъ) говоритъ, что Ятвяги занимали все Подлясье, что Дрогичинъ былъ главнымъ ихъ городомъ, что Ятвягамъ принадлежалъ даже Новогрудекъ (въ Минской губерніи.) (2) По словамъ другаго историка второй половины XVI столѣтія, *М. Стрыйковскаго*, Ятвяги простирались отъ Вольни до земли Пруссовъ; столицей ихъ былъ городъ и замокъ Дрогичинъ; Новогрудекъ съ окрестными селеніями принадлежалъ къ владѣніямъ Ятвяговъ. (3) Подобныя извѣстія находимъ и у нѣкоторыхъ, предшествовавшихъ Стрыйковскому, писателей, напримѣръ, *Длугоша*, и у большей части историковъ позднѣйшихъ. Слѣдовательно, по мнѣнію упомянутыхъ историковъ и ихъ послѣдователей, Ятвяги жили во всемъ Подлясьи, или, какъ понимали Подлясье въ то время, на всемъ пространствѣ, занимаемомъ двумя прежними уѣздами Бѣльскимъ и Дрогичинскимъ, съ существующими и въ наше время городами *Бѣльскомъ*, *Бранскомъ*, *Суражомъ*, *Тыкоциномъ*, *Кнышиномъ*, *Наревомъ*, *Васильковымъ*, *Августовымъ*, въ тогдашнемъ Бѣльскомъ, и съ *Дрогичинскимъ*, *Мельникомъ*, *Лосице*, *Морды*, въ Дрогичинскомъ уѣздѣ. (4)

Чтобы видѣть, до какой степени справедливо подобное мнѣ-

---

(1) Каразинъ.

(2) Кн. I, изд. 1764 года, стр. 88.

(3) Кн. V, изд. 1766 года, стр. 180.

(4) См. карту и Гвагинна изд. 1768 года, стр. 207 и 208.

ніе, обратимся къ другимъ источникамъ и по нимъ прослѣдимъ судьбу этого края въ періодъ самостоятельнаго существованія Ятвяговъ. У Нестора подъ 983 годомъ читаемъ: «Иде Володимеръ на Ятвяги и побѣди Ятвяги и взя землю ихъ» ⁽⁵⁾; подъ 1018 годомъ: «Ярославъ же (кн. Новгород.), совокупивъ Русь и Варягы и Словѣнѣ, поиде противу Болеславу и Святополку, *приде Волянню и сташа оба полъ рѣкы Буга.*» ⁽⁶⁾ Далѣе подъ 1038 годомъ: «Ярославъ иде на Ятвяги»; подъ 1040 годомъ: «Ярославъ иде на Литву»; подъ 1041 годомъ: «Иде Ярославъ на Мазовшаны въ лодьяхъ»; подъ 1047 годомъ: «Ярославъ иде на Мазовшаны, и побѣди ѣ, и князя ихъ уби Моислава, и покори ѣ Казиміру.» ⁽⁷⁾ О преемникѣ Ярослава подъ 1057 годомъ сказано: «Побѣди Изъяславъ Голяди.» ⁽⁸⁾

Эти походы русскихъ князей показываютъ, что въ XI и концѣ X вѣка западная часть нынѣшней Гродненской губерніи находилась во власти святаго Владиміра и его преемниковъ, что владѣнія ихъ примыкали къ землѣ *Голядь; Мазовшанъ и Литовцевъ*. На западъ владѣнія русскихъ князей простирались въ это время до Западнаго Буга: не только Несторъ, но Кадлубекъ и Галлъ называютъ эту рѣку «*fluvius utriusque regna limitans.*» Труднѣе обозначить тогдашнія границы русскихъ владѣній со стороны Голядь: мы можемъ сказать только, что въ гораздо позднѣйшее время, именно въ XIV столѣтіи, границею земли Голядской, или Голендзинской, со стороны Подлясья были рѣкы *Мста* и *Бобръ*. ⁽⁹⁾ Слѣдовательно, Подлясье, земля Ятвяговъ, ограничивалось со стороны Голядь этими рѣками. Но какъ далеко простиралась страна ихъ на востокъ и югъ, означить съ точностью невозможно, за неимѣніемъ объ этомъ предметѣ никакихъ историческихъ данныхъ, и если мнѣнія упомянутыхъ выше историковъ отнести къ этимъ временамъ, то они будутъ одною догадкою, не имѣющею никакого историческаго доказательства.

⁽⁵⁾ Полн. Собран. Русс. Лѣт. Т. 1, стр. 35.

⁽⁶⁾ Тамъ же, стр. 62.

⁽⁷⁾ Тамъ же, стр. 66 и 67.

⁽⁸⁾ Тамъ же, стр. 70.

⁽⁹⁾ Pizma D. Szulca 1854, стр. 133 и 134, и слова акта 1358 года, *ibid.*, стр. 181, 182.

Можно даже полагать, что и во времена, предшествовавшія X вѣку, Ятвяги не могли простираться слишкомъ далеко на югъ внизъ по р. Бугу, потому-что земли, лежащія между р. Бугомъ и Наревомъ, также по р. Припети, издавна заселены были славянскими племенами. Это заключеніе дѣлаемъ мы на основаніи слѣдующихъ извѣстій:

По словамъ Геродота, *Невры* обитали въ его время (около 444 года до Р. Х.) при р. Бугѣ по рр. *Нурицу* и *Нареву*, въ землѣ, которая въ позднѣйшее время и даже теперь называется въ польской исторіи *Нурскою* землею. ⁽¹⁰⁾ Что эти Невры обитали въ означенныхъ мѣстахъ, гдѣ и по настоящее время слышится это имя въ названіяхъ упомянутыхъ рѣкъ и нѣкоторыхъ мѣстечекъ, и что они принадлежали къ племени вивдскому, т.-е. славянскому, доказано Шафарикомъ. ⁽¹¹⁾ Эти славянскіе народы обитали здѣсь подѣ тѣмъ же названіемъ *Невровъ* и послѣ Геродота, во времена Р. Х., какъ видно изъ извѣстій о нихъ у *Помпонія Мелы* ⁽¹²⁾, *Плинія* ⁽¹³⁾, а въ-особености *Тацита* (род. 60 г. по Р. Х.). У послѣдвѣяго ⁽¹⁴⁾ извѣстны они подѣ именемъ *Naharwali*, или, какъ читается въ нѣкоторыхъ рукописяхъ, *Nahanarwali*, также *Nanaharwali*, *Nadharwali* ⁽¹⁵⁾, въ которыхъ явственно слышится трудное для выговора Римлянина и мало знакомое ему славянское названіе *Narwlanie*, *Nadnarwlanie*, т.-е. обитатели по р. Нарвѣ. Этихъ Наревлянъ, потомковъ Городотовыхъ Невровъ, Тацитъ причисляетъ къ многочисленному племени Лигіевъ (*Ligii*), и г. Мацѣевскій назначаетъ для ихъ жилищъ все пространство отъ верховьевъ р. Нарева на западъ по ея теченію до р. Вислы и далѣе. Несмотря на всѣ перевороты, которымъ подвергались въ слѣдующихъ послѣ Тацита столѣтіяхъ страны, лежащія между Чернымъ и Балтійскимъ морями, Тацитовыхъ Наревлянъ встрѣчаемъ, между прочими славянскими племенами, у географа Баварскаго въ IX столѣтіи по Р. Х. (между 866—890). Они называются у него *Neriuani*, т.-е. Наревяне,

---

⁽¹⁰⁾ Геродотъ кн. IV, гл. 51.

⁽¹¹⁾ *Slow. Staroz. w Praze* 1837. § 10, стр. 164—168.

⁽¹²⁾ II, с. 1. § 7.

⁽¹³⁾ Н. Н. IV, с. 12. § 88.

⁽¹⁴⁾ *Tac. Germ. cap.* 43.

⁽¹⁵⁾ *Pierwotne dzieje Pols. i Litwy Maciejowskiego Warsz.* 1846 г. str. 356.

и, по мнѣнію Шафарика, жили на той же р. Наревѣ, гдѣ и предки ихъ, Геродотовы *Neuroi*. ⁽¹⁶⁾ Упомянутый землеописатель говоритъ: *Neriuani habent civitates LXXVIII* ⁽¹⁷⁾; значитъ, они здѣсь обитали съ давнихъ поръ, если уже въ IX столѣтіи имѣли 78 городовъ, или селеній (*civitates*).

Изъ сказаннаго нами видно, что юго-западная часть нынѣшней Гродненской губерніи по рр. Нарвѣ и Нурцу уже въ древнѣйшія времена (съ 450 года до Р. Х. по X столѣтіе послѣ Р. Х.) заселена была славянскими племенами, которыя во времена Геродотовы извѣстны были подъ именемъ *Neuroi*, въ Тацитовы — *Naharvali*, *Nanaharvali*, а въ IX столѣтіи у землеописателя Баварскаго — *Nerivani*. А всѣ эти названія суть только незначительныя видоизмѣненія имени *Наревьяне*.

Какъ далеко простиралось господство этихъ Славянъ на востокъ, неизвѣстно. Изъ словъ Нестора видно, что по р. Припети обитало другое славянское племя *Дреговичи*. ⁽¹⁸⁾ Объ этомъ племени, подъ именемъ *Дрoуγoυβιτοί*, упоминаетъ и Константинъ Багрянородный подъ 949 годомъ, какъ о племени, подвластномъ кievскимъ князьямъ. ⁽¹⁹⁾ Кажется, не сдѣлаемъ ошибки, если скажемъ, что это славянское племя обитало здѣсь, по Припети, не только въ X и IX столѣтіяхъ по Р. Х., но и во времена гораздо древнѣйшія. А потому скорѣе всего Дреговичи примыкали къ Наревьянамъ, между-тѣмъ, какъ далѣе къ югу отъ тѣхъ и другихъ обитали другія славянскія племена: *Бужане*, или Вольняне, а далѣе *Древляне*.

Такимъ-образомъ, по-мѣрѣ того, какъ будемъ удаляться отъ XI вѣка въ длинный рядъ вѣковъ предшествовавшихъ, слабый лучъ историческій постепенно блѣднѣетъ, раковецъ совершенно погасаетъ. Но и эти немногія извѣстія говорятъ, кажется, довольно убѣдительно въ пользу того, что, задолго до XI столѣтія, страны, лежащія по обѣимъ сторонамъ нынѣшней Бѣловѣжской пуши, заселены были славянскими племенами; къ в. и ю.-в. отъ нея по р. Припети обитали *Дреговичи*, къ з., по рр. Нарвѣ и Нурчику, *Наревьяне*. При

⁽¹⁶⁾ *Slow. Star.*, стр. 539 и 938.

⁽¹⁷⁾ *Ibid.*, стр. 984.

⁽¹⁸⁾ *Полн. Собр. Русс. Лѣт.*, т. I, стр. 3, 5.

⁽¹⁹⁾ *Stritter, Mem. popul.* II, стр. 985.

взглядъ на взаимное положеніе пространствъ, занимаемыхъ тѣми и другими, невольно рождается вопросъ: не приходили ли они между собою въ соприкосновеніе? Можетъ-быть, они составляли одну непрерывную цѣпь славянскихъ племенъ, разбѣянныхъ по восточной Европѣ, и, такимъ-образомъ, съ незапамятныхъ временъ заирали Ятвяговъ съ юга въ необозримыхъ равнинахъ подлясскихъ, огражденныхъ густыми лѣсами, топкими болотами и большими рѣками.

Происхожденіе въ этой странѣ городовъ должно отнести только ко времени господства надъ нею первыхъ русскихъ князей. Безъ-сомнѣнія, они строили здѣсь укрѣпленія и замки, въ которые поставляли намѣстниковъ, какъ для защиты страны отъ непріятелей, такъ и для собиранія съ жителей дани. Такъ заключаемъ изъ слѣдующихъ мѣстъ Нестора. Подъ 880 годомъ сказано: *Олегу нача города ставити и уставити дани Словѣномъ, Кривечемъ и Мери.....* «Приде (Олегу) къ Смоленску съ Кривичи; и прія градъ и посади мужь свой. И взя Любець и посади мужь свой». ⁽²⁰⁾ Подъ 1032 годомъ: «Ярославъ поча ставити города по Рѣси» ⁽²¹⁾ и др. Должно полагать, что и въ разсматриваемой нами странѣ, не менѣе другихъ подвергавшейся нападениямъ со стороны непріятелей, воздвигнуты были подобнаго рода укрѣпленія, а изъ нихъ въ-послѣдствіи времени и возникли города. Впрочемъ, въ XI вѣкѣ лѣтописи наши упоминаютъ только объ одномъ такомъ пунктѣ въ этой странѣ, именно *о Брестѣ*, можетъ-быть, потому, что мѣстоположеніе его было чрезвычайно важно въ подобномъ отношеніи. Уже Кадлубекъ дѣлаетъ замѣчаніе: *Brestensis urbs tam viris quam arte et loci situ munitissima*. Основаніе Бреста относятъ къ 1018 году ⁽²²⁾; но положительныя извѣстія объ этой странѣ начинаются у Нестора только съ 1097 года. Во время раздоровъ русскихъ князей при в. к. кіевскомъ Святополкѣ (1093—1113), подъ этимъ годомъ говорится: «Святополку обѣщавшюся прогнати Давыда *пouде къ Берестю* къ Ляхомъ; се слышавъ Давидъ, иде въ Ляхы къ

⁽²⁰⁾ Полн. Собр. Русс. Лѣт., т. I, стр. 10.

⁽²¹⁾ Ibid., стр. 65.

⁽²²⁾ *Obraz Litwy przez Jaroszewicza* Wilno 1844. Т. I, стр. 36. Но подъ 1019 и 1022 годами у Нестора и подъ 1017 годомъ въ Новгородской

Володиславу, ища помощи. Ляхове же обѣщашася ему помагати, и взяша у него злата 50 гривенъ, рекуще ему: *пойди съ нами Берестью.... и ту умиримъ ты съ Святополкомъ*»; и послухавъ ихъ Давидъ, *иде Берестью съ Володиславомъ. И ста Святополкъ въ градъ, а Ляхове на Бугу*, и проч. ⁽²³⁾ Далѣе упоминается о немъ подъ 1101 годомъ: *«заратися Ярославъ Ярополчичъ Берестьи и иде на нь Святополкъ и заста ѿ въ градъ, и емъ ѿ, и окова, и приведе ѿ Кыеву»*. ⁽²⁴⁾ Ярославъ успѣлъ спастись бѣгствомъ изъ Кіева; но не прошло и мѣсяца, какъ онъ вторично былъ привезенъ въ Кіевъ, схваченный недалеко отъ Бреста, на р. Нуръ. Подъ 1102 годомъ читаемъ: *«прелстивъ Ярославъ Святополчичъ Ярослава Ярополчича, и ятъ ѿ на Нуръ и приведе ѿ къ отцю Святополку, и оковаша ѿ»*. ⁽²⁵⁾

Эти мѣста показываютъ, что Брестъ съ окрестными странами на правой сторонѣ р. Буга, въ XI и началъ XII вѣка, находился во власти князей юго-западной Руси. Онъ принадлежалъ имъ въ XII и XIII столѣтіяхъ до начала XIV, или до распространенія надъ этою страню господства князей литовско-русскихъ, какъ это видно изъ слѣдующихъ мѣстъ лѣтописи. Подъ 1142 годомъ Ипат. лѣт. говоритъ о распряхъ между в. к. кіевскимъ *Всеволодомъ* и князьями *удѣльными* и о союзѣ, который заключили между собою послѣдніе противъ перваго съ намѣреніемъ овладѣть лучшими удѣлами. «И позва Всеволодъ братью (Святослава, Владиміра, Изъяслава, Игоря) къ собѣ.... И ѣха Святославъ къ Игореву и рече: «что ти дасть братъ старній»? и рече Игорьъ: *«дасть ны по городу, Берестій и Дорогичинъ, Черторыескъ и Кльчскъ, а отчинъ своеѣ не дасть Вятичь»*. ⁽²⁶⁾ Всеволодъ убѣждаетъ ихъ: «братья моя! возьмите у мене съ любовію, что вы даю, Городечь, Рогачевъ, *Берестій, Дорогичинъ, Кличскъ* и болѣе не воуетеся

Лѣтописи (Полн. Собр. Русс. Лѣт., т. III, стр. 1) упоминается не объ этомъ Брестѣ. Первоначальную осѣдлость племенъ славянскихъ на мѣстѣ нынѣшняго Бреста относятъ къ X и IX столѣтіямъ (г. Шпилевскій въ «Путешествій по Полѣсью» и проч. «Совр.» 1853 г. № VI.

⁽²³⁾ Полн. Собр. Русс. Лѣт., т. I, стр. 114.

⁽²⁴⁾ Ibid., стр. 117.

⁽²⁵⁾ Ibid.

⁽²⁶⁾ Полн. Собр. Русс. Лѣт., т. II, стр. 18.

съ Мстиславичи». ⁽²⁷⁾ Всеволодъ успѣлъ разстроить союзъ братьевъ, послѣ чего «радъ бывъ разлученью ихъ..... да Берестій, Дорогичинъ и Выщизъ, Ормину (вѣроятно, Владиміру или Изъяславу), а братама да Игореву Городечъ, Гюргевъ и Рогачевъ, а Святославу Клеческъ и Черторыескъ и тако разошася». ⁽²⁸⁾ Въ началѣ XIII вѣка Брестъ принадлежитъ Даниилу Романовичу, который въ 1213 году: «возвратившуся къ домови и ѣха съ братомъ и прія Берестій и Угровескъ, и Верещинъ, и Столпѣ, Комовъ и всю украину. Лестько же великъ гнѣвъ имѣя на Данила; веснѣ же бывши, и ѣхаша Ляховѣ воевать, и воеваша по Бугу». ⁽²⁹⁾ Въ 1227 году Брестъ находится во власти Василька: «братъ же (Даниилъ Романовичъ) да Василькови Луческъ и Пересопницю, *Берестій же ему бя прежде далъ*». Въ этомъ же году Даниилъ и Василько отражаютъ Ятвяговъ, нанавшихъ на Брестскую область подъ предводительствомъ своихъ князей: Моводунича Шутрова, Стегута Зебровича и Небра. ⁽³⁰⁾ Въ 1229 году Даниилъ, отправившись съ Василькомъ на помощь Конраду противъ Владислава, въ области Берестовской, для защищенія ея отъ нападений Ятвяговъ, оставляетъ въ Брестѣ князя пинскаго Владиміра. «Сама же (Даниилъ и Василько) влоста на войну, *остависта же въ Берестіи Володимера Пиньского, и Угровъчаны и Берестьяны, стеречи землѣ отъ Ятьвязь.*» ⁽³¹⁾ Пользуясь ихъ отсутствіемъ, на Брестскую область напали Литовцы, но были истреблены до одного. «И придоша (Литва) ко Берестью..... и изыде (Владиміръ Пинскій) на нѣ и Берестьяне вси, *избиша ѣ всѣ.*» ⁽³²⁾ Далѣе упоминаетъ Лѣтопись о Брестѣ подъ 1235 и 1240 годами ⁽³³⁾, какъ о городѣ, находящемся во власти князей русскихъ, а еще яснѣе Лѣтопись упоминаетъ объ этомъ во второй половинѣ XIII столѣтія, какъ увидимъ ниже.

Изъ этого обзора лѣтописныхъ извѣстій видимъ, что земли, лежація на лѣвомъ берегу р. Западнаго Буга, гдѣ глав-

---

⁽²⁷⁾ Ibid.. стр. 19.

⁽²⁸⁾ Ibid. стр. 89.

⁽²⁹⁾ Ibid. стр. 160.

⁽³⁰⁾ Ibid. стр. 167.

⁽³¹⁾ Полн. Собр. Русс. лѣт., т. II, стр. 168.

⁽³²⁾ Ibid.

⁽³³⁾ Ibid. стр. 173 и 178.

нымъ пунктомъ былъ городъ Брестъ, принадлежали въ XII и XIII столѣтїяхъ князьямъ русскимъ. Не безъ основанїя можно думать, что онѣ принадлежали имъ и прежде этого времени, т.—е. въ XI и концѣ X столѣтїя. Кромѣ приведенныхъ выше словъ Нестора подъ 983; 1018, 1038, 1040, 1041, 1047 и др. годами, такъ думать можно еще и потому, что Западный Бугъ съ древнѣйшихъ временъ считается у лѣтописцевъ пограничною рѣкою, что самъ Длугошъ называетъ этотъ городъ «Brzeskie Ruthenicae», что Берестьяне, по словамъ Нарушевича (34), съ давнихъ поръ были послѣдователями православной вѣры и всегда отличались преданностію русскимъ князьямъ. Эти обстоятельства заставляютъ, вопреки мнѣнію Нарушевича, думать, что самое основаніе этому городу положено было населеніемъ русскимъ во времена святаго Владиміра или Ярослава I, тѣмъ болѣе, что уже въ эти времена въ ближайшихъ странахъ на югѣ и востокѣ господствовала національность русская, происшедшая отъ сліянїя въ одно цѣлое разнообразныхъ оттѣнковъ славянскаго быта, подъ благотворнымъ вліяніемъ христіанской вѣры и единой державной власти Норманновъ. Если же королямъ польскимъ и удавалось иногда въ эти три столѣтїя присвоить себѣ власть надъ этою странюю, при благопрїятствовавшихъ тому обстоятельствахъ, то господство ихъ здѣсь было непродолжительно. Берестьяне тяготились этою зависимостію, не упускали случая присоединиться къ единокровной Руси, какъ объ этомъ, на примѣръ, заботится во времена Казиміра такъ-называемый Богуфаломъ, *princeps Brestensis*.

О городѣ *Кобринь* знаемъ изъ грамоты 1493 года, что онъ съ близлежащими мѣстами не только въ концѣ XV столѣтїя принадлежалъ русскому князю Ивану Семеновичу, но и гораздо прежде составлялъ владѣніе дѣда жены его князя Андрея Владиміровича. (35) Изъ грамоты же короля польскаго Казиміра 1484 года видно, что Андрей Владиміровичъ получилъ кобринскїя помѣстья отъ великаго князя литовскаго Витовта, слѣдовательно, между 1392 и 1430 годомъ. (36) Князь

---

(34) *Narusz. Hist. Nar. Pols. T. IV. Xisega I, przyp. 58.*

(35) Акты, относящїеся къ исторїи Западной Россїи, т. I. № 3.

(36) *Ibid. № 85.*

Андрей, равно-какъ и упоминаемый въ той же грамотѣ родной его братъ *Иванъ* были, по всей вѣроятности, дѣти того *Владимира*, который, по извѣстію Стрыйковскаго, палъ въ битвѣ съ Гедиминомъ въ 1321 году, защищая наслѣдственный свой городъ *Владимиръ-Вольинскій*. ⁽³⁷⁾ Въ такомъ случаѣ, какъ потомки *Данила Романовича*, внуки сына его *Льва Даниловича*, они были ближайшими наслѣдниками владѣній бездѣтно скончавшагося *Владимира Васильковича*, который въ концѣ XIII столѣтія записалъ Кобринъ съ ближайшими помѣстьями супругѣ своей, княгинѣ *Ольгѣ Романовнѣ*, какъ это видно, изъ его духовнаго завѣщанія, сохраненнаго *Ипатьевскимъ Лѣтописцемъ* подъ 1287 годомъ. Въ немъ умирающій князь назначаетъ по себѣ преемникомъ брата своего *Мстислава*, которому отдаетъ: «землю свою всю и столпный свой городъ *Володимеръ*»; другою же грамотою: «далъ есмь княгинѣ своей (*Ольгѣ Романовнѣ*) по своему животоу, городъ свой *Кобринъ*, и съ людьми и съ данью, како при мнѣ давали, тако и по мнѣ ать дають княгинѣ моей. Азъ же далъ есмь ей село свое *Городльзъ* (по другимъ спискамъ, *Городло*, *Городно* — очевидно, нынѣшнее мѣстечко *Городлицъ*, находящееся въ 22 верстахъ отъ Кобрина) и съ мытомъ.... А *Садовое* и *Сомино* далъ есмь княгинѣ своей, и монастырь свой *Апостолы*, иже создахъ ѿ силою своею. А село *Березовичь*..... далъ есмь ко Апостоломъ же» и, проч. ⁽³⁸⁾ Самое построеніе этого города, которое относятъ къ XII и даже XI вѣку, приписываютъ русскимъ князьямъ изъ дома князей вольинскихъ. ⁽³⁹⁾ Взавъ все это въ соображеніе, нельзя не согласиться, что городъ Кобринъ съ окрестными странами не только въ XIII столѣтіи, но и раньше со времени его основанія находился во власти князей юго-западной Руси изъ дома Романа Мстиславича и сына его *Данила*, потомки которыхъ владѣютъ имъ даже въ концѣ XV столѣтія.

Подымаясь отъ Кобрина и Бреста на сѣверъ, вверхъ по теченію р. Буга, т.-е. по западной части нынѣшней губерніи

⁽³⁷⁾ См. особое прилѣчаніе въ концѣ статьи.

⁽³⁸⁾ Полн. Собр. Русс. Лѣт., т. II, стр. 215.

⁽³⁹⁾ Г. Шпилевскій «Путеш. по Полѣсью» и проч. «Совр.» за 1853 годъ. № VII. Отд. II, стр. 7.

Гродненской, встрѣчаемъ на этомъ пространствѣ древніе города: *Дрогичинъ, Мельникъ, Бѣльскъ, Каменецъ*. О времени ихъ основанія (кромя послѣдняго), хотя и не сохранилось точныхъ извѣстій въ лѣтописяхъ, но должно полагать, что они появились вскорѣ послѣ Бреста, около времени Ярослава I, и, безъ-сомнѣнія, изъ укрѣпленій, о которыхъ упоминалось выше. О первыхъ двухъ имѣемъ поводъ такъ думать и по существовавшимъ въ нихъ замкамъ, о которыхъ часто упоминаютъ историки, и остатки которыхъ видны еще и въ настоящее время ⁽⁴⁰⁾. Изъ этихъ городовъ раньше другихъ упоминается о *Дрогичинѣ*, и мы о немъ распространимся здѣсь болѣе, чѣмъ о другихъ городахъ, такъ-какъ онъ обыкновенно считается столицей Ятваговъ.

Уже выше изъ словъ Ипат. Лѣтоп. мы видѣли, что въ 1142 году Дрогичинъ вмѣстѣ съ Брестомъ былъ отданъ Давидовичамъ в. к. Всеволодомъ. Это древнѣйшее извѣстіе о Дрогичинѣ; что лѣтопись въ этомъ мѣстѣ говоритъ именно о Дрогичинѣ Гродненской губерніи, лежащемъ на Зап. Бугѣ, выше м. Мельника, можно заключить изъ того, что здѣсь говорится о городѣ, ближайшемъ къ Бресту, и что уже въ 1101 и 1102 годахъ страна по р. Нурцу входила въ составъ владѣній русскихъ князей, какъ видѣли мы выше, а въ 1145 году принадлежала имъ даже Визна, городокъ, лежавшій привпаденіи въ Наревъ Бобра; во время похода въ Польшу русскихъ князей въ 1145 году (Игоря, Святослава, Владиміра) князья польскіе отдали ее Игорю: «а Игореву съ братьею даста Визну и тако возвратишася во свояси» ⁽⁴¹⁾. Такимъ-образомъ, вся страна отъ Бреста до Визны, или до впаденія Бобра въ Наревъ, принадлежала въ эти времена «Игореву съ братіею»; слѣдовательно, область Дрогичинская, лежавшая на этомъ пространствѣ, необходимо должна была входить въ составъ ихъ владѣній. И, по всей вѣроятности, подъ 1142 г. въ Ипат. Лѣт. говорится о Дрогичинѣ Гродненской губерніи.

Слѣдующее мѣсто древнѣйшаго историка Кадлубека еще луч-

⁽⁴⁰⁾ Остатки замковъ, находящіеся въ этихъ двухъ городахъ, заслуживаютъ мѣстнаго изслѣдованія и подробнаго описанія. Подобное описаніе имѣло бы немалую важность для исторіи здѣшняго края.

⁽⁴¹⁾ П. С. Р. Л. II, стр. 21.

ше подтверждаетъ слѣдующее нами заключеніе, показывая, что и въ концѣ XII столѣтія въ Дрогичинѣ властвовалъ какой-то русскій князь. Въ описаніи войны, которую велъ съ Ятвягами, или, какъ называетъ ихъ Кадлубекъ, Полѣсянами, король польскій Казиміръ (царст. отъ 1177—1194 г.), лѣтописецъ говоритъ, что онъ прежде всего устремился на дрогичинскаго князя, желая наказать его за помощь Ятвягамъ въ разграбленіи его земли. «*Notum (т.-е. Pollexianogum) quia latrunculos quidam Ruthenorum Drohicensis Princeps fovere consueverat, primus indignationis excipit aculeos: Urbi siquidem quae sui caput est Principatus (quam Drohiczyn vocant) inclusus obsidionum perargetur angustiis; non tam deditiois legibus accedere, quam perpetuae servitutis conditioni subesse*» (42). Изъ этого видно, что во второй половинѣ XII вѣка въ Дрогичинѣ властвовалъ какой-то русскій князь, *quidam Princeps Ruthenorum*, что Дрогичинъ былъ главнымъ городомъ въ его владѣніяхъ, мѣстомъ его пребыванія, *sui caput Principatus*, и что дрогичинскій князь покоренъ былъ Казиміромъ только въ концѣ XII столѣтія *perpetuae servitutis conditioni subesse*; слѣдовательно, до конца XII столѣтія Дрогичинъ вовсе не принадлежалъ Ятвягамъ.

Но князья русскіе не забывали своихъ правъ на городъ, издавна имъ принадлежавшій и теперь утраченный. Это особенно видно изъ слѣдующаго мѣста Ипатьевской Лѣтописи, подъ 1240 годомъ. По удаленіи Батыя въ Венгрію, Данилъ Романовичъ возвращается въ этомъ году въ Брестъ изъ Мазовша отъ князя Болеслава, у котораго нашель убѣжище во время опустошеній его владѣній Татарами. «И приде ко граду Дорогычину и восхотѣ внити въ градъ, и вѣстьно бысть ему, яко чие видеши во градъ.» Огорченный такимъ поступкомъ, Данилъ говоритъ: «*се былъ градъ нашъ и отецъ нашихъ....*» и отъиде мыслячи, иже Богъ послѣже отъмысь створи *держателю града* того и власть ѣ въ рудѣ Данилу; и обновивъ ѣ созда церковь прекрасну святоѣ Богородици, и рече: «*се градъ мой, преже бо пріяхъ ѣ копьемъ*» (43). Отсюда Данилъ отправился въ Брестъ, потомъ въ Холмъ.

---

(42) Кадлубекъ въ отдѣлѣ своего сочиненія — *de principatu Lesconis Albi*.

(43) П. С. Р. Л., т. II, стр. 179.

Кому же принадлежалъ въ это время Дрогичинъ и кто былъ этотъ «держатель града», не впустившій Данила въ этотъ городъ ?

Извѣстно, что мазовскій князь Конрадъ, тревожимый безпрестанными нападѣнями и грабежами древнихъ Пруссовъ-язычниковъ, призвалъ рыцарей тевтонскихъ и отдалъ имъ во владѣнiе землю Хелминскую между рѣками Вислою, Држвѣнцєю и Оссою, также всѣ тѣ земли, которыя они еще завоюютъ отъ Пруссовъ, съ тѣмъ условiемъ, чтобы рыцари, кромѣ обращенiя этихъ язычниковъ въ христіанскую вѣру, защищали отъ ихъ нападѣнiй Мазовше. Конрадъ получилъ на это соизволенiе императора нѣмецкаго Фридриха II особою грамотою 1226 года, также папы, и 1230 года подписанъ былъ окончательный трактатъ между Конрадомъ и рыцарями. Германъ Балькъ назначенъ былъ провинціальнымъ магистромъ этихъ рыцарей въ зависимости отъ гроссъ-мейстера тевтонскаго ордена. Подъ управленiемъ воинственнаго и храбраго Германа Балькъ рыцари эти, называвшіеся отъ древняго замка на р. Држвѣнцѣ *Добржсиня*, бывшаго главнымъ мѣстомъ ихъ пребыванiя, *Братьями Добржсиньскими*, быстро дѣлаютъ завоеванiя въ земляхъ язычниковъ-Пруссовъ и въ каіе-нибудь 10 лѣтъ распространяютъ свое господство надъ большею половиною земель Пруссовъ въ Натангія, Бартнія, Варминія, части Голендзя (44) и приближаются къ предѣламъ владѣній русскихъ князей. Къ этому времени относится договоръ, заключенный между Конрадомъ Мазовецкимъ и Германомъ Балькомъ 1237 года, найденный въ Берлинскомъ Архивѣ и приведенный у Фойгта. Въ немъ говорится : «*Conferimus et donamus Herm. et fratribus sui ordinis militum Christi domus quondam Dobrzynensis, castrum Drohiczyn, et totum territorium, quod ex eadem castri parte continetur, a medietate fluminum Bug et Nur, usque ad metas Ruthenorum, salvo jure ecclesiae Masovien-sis et nobilium, si quod in praedictis fluminibus hactenus habuerunt, ut Christo, sub ordinis sui debito militantes, ab jactantia paganorum defendant populum Christianum*» (45).

---

(44) *Dzieje Krzyżaków* przez L. Rogalskiego Warsz. 1846 г. Т. I, стр. 243—262, также карта при соч. *Pisma D. Szulca* Warsz. 1854 г.

(45) Voigt II, стр. 277, 278.

Изъ этого документа видно, что границы русскихъ владѣній въ первой половинѣ XIII столѣтія отодвинуты были на востокъ отъ Дрогичина до р. Нурца, что Дрогичинъ съ землями между Бугомъ и Нурцомъ принадлежали подъ конецъ первой половины XIII столѣтія рыцарямъ, которымъ были отданы Конрадомъ Мазовецкимъ въ замѣнъ за землю Добрыньскую. Если договоръ этотъ состоялся 1237 года, то очень естественно, что «держатель града», не пустившій Даниїла Романовича 1240 года въ этотъ городъ, были рыцари нѣмецкаго ордена.

Неизвѣстно съ точностью, какъ долго эти земли находились подъ властью рыцарей. Послѣднія слова вышеприведеннаго мѣста Ипат. Лѣт. «и обновивъ ѿ созда церковь прекрасну святоѣ Богородицы», и пр., показываютъ, что уже 1240 года Дрогичинъ былъ во власти Даниїла, если онъ въ этомъ году обновилъ его и выстроилъ въ немъ церковь во имя Пр. Богородицы; но слова эти, стоящія послѣ слова «отъиде», находятся въ противорѣчїи со смысломъ предъидущаго и возбуждаютъ нѣкоторое сомнѣніе относительно хронологїи. Если вѣрить хронологїи Ипат. Лѣтописи ⁽⁴⁶⁾, то Даниїлъ Романовичъ старался изгнать отсюда рыцарей даже прежде 1240 года, какъ показываетъ слѣдующее мѣсто подъ 1235 годомъ. «Веснѣ же бывши, поидоста на Ятвязѣ и придоستا Берестью; рѣкамъ наводнившимся, и не возмогоша ити на Ятвязѣ. Данилови рекшу: «не лѣпо есть держати наше отчины крижевникомъ, Тепличемъ (Темпличемъ), рекомымъ Соломоничемъ», и поидоста на нѣ въ силѣ тяжьцѣ; приаستا градъ мѣсяца марта, старѣйшину ихъ Бруна яша и вои изонмаша и возвратиса Володимерь» ⁽⁴⁷⁾. Хотя здѣсь Лѣтопись и не говоритъ, какимъ именно городомъ овладѣлъ Даниїлъ, а Карамзинъ упоминаетъ только, что Даниїлъ ратоборствовалъ съ Нѣмецкимъ Орде-

---

⁽⁴⁶⁾ Хронологїя Ипат. Лѣт. во многихъ мѣстахъ сбивчива, запутана и не всегда согласна съ хронологїею другихъ лѣтописей. А потому повѣствуемое въ ней подъ 1235 годомъ о рыцаряхъ и предводителѣ ихъ, Брунѣ, не будетъ ли относиться къ 1240 или къ одному изъ ближайшихъ къ нему годовъ? Въ такомъ случаѣ проявилось бы сомнительное мѣсто въ ней относительно того, когда Даниїлъ отнялъ Дрогичинъ отъ рыцарей.

⁽⁴⁷⁾ П. С. Р. Л., т. II, стр. 175.

номъ, «занявшимъ какія-то изъ нашихъ древнихъ владѣній»⁽⁴⁸⁾; но, основываясь на предъидущемъ, можно думать, что здѣсь дѣло идетъ о Дрогичинѣ. «Старѣйшина же Брунъ», упоминаемый въ этомъ мѣстѣ Лѣтописи, есть начальникъ тѣхъ 14 рыцарей, которые были посвящены въ это званіе епископомъ прусскимъ еще прежде 1226 года, и которымъ Конрадъ Мазовецкій далъ во владѣніе, кромѣ замка Добржина въ землѣ Хелминской, еще и Сѣдлецъ въ Кулвахъ⁽⁴⁹⁾. Потому очевидно, что въ это время земли по Бугу принадлежали рыцарямъ.

Какъ бы то ни было, но что вскорѣ послѣ 1240 года эти земли были уже во власти Даниила, видно изъ описаній войнъ, вѣдѣнныхъ Данииломъ въ половинѣ XIII столѣтія съ Ятвягами. Чтобы наказать Ятвяговъ за безпрестанные набѣги и грабежи, князья юго-западной Руси предпринимаютъ походы въ ихъ землю въ 1250 и 1251 годахъ. Въ 1250 году отправились Василько и Конрадъ Мазовецкій, но дошли только до р. Нурца и должны были возвратиться съ дороги; «падшу снѣгу и серену не могоша ити и воротипася на Нурѣ»⁽⁵⁰⁾. Слѣдовательно, вся страна Дрогичинская до р. Нурца уже въ 1250 году принадлежала князьямъ русскимъ. Яснѣе это видно изъ описанія похода 1251 года, въ которомъ многочисленная рать Даниила, Василька, Семовита Мазовскаго и Болеслава отправляется противъ Ятвяговъ. Войска выступаютъ изъ Дрогичина. «И сняшася во Дрогичинь и поидоша (въ землю Ятвяжскую) и придоша болота (безъ-сомнѣнія, болота Наревскія, которыя и теперь тянутся по теченію этой рѣки) и наидоша на страну ихъ»⁽⁵¹⁾. Ужасное опустошеніе было произведено во всей странѣ Ятвяжской до р. «Олгъ», называемой иначе «Лѣкъ». «Оттуда же князь Даниль приде ко Визнь и преиде рѣку Наровь.... и придоста со славою на землю сооу....»⁽⁵²⁾. Слѣдовательно, переправясь чрезъ Наревъ, при Визнѣ, Данииль былъ уже въ своихъ владѣніяхъ, «на землѣ своей»; иначе,

---

⁽⁴⁸⁾ Кар. Ист. Гос. Рос., изд. Эйн., т. III, стр. 164.

⁽⁴⁹⁾ Dz. Krzyż. p. Rogals. t. I. str. 243.

⁽⁵⁰⁾ П. С. Р. Л., т. II, стр. 178.

⁽⁵¹⁾ П. С. Р. Л., т. II, стр. 188.

⁽⁵²⁾ Ibid. стр. 187.

р. Наревъ въ это время отдѣляла его владѣнія отъ Ятвяговъ.

Около этого же времени Лѣтопись начинаетъ упоминать и о другихъ городахъ на означенной мѣстности между Бугомъ и Наревомъ: *Мельникъ*, *Каменць* и *Бльльскъ*. О первомъ хотя упоминается въ Лѣтописи только подъ 1247 годомъ; но по древности онъ едва ли уступаетъ Дрогичину, судя по остаткамъ старины, замѣтнымъ въ немъ и въ настоящее время, а также и по самому его географическому положенію между двумя древними пунктами — Дрогичиномъ и Брестомъ. Подъ 1247 годомъ упоминаетъ о немъ Лѣтопись Ипат. по-случаю опустошительныхъ набѣговъ Литвы, простиравшихся до этого города ⁽⁵³⁾. Далѣе та же лѣтопись упоминаетъ о немъ подъ 1260 годомъ, когда татарскій предводитель, Бурундай, отправляясь на войну въ Литву, звалъ и Данила отправиться вмѣстѣ съ нимъ. «И ѣха Василко за брата и проводи его брать до Берестя и посла съ нимъ люди своя; и помолився Богу святому Спасу Избавнику, *яже есть икона, яже есть въ городѣ Мльницѣ во церкви святой Богородицы* и нынѣ стоитъ въ величѣ чести, обѣща ему Данило Король украсити ѣ» ⁽⁵⁴⁾. Въ 1262 году Литва снова произвела опустошенія въ окрестностяхъ Мельника, гдѣ «взяша полона много»; но Василько съ сыномъ Владиміромъ нанесли имъ такое пораженіе, что ни одинъ изъ нихъ не успѣлъ спастись ⁽⁵⁵⁾. Подъ 1281 г. упоминается о Мельникѣ по-случаю перелвиженія чрезъ него войскъ, которыя шли на помощь кн. мазовскому Конраду, воевавшему съ братомъ своимъ Болеславомъ. Мельникъ служилъ сборнымъ пунктомъ, откуда выступилъ съ соединенными полками Василько въ Мазовше ⁽⁵⁶⁾. Въ 1282 г. Мельникъ принадлежитъ Юрію Львовичу. «*Быша (Юрій) въ Мльницѣ* и присла къ нему отецъ его Левъ, река ему тако: «сыну мой Юрь! не ходи самъ съ Литвою (на Болеслава, мазовскаго князя).... Юрь же не поиде по отиѣ словѣ, но посла рать свою...» ⁽⁵⁷⁾ Тому же

⁽⁵³⁾ Ibid. стр. 182.

⁽⁵⁴⁾ Ibid., стр. 197.

⁽⁵⁵⁾ Ibid., стр. 200.

⁽⁵⁶⁾ Ibid., стр. 209.

⁽⁵⁷⁾ Ibid., стр. 211.

Юрію принадлежит Мельникъ и въ 1288 году вмѣстѣ съ Дрогичиномъ, какъ увидимъ ниже.

Земли къ востоку отъ Дрогичина и Мельника и къ сѣверу отъ Бреста лежали въ запустѣніи 80 лѣтъ послѣ Романа. «Сія же страна бѣше пустѣла 80 лѣтъ по Романѣ.» Только Владиміръ Васильковичъ (1272 — 1289 г.) выстроилъ здѣсь на р. Лыствѣ (Леснѣ) городъ *Каменецъ*, подробности построенія котораго сообщаетъ Лѣтопись подъ 1276 голомъ⁽⁵⁸⁾. Выстроенный имъ каменный «столпъ», высотой въ 17 сажень, стоитъ въ теченіе почти шести вѣковъ и въ настоящее время въ его первоначальной формѣ и размѣрахъ, равно-какъ и церковь Благовѣщенія. «Създа же въ немъ столпъ камень, высотой 17 сажней, подобенъ удивленію всѣмъ зрящимъ на нь; и церковь постави Благовѣщенія свята Богородицы и украси ю иконами златыми, и съсуды скова служебныя сребрены», и пр.⁽⁵⁹⁾

Раньше чѣмъ о Каменцѣ упоминаетъ лѣтопись о *Бѣльскѣ* въ странахъ, простиравшихся на сѣверъ отъ Дрогичина и Каменца до р. Наревъ, которыя не только въ 1250 году, но и гораздо раньше принадлежали Данилу Романовичу и его предшественникамъ. Первое о немъ извѣстіе находимъ подъ 1253 голомъ; но лѣтописецъ упоминаетъ здѣсь о немъ уже какъ объ общезвѣстномъ, а не какъ о новомъ, недавно выстроенномъ городѣ⁽⁶⁰⁾. Потомъ упоминается о немъ въ княженіе Владиміра Васильковича, слѣдовательно, между 1272 — 1289 голомъ. Лѣтописецъ, повѣствуя о благочестивой ревности сего князя къ строенію церквей и снабженію ихъ золотыми иконами, серебряными сосудами, крестами, также книгами и пр. въ Брестѣ, Каменцѣ и другихъ церквахъ, говоритъ: «также и у *Бѣлску* поустрои церковь иконами и книгами»⁽⁶¹⁾. Но къ которой изъ бѣльскихъ церквей относится это замѣча-

---

⁽⁵⁸⁾ П. С. Р. Л., т. II, стр. 206 и 222.

⁽⁵⁹⁾ Впрочемъ, нынѣшняя каменецкая церковь Благовѣщенія деревянная, а потому, можегъ-быть, одно только названіе ея сохраняется по настоящее время отъ 1276 года.

⁽⁶⁰⁾ Ibidem.

⁽⁶¹⁾ П. С. Р. Л., т. II, стр. 222.

ніе лѣтописца, мѣстный изслѣдователь рѣшить этого не можетъ (62).

Въ-теченіе всей второй половины XIII столѣтія до временъ распространенія надъ западною Русью господства Литвы и Польши, земли между Бугомъ и Наревомъ съ городами Дрогичиномъ, Мельникомъ, Каменцомъ, Бѣльскомъ и др. находились постоянно во власти Данила Романовича (который, по мнѣнію нѣкоторыхъ, даже короновался 1255 года въ этомъ Дрогичинѣ), а по смерти его—во власти его преемниковъ. При Василькѣ, братѣ и преемникѣ Данила, Дрогичинская область принадлежала *Шварну Даниловичу* до 1267 года, а по смерти сего послѣдняго перешла къ *Льву Даниловичу*, владѣтелю Галича и Холма, и оставалась въ его власти чрезъ все время княженія *Владимира Васильковича* (1269 — 1289 г.). Послѣдній, не имѣя дѣтей, назначилъ въ духовномъ завѣщаніи своимъ наследникомъ *Мстислава Даниловича*, мимо старшаго его брата *Льва Даниловича* и сына *Юрія*, которыхъ набожный и добродушный Владимиръ не любилъ за ихъ лукавые проски. Оскорбленный Левъ Даниловичъ хотѣлъ выпросить у него по-крайней-мѣрѣ *Брестъ*; но и это ему не удалось. Не удалась также и хитрость сына его *Юрія*, властвовавшего въ Дрогичинѣ и Мельникѣ, который съ притворною печалью жаловался Владимиру на своего отца, говоря: «Господине, строю мой!... отецъ мой... отнимаетъ у мене города, что ми былъ далъ, Бѣлзъ, и Червень, и Холмъ, а велитъ ми быти въ *Дорогичинь* и въ *Мълниць*; а бью челомъ Богу и тобѣ, строю своему, дай ми, господине, *Берестій*, то бы ми сполу было» (63). Владимиръ не смягчился просьбою своего племянника и не далъ ему Бреста. Тогда Юрій прибѣгнулъ къ другимъ мѣрамъ. Еще при жизни Владимира онъ склонилъ на свою сторону Берестьянъ, которые, по словамъ лѣтописца, «учинили коромолу..... ѣхавше къ Юреви князю цѣловаше крестъ на томъ, рекуче: «како не доставеть стрія твоего (Владимира) ино мы твои и городъ твой, а ты нашъ князь» (64).

---

(62) Г. Ярошевичъ, въ ст. о прав. церк. въ Бѣльскѣ — см. «Гродн. Губ. Вѣд.».

(63) П. С. Р. Л., т. II, стр. 218.

(64) Ibid, стр. 223.

И дѣйствительно, какъ-только не стало Владимира Васильковича, Юрій сталъ властвовать въ Брестѣ, Каменцѣ и Бѣльскѣ; но еще въ томъ же 1289 году былъ изгнанъ изъ этихъ городовъ Мстиславомъ и бѣжалъ съ своими приверженцами въ Дрогичинъ. Мстиславъ повсюду былъ встрѣчаемъ съ живѣйшею радостью и овладѣлъ *Брестомъ, Каменцомъ и Бѣльскомъ*. «Поѣхъ Юрьи вонъ изъ города съ великимъ соромомъ, пограбивъ всѣ домы стрья своего, и не оставя камня на камени въ *Берестыи*, и въ *Каменци*, и въ *Бѣльски*..... ради ему (Мстиславу) быша вси людье; утвердивъ людіи, засаду посади въ *Бѣльски* и въ *Каменци*....» Берестьянъ же обложижъ онъ тяжкою данью за ихъ коромолу ⁽⁶⁵⁾. Миръ и спокойствіе царствовали въ этихъ странахъ подъ управленіемъ Мстислава, потому что князь «миръ держа съ околными сторонами, съ *Ляхы* и съ *Нѣмци*, съ *Литвою*, одержа землю свою величествомъ олны по Тотары, а съмо по *Ляхы* и по *Литву*.» Ятвяги также не тревожили уже этихъ земель своими набѣгами, ибо за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ они были совершенно истреблены.

Изъ слѣдующаго доселѣ обзорѣнія историческихъ извѣстій оказывается :

1) Что вышншіе города Брестъ, Кобринъ, Мельникъ, Дрогичинъ, Каменецъ, Бѣльскъ въ XIII, XII, отчасти XI столѣтіяхъ находились во власти князей юго-западной Руси, и, слѣдовательно, все пространство, на которомъ они находились, т.-е. земли между Западнымъ Бугомъ и р. Наревомъ, принадлежали этимъ князьямъ (иногда Польшѣ), а не Ятвягамъ. Мы видѣли также, что и во времена, предшествовавшія XI столѣтію, это пространство заселено было славянскими племенами, а не Ятвягами.

2) Что касается столицы Ятвяговъ, Дрогичина, то изъ разсмотрѣнія историческихъ о немъ извѣстій оказывается, что этотъ городъ находился во власти князей русскихъ, иногда переходилъ къ Польшѣ и съ самаго появленія его до времени распространенія надъ западною Русью господства Литовцевъ рѣшительно нельзя найти такого момента времени, въ который бы можно было допустить подобное въ немъ господство Ятвяговъ. Нельзя этого сказать и о Дрогичинѣ Кобринѣ

⁽⁶⁵⁾ П. С. Р. Л., т. II, стр. 224 и 225.

скаго уѣзда, который если бы и существовалъ въ эти времена (чего, впрочемъ, и предполагать невозможно), то постоянно находился во власти князей кобринскихъ или пинскихъ; а еще менѣе можно это думать о Дрогичинѣ вольинскомъ, принимаемомъ Нарушевичемъ⁽⁶⁶⁾ за столицу этого народа. Такимъ образомъ, господствующее еще и въ настоящее время мнѣнiю, по которому Дрогичинъ былъ столицею Ятвяговъ, оказывается ложнымъ.

3) Уже въ XIII столѣтiи находимъ на означенномъ пространствѣ, какъ-то: въ Дрогичинѣ, Мельникѣ, Каменцѣ, Бѣльскѣ и др., православныя церкви, которыя, быть-можетъ, существовали въ этихъ мѣстахъ и гораздо раньше. Это показываетъ, что уже во времена, предшествовавшiя ихъ появленiю, было немалое число послѣдователей православной вѣры на этомъ пространствѣ; иначе, кѣмъ и для кого онѣ строились бы? Появленiе же въ XV и XVI ст. православныхъ церквей и монастырей въ дальнѣйшихъ пунктахъ на сѣверѣ, какъ-то: въ Гродкѣ, Заблудовѣ, Супраслѣ, Нарвѣ и др.⁽⁶⁷⁾, при всѣхъ

⁽⁶⁶⁾ Hist. Nag. Pols. Warsz. 1803 г. Т. IV, str. 61.

⁽⁶⁷⁾ 1. Въ Бѣльскѣ въ XV и XVI столѣтiяхъ было уже 5 православныхъ церквей (см. статью г. Ярошевича въ «Гродненскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ»). Объ одной изъ нихъ — Пречистенской, или Замковой, въ которой положено тѣло княгини Вассы Михайловны, упоминаетъ грамота короля польскаго Александра, данная 1504 года (ibid.).

2 Нынѣшнiй православный Супрасльскiй монастырь (въ 16 верстахъ отъ Бѣлостока) основанъ былъ первоначально, въ 1498 г., Александромъ Ивановичемъ Ходкевичемъ въ мѣстечкѣ Гродкѣ, оттуда 1500 г. перенесенъ былъ въ м. Супрасль, гдѣ и теперь находится. Это отчасти подтверждаетъ и слѣдующая надпись на портретѣ основателя (во весь ростъ), стоящемъ въ цркви Супрасльскаго монастыря: «*Alexander Chodkiewicz Wojewoda Nowogrodzki i Marszałek W. X. L. ufundował Supraśl na Choroszcy r. 1506, a zamiana stała Choroszcy na Chorostow r. 1533 d. 30 X br.*» Въ другой надписи на портретѣ митрополита Иосифа Солтыка сказано: «*Jozef Soltyk Marszałek Nadworny W. X. L. Posłem obrany od Synodu Ruskiego a od Alexandra approbowany do Syxta IV Papieża, z wuznaniem stolicy S. Apostolskiej posłuszeństwa in religione S. B. M. Josephiqus wprzod Arcy-Biskupem Smoleńskim a potem w r. 1497 został Metropolitą całej Rusi. Dobrazasługach w sobie od Króla Alexandra nadane Klasztorowi Supraślskiemu aplikował. Umarł. roku 1515.*»

3. Православная црковь въ Заблудовѣ основана 1597 года Григориемъ Ходкевичемъ, сыномъ упомянутаго Александра, основавшаго монастырь Супрасль. Въ фундашевой записи основатель говоритъ: «*caes poddаннымъ*

неблагопріятствовавшихъ тому обстоятельствахъ, показываетъ ту постепенность, съ которою свѣтъ христіанской вѣры распространялся изъ Кіева по западнымъ частямъ губерніи Гродненской съ юга на сѣверъ, между массами народонаселенія. Все это ведетъ къ тому заключенію, что страны эти давнымъ-давно освободились (если когда-нибудь и были въ ихъ власти) отъ такихъ полукочевыхъ дикарей, каковыми были Ятвяги, коснѣвшіе въ язычествѣ во всѣ времена своего существованія.

Послѣ такого положительнаго свидѣтельства исторіи можно ли согласиться съ вышеприведенными мнѣніями Стрыйковскаго, Бѣльскаго и ихъ послѣдователей, утверждающихъ, что Ятвягамъ принадлежала вся страна отъ земли древнихъ Прусовъ до Волыни, что столицею ихъ былъ городъ Дрогичинъ? По-крайней-мѣрѣ, относительно тѣхъ временъ, о которыхъ сохранились несомнѣнныя историческія извѣстія, т.-е. съ X по XIII столѣтіе, ошибочность подобныхъ мнѣній обнаруживается какъ нельзя яснѣе.

Перейдемъ ко второй половинѣ нашего вопроса: обозначенію пространства, занимаемаго Ятвягами.

Уже изъ сказаннаго доселѣ явствуетъ, что Ятвяговъ не должно искать въ странахъ, лежащихъ къ югу отъ р. Наревъ, ибо съ юга почти до этой рѣки простирались владѣнія князей юго-западной Руси въ XIII столѣтіи и раньше. Ихъ должно

наши того имени нашего Заблудовскаго... . повинни будут на год давати десятины зволокъ зуполов жыта полковы ячменю полковы итакто есмо насес час подлуг волок тепер оседлых окром того што еше напрод осести могут и шацовали ижъ ечимит тов десятины о подданых жыта копъ двесте а ячменю копъ двесте нагод.....» (Собр. грам. и акт. Минской губер., № 138) Одна половина этой десятины давалась «Свещеннику и диакону Рускому», а другая «плебану до костела Римскаго». Слѣдовательно, въ XVI столѣтіи въ окрестностяхъ мѣстечка было уже 400 волокъ (т.-е. не менѣе 6,000 десятинъ) земли, обработанной и заселенной послѣдователями «закону Грецкаго и Римскаго», и первыхъ было въ это время не менѣе половины.

Все это показываетъ, что около Супрасля, Гродка, Заблудова, Наревы, Бѣльска было большое число исповѣдовавшихъ православную вѣру въ XV столѣтіи, т.-е. черезъ два столѣтія послѣ того, какъ лѣтописи начинаютъ упоминать о православныхъ церквахъ, возникшихъ въ странахъ между р. Наревомъ и Бугомъ, въ Дрогичинѣ, Мельникѣ, Камевцѣ и др.

искать на правомъ берегу этой рѣки. Въ 1279 году, когда голодъ распространился въ Руси, Польшѣ, Литвѣ и въ *странѣ Ятвяжской*, Владиміръ Васильковичъ, по просьбѣ Ятвяговъ, посылаетъ въ ихъ страну хлѣбъ для продажи. «Володимеръ изъ *Берестя* посла къ нимъ жито, въ лодяхъ, по *Бугу*..... Идущимъ же имъ по *Бугу*, и тако *возидоша на Наревъ* и *поидоша по Нарови* и *придоша подъ городъ подъ Полтовескъ*»⁽⁶⁸⁾. Но подъ этимъ городомъ, принадлежавшимъ въ то время мазовскому князю Конраду, везшіе хлѣбъ были перебиты ночью неизвѣстно кѣмъ, хлѣбъ расхищенъ и не доставленъ по назначенію въ землю Ятвяжскую. Изъ этого мѣста Лѣтописи видно, что въ Ятвяжскую страну ходили по р. Наревѣ, слѣдовательно *земля Ятвяжская примыкала къ Нареву съ правой стороны*. А такъ-какъ съ лѣвой стороны примыкали къ этой рѣкѣ владѣнія русскихъ князей — область Бѣльская и Визна, то, безъ-сомнѣнія, только эта рѣка и тянушіяся по ея теченію большія болота отдѣляли однихъ отъ другихъ. Слѣдовательно, *р. Наревъ отдѣляла Ятвяговъ отъ владѣній князей юго-западной Руси*.

На сѣверо-западѣ страна Ятвяжская въ древнѣйшія времена, въ XI столѣтіи, примыкала къ землѣ *Голлдской*, или *Голлендзинской*. Это видно изъ Несторовой Лѣтописи, въ которой говорится, что Ярославъ I въ 1038 году покорилъ Ятвяговъ, а сынъ его Изъяславъ одержалъ побѣду 1057 года надъ соседями ихъ «Голядью». Съ этимъ же народомъ граничили Ятвяги и въ XIII столѣтіи. Земля же Голендзкая простиралась въ XIII и XIV столѣтіяхъ до верховьевъ рѣки Мсты (теперь Нетта), до верховьевъ рѣки Лэнки; а отъ Мазовша отдѣляла ее р. Виндента, какъ это видно изъ договорныхъ грамотъ и актовъ⁽⁶⁹⁾. А потому на сѣверо-западѣ земля Ятвяжская примыкала къ землѣ Голендзинской при верховьяхъ Нетты и Лэнки, а отъ Мазовша отдѣлялась р. Винцентою. Это подтверждаетъ отчасти и слѣдующее мѣсто Ипатьевской Лѣтописи. Въ описаніи похода Даниіла Романовича на Ятвяговъ 1251 г. сказано, что войска выступили изъ Дрогичина, перешли р. Наревъ и опустошили землю Ятвяжскую до р. Лэнки. «И

⁽⁶⁸⁾ П. С. Р. Л., т. II, стр. 208.

⁽⁶⁹⁾ См. Pisma D. Szulca 1854 г., стр. 133 — 135.

гнаша Русь и Ляхове по нихъ (Ятвязехъ), и мнози князи Ятвязьскіи набъени быша; и гнаша ѣ до рѣки Олга, и преста брань..... Идущимъ же имъ и плѣнящимъ и жгущимъ землю ихъ, *пришедшимъ же имъ рѣку Олгъ.....*» (70) Разумѣется, что эта «рѣка Олгъ, Олгъ», называемая въ другомъ мѣстѣ «Лѣкъ», есть нынѣшняя Лѣнка (Łeka, Łesha), впадающая въ Бобръ выше Гоніондза. На другой день по переходѣ чрезъ эту рѣку напали на Ятвяговъ сосѣди ихъ Пруссы и Борты. Это были рыцари, покорившіе уже въ это время большую часть земли Голендзкой, какъ видно изъ описанія ихъ вооруженія. «*Щитъ же ихъ яко зоря бѣ, шоломъ же ихъ яко солнце восходящую, копіемъ ихъ дръжащимъ въ рукахъ яко трѣсти мнози, стрѣльцемъ же обополь идущимъ, и держащимъ въ рукахъ розжанци своѣ.....*» (71). Итакъ, *къ сѣверо-западу отъ р. Наревъ, выше Вианы, страна Ятвяжская простиралась за р. Бобръ до истоковъ р. Лѣнки, Нетты и Винценты*, которыя отдѣляли ихъ съ одной стороны отъ Мазовша, съ другой отъ земли Голендзкой (Голядской) и отъ Прусовъ, Бортовъ и рыцарей (72).

(70) П. С. Р. Л., т. II, стр. 186.

(71) Ibid.

(72) Какъ и въ настоящее время въ этихъ мѣстахъ, по обѣимъ сторонамъ р. Бобра, замѣтны нѣкоторые слѣды пребыванія Ятвяговъ. Жъ нимъ принадлежатъ: 1) Два селенія на лѣвомъ берегу р. Бобра (въ Бѣлостокскомъ уѣздѣ, въ 14 верстахъ отъ мѣст. Суволоки), изъ которыхъ одно называется *Ятвезь стара*, другая—*Ятвезь нова*. Это названіе сохранилось, безъ сомнѣнія, отъ Ятвяговъ. Стрыйковскій, вѣроятно, указываетъ на эти селенія, говоря объ остаткахъ Ятвяговъ около Райграда (изд. варш., 1766 г., на стр. 181). Что селенія эти могли существовать въ его время, доказательствомъ тому можетъ служить одинъ деревянный домъ, находящійся и въ настоящее время недалеко отъ этихъ селеній, въ которомъ на одномъ бревнѣ вырѣзанъ 1619 годъ, означающій время его построенія. О другихъ селеніяхъ упоминаемъ ниже. 2) Недалеко отъ этихъ селеній, въ двухъ или трехъ мѣстахъ, находится нѣчто въ родѣ кладбищъ. Нѣкоторые изъ здѣшнихъ обитателей даже называютъ ихъ *Ятвяжскими кладбищами* (mogilki Jadźwingowskie) и говорятъ, что на камняхъ, находящихся во множествѣ на этихъ кладбищахъ, видѣли вырѣзанную земледѣльческія орудія, какъ-то: серпы, косы, топоры и пр. Пишущему это случилось видѣть только одно подобнаго рода кладбище, находящееся въ полуверстѣ отъ Ятвези. Оно находится среди вспаханныхъ полей, занимаетъ пространство около 150 шаговъ длины и около половины того

На востокъ отъ истоковъ Ланки и Нетты предѣлы страны Ятвяжской *простирались вѣдъ Гродно и приликали къ Нѣману и Литвѣ*. Это видно изъ Дузбурга ⁽⁷³⁾ и Длугоша ⁽⁷⁴⁾, которые, впрочемъ, ошибочно считаютъ обитателей между Нѣманомъ и Наревомъ Литовцами, а не Ятвягами. Стрыйковскій также говоритъ, что Ятвяги поражены были въ 1282 году Лешкомъ Чернымъ «*между Наревомъ и Нѣманомъ*» ⁽⁷⁵⁾; а Хвальчевскій (писавшій въ 1549 г.), что они жили на границахъ Литвы, при Мазовши, иначе между Мазовшемъ и Литвою ⁽⁷⁶⁾. Кроме того также назначаетъ имъ съ этой стороны границу Литву, говоря, что «Ятвяги занимали пространство между Польшею, Русью, землею Пруссомъ, жили при границахъ литовскихъ» ⁽⁷⁷⁾. Впрочемъ, и за Нѣманомъ, въ Лидскомъ уѣздѣ (Виленск. губер.), между мѣстечкомъ Каменкой и Щучнымъ, есть еще и теперь два селенія, называющіяся *Ятвеекъ*; а вдалеко отъ этихъ селеній, на берегахъ рр. Котры и Пѣласы, живутъ *Юдвезсаи*, потомки Ятвяговъ, между которыми и по настоящее время сохранились нѣкоторыя свойства ихъ предковъ ⁽⁷⁸⁾; но это, безъ сомнѣнія, переселенцы съ лѣваго берега Нѣмана, а границы Ятвяговъ едва ли могли простирались за Нѣманъ до этихъ мѣстъ.

ширины. На немъ находится до 100 большихъ, необтесанныхъ камней, плитообразныхъ, продолговатыхъ, — всѣ въ стоячемъ положеніи. Ни на одномъ изъ нихъ не было замѣчено упоминаемыхъ изображеній. Жители не берутъ ихъ съ мѣста, ибо часто случалось, что поселянъ, бравшихъ эти камни для какого-либо употребленія, тревожили страшныя сновидѣнія; они избавлялись отъ нихъ, коль-скоро возвращали взятые камни на прежнее мѣсто. Оттого съ давнихъ временъ камни остаются нетронутыми. Къ какому времени отнести появленіе этихъ кладбищъ? Не имѣютъ ли они какой-нибудь связи съ покодомъ Данила Романовича, который 1251 г. былъ за Ланкою, и гдѣ-то въ этихъ мѣстахъ, между Райгродомъ и Ятвезью, происходили кровавыя битвы?

⁽⁷³⁾ Изд. Гартк., стр. 331.

⁽⁷⁴⁾ Т. I. X, стр. 43.

⁽⁷⁵⁾ Варш. изд., стр. 182.

⁽⁷⁶⁾ Изд. варш., 1829, на стр. 49: «*Jaczwyngowye sza to ludzyc okrutny na granyszach litewskych podla mazowsta myeskaya..... myedzy lythwa szym yezukem towuzcz.*»

⁽⁷⁷⁾ Изд. варш., 1767, стр. 91, кн. IV.

⁽⁷⁸⁾ См. Ист. Нарбуга, также Шафар. «Слав. Древн.», пер. Бодянк., т. II, стр. 291.

Труднѣе отыскать *восточные предѣлы* страны Ятвяжской по направленію къ югу отъ Нѣмана. Съ этой стороны она граничила съ Русью и Литвою. Въ лѣтописи подъ 1256 годомъ говорится, что во время похода Давиіла Романовича на Ятвяговъ къ нему присоединился съ своею дружиною «Романъ съ Новгородцами (Новогрудекъ), и со цтемъ своимъ Глѣбомъ, и со Изяславомъ со Вислочьскимъ» (79). Можетъ-быть, Изяславъ имѣлъ свои владѣнія на р. Свислочь, гдѣ нынѣ находится мѣстечко Свислочь; потому онъ по ошибкѣ переписчиковъ и названъ «со Вислочьскимъ», также «съ вислочьскимъ», вмѣсто «Свислочьскимъ». О Слонимѣ и Волковискѣ также упоминается въ Лѣтописи подъ 1252 и 1256 гг., какъ о ближайшихъ пунктахъ къ странѣ, занимаемой Ятвягами и имъ не принадлежавшихъ. Слѣдовательно, ни Слонимъ, ни Волковыскъ, можетъ-быть, даже земли, находящіяся у верховьевъ р. Свислочи, не были въ XIII столѣтіи во власти Ятвяговъ. Но что селища ятвяжскія распространялись даже подъ мѣстечко Свислочь, доказываетъ нынѣшняя деревня *Ятвезскъ* (Jatwesk), находящаяся въ 7 верстахъ отъ этого мѣстечка и которая есть ничто иное, какъ остатокъ древнихъ поселеній ятвяжскихъ, сохранившій отъ древнихъ временъ одно только названіе. Вѣроятнѣе всего, что къ сѣверу отъ этого селенія полоса лѣсовъ между рр. Свислочью и Россою была границею, стѣною, ограждавшею Ятвяговъ съ восточной стороны отъ Руси и Литвы; а къ югу, по направленію къ мѣстечку Каменцу и къ Пружанамъ, подобною же границею служила нынѣшняя Бѣловежская пуца (80). Въ такомъ случаѣ поселенія ят-

(79) П. С. Р. Л., т. II, стр. 192.

(80) Какъ велики были нѣкогда въ этомъ мѣстѣ лѣса, видно изъ одного мѣста договорной грамоты великихъ князей литовскихъ Кейстута и Ягеллы съ рыцарями въ 1379 г., гдѣ сказано: «Обитателямъ земли Гродненской для рыбной ловли, для охоты, также на строеніе жилищъ и другія потребности назначается пространство лѣсовъ на лѣвомъ берегу Нѣмана, начиная за милю отъ Пржеломки до того мѣста, гдѣ сходятся границы земли Гродненской съ границами округа Волковыскаго. Къ югу и ю.-з. отъ Нѣмана, по направленію къ землѣ Прусской, Ельской и Волковыской позволяется пользоваться этими лѣсами на разстояніи 6 миль; съ другой стороны Нѣмана на такое же пространство.» (См. *Kodex Litwy Rasczuńskiego*; также *Voigt'a t. X.*) Слѣдовательно, пуца въ этомъ мѣстѣ имѣла въ ширину не менѣе 12 миль; нынѣшняя Бѣловежская пуца была ихъ продолженіемъ.

вяжскія выступали у верховьевъ р. Нарева къ югу отъ этой рѣки (на пространство d e f., см. карту) по направленію къ Каменцу и Пружанамъ до того мѣста, гдѣ начинались владѣнія русскихъ князей. — Непроходимые лѣса Бѣловежской пуши служили, безъ-сомнѣнія, для воцѣщенныхъ хищниковъ главнымъ притономъ, откуда они предпринимали отважные набѣги на сосѣдственныя страны земледѣльческихъ Славянъ, съ цѣлю грабежа. Такимъ-образомъ, на югѣ они часто нападали и грабили область Брестскую, вторгались верѣдко даже на Вольнѣ; на востокъ проникали, можетъ-быть, до самаго Новогрудка. Это дало Стрыйковскому и другимъ поводъ думать, что Новогрудекъ съ окрестными селеніями находился въ ихъ власти, и назначать подъ жилища этого племени столь обширныя пространства.

Итакъ, *Ятвяги занимали въ XIII столѣтіи пространство между двумя большими рѣками: на сѣверъ — Нѣманомъ, на югъ — Наревомъ; на сѣверо-западъ страна ихъ простиралась до верховьевъ рр. Лэнки и Нетты, на востокъ — до верховьевъ р. Нарева и полосы лѣсовъ, идущей на югъ и сѣверъ отъ истоковъ этой рѣки.* Такимъ-образомъ, мѣстность a b c d e f g (см. карту) будетъ означать пространство, занимаемое Ятвягами, съ приблизительнымъ означеніемъ границъ ихъ страны. На этомъ пространствѣ должно искать упоминаемыхъ въ лѣтописи подъ 1256 г. и другихъ слѣдующихъ селищъ ятвяжскихъ: «все Болдикища, Привища, Тайсевице, Буряля, Раймоче, Комата, Дора, села Корковичи, Жебровичи»⁽⁸¹⁾. Въ недавнее время сдѣланы попытки къ отысканію нѣкоторыхъ изъ этихъ селеній ятвяжскихъ, самыхъ древнихъ въ здѣшнемъ краѣ, и г. Шульцъ⁽⁸²⁾ находитъ: Раймоче въ нынѣшнемъ селеніи *Ражоты*, недалеко отъ р. Бобра; Жебровичи—въ нынѣшн. *Жебрахъ, Жебркахъ*, тамъ же; Буряля—въ *Добржыяловъ*, выше Визны; Корковичи — въ *Коробице*, недалеко отъ Домбровы⁽⁸³⁾.

Эта непрерывавшаяся въ то время полоса лѣсовъ отъ Нѣмана до Каменца была границею страны Ятвяжской на востокъ.

⁽⁸¹⁾ П. С. Р. Л., т. II, стр. 192 и 193.

⁽⁸²⁾ Різма..... стр. 145.

⁽⁸³⁾ *Коревичи*—селеніе въ 14 верстахъ отъ Свислочи мѣст.—и *Куриловичи* за Волковыскомъ еще ближе подходятъ подъ лѣтописное названіе *Корковичи*; но на одномъ сходствѣ названій, которое можетъ быть и

На означенное нами пространство должно, впрочемъ, смотрѣть только какъ на главное гнѣздо Ятвяговъ, и мы означаемъ здѣсь границы ихъ страны только приблизительно: въ строгомъ же смыслѣ этого слова ихъ не должно искать. Да ихъ и не могло быть въ такомъ смыслѣ у народа полудикаго, полукочеваго, занимавшагося не земледѣліемъ, а грабежами, разбоями, безпрестанными набѣгами на сосѣдственныя страны. Такому народу сама природа поставляетъ границы въ высокихъ горахъ, большихъ рѣкахъ, непроходимыхъ лѣсахъ, топкихъ болотахъ. Означенное здѣсь пространство показываетъ мѣстѣ, въ какихъ тѣсныхъ предѣлахъ было замкнуто это полукочеевое племя въ послѣднія времена своего существованія племенами славянскими, племенами земледѣльческими, которыя, бывъ выведены изъ терпѣнія безпрестанными грабежами и хищничествомъ дикарей, какъ бы съ общаго согласія, рѣшили истребить ихъ совершенно. И они достигли своей цѣли. Исподволь ослабленные ими Ятвяги погибли отъ мстительнаго оружія озлобленныхъ сосѣдей. Лешекъ Черный 1282 года нанесъ имъ такое пораженіе, что ни одинъ изъ нихъ не возвратился съ поля кровавой битвы. Съ этого времени самое имя Ятвяговъ исчезаетъ изъ лѣтописей, изглаживается изъ памяти народной, и только весьма немногіе остатки вещественныхъ памятниковъ напоминаютъ въ настоящее время о Ятвягахъ и кровавыхъ битвахъ съ ними.

Что же это былъ за народъ, который находился въ постоянной враждѣ съ сосѣдями своими — Русью, Польшею, Литвою, Пруссамы, не могъ ужиться въ мирѣ ни съ однимъ изъ нихъ и погибъ наконецъ какъ бы очистительною жертвою въ отчаянной борьбѣ съ ними?

Объ этомъ предметѣ какъ у историковъ древнѣйшихъ, такъ и у новѣйшаго времени изслѣдователей встрѣчаемъ мнѣнія разнообразныя, однѣ съ другими несогласныя. Мы уже видѣли, что Ятвяги жили между Пруссамы и Литвою, между Польшею и Русью: этого достаточно было для писателей, чтобы выводить ихъ происхожденіе отъ одного изъ этихъ на-

---

случайнымъ, не подтвержденномъ другими историческими доказательствами, утверждать этого не можемъ.

родовъ, именно отъ того, съ которымъ, какъ имъ кажется, они имѣютъ наиболѣе сходства.

Такимъ-образомъ, *Длугошъ* считаетъ *Ятвяговъ* за одно племя съ *Литовцами* и *Пруссамы*, потому-что между языкомъ и нравами *Ятвяговъ* и этихъ народовъ замѣчается много сходства ⁽⁸⁵⁾. Того же мнѣнія держатся *Кромель*, *Стрыйковский*, *Бѣльскій*. Послѣдніе два увѣряютъ, что *Ятвяги* были одного происхожденія и языка съ *Литвою*, *древними Пруссамы*, *Половцами*; что они, подобно *Литвѣ*, произошли изъ смѣшенія *Готовъ* съ остатками *Кимеровъ* ⁽⁸⁶⁾. *Каллубекъ* говоритъ о *Ятвягахъ*: «Sunt autem Pollexiani (т.-е. *Ятвяги*), *Getharum seu Prussorum* genus, и, какъ бы въ подтвержденіе своей догадки, дѣлаетъ далѣе слѣдующее замѣчаніе объ одномъ вѣрованіи *Ятвяговъ*: «est enim omnium Getharum communis dementia, exutas corporibus animas, nascituris infundi corporibus quasdam etiam in brutorum assumptione corporum brutescere ⁽⁸⁷⁾».

Другое мнѣніе, совершенно противоположное упомянутымъ, находимъ у *Сарницкаго* и *Нарушевича*. Первый, на основаніи свидѣтельствъ древнихъ географовъ, выводитъ *Ятвяговъ* съ сѣверныхъ береговъ Чернаго моря. Второй дѣлаетъ замѣчаніе, что если и было сходство языка *ятвяжскаго* съ языкомъ *Литовцевъ* и древнихъ *Пруссовъ*, то это еще не доказываетъ одного съ ними происхожденія, ибо это сходство могло произойти отъ сосѣдства и сношеній съ ними. Онъ доказываетъ далѣе, что этотъ народъ былъ совершенно отличенъ какъ отъ *Литвы* и древнихъ *Пруссовъ*, такъ и отъ *Славянъ* и, вмѣстѣ съ *Сарницкимъ*, выводитъ ихъ отъ племенъ, кочевавшихъ у сѣверныхъ береговъ Чернаго моря. Нынѣшнихъ *Цыганъ* считаетъ онъ потомками древнихъ *Ятвяговъ*; а изъ отвѣта ихъ на вопросъ: кто ты? *Я Цыганъ*, объясняется,

⁽⁸⁵⁾ Т. I, p. 394. Pens Jaévingorum natione, lingua, ritu, religione et moribus magnam habebat cum *Litvanis*, *Pruthenis* et *Samogitis* conformitatem, cultui idolorum et ipsa dedita. Въ другомъ мѣстѣ: Jaévingorum natio.... cum *Pruthenica* et *Lithvanica* lingua habens magna ex parte similitudinem et intelligentiam.

⁽⁸⁶⁾ Кром. кн. IV, стр. 8; Стрыйск., стр. 180; Бѣльск., стр. 88.

⁽⁸⁷⁾ Каллуб. въ отд. своей хроникки: «de principatu Lesconis Albi».

по мнѣнію его, и самое названіе ихъ : *Языги, Языги* (Jazygac), т.-е. *Ятвяги* ⁽⁸⁸⁾. Но это совершенно ложно.

Отсюда видимъ , какъ сбивчивы и несогласны мнѣнія писателей объ этомъ предметѣ. По мнѣнію однихъ, Ятвяги были Литовцами , Готами , древними Пруссами ; по мнѣнію другихъ, они не были ни первыми, ни вторыми, ни третьими, а племенемъ особымъ , одинаково чуждымъ всѣмъ тремъ. Не будемъ входить въ подробный разборъ справедливости каждаго изъ этихъ мнѣній; рассмотримъ здѣсь только результатъ, полученный позднѣйшими изслѣдователями изъ разбора этихъ разнообразныхъ свидѣтельствъ , на которомъ основаны мнѣнія, въ настоящее время господствующія объ этомъ предметѣ.

Изслѣдованія ученыхъ новѣйшаго времени привели ихъ не къ одинаковымъ результатамъ. Г. *Ярошевичъ* считаетъ Ятвяговъ народомъ одноплеменнымъ съ Литвою , основываясь преимущественно на свидѣтельствѣ Длугоша ⁽⁸⁹⁾. Но другой изслѣдователь, г. *Шульцъ*, доказавъ ошибочность Длугошева мнѣнія (между-прочимъ, на основаніи рукописнаго экземпляра Хроники Богуфала , найденнаго въ Крелевецкомъ архивѣ, въ которомъ фраза Кадлубка *Getharum seu Prussorum genus*, перемѣняется въ *Lechitarum seu Prussorum genus*), опровергаетъ тѣмъ и мнѣніе г. Ярошевича и приходитъ къ тому заключенію , « что эти Ятвяги не были Литвою , ни Русью , ни Молдаванами ; что они называются *Польсянами* у Кадлубка, *Лехитами* у Богуфала ; что только господство надъ ними то Литвы, то Руси, которые иногда покоряли этотъ народъ своей власти, сдѣлало ихъ племенемъ чуждымъ , отличнымъ отъ Лехитовъ, и дало поводъ считать ихъ то Литвою , то Русью. « Ходъ событій , лучшее уразумѣніе лѣтописей, папскія буллы, точнѣйшее означеніе границъ *доказываютъ несомнѣннымъ образомъ ихъ происхожденіе польское.*» А потому Ятвягъ, по словамъ изслѣдователя, не должны быть привидѣніями въ исторіи здѣшняго края, не должны никого пугать суровыми чертами своего лица, ибо это Польсяне, Лехиты, подъ маскою литовскою ⁽⁹⁰⁾. Такимъ-образомъ, выходитъ по этому

⁽⁸⁸⁾ Hist. Nar. Pol. T. IV, примѣч. 118 къ кн. I.

⁽⁸⁹⁾ Obraz Litwy. Wilno. 1844. T. I, str. 12, § 5.

⁽⁹⁰⁾ Pisma D. Szulca Warsz. 1853. стр. 23, также 140—151.

мнѣнію, что никакихъ Ятвяговъ не было; а, между-тѣмъ, исторія этого народа представляетъ слишкомъ ясныя и убѣдительныя доводы противнаго.

Рядомъ съ этимъ мнѣніемъ встрѣчаемъ другое, совершенно ему противоположное и тѣмъ болѣе замѣчательное, что принадлежитъ ученому, отличающемуся всестороннимъ изслѣдованіемъ и глубокимъ знаніемъ нашихъ древностей. Говоримъ объ авторѣ «Славянскихъ Древностей». Въ отдѣлѣ этого сочиненія о народахъ сарматскаго племени Шафарикъ ⁽⁹¹⁾ говоритъ, что это азіатское племя, переселенное скиѣскими царями (около 633—605 г. до Р. Х.) изъ Мидіи въ страну, лежащую между Волгою, Дономъ и Меотійскимъ заливомъ, стало распространяться отсюда на западъ за Донъ, въ III вѣкѣ до Р. Х. подвинулось къ самому Днѣпру, а въ I вѣкѣ (между 60—55 г. до Р. Х.) является уже на всемъ пространствѣ между Днѣпромъ и Дунаемъ. Въ первыхъ вѣкахъ по Р. Х. до конца IV Сарматы господствуютъ во всемъ Черноморскомъ и Придунайскомъ краѣ до р. Тиссы въ видѣ отдѣльныхъ племенъ: *Яксаматовъ*, обитавшихъ при устьяхъ Дона съ восточной стороны; *Роксоланъ* — между Дономъ и Днѣпромъ (истреблены Готами и Гунами); *Аланъ* и *Языговъ*. Одна вѣтвь этихъ послѣднихъ, скитавшихся въ 7—17 г. по Р. Х; по нынѣшней Бессарабіи и Валлахіи, проникла отсюда, около половины I столѣтія, за Карпатскія горы, въ Венгрію на берега Тиссы; другая успѣла пробраться въ Подлясье и дѣлается извѣстною въ исторіи только въ концѣ X столѣтія подъ именемъ *Ятвяговъ*, или *Ятвези*, *Яцьвези*. Прибытіе ихъ въ эти покрытыя травой и лѣсомъ пустыни скрывается, по мнѣнію изслѣдователя, въ глубокой древности. Основываясь на свидѣтельствѣ Юрнанда, Мелы и Плинія, глубокомысленный изслѣдователь, вопреки Нарбуту и Нарушевичу, относящихъ прибытіе ихъ въ эту страну къ IV столѣтію съ береговъ Тиссы, думаетъ, что «сарматскіе Языги проникли сюда уже въ I вѣкѣ по Р. Х. со стороны Днѣпра и черноморскихъ краевъ, раскинули здѣсь свои станы среди Славянъ и питались либо данью и платой, налагаемой ими на незначитель-

---

⁽⁹¹⁾ Slowanské Starožitnosti, w Praze. 1837, str. 274—295, § 16; перев. Бодявск. II, стр. 266—312.

ные окружные народы, либо грабежемъ, опустошеніемъ и раззореніемъ сосѣднихъ земель.» Возможность этого подтверждается, между-прочимъ, еще и тѣмъ, что около того же времени и братья ихъ *Алане* пробрались далеко на сѣверъ чрезъ мирные славянскіе и чудскіе народы и для своихъ жилищъ заняли мѣсто около истоковъ Волги, Диѣпра и Западной Двины.

Такимъ-образомъ, кромѣ мнѣнія, по которому Ятвяги считаются племенемъ *литовскимъ*, господствуютъ въ настоящее время еще слѣдующія два мнѣнія, одно другому противоположны: одно — по которому Ятвяги считаются *Мазовианами*, слѣдовательно, племенемъ чисто *славянскимъ*; другое — по которому они были *Сарматами*, слѣдовательно, племенемъ совершенно отличнымъ отъ славянскаго. Принявъ безусловно первое мнѣніе, нужно совершенно отказаться отъ втораго, совершенно уничтожить Ятвяговъ и вѣрить, что ихъ вовсе не было, между-тѣмъ, какъ второе имѣетъ сильное доказательство въ сохранныхъ лѣтописцами чертахъ народнаго быта и во всей исторіи этого народа. Кому же вѣрить? которое мнѣніе справедливо?

Подобная противоположность мнѣній объ одномъ и томъ же предметѣ показываетъ, что истина должна заключаться въ чемъ-то среднемъ между этими крайностями, и вмѣстѣ обнаруживаетъ односторонность приведенныхъ мнѣній. Не отказывая ни тому, ни другому мнѣнію въ односторонней справедливости, нельзя не согласиться съ Шафарикомъ, что въ отдаленныя времена, какъ онъ полагаетъ, въ I вѣкѣ по Р. Х., племя не-славянское, чуждое ему, успѣло пробраться сквозь племена славянскія въ пустынное или малонаселенное Подлясье, гдѣ нашло много удобствъ для правильной кочевой жизни въ равнинахъ и тучныхъ пастбищахъ этой страны, огражденной большими лѣсами, рѣками и болотами. Такое племя дало начало племени Ятвяговъ, не-славянское происхожденіе которыхъ ясно обнаруживаютъ не только безпрестанная борьба съ окружающими и чуждыми ему племенами, но и черты народнаго быта, сохраненнаго лѣтописцами въ языкѣ, отличномъ отъ славянскаго ⁽⁹²⁾, въ полукочевой жизни на по-

---

(92) Всѣ историки единогласно утверждаютъ, что языкъ ятвяжскій

возкахъ («колымагахъ»), воинственномъ духѣ, образѣ веденія войны и пр. Если лѣтописцы начинаютъ упоминать о нихъ только съ конца X вѣка, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ заключать, чтобы они появились только теперь. Напротивъ, Ятвяги могли здѣсь существовать задолго до этого времени, и сохранившіяся въ лѣтописяхъ извѣстія съ конца X до конца XIII вѣка относятся только къ послѣднимъ временамъ ихъ существованія. Предшествовавшія же X столѣтію времена представляютъ широкую, пустынную степь, въ которой взоръ историка теряется въ туманной дали. Въ-послѣдствіи это племя заперто было отвсюду другими племенами, мало-по-малу разселявшимися, такъ-что не имѣло никуда выхода. Оттого по необходимости должна была завязаться упорная борьба, борьба на жизнь и смерть, которая и оканчивается въ концѣ XIII столѣтія совершенною гибелью Ятвяговъ.

Оруженное отвсюду племенами другаго происхожденія, бѣльшею частью славянскими, находясь въ безпрестанномъ соприкосновеніи съ ними, это чуждое по своему началу племя не могло не подвергнуться въ сильной степени ихъ вліянію, не могло долго сохранять свою національность въ чистотѣ безиримѣсной. Въ-теченіе нѣсколькихъ столѣтій сгладились рѣзкія формы національности не-славянской, и лишь двѣ-три отличительныя черты ея изъ послѣднихъ временъ существованія Ятвяговъ успѣли захватить и внести въ свои сочиненія лѣтописцы. Во второй же половинѣ XIII столѣтія, т.-е. въ послѣдніе полъ-вѣка изъ жизни, остатки эти были уже такъ незначительны, слабы и едва замѣтны, что г. Шульдъ, по разсмотрѣніи источниковъ, относящихся бѣльшею частью только къ послѣднимъ временамъ ихъ существованія, имѣетъ справедливую причину считать ихъ *Лехитами* («Поляками»), ибо

былъ совершенно отличенъ отъ славянскаго. Кромежь (IV кн.) говорятъ. «*Feruntur adhuc tenues eorum reliquiae superesse in Lithuania et Russia diversa prorsus a Slavis et Lithvanis lingua utentes.* Мы уже выше привели нѣсколько названій селеній ятвяжскихъ, отличныхъ отъ славянскихъ. Изъ предводителей упоминаются въ лѣтописи подъ 1227 г.: «Моньдуничъ Шутръ, Стегутъ Зебровичъ», подъ 1231 г. — «Яшелтъ, Небастъ, Стекинтъ, Комать», подъ 1236 г. — «Юндилъ». Изъ племенъ ятвяжскихъ извѣстны: «Злинци, Крисменцъ, Покъвицъ», упоминаемыя въ лѣтописи подъ 1236 годомъ.

уже въ это время элементъ славянскій (Мазовшане) преобладалъ въ странѣ Ятвяжской. Можно доказать, что въ такомъ же точно смыслѣ Ятвяги могутъ быть племенемъ *литовскимъ*. Напротивъ-того, авторъ «Славянскихъ Древностей», обращавшій болѣе вниманія на это племя во времена гораздо древнѣйшія, видитъ въ нихъ *Сарматовъ*. Думаемъ, что отъ такого воззрѣнія на одинъ и тотъ же предметъ съ двухъ различныхъ сторонъ, отъ устремленія усиленнаго вниманія на два крайніе пункта произошла подобная противоположность во мнѣніяхъ и изслѣдователи получили неодинаковые результаты.

Самое названіе этого народа остается до сихъ поръ нерѣшенною загадкою: ибо мнѣніе объ этомъ предметѣ Нарушевича, производящаго это названіе отъ «*ia Cugan*», Сарницкаго, выводящаго его отъ греческаго *ζύρον* (яро), равно-какъ г. Θ. Булгарива⁽⁹³⁾ и отчасти Нарбута⁽⁹⁴⁾, объясняющихъ это названіе словомъ *языки*, которымъ называлъ себя будто бы этотъ народъ въ отличіе отъ *безъязычныхъ*, т.-е. *Нѣмцевъ*, также словомъ *язычники* (*Czestobohi*) т.-е. идолопоклонники, и другія мнѣнія давно потеряли свой вѣсъ и въ настоящее время не имѣютъ смысла. Различныя формы этого названія у сосѣдственныхъ съ Ятвягами племенъ славянскихъ: у Русскихъ, Поляковъ, также у Литовцевъ (въ русскихъ лѣтописяхъ они называются: *Ятвѣги, Ятвѣзь, Ятвезь*; въ польскихъ: *Jatweż, Jaćwież*, также *Jaćwing, Jaźwing, Jadźwing, Jaczwing*, во множественномъ числѣ *Jadźwingowie*; у Литовцевъ *Jatwezy, Jodweżaj*), показываютъ, что всѣ они происходятъ изъ одного источника. Намъ кажется довольно правдоподобнымъ выводъ этого названія отъ *язвецъ, языкъ*, общепотребительнаго слова во всѣхъ нарѣчіяхъ языка славянскаго, особливо въ древнія времена — въ XII столѣтіи и равнѣе. ⁽⁹⁵⁾ Въ кожи этихъ звѣрей одѣвались нѣкогда дикіе обитатели лѣсовъ поляскихъ; наружность эта рѣзко бросалась въ глаза ихъ сосѣдей: это и дало поводъ къ названію народа. Что кожи этихъ животныхъ были здѣсь въ

⁽⁹³⁾ «Россія» и проч., т. II, стр. 289.

⁽⁹⁴⁾ *Dzieje Star. Nar. Litews.* Wilno 1837. o jadžw. § 172.

⁽⁹⁵⁾ См. словарь Лінде, изд Варш. 1808 года. Т. I. Часть II, стр 871: «*Jaźwiec* wca. т. Bb. *gezwrac*; Slo. *gatzwec*; Sr. 2. *jahs*; Sr. 1. *Swincz*;

немаломъ употребленіи въ древнія времена, это доказываетъ не только употребленіе ихъ на нѣкоторые предметы въ настоящее время жителями этой страны ⁽⁹⁶⁾, но и свидѣтельство Ипатьевской Лѣтописи. Въ этой послѣдней подъ 1241 годомъ говорится: «Андрей же..... удоси владыку и слуги его разграби гордые, и тулы ихъ бобровые раздра, и прилбиць ихъ волъчы и борсуковые раздраны быша; словутьного пѣвца Митусу..... не восхотѣнша служити князю Данилу, раздраного акы связонного приведоша, сирѣчь, якоже рече Приточникъ: «буестъ дому твоего сокрушиться, бобръ и волкъ и лзвецъ сплдятся». Изъ другаго мѣста той же Лѣтописи подъ 1279 годомъ видно, что вообще мѣха животныхъ составляли важную статью въ народной промышленности и торговлѣ; Ятвяги говорили Владиміру Васильковичу: «пошли господине къ намъ жито свое продавать, а мы ради купимъ: чего восхочешь, воску ли, бѣли ль, бобровъ ли, черныхъ ли кунъ, серебра ль, мы ради дамы». ⁽⁹⁷⁾ Слова Лѣтописи подъ 1235 годомъ: «бѣжа во Угры путемъ, имъ же идыше на Борьсуковдѣль»..... ⁽⁹⁸⁾ также намекають на этихъ животныхъ, несмотря на поврежденіе послѣдняго слова переписчиками. Что слово *лзвецъ*, *лцвезъ*, *лцьвезъ*, *лцьвѣзь* перемѣнилось въ русскихъ лѣтописяхъ въ *ятвязь*, *ятвезъ*, *ятвягъ*, *ятвязи* и наоборотъ, въ томъ нѣтъ ничего удивительнаго, ибо это произошло вслѣдствіе того правила, по которому буква польскаго языка *ц* (*c*) перемѣняется въ русскомъ языкѣ въ букву *т*. Такимъ-образомъ, *Brzeście*, *Brześć*, *Połock*, *Maciej*, *dać*, *znać*, *cień*, *cierpieć* и мн. др. перемѣнились въ языкѣ русскомъ въ *Берестье*, *Брестье*, *Брестъ*, *Полотскъ*, *Полотескъ*, *Мамсей*, *дать*, *знать*, *тльнь*, *терпльть* и проч. По этому же самому и *Яцьвѣзь* перемѣнилось въ русскихъ лѣтописяхъ въ *Ятвязь*, *Ятвезъ* и др. Что же касается до названій: *Jaćwing*, *Jadźwing*,

---

Сrn. *jasbez*; Vd. *jasbez*, *jasbiz*; Cro. *jazvëcz*; Dl. *jazavacz*; Нг. *borz*; Sla. *jazavac*; Rg. *jazavaz*; Bs. *jazvaç*, *jazovaç*; Росс. *лзвецъ*, *лземкъ*, *borsuk*, подобно со до kształtu do niedźwiédzia małego.»

⁽⁹⁶⁾ Особенно часто теперь встрѣчаются у лѣсныхъ жителей здѣшняго края охотничьи сумки («стрѣлецкія торбы»), также шапки и нѣкоторые другіе предметы, которые дѣлають изъ барсуковыхъ кожъ.

⁽⁹⁷⁾ Полн. Собр. Русс. Лѣт., т. II, стр. 207. 208.

⁽⁹⁸⁾ Ibid. стр. 175.

Jadźwingowie и *Ятвягъ*, которыя при первомъ взглядѣ могутъ показаться кому-нибудь совершенно отличными другъ отъ друга, то всякое различіе между ними исчезнетъ, если припомнимъ себѣ, что въ древнихъ рукописяхъ славянскихъ, напримѣръ, въ Остромировомъ Евангеліи, писанномъ въ 1056 году, буква *я* стоить вездѣ тамъ, гдѣ въ польскомъ языкѣ *ia*, *ie*, а въ другикъ языкахъ ей соотвѣтствуетъ *н*, *м*. А потому какъ слова *има*, *теля*, *племя*, *пять*, *мя*, *тя*, *любя*, *сѣла* и др. перемѣнились въ *imie*, *ciele*, *plemie*, *pięć*, *mie*, *cie*, *lubiąc*, *siedząc*, такъ и слово *Ятвягъ* перемѣнилось въ *Jatwiąg*, *Jatwięg*, *Jatwięg*, т.-е. *Jatwiąg*, *Jatwięg*, *Jatwięg*, или, по замѣненіи *ć* букв. *dz*, *Jadźwięg*, *Jadźwięg*, во множественномъ числѣ *Jadźwingowie*; слѣдовательно, *Ятвяги* и *Jadźwingowie* суть однѣ и тѣ же слова.

По замѣчанію Нарбута, Литовцы называли Ятвяговъ *Jatwezy*, т.-е. *Jodweżaj*. Последнее слово означаетъ въ языкѣ литовскомъ «черные раки» и употреблялось у Литовцевъ для означенія не однихъ только Ятвяговъ, но и русскихъ поселенъ, обитавшихъ недалеко отъ города Гродно при р. Пѣлашѣ. Названіе это дано имъ, по мнѣнію Нарбута, оттого, что они любили носить одежду чернаго цвѣта. ⁽⁹⁹⁾ Можетъ-быть, въ названіяхъ *Jatwież*, *Jatweż*, *Jatwezy* и *Jodweżaj* заключается только случайное сходство, и последнее слово едва ли можетъ похвалиться такою общеизвѣстностью въ земляхъ славянскихъ и такою глубокою древностью, какъ три первыхъ; во-всякомъ-случаѣ, оно подтверждаетъ народныя обыкновения называть своихъ сосѣдей и по наружности, по ихъ наряду, особливо во времена патріархальной простоты нравовъ и низкой степени народной образованности, чему можно было бы представить множество примѣровъ. ⁽¹⁰⁰⁾ Если никого не удивляетъ, что *Лонгобарды* получили это названіе отъ своего оружія *hallaburd*, или отъ длинныхъ бородъ *longa barba*; *Франки* —

⁽⁹⁹⁾ Dzieje Staroż. Nar. Litewsk. Wilno 1837 г. Отд. о *Jadźwiągach*. § 172.

⁽¹⁰⁰⁾ Указываемъ здѣсь на замѣчательное въ этомъ отношеніи слѣдующее мѣсто одной рукописи болгарской, относящейся къ началу XIII столѣтія. (См. *Slow. Star. Szafar.*, стр. 996 и 997), въ которой говорится: «Фрагъ (*Francus*) есть лавъ. аламаннъ (аллеманъ) орель. саракиннъ вепрь. тоурчинъ зыма ярсенинъ коушеръ. ивдівиннъ голльбъ. сиріавинъ,

отъ *franc* (вольный), или отъ *frsch, vrek, vrang* (наглый, дерзкій, врагъ), или же отъ *fratée* (копье); *Саксы* — отъ *sachs, sahs* (короткій мечъ); *Севвы* — отъ *svve, see* (море); *Вандалы* — отъ *wand* (вода); если самые сосѣди Ятвяговъ, Геродотовы Невры превращались въ волковъ ⁽¹⁰¹⁾, а по словамъ одной рукописи XIII столѣтія «Русинъ есть выдра, Литвинъ — туръ, Болгаринъ — быкъ, Сербинъ — волкъ», и проч., то послѣ всего этого насъ нисколько не должно удивлять, если и Славяне своихъ безпокойныхъ сосѣдей-грабителей, вырывавшихся изъ своихъ лѣсовъ и нападавшихъ на ихъ мирныя селенія, также называли, по той характеристической наружности, которая рѣзко бросалась имъ въ глаза, *язвцами, яцвегами, ятвегами, ятвезью, язвиками*, и съ этимъ именемъ соединили понятіе *хищникъ, грабитель, разбойникъ*. Это подтверждаетъ нѣсколько и слѣдующая народная пословица подлясская: «выгляда якъ Яввинга», что означаетъ: выглядываетъ изъ-за угла, какъ разбойникъ (*lotr, latro*), а еще больше то обстоятельство, что когда съ XIII столѣтія не стало грабителей или, по крайней-мѣрѣ, эти *язвцы, язвики* были уже до такой степени ослаблены, что не могли больше *язвить* славянскихъ племенъ, не могли больше наносить ихъ селеніямъ такихъ глубокихъ и тяжкихъ *язвъ*, какъ прежде, то и самое имя ихъ было совершенно забыто и дотога изгладилось изъ памяти народной, что мы его даже не знали бъ, если бы оно не было сохранено русскими и польскими лѣтописцами древнѣйшими, ибо позднѣйшіе также молчатъ о немъ.

Если теперь однимъ взглядомъ окинемъ времена минувшія и все сказанное доселѣ сведемъ къ одному результату, то увидимъ, что во времена, предшествовавшія XIV столѣтію, двѣ

или нагомядръ, рыба. шверинъ овень. татаринъ загаря (*ζαγαριον, canis venaticus* etc.). команнъ пардось. роусинъ выдра. литванъ туръ. болгаринъ быкъ. ялазъ котка. сръбинъ влъкъ. вягринъ рысь. хизинъ (мало извѣстное славянское племя въ Македоніи) вѣверица. ясинъ (Осетинъ) елень. сасинъ пастоухъ. нѣмъць сврака. чехъ норецъ. вогрениъ язвецъ. арбанасинъ бобръ. егуптинъ козель. хоунавъ заецъ. сакоулатинъ канѣ. черкесъ биволь. персѣинъ жсравъ или вранъ. харватинъ асида или сова. цаконъ язь. гркъ лисица. Въ словахъ *яргъ* и проч. и *вягринъ* не я, а юсь.

⁽¹⁰¹⁾ Геродотъ, кн. IV.

національности, отличныя одна отъ другой, два враждебныя другъ другу элемента приходили между собою въ соприкосновеніе въ западной части нынѣшней губерніи Гродненской: національность, занесенная племенемъ чуждымъ славянскому, — племенемъ, извѣстнымъ у славянскихъ народовъ подъ именемъ *Ятвяговъ*; другая народность — *русская*, проникшая сюда и распространившаяся съ юга и юго-востока. Другіе элементы, отличныя отъ этихъ двухъ, проникли сюда особливо въ слѣдующихъ столѣтіяхъ съ запада и сѣвера, именно: *польскій, литовскій, германскій*, а въ послѣдствіи *Евреи* наводнили собою города и мѣстечки здѣшняго края. Это показывается, сколь разнообразныя элементы приходили между собою въ столкновеніе на означенной мѣстности. Все пространство отъ Бреста до Гродно, широкую полосу земель, заключающуюся между двумя большими рѣками — средними частями *Нѣмана* на сѣверѣ и средними частями *Западнаго Буга* на югѣ, можно назвать воротами европейскими, въ которыхъ съ древнѣйшихъ временъ сталкиваются цивилизаціи восточно-европейская и западно-европейская. Поперемѣнный приливъ и отливъ то одной, то другой, борьба съ древнѣйшихъ временъ разнородныхъ стихій не могли не сообщить народонаселенію этой страны особеннаго характера. Этотъ характеръ обнаруживается въ величайшемъ разнообразіи, господствующемъ въ настоящее время во всѣхъ классахъ и сословіяхъ народонаселенія, во всѣхъ отрасляхъ народной жизни, разнообразіи языка, религіи, нравовъ, обычаевъ, и проч. и проч. Такимъ-образомъ, отсутствіе единства и величайшее разнообразіе, какое, быть-можетъ, не встрѣчается ни въ одной странѣ обширнаго отечества нашего, составляютъ въ настоящее время отличительную черту этого края, жизнь котораго сложилась изъ чрезвычайно разнообразныхъ элементовъ. Подобнаго разнообразія, выработаннаго ходомъ историческихъ событій, не долженъ упускать изъ виду изслѣдователь современнаго быта означенной страны, ибо оно объясняетъ очень многое.

Быть современный.

А. Языкъ.

Разсмотрѣвъ историческія извѣстія о временахъ, предшествовавшихъ XIV столѣтію, переходимъ къ разсмотрѣнію быта современнаго и прежде всего приступаемъ къ разсмотрѣнію народной рѣчи. Для этого приводимъ здѣсь образцы языка, живущаго въ настоящее время въ устахъ многочисленнаго класса народа, издавна здѣсь осѣдлаго, — языка низшаго сословія, простонароднаго. Образцы эти приводятся здѣсь въ двойной формѣ: *прозаической* и *стихотворной*. Они списаны со словъ простолюдиновъ, при чемъ главнѣйшее вниманіе обращено было на то, чтобы сохранить какъ можно вѣрнѣе звуки дѣйствительной рѣчи: никакихъ измѣненій (кромѣ разстановки знаковъ препинанія) не дѣлано. Для перваго отдѣла, кромѣ образца языка разговорнаго, удалось записать два преданія, сохраняющіяся въ народной памяти и относящіяся къ извѣстной мѣстности; для втораго удалось списать на мѣстѣ нѣсколько пѣсенъ. Послѣднія приводимъ здѣсь безъ разбора, хотя бы содержаніе ихъ было и неважно. Нельзя, однако, не пожалѣть, что не можемъ представить здѣсь самаго напѣва, чрезъ что теряется самая характеристическая черта ихъ. Изъ него яснѣе были бъ видны характеръ и душевныя свойства самаго народа: тихая сердечная грусть, сердечный ропотъ (пѣсни 2, 4, 7 и друг.), печаль (пѣсня 15), влеченіе сердца, надежды и проч.

а) *Образцы рѣчи прозаической, разговорной и повѣствовательной.*

1.

А! што-жь, соколе, за-морозъ! здаіцэ (¹) ётой зимы щэ й-разу нѣбыло тако́го, якъ нѣняка! (²)

(¹) Кажется. Польск. *zdaię się*.

(²) Сегодня. — Слова *іоно* и нѣкоторые другія въ рукописи написаны неодинаково; такъ они и напечатаны. *Ред.*

Морозъ то щѣ й-нѣ-вѣльми⁽³⁾ вѣлики, оно вјѣцѣръ, кобъ⁽⁴⁾ iohò наворнуло, якъ оннѣмъ смалитъ.

Прауду й-кажѣшь, Яську. Морозъ нѣхай собѣ бѣдѣзъ хоць и найбуольшы, алѣ коли нимà вјѣтру, а якъ щѣ соунычко хрыѣѣ, тохды усѣнько⁽⁵⁾ бѣйка. Пля! то-жъ нѣ-дѣромъ показують,⁽⁶⁾ што лзѣсь⁽⁷⁾ йшоу разъ собѣ одзюнь чоловѣкъ и судосѣу⁽⁸⁾ на дорѣзи соунычко, морозъ и вјѣцѣръ. Ото-жъ-то споткаушисѣ⁽⁹⁾ зъыми, сказау вуонъ имъ «похвалюны»⁽¹⁰⁾ — Кому вуонъ оддау похвалюны? — Соунычко собѣ кажѣ што мнѣ, кобъ я iohò нѣ пѣкло; а морозъ собѣ кажѣ, што мнѣ, а нѣ тобѣ, бо вуонъ цѣбѣ нѣ-такъ бойцѣ, якъ мѣнѣ. О-то-жъ-бо лжѣцѣ! нѣпрауда! кажѣ наресьци⁽¹¹⁾ вјѣцѣръ; той чоловѣкъ оддау похвалюны нѣ-вамъ, а мнѣ. Почали мижи собою ажъ сиѣрацисѣ,⁽¹²⁾ сварѣцисѣ⁽¹³⁾ й онѣнто,⁽¹⁴⁾ соколе, за чубы нѣ побралисѣ.... (Ну, ну, лжи далѣй, бо-уже

⁽³⁾ Очень, весьма. См. П. С. Р. Л., т. I, стр. 9: «дѣтескъ велъми.»

⁽⁴⁾ Чтобъ.

⁽⁵⁾ Все. Употребляется также усѣнюльнько, усѣнютно и пр.

⁽⁶⁾ Рассказываютъ, точнѣе: повѣствуютъ.

⁽⁷⁾ Польск. gdzieś, гдѣ-то.

⁽⁸⁾ Встрѣтилъ, повстрѣчался (см. Ипат. Лѣт. подл. 1241 г.: «удоси владыку» и проч.).

⁽⁹⁾ Тоже. Польск. spotkawszy się.

⁽¹⁰⁾ При встрѣчѣ съ знакомымъ или незнакомымъ лицомъ, также при входѣ въ чужой домъ и пр. крестьянинъ имѣетъ обыкновеніе, въ видѣ привѣтствія, почтенія, говорить: «Нѣхъ бѣдѣзъ похвалюны Іезусъ Христусъ;» другой должень отвѣтить: «на вѣки, вѣковъ Амѣнь.» Замѣчательно, что этотъ обычай сохраняется и у Славянъ западныхъ. По словамъ одного путешественника, въ Иллирин, въ 3 миляхъ отъ Лайбаха, наши единоплеменники также при встрѣчѣ привѣтствуютъ словами: «Chwalon bud'Jezi Kriś!» другой отвѣчаетъ: «Amen na wieczne szasy.»

Примѣчаніе. Всѣ буквы въ приводимыхъ образцахъ читаются безъ всякой перемены; такъ, напр., буква о нигдѣ не читается, какъ а; h читается какъ лат. h; g какъ лит. g; j какъ лит. j; курсивные буквы у и j замѣняютъ ŷ и j съ краткимъ знакомъ; этотъ краткій знакъ имѣетъ то же значеніе, какъ въ русск. надъ и (и) - буу, соунычко и пр.; черта надъ словами означаетъ удареніе.

⁽¹¹⁾ Наконецъ. Польск. nareszcie.

⁽¹²⁾ Отъ споръ, преніе.

⁽¹³⁾ Враниться.

⁽¹⁴⁾ Чуть-чуть, чуть-не....

мўситъ (15) нѣ одзіонъ келішокъ махнуу). Ну, колижъ такъ, то спытаймосѣ (16) jоhд, кому вуюнъ одлау похвалјоны мнјѣ, чи вамъ. Добоніли тоhд чоловјѣка, спытали; ажъ вуюнъ сказау — вјѣстреви.—«А што, бачъ, (17) нѣ казау (18) я што мнјѣ.» — Постуой же ты! я цѣбѣ, ракару спѣкү! — кáжэ слонцэ; покјѣмишь ты мѣнѣ. — Ажъ-не вјѣцѣрь кажэ: «нѣ-буосъ, нѣ спѣчэ; я буду вјѣау и охолоджаці буду jоhо.» — Такъ я-жъ цѣбѣ, нїцлю, заморожу — кажэ морозъ. — Нѣ лѣкайсѣ, (19) нѣббжэ, тоhдбї я нѣ буду вјѣяці и вуюнъ тобјѣ ничоhо нѣзробитъ, безъ вјѣтру нѣзаморозитъ. — Ото-жъ-то, дзѣцюкї, такъ и цѣпѣрь: хоць морозъ й-нѣ-такъ-то вѣліки — онд вјѣцѣрь ажъ до косьцѣй проймаѣ.

Алѣ-жъ бо тэво (20) лжэ, такъ ладко якъ зъ писаноhо бѣрэ!

Што прауда, то прауда. А ну-жъ-бо, Олѣксо, щэ што-лѣнь (21) полжі; бо якъ хто ладко умјѣѣ полѣаці то-й послухаці добрэ.

Э, коли бо, дзѣцюкї, нима й-часу лѣаці, пришла рыба до ѣаці, людзи нѣсүтъ, вѣзүтъ, а я побѣhу хучјѣй (22) хоць торбочку набѣрү.

Ѣтымъ насъ ужэ нѣ пудманѣшь, (23) бы-той Лицьвинъ своhд Пана!

А якъ же вуюнъ jоhо пудмануу?

лїа! то-жъ показуютъ, што дзѣсь одзіонъ Павъ споткаүши якобось Лицьвина, што добрэ лѣау, бы hэто ты кажэ jому: «а ну, Михáлку, Ондрей (чи якъ тамъ jоhо звали) золжі мнјѣ што-лѣнь.» — «А калїба hэта, Паночку, кáжэ Лицьвинъ, нямáю цяпѣрь чáсу лѣаці, ба пришла рыба да ѣаці, людзи нясүць, вѣзүць, а я пабѣhу хучјѣй хаць тарбїнку набѣарү.» —

(15) Вѣрно, вѣроятно; польск. musi być.

(16) Спросимъ. Польск. spytaamy się.

(17) Бачъ, бачици — малороссійское; видѣть.

(18) Говорить.

(19) Польск. nie lekaj się.

(20) tego Польск.

(21) Что-нибудь.

(22) Хүтко, хучјѣй, хуцѣнько, хуцїотко—скоро, скорѣй и пр.

(23) Обманывать.

Панъ почјуши ⁽²⁴⁾ такóф дзйво , казáу хучей запраháци кóни , воы , и натыхмясть вѣрушиу до háци , кобъ забраци усѣвнѣку рыбу . Коли-жъ-но прѣжджáф туды , ажъ тамъ якъ ничóбо нѣбылó , такъ ничóбо й-нѣмá . И уже по чáси оглѣдзѣусѣ той Панъ , што jоhò той Лицьвѣнъ пудмануу .

— Алѣ-жъ , пэуно , ⁽²⁵⁾ потуомъ дóбрэ попобиу за тоф тоhò лхунá!

— Зá-што ! коли-жъ вуонъ самъ казáу jому што-лѣнь-ка золháци , такъ вонъ и золháу . Коли-бо цѣпáрь йкось и Пануоу крыха ⁽²⁶⁾ спывѣли .

— А нѣбуосѣ такй Н . бодáй крѣху прохворосьцили . Алѣ-жъ-бо й варто! ⁽²⁷⁾ Штобъ-то-й было , кобъ нáшому брáту дау волю ! Гля ! тожъ якъ Н . продáу волá , то цыэлы тѣдзѣнь нѣ-ворочаусѣ зъ мѣста до лóму , и усѣ пѣу , да-пѣу.... (Сокóлику ты муой!!) Якъ-же уже нѣ-стало за-штó пѣци , то тоhды пришóу до хáты и Панъ казáу jоhò до двора привѣсьци на справу . «Гдзѣ ты , кáже , лайдáку , препáдалъ до вѣтуль?» — «Пиу , кáжэ , Павочку.» — «А пѣнѣвдзы зкондъ взіóлъ?» — «Гля ! тожъ волá , Панóчку , продáу , той стáло на якйсь часъ....» — «Лúозъ на лайдáка!» — «Ой дóбрэ , Панóчку , дóбрэ , бо й вáрто ; алѣ штожъ , кáжэ , Панѣ , робѣци , коли ужэ Буонъ свѣцѣвнѣки дау такую натúру собáчую . Якъ штось лихóф навѣяжэцэ , то ужэ ни якъ нѣ-утрѣваѣшь ; ⁽²⁸⁾ пиу-бы й пиу Буóвнъ вѣдáф докуóль , кобъ овó было зá-што.»

Ну , hódзи , ⁽²⁹⁾ хлóпцы , тутъ балáкаци ; ⁽³⁰⁾ једзьмо до лóму покуóль щэ вѣдно , кобъ до лóму хоць на вѣчэру поспѣци ; а то людзи й нуочъ розбѣрутъ .

2.

Показують старые людзи , што на туомъ мѣсцу , лзјѣ ⁽³¹⁾ цѣпáрь Забудуóвье , были колись ⁽³²⁾ великие лѣсы . То-жъ

⁽²⁴⁾ Послышавши .

⁽²⁵⁾ Вѣроятно , вѣрво ; польск. pewnie , zapewnie .

⁽²⁶⁾ Крѣха , крѣшку , крѣшечку — немного , немножко ; польск. trochę .

⁽²⁷⁾ Стóитъ ; польск. warto .

⁽²⁸⁾ Не утерпишь , не удержишься ; польск. nie wytrwasz .

⁽²⁹⁾ Довольно .

⁽³⁰⁾ Балагурить , болтать и т . п .

⁽³¹⁾ Гдѣ .

⁽³²⁾ Когда-то , въ давния времена .

лони (33) бодай, чи по-залони Н. вѣкопау въ болоти Ш. бѣрзовы пѣнь. На јуомъ щѣ ѿ вѣзоусимъ корѣ згнила. То зноу Н.' тобо-жъ, бодай, року вѣщягнуу у туомъ же мѣсцу зъ болота вѣлѣзны сосновы вѣрхъ, такъ што лѣзва (34) парукуоньми привьюобъ до дому. Або зноу вѣдалѣко одъ Ш. за вѣрстѣ такъ же мѣжи болотами лѣтось (35) вѣщягнуу Н." зъ воды вѣлѣзнобо (36) дуба. Муоцны Боже! хтобъ муогъ сподзивацисѣ, (37) што у лѣтыхъ мѣсцахъ, дзѣ цѣпѣръ такіе болота и топѣлцы были колісь-цика вѣлки лѣсы.

Гля! то-жъ щѣ бацько, (38) чи дзѣдъ старобо Н." кѣмиу, (39) якъ у лѣтомъ мѣсцу вывѣдзисѣ вѣдзвѣдзи. Показовау, што дзѣсь за бородами, коло мѣилокъ (40) у туомъ мѣсцу, дзѣ цѣпѣръ щѣ стѣитъ шыэсьць, чи сѣмъ соснонъ (хвојокъ) вѣдзвѣдзица вѣвѣла дзѣцѣй.

— Або-жъ зноу у лѣси К. щѣ ѿ цѣпѣръ ѣ одна сѣсна, што зовѣцѣ вѣдзвѣдзою. Хоць уже ѿ зацѣгнуло оболѣнѣю, алѣ щѣ такі ѿ цѣпѣръ знаць, што до половѣны борць была вѣлупляна колісь вѣдзвѣдзою. Кажуть, што-то колісь вѣдзвѣдзѣз вѣшлодау, добираючисѣ до шчуолъ. То мѣситъ-то колісь были тутъ вѣмалѣгѣ лѣсы, коли ажъ вѣдзвѣдзи вывѣдзисѣ.

— Ото-жъ то у тихъ вѣлѣкихъ лѣсахъ вѣдзю разъ собѣѣ по полѣваню якісь (41) магнать, чи Ксіонжѣ и заблудзѣу у лѣси. Блаудзѣу вуонъ по лѣси блудзѣу и ни якъ нѣ муонъ никудѣ вѣгѣхаца. Нарѣсьци змѣнчыушисѣ зхоцѣлосѣ јому и јѣсьци: такъ вуонъ пообѣдау на дубовомъ пню и у туомъ мѣсцу было побудѣвано цѣпѣрешніѣ мѣсто Заблудоу. То-жъ одъ тобо, кажуть, ѿ Заблудуѣвѣомъ зовѣцѣ, што у лѣтумъ мѣсцу заблудзѣу той Ксіонжѣ. Дзѣсь, бодай, (42) и у ѣписяхъ

(33) Въ прошломъ году.

(34) Едва, польск. ledwie.

(35) Сего-лѣта.

(36) Очень великій, величайшій.

(37) Надѣяться, польск. spodziewać się.

(38) Отецъ.

(39) Помнить, памятовать.

(40) Кладбище, польск. mogiłki.

(41) Какой-то, польск. jakiś.

(42) Кажется.

(т.-е. въ книгахъ) ѣ, што «място Заблудоу стои надъ рѣко Мѣлстыно, а побудовано на дѣнбовомъ пнию.» Щѣ вѣдауно, за нашеи пѣмѣнци быу у мѣсьци замокъ и стоиу тамъ дзѣ цѣпѣръ двуроръ. Иншыѣ щѣ кѣшлять, якъ у јуомъ жиу Ксионжѣ Радзивилъ. Лѣтъ бѣдзѣ мѣжѣ зо двацець, якъ роскѣдали той пѣлаецъ.

3.

— Мѣжѣ то щѣ у тыхъ лѣсахъ жила колисъ и таѣ Татѣрка. То-жѣ и цѣпѣръ щѣ коло З. у лѣси К. тоѣ мѣсцѣ зовѣць «Татѣркоу.» Показують лѣдзи, што то была якась ⁽⁴³⁾ розбуойница, чи вѣдзѣма, алѣ то ужѣ вѣльми лѣуни чѣсы. Вона жила у лѣси при дорѣзи и якъ онѣ хто йшоу, чи јѣхау вона зѣрезъ ⁽⁴⁴⁾ вѣбѣжить зѣ лѣса, перепѣнитъ ⁽⁴⁵⁾ и забѣе. Якось цѣцкою, кажуть, удѣрытъ и одѣ-разу забѣе чоловѣка. Алѣ одзѣонъ жоунѣръ ⁽⁴⁶⁾ ухитриусѣ и забиу ѣѣ самую. Былѣ-то такъ. Послѣли јоѣо кудѣсьцяка ⁽⁴⁷⁾ зѣ лѣстомъ, чи зѣ чимѣ ѣншымъ ⁽⁴⁸⁾ и трѣба ⁽⁴⁹⁾ јоуѣ было јѣхаци коло Татѣрки. Такъ вуонѣ узаѣу, зрѣбиу зѣ солѣмы бы чоловѣка и посадѣу јоѣо на конѣ, а самъ набѣуши фузмѣю сръбноу кѣлѣю, чи сръбнымъ гузикомъ (бо, кажуть, зѣѣи мѣцѣ лѣдаякѣя кѣла нѣ ѣзымѣ, оно сръбна) зачѣиусѣ за хвѣѣю. ⁽⁵⁰⁾ Якъ же Татѣрка вѣбѣхла до тоѣо конѣ зѣ кѣлѣомъ солѣмы, подѣмауши што-то јѣдзѣ чоловѣкѣ на конѣви, вуонѣ зѣ-за-хвѣи вѣстрѣлиу у розбуойницу и забиу тѣю вѣдзѣму. Вона розлилѣсѣ у смѣлу, сказауши туѣлько: «цѣпѣръ же бѣдзи мѣѣ жици и лѣдзѣѣи хубѣци; ты мѣѣѣи перѣхитриу.» Кажуть зноу, што передѣ смѣрцѣю показѣла јоуѣ усѣнѣки своѣѣ скѣрбы и потуѣомъ уже сконаѣла дзѣѣсѣ у лѣѣохахъ. (То-жѣ и цѣпѣръ щѣ знаѣць у туѣомъ мѣѣсцу цѣглы ⁽⁵¹⁾ и бы-скѣпѣи, хоѣць ужѣ тоѣ мѣѣсцѣ й-зарослѣ

⁽⁴³⁾ Какая-то.

⁽⁴⁴⁾ Тотчасъ, польск. zaraz.

⁽⁴⁵⁾ Останавливаетъ, задерживаетъ.

⁽⁴⁶⁾ Польск. żołnierz.

⁽⁴⁷⁾ Куда-то.

⁽⁴⁸⁾ Съ чѣмъ-то другимъ.

⁽⁴⁹⁾ Нужно, польск. trzeba.

⁽⁵⁰⁾ Сосна.

⁽⁵¹⁾ Кирпичи.

соснамі, што маюць ⁽⁵²⁾ по лѣтъ дзвѣцѣ, або й буюльшѣ. Можэ тамъ дзѣлнн ⁽⁵³⁾ узѣмлѣ й ліохи ёстука зъ скарбами; кобъ попокопау дзюнѣ зъ килька може-бъ и нашоу-бы червубоу зъ коціоля.) — Алѣ й-по смѣрци злая-муоцѣ нѣдавала людзямъ спомою. Особлівѣ якъ у-ночѣ хто йдзѣ, чи ѣдзѣ, то у нѣтуомѣ мѣсцу привязуѣцѣ лихоѣ. Бывало кажды хто йдзѣ, чи јѣдзѣ кнѣв на тоѣ мѣсцѣ трыску, патыкъ, або губольку ⁽⁵⁴⁾ на-забитка, кобъ лихоѣ нѣпричеплалосѣ. Щѣ нѣдауно за нашеи памѣци лежала тутъ бурьба патыкуоу и лолья зъ тою, што наскідала, сажонѣ (и сажноу) зѣ-два высѣкая. Коло трыдзѣстою, бодай, року спалили остатнюю гурьбу и одъ тою чѣсу уже пѣрестали скидаци. Цѣпѣрѣ уже нѣ-такъ часто привязуѣцѣ тутъ лихоѣ; алѣ усѣ-такі якъ идзѣшь коло тою мѣсца у-вѣчери а тымъ бѣрдзѣй у-ночѣ то йкосѣ страшно робицѣ и бы морозѣ по цѣли подзираѣ.

б) *Образцы рѣчи стихотворной.*

ПѢСНИ ВѢСЕННЯ.

1.

Полѣцѣ соколикъ на снѣи озѣра —
 Жаль-же мнѣ сокола, полѣту јою.
 Нимѣ сокола рѣчѣкѣ и друки —
 Жаль-же мнѣ сокола, полѣту јою.
 * На трѣци рѣчѣкѣ соколикѣ лѣцнцѣ —
 Жаль-же мнѣ сокола, полѣту јою.
 Соколикѣ лѣцнцѣ, утовьку вѣсѣ —
 Жаль-же мнѣ ўтовьки, рабою пѣрѣчна.
 Поўѣху Яснѣкѣ я у чужыѣ люди —
 Жаль-же мнѣ Яснѣкѣ, поўѣду јою.
 Нимѣ Яснѣкѣ лѣцнцѣкѣ и друки —
 Жаль-же мнѣ Яснѣкѣ поўѣду јою.
 На трѣци лѣцнцѣкѣ Яснѣкѣ јѣдзѣ —
 Жаль-же мнѣ Яснѣкѣ, поўѣду јою.
 Яснѣкѣ јѣдзѣ, Марысю вѣзѣ —
 Жаль-же мнѣ Марыси, русѣи куосѣнѣки.

⁽⁵²⁾ Имяють.

⁽⁵³⁾ Гдѣ-нибудь.

⁽⁵⁴⁾ Вѣтвь, польск. gałęź, gałązka.

Искала, искала цисового дреуца
Коло хороба, искала.
Нѣзнашла, нѣзнашла писа-дзѣреуца
Коло хороба, нѣзнашла.
Кинула, ѡ махнула трусаво пѣурца (61)
О сухо дреуцо, ѡ кинула.
Розбисѣ, розсыпсѣ трусаво пѣурца
О сухо дреуцо, розсыпсѣ.
Коли вѣтъ, коли вѣтъ писа-дзѣреуца *
Гѣвѣзлѣчко вѣци, коли вѣтъ.
Ходзила, блудзила красна Касѣнька
Я-у чужихъ людзяхъ, ходзила.
Искала, искала своѡ Ясѣнька
Я-у чужихъ людзяхъ, искала.
Нѣзнашла, нѣзнашла своѡ Ясѣнька
У чужихъ людзяхъ, нѣзнашла.
Кинула, махнула золоты пѣрсѣцьнѣ (62)
Объ цисовы стуолѣ, кинула.
Розбисѣ, розсыпсѣ золоты пѣрсѣцьнѣ
О цисовы стуолѣ, розсыпсѣ.
Коли вѣтъ, коли вѣтъ моѡ Ясѣнька
Я-у чужихъ людзяхъ коли вѣтъ.

5.

Бѣжитъ рѣчка одъ мѣльничка-оѡ рано!
Бѣжитъ рѣчка одъ мѣльничка-ѡ рано.
А друная одъ Дунай-оѡ рано! (2 р.)
На тую рѣчку човонѣ (63) плавѣ-оѡ рано! (2 р.)
Бѣлѣ-молодзѣцѣ красны-Стасѣнько-оѡ рано! (2 р.)
Стружѣ стрѣлки зѣ камновѣнѣ-оѡ рано! (2 р.)
Што просѣцѣвши у човонѣ кладѣ-оѡ рано! (2 р.)
Што кривѣвши на Дунай мѣцѣ-оѡ рано! (2 р.)
Плавѣцѣ стрѣлки до моѣ дзѣўки-оѡ рано! (2 р.)
Моѡ дзѣўка..... нка (по имени деревни)-оѡ рано! (2 р.)
Моѡ дзѣўка Касюлѣнѣ-оѡ рано! (2 р.)
Нѣхай праѣ на подарки-оѡ рано! (2 р.)
Нѣхай праѣ цѣнюсѣнько-оѡ рано! (2 р.)
Нѣхай бѣжитъ бѣлюсѣнько-оѡ рано! (2 р.)

6

— Оѡ бѣлѣнѣнѣ, ты лѣбѣдзю!
Чи бывау ты на мору?

(61) Уменьш. перо.

(62) Кольцо.

(63) Лодка.

Чи бывау ты на мору,
Чи видаѣу ты лѣбюлку?
— Ой якъ же я нѣ бывау,
Ой якъ же я нѣ видаѣу!
Скоро я на муостѣ зѣщиѣу,
Лѣбюкодѣ у ситничѣ упадѣ.
Лѣбюкодѣ у ситничѣ упадѣ.
Ситничокѣ полармала.
Ситничокѣ полармала,
Быструю воду розобѣала.
— Молодѣнчикѣ Ярѣнѣу!
Чи бывау ты у Н. (има лерѣни)?
Чи бывау ты у Н.
Чи видаѣу ты Марѣско?
— Ой якъ же я нѣ бывау,
Ой якъ же я нѣ видаѣу?
Скоро я на двурѣ вѣрѣау,
Марысѣ зѣ сѣвѣнѣ выбѣкла.
Марысѣ зѣ сѣвѣнѣ бѣжитѣ,
Пудѣ ею зѣмля стучитѣ.
Пудѣ ею зѣмля стучитѣ,
А на јуой сунѣи шасѣпатѣ.
А на јуой сунѣи шасѣпатѣ,
Коло поѣса ключѣи брасчатѣ.
Ой на јуой зѣлѣныѣ.
Коло поѣса золотыѣ.

Пѣсѣи лѣтнѣи и преимущестѣенно «жнѣуныѣ.»

7.

Ой стонтѣ-стонтѣ вѣрбонѣка надѣ водою,
Зѣмная вода крыница пудѣ тобою.
Ни ѣжѣ рици, ани јѣсьци варици.
Ой оно туюлько козаченькоу чарици.
— Ой очарила, лѣвонѣко, очарила,
Сѣѣу вѣчераци-вѣчеронѣка нѣ мила.
— Бодѣи ты нѣ знау, якъ конѣика сѣдлани,
Якъ я нѣзнаю чимѣ цѣбѣи чаровани.
Ой очарила лихими чаронѣками
Бѣлѣымѣ личенькомѣ, чорѣвѣнѣкими очами.

8.

Пойду я пойду горѣю-дрѣнѣю
Ой чи нѣзнаюу кајѣтѣонѣки зѣ калиною.
Ой стану же я калинонѣку ломани,
Ой станутѣ менѣи думонѣки⁽⁶⁴⁾ ошибани.

(64) Думы, уменьшит.

Сама вѣзнаю, што на свѣдѣ робщи,
Чи замужъ выйдѣ, чи Пашаномъ быти.
Замужъ поменя илюпотъ голузовьску ссушить,
Панномъ быши ликав можа згубить.
Катъ вѣѣ бѣри съ чужою помоланю
Лѣпнѣй же ⁽⁹⁸⁾ быти красною Пашаномъ.

9.

Пойду и пойду, куды лѣтотъ ходила,
Ой чи вѣзнайду, кого вѣрнѣй любила.
Ой хоць нѣ того, то товариша жою
Запытаюсь адорувачка одъ жою.

10.

Мала пташечка, нѣ вѣлкая,
По бадылици скачѣ:
Дурца дзвучина, нѣ розумная,
По кавалѣру плачѣ.
— Якъ мнѣ нѣ плакаць (2 р.)
Сами сляозоньки льюцѣ:
Ой одъ любою ливонькою ⁽⁹⁹⁾ вѣма,
Одъ вѣлюбоду шлюцѣ.
Ой волю-жъ моѣ, дай половыѣ
Чому-жъ вы нѣ ораць?
Ой лѣта-жъ моѣ, дай молодыѣ,
Чому-жъ вы марнѣ влзѣць?
Ой букау-жъ я (2 р.)
На волю половыѣ:
Чи нѣ вѣрнуцѣ (2 р.)
Лѣвнѣчка молодыѣ!

11.

Бѣла мододрѣць (2 р.) сѣво косить,
Млада удова јѣсьци носить,
Нѣсла (4 р.) вѣдопѣсла,
Сѣла собѣ и започила.
Сѣла собѣ (2 р.) и замочила
Бѣла сына породила,
Породивши (2 р.) и окунала
И окунавши уповила.
И увозивши (2 р.) говорила:
— «О муой сыну бѣлюснѣнни,
«Муой Дунаю быструснѣнни;
«Ой чи цѣбѣ утопици,

⁽⁹⁸⁾ Лучше, польск. lepiej.

⁽⁹⁹⁾ Уменьш. польск. list, письмо.

Освѣчу пѣбо я зѣлаю (2 р.)
И тоѣ ново сюлко —
Ой у туюмъ новомъ сѣлѣ
Марыся зѣ Ясіомъ розмоулаѣ.
Пытаю пѣбѣ, Ясѣнью, (2 р.)
Чи мнохо конѣи маѣшь?
— Одного ѣ-конѣи маю (2 р.)
И тоѣо пѣзынаю.
Побѣтѣ куомъ до крыницы (2 р.)
До здроювом воданцы.

14.

Сѣяю-бы лѣнѣ пудѣ боромъ : (2 р.)
Алѣ пѣмаю кому,
Нѣ-кому лѣнку рвала, —
Вѣрнуся до дому.
Сѣяю бы матцы своюой : (2 р.)
Матонька вѣльми стара,
Нѣ будѣ лѣнку рвала, —
Вѣрнуся до дому.
Сѣяю бы сѣстрыѣ своюой; (2 р.)
Сѣстра барѣо мала,
Нѣ будѣ лѣнку рвала, —
Вѣрнуся до дому.
Сѣяю бы жуоуцы своюой,
Жуоука вѣльми млада,
Вѣ-пѣва урола,
Нѣ будѣ лѣнку рвала, —
Вѣрнуся до дому.

15.

Ой пойдю я шутлавою,
Нѣма лѣжѣ воды пици;
Бѣдѣна-жѣ моя голоуовонька/
Нѣма лѣжѣ прихилци.
Прихилюся до дубочька —
Дубочокъ нѣ-ойчѣвько;
Бѣдѣна-жѣ etc.
Прихилюся до бѣруозки —
Бѣруозка нѣ матонька;
Бѣдѣна-жѣ etc.
Прихилюся до хуоуочьки —
Хуоуочька нѣ-сѣструонька;
Бѣдѣна-жѣ etc.

16.

Бѣжитъ коничокъ, сну-нѣвѣличокъ —
    Калина!
Калино моя, тобою вода глѣжѣт.
За тымъ коникомъ Ясѣнько бѣжитъ —
    Калина!
Калино моя, тобою вода глѣжѣт.
Наупрошиу јоно, Марыся јоно —
    Калина!
Калино моя, тобою вода глѣжѣт.
Марысю моя, зупыни коня
    Калина!
Калино моя, тобою вода глѣжѣт.
Ой рада-бъ я.....

ПѢСНИ СВАДЕБНЫЯ («ВѢСІЖѢЛЬНЫѢ»).

Поются на «заручины».

17.

Дозволялиѣ дѣвочки
У Марысиной матоньки :
Ой чи скажэ, чи позволить,
Вѣсїѣлѣ заспиваѣи ?
— Спивайцѣ, дѣвочки, спивайцѣ,
Й вы, модолзицы, зачинайцѣ ;
Нѣ руокъ, нѣ два мы тоно ждали,
Марысю годовали.

18.

Зѣлена рутовька жоуты-цејѣтѣ
Чомъ цѣбѣ, Ясѣньку, доуго вјѣтѣ ;
Зѣлена рутовька, зѣлена,
Доукола сэрлэнька дробїѣнька ;
Доукола сэрлэнька дробїѣнька
Нѣ сѣлзи, Касѣньку, смутѣнька.

19.

Чомъ соловѣйки нѣщѣбѣтали,
Якъ садѣ зацѣвѣтали ?
Чомъ ты, Касѣньку, нѣзаплаќала,
Якъ цѣбѣ заручали ?

Поются во всякое время.

24.

Служила Кася во Львови, (3 р.)
А Ясѣнько у Кракови.
Кася до Яся тужила, (2 р.)
Пару вѣночку увила.
Пару вѣночку увила, (2 р.)
На быстры Дунай пусьщила.
— Плывьць, вѣночки, до млина: (3 р.)
Тамъ мой Ясѣнько пребыва.
Тамъ же вують васъ поймаѣ, (3 р.)
Мою работу познаѣ.
— То мой Кася работа (2 р.)
Пара вѣночку, якъ злота.
Плыньць, вѣночки, тамъ назадъ,
До мой Кася на обѣда.
Кася обѣдацьц хотуѣ, (3 р.)
Ясь на коннику зваруѣ.
Кася обѣдацьц выдаѣ, (2 р.)
Ясь на коннику омѣваѣ.
Скочила Кася до наю, (2 р.)
Копаци зѣюлка-розмаю.
Эй, зѣюлко зѣюлко-розмаю; (2 р.)
Копаму цѣбѣ, вѣзнаю.
Ѣ у розмаю жоуты цѣйтѣ (2 р.)
У мою Ясѣнька духу пѣйтѣ.
Нѣходзи, Касю, у зѣвѣни (2 р.)
То пуоидзѣшь замужь у ѣсѣни.
Ходзи, Касѣньку, бѣлѣнько, (2 р.)
То пуоидзѣшь замужь хуцѣнько.

25.

У сусѣда хата бѣла
У сусѣда жуовка мила,
Нуожки бѣлы, вѣвѣлички,
Носить жоуты червячки.
Вона устаѣ раюсѣнько,
Прибѣрѣцѣ чупурнѣнько,
На сѣдлаѣ пирожки,
Галушки, да-й пампушки.
А къ обѣду бѣрць зъ сѣвѣтаной,
Ѣць у мисцы поливзавуой,
Гарбузъ, буза, зубцы, квата
Зѣ сиварками ячна каша.

А у мѣй хата чорна,
Жуонка, бридка, нѣ позуорна,
Усѣ-во спить, да лѣжить,
И нѣ хоче ницѣ робить.

Скажешъ : Гавко! устанѣ равѣнько, —
Прибѣрнѣсь чупурѣвнѣко —
Вона й-слухаць мѣй нѣ хоче,
Обѣрѣвнѣ дай буркочѣ.

Якѣ буркочѣ, такѣ буркочѣ,
Говориць зо мной нѣ хоче,
Обѣрѣвнѣ до кучочка,
Да й смѣвнѣ, сучѣ дочка.

Тамѣ бѣжить на вѣчѣрнѣцы,
Дѣлѣ зайграють на скрынѣцы,
Скочѣ, харѣно потаицѣ,
Зѣ Москалами пожартуѣ.

Было нѣ свѣтаць у ночи,
Нѣ выгѣли тобѣй очи,
Было мѣй свѣтаць у дѣвнѣ,
Розпытаушиць людѣй.

А у насѣ люди нѣ-таковы,
Вони-бѣ тобѣй розказали,
Чи хорѣша, чи приѣхожа,
Чи подубѣна до людѣй.

26.

Ой стога на мосьци,
Клавяласѣ старосьци :

— Клавямѣ, клавямѣ, старосто, Ясѣвнѣку,
Цо тамѣ слыхаць у Торунѣ на рынку?

— Ой тамѣ слыхаць воинѣ:

Бѣдѣвнѣшь яла дѣвнѣно.

— О бодей ты, Ясю, каркѣ скрѣвнѣцѣ,
Якѣ ты моѣ сѣрдѣвнѣко засмѣвнѣцѣ.

— Не засмѣвнѣцѣ я тобѣй —

Засмѣвнѣли ця оцѣцѣ, маць,

Цо вѣхѣцѣли цѣ за мѣй одаць

А допѣро за мѣй одаць,

Якѣ на тобѣй шнуроуки нѣ стаѣ.

— Я доточѣ стонѣжѣчко,

Тамѣ бѣдѣвнѣ дѣвнѣчко.

— О жѣбы ты й-злотѣмѣ доточѣла,

Южѣ нѣ бѣдѣвнѣшь яка пѣрѣвнѣй была.

27.

Калина-малина, чѣрвѣна ягода,
Чѣго заплакала дѣвнѣчѣнонька млада? (2 р.)

— Заплакала того вьнка ружьнего
Цо страшила ёго для пѣвъ млодего (2 р.).
Страцилашь, страцилашь зъ тѣвочку млодцы,
Тысь зналашь, Ясѣвну, зъ ночаѣну млодцы. (2 р.)
— Ты муевишь, Касѣвну, цовъ я вьнѣтъ украдь,
Якъ ты воде брава у студѣвачкѣ упадь (2 р.).
Доставай, Касѣвну, право рончю ло днѣ:
Якъ лостаишь до дна, бѣвдѣишь ёго голнѣ. (2 р.)
— Достала, дѣстала, алѣ нѣ пѣвго,
Чѣтѣры румявѣчки южъ выпадло зъ ёго. (2 р.)
Повѣсила ёго у коворы за дрями,
Цо спуюбры матонька обѣви сѣвзани. (2 р.)
— Уважай, Ясѣвну, на моѣи матки плачѣ,
Або ты мнѣ вѣзѣ, або ты мнѣ заплацѣ! (2 р.)
— Я цѣ брацѣ вѣ бѣвдѣ и плацини вѣ вьсѣтѣ
Сюнда на коника повѣз до вѣдѣи. (2 р.)
Посыпалъ Ясѣвню талары на столѣ:
— Уважай, Касѣвну, чи бѣвдѣтъ за тѣбѣ? (2 р.)
— Нѣ бѣвдѣтъ, нѣ бѣвдѣтъ хочѣбы ёма зъ тысьонцѣ
Мусишь, Ясѣвнѣ, предѣ олтаромъ присѣвдѣтъ. (2 р.)
— Присѣвдѣтъ, присѣвдѣтъ алѣ я вѣ тѣбѣ,
Тѣлько тѣи чапѣчѣ по нощѣ на главѣ. (2 р.)
Згарѣла Касѣвнѣ талары у фартушѣкъ,
Устала, заплакала, ушла до подушѣи. (2 р.)
— Подушѣчки моѣ, цѣвѣвнѣ, бѣвѣвнѣ,
Чѣму нѣ муевицѣ-дѣвнѣ добры, пѣвѣвнѣ. (2 р.)
Тѣлько вы мѣвицѣ мнѣ-дѣвнѣ добры, пѣви,
А я мѣвжа пѣвмамъ обѣвѣвѣтъ сѣ вѣзани. (2 р.) (*)

Не дѣлая здѣсь дальнѣйшихъ выводовъ изъ приведенныхъ образцовъ, ограничимся на этотъ разъ только немногими замѣчаніями, именно: о нѣкоторыхъ свойствахъ этого языка, о важнѣйшемъ пунктѣ того пространства, на которомъ онъ употребляется, и о границахъ, въ которыхъ заключенъ. По наружной формѣ важнѣйшія отступленія въ немъ отъ общепотребительнаго, грамматическаго языка русскаго заключаются въ слѣдующемъ.

(*) Послѣднія двѣ пѣсни, 26-я и 27-я, не туземнаго происхожденія. Онѣ занесены сюда изъ Польши, судя по ихъ лѣткѣ и мѣсту дѣйствія первой.

1) Буква л переходитъ послѣ гласной въ букву у въ концѣ и срединѣ словъ: а) въ концѣ — во всѣхъ глаголахъ, оканчивающихся этою буквою, и, вмѣсто былъ, бывалъ, зналъ, стоялъ, употребляется: быу, бывау, знау, стоюу, бачиу, казау, пу, читау; покляуу, зогривуу, зогнууу и проч.; б) въ срединѣ вмѣсто столцъ, волкъ, волна, полно и др. употребляется: стоупъ, воукъ, воуна; поуно, поуночь, жоуты, тоуку, тоукачь, доуго (цѣсни 3 и 19), жоунјеръ, коунјеръ и проч. Въ эту же букву измѣняется и ѿ въ началѣ и срединѣ словъ, если она слѣдуетъ послѣ гласной: вмѣсто бывши, сказавши, говорится: быуши, казауши, зробиуши, пошоуши, устѣуши, пѣуны, прауда и проч.

2) Буква т часто перемѣняется въ ц. а) Въ концѣ словъ во всѣхъ неопредѣленныхъ наклоненіяхъ, имѣющихъ форму, похожую на славянскую; вмѣсто быть, ѣхать, знать, стоять, употребляется: быци, ѣхаци, стояци, знаци, бачици, казаци, сѣяци, браци, плакаци; смѣяцись, энъвацись, знацись, знакомцись и проч. Въ повелительномъ наклоненіи: стуойць, знайць, плыньць, слухайць, скапсыць и проч. Но въ изъявительномъ наклоненіи въ третьемъ лицѣ буква т никогда не перемѣняется, какъ въ другихъ отгѣнкахъ бѣлорусскаго языка, въ ц: употребляется здѣсь всегда бѣжитъ, бѣгутъ, бачитъ, бачатъ, кричитъ, кричатъ, а не бѣжиць бѣгуць, и пр. бачиць и проч. б) Въ срединѣ въ словахъ: вѣтеръ, дятя, батько, дялько, мать, стѣна, мѣсто, употребляется: вѣтѣръ, дѣци, бацько, дяцько, маци, сцѣна, мѣсцѣ, смѣръць, старосць, пусцици и проч. в) Въ началѣ словъ: вмѣсто теперь, тѣсто, употребляется цѣпѣръ, цѣѣсто, цѣѣсно, цѣѣнь, цѣѣл, цѣѣло, цѣѣмно, цѣѣжко, цѣѣнуци, цѣѣрды, цѣѣрозы и проч.

Въ этомъ отношеніи онъ имѣетъ сходство съ языкомъ польскимъ. Это внѣшнее сходство съ языкомъ польскимъ замѣчается еще и въ томъ, что

3) Послѣ буквы д во многихъ словахъ вставляется з. Вмѣсто: день, недѣля, дятя, дѣдъ, употребляется: дѣзнь, пѣдѣзѣля, дѣци, дѣзѣдъ, дѣзѣцько, будѣзъ, ходѣци, јѣзѣзци, гвѣдѣзѣци, грудѣз, дѣзѣука, глѣдѣзъ и проч.

4) Отбрасывается:

а) Всегда на концѣ буква т въ изъявительномъ наклоненіи, наст. вр., 3 лица ед. ч., въ глаголахъ 1-го спряженія (по грам.

Востокова). Въмѣсто читаетъ, знаетъ, употребляется: *читалъ, знаѣ, бѣгаѣ, маѣ, кажа, идѣ, јѣдѣ* и проч. Но въ словахъ: *гнѣвается, сердится, смѣется*, употребляется: *гнѣваѣцѣ, спр-дуть, смѣѣцѣ, клинѣцѣ, божицѣ* и проч.

Но не отбрасывается т въ глаголахъ 2-го спряженія (на ишь) и всегда употребляется кричитъ, ходѣтъ, глѣдѣтъ, бачѣтъ, чорнѣтъ, скрипѣтъ, рыпѣтъ и проч.

б) *Въ прилагательныхъ именахъ—й, и всегда употребляется добры, милы, бѣлы, свѣты, сѣны, гуорьки, солодки* и проч.

в) *Выбрасывается т въ нѣкоторыхъ словахъ въ среднѣ и говорится: скло, склянка, скляны, сроги* и проч.; *е* въ словахъ *едѣ, гдѣ* нибудь и говорится *дзѣѣ, дѣпльнѣ*; *с* въ словѣ сколько и говорится *куолько, килькоро* и проч.

5) *Прибавляется:*

в въ мѣст. *онѣ* и говор.: *вуонѣ, вонѣ, вонѣ вонѣ* и проч.

э въ мѣст. *этотѣ* и говор.: *этой, эта, это, гэты*;

э-этуль, э-этуля (отселѣ) и проч.

Не распространяемъ на этотъ разъ о другихъ особенностяхъ и свойствахъ языка, которыя можно будетъ лучше и яснѣ видѣть изъ сравнительнаго обзора собранныхъ нами образцовъ съ образцами другихъ нарѣчій.

Относительно границъ замѣтимъ, что рассматриваемый нами языкъ примыкаетъ на западъ къ языку *мазовецкому*. Послѣдній простирается отъ *Дрогичина* до мѣст. *Домбровы* и *Липска* и идетъ по западной части Гродненской губерніи, мимо *Цѣхановца, Бранска, Суража, Хороши, Кнышина, Суховоли*. На картѣ чертою *Е F* приблизительно означаемъ его направление и границу. Это означеніе основываемъ мы не только на собственномъ опытѣ, но и на показаніи г. Шульца ⁽¹⁾ и г. Ярошевича. ⁽²⁾

На югѣ рассматриваемый языкъ примыкаетъ къ особенному отгѣнку русскаго языка, который у здѣшнихъ жителей называется «*королѣоускимъ*». Онъ употребляется въ окрестностяхъ мѣст. *Нарева*, простирается подъ *Бѣльскъ* и между прочими особенностями отличается отъ рассматриваемаго языка тѣмъ, что въ немъ нѣтъ вставочной *з* послѣ *д*. Такимъ-обра-

⁽¹⁾ Pisma D. Szulca Warsz. 1853 v., str. 26.

⁽²⁾ Obraz Litwy, t. I, str. 206 prsp. 13.

зомъ не говорятъ *пуойдзь, поьдзь, будзь*, но *пуойдэ, поьдэ, будэ* и проч. Оттого сосѣди и прозываютъ одни другихъ въ насмѣшку «*дэкалами*» и *дэлкалами*.»

На востокѣ и сѣверо-востокѣ онъ граничитъ съ языкомъ собственно бѣлорусскимъ, который у здѣшнихъ жителей называется «*литоускимъ*». Этимъ языкомъ говорятъ уже около Свислочи, Крынокъ, Яловки и около мѣст. Гродка, при которомъ встрѣчаются эти два отгѣнка. Смѣшнымъ въ немъ кажется для здѣшняго жителя употребленіе вмѣсто *идуть, їдутъ*, знаютъ и проч. *идуць, їдуць, знаюць*; также постоянное въ немъ произношеніе *о* за *а*, вмѣсто *пошюу, говориу, хочю, мои, свои, чого* и проч. *пашюу, гавариу, хачу, маи, сваи, чаго*; вмѣсто *вуонъ, вона, јого* употребленіе *уонъ, яна, јаго*. Яснѣе можно видѣть различія этихъ двухъ отгѣнковъ русскаго языка изъ сравненія одного изъ приведенныхъ нами образцовъ съ другими образцами, на примѣръ, хотъ пѣснюю, приволимою въ «Современникѣ» за 1853 годъ, № 11., библ., стр. 26, или же съ другою въ «Современникѣ» за 1853 годъ, № 7., отд. II, стр. 17.

Разумѣется, что невозможно съ математическою точностію означить границы рассматриваемаго нами языка отъ сейчасъ упомянутыхъ, смежныхъ съ нимъ отгѣнкоко, къ которымъ онъ примыкаетъ на востокѣ и западѣ, югѣ и сѣверѣ. Въ самой натурѣ, въ дѣйствительности едва ли существуетъ такой переломъ, такой рѣзкій переходъ одного отгѣнка въ другой, чтобы можно было это обозначить на картѣ съ строгою точностію. По-крайней-мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на чертѣ EF мы имѣли случай удостовѣриться, что житель такъ же почти свободно объясняется и по-русски, какъ и по-мазовецки. Утвердительно можемъ сказать только то, что на всемъ пространствѣ *шпогз* (*) живетъ въ настоящее время въ устахъ народа (низшаго сословія, издавна здѣсь осѣдлаго) языкъ, какой мы видимъ въ приведенныхъ образцахъ,—языкъ вездѣ одинаковый, безъ всякихъ отгѣнковъ, или же съ отгѣнками ничтожными, вовсе незамѣтными. Слѣдовательно, границы рассматриваемаго языка почти совпадаютъ съ границами при-

---

(*) См. карту. На этомъ пространствѣ находится болѣе 40 деревень и селеній; названія ихъ приведены выше.

ходовъ Заблудовской Православной церкви и Заблудовскаго Римско-Католическаго костела, съ небольшими только, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, выступами.

Замѣчательнѣйшимъ пунктомъ на означенномъ пространствѣ среди многолюдныхъ селеній есть *мѣстечко Заблудовъ*. Мы привели выше преданіе, хранящееся въ народной памяти, объ основаніи этого мѣстечка. Это преданіе, равно-какъ и то, что всю страну покрывали нѣкогда непроходимые лѣса, подтверждается и лѣтописными извѣстіями, и самымъ взглядомъ на современную культуру этой мѣстности (не говоря уже о доказательствахъ, упоминаемыхъ въ третьемъ и особенно во второмъ образцѣ рѣчи прозаической). Такъ, еще Кадлубекъ объ этой странѣ говоритъ: *Pollexiani.... propter vastissimas solitudinum intercarpedines, propter concretissimas nemorum densitates, propter bituminata inaccessibilis palustria* ⁽¹⁾; а нынѣшніе лѣса, разбросанные въ 6 или 7 мѣстахъ, на пространствѣ *in pogs*, среди обработанныхъ полей, очевидно суть только скудные остатки прежнихъ, нѣкогда составлявшихъ одну сплошную массу. Мало-по-малу, по-мѣрѣ увеличивающагося народонаселенія, они были истреблены и обращены въ пахотныя поля рукою человѣка, находившаго въ землѣ единственный источникъ удовлетворенія своимъ нуждамъ. Самое дѣйствіе преданія, т.-е. самое основаніе мѣстечка, относится къ XV или началу XVI столѣтія. Такъ заключаемъ изъ словъ документа XVI вѣка (1597 года), въ которомъ гетманъ Григорій Александровичъ *Ходкевичъ*, записывая фундашъ Заблудовской православной церкви Успенія и Св. Николая, говоритъ о духовенствѣ и служащихъ при церкви и костелѣ: «а они зато послуги своее костелное маот быт пыльны и ктому маот на науце дечи держати, надто *што есмо еще засажываючи знову место наше Заблудовское* так есмо постановили и на листе на дате нашей им даной то описали, ижъ маот и повпнни будутъ все мещане зъ домов их местских платити..... ⁽²⁾

⁽¹⁾ Изданіе 1824 года, стр. 86.

⁽²⁾ «Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ городовъ Минской губерніи», № 138, стр. 297

Слѣдующее извѣстіе, подтверждая сдѣланное нами заключеніе, имѣетъ еще и другой интересъ. Извѣстно, что при царѣ Іоаннѣ IV, въ Москвѣ, заведена была, въ 1553 году, первая типографія подъ руководствомъ двухъ мастеровъ: діакона *Ивана Ѳедорова* и Петра Тимоѣева *Мстиславцева*, напечатавшихъ въ 1564 году первую книгу *Дьянія* и *Посланій Апостоловъ*. Злые люди и суевѣры, изумленные новостью изобрѣтенія, не дали распространиться благому дѣлу, и Ѳедоровъ съ товарищами, какъ мнимые еретики, должны были удалиться изъ Москвы отъ преслѣдованій своихъ враговъ. Въ послѣдствіи времени они нашли убѣжище на Волынѣ, у Константина Острожскаго, который завелъ типографію въ своемъ городѣ Острогѣ, и здѣсь, въ 1580 году, напечатаны были *Новый Заветъ* и *Псалтырь*, а въ слѣдующемъ 1581 году—*вся Библия*. Прежде этого Иванъ Ѳедоровъ жилъ во Львовѣ и здѣсь напечаталъ, въ 1573 году, *Апостолъ* (*). Гдѣ же Ѳедоровъ и Мстиславцевъ провели прежніе 9 лѣтъ по удаленіи изъ Москвы, т.-е. съ 1564 по 1573 годъ и не напечатали ль въ это время какихъ книгъ, о томъ ни слова не говорятъ ни Карамзинъ, ни Сониковъ. Вопросъ этотъ въ настоящее время начинаетъ проясняться. Самъ Иванъ Ѳедоровъ говоритъ о себѣ и товарищахъ въ «Послѣсловіи» книги *Апостолъ*, напечатанной имъ во Львовѣ 1573 года, слѣдующее. «Зависть и ненависть..... насъ отъ земля и отечества и отъ рода нашего изгна и въ ины страны незнаемы пресели. Егда же оттуду семо преидохомъ..... воспріяша насъ любезно благочестивый государь Жикгимонтъ Августъ кроль Польскій..... Въ то же время со тцаніемъ умоли государя велеможный павъ Григорій Александровичъ *Ходкевичъ*..... прія насъ любезно къ своей благоутѣшнѣй любви, и упоковаше насъ не мало время, и всякими потребами телѣсными удошевляше насъ, еще и сіе недовольно ему бѣ еже тако устроить насъ, и весь не малу дарова ми на успокоеніе мое. Намъ же работающимъ по воли Господа нашего Ісуса Христа, и слово его по вселеннѣй разсѣвающе; егда же пріити ему въ глубу старость, и начастѣ главѣ его болезнію одержимѣ быти, по-

---

(*) Опытъ Росс. Библиографіи, В. Соникова. Ч. I, стр. LX—LXV и др.; Истор. Государ. Росс. Карамзина, изд. 1837 года, т. IX, стр. 47, 48 и прим. 87 къ гл. I.

вель намъ работанія сего престати, и художество рукъ нашихъ ни во чтоже положить, и въ веси земледѣланіемъ житіе міра сего препроводати..... но имамъ убо вмѣсто рала художество наручныхъ дѣлъ сосуды, вмѣсто же житныхъ сѣменъ духовная сѣмена по вселѣннѣй разсѣвати..... И сего ради понудихся ити оттуду, и въ путь шествующи ми, многи скорби и бѣды обрѣтоша мя, не точію долготы ради путнаго шествія, но и презельному повѣтрію дышущу и путь шествія моего стѣсняющу и просто рѣши вся злая и злыхъ злѣе. И тако промысломъ Божія человеколюбія до богоспасаемаго града, нарицаемаго Львова пріидохъ.....»

Въ какомъ именно мѣстѣ пребывалъ у Ходкевича Федоровъ съ своими сотрудниками и чѣмъ занимался («намъ же работающимъ.... повелѣ намъ работанія сего престати»), лучшимъ отвѣтомъ тому будетъ слѣдующее заглавіе книги, хранившейся прежде въ Вроцлавѣ, въ Редигеровской библіотекѣ (*): «Книга зовомая *учительное* (Евангеліе?) отъ всѣхъ четырехъ Евангелистовъ избрана и отъ многихъ божественныхъ писаній.... выдрукована за счастливого панованя найяснѣйшаго господаря нашего Зыгмонта Августа б. м. короля Польскаго.... а при архіепископѣ б. м. митрополитѣ Кіевскомъ и Галицкомъ и всея Руссіи и *выдана есть въ отчизномъ аменю пана Виленскаго гетмана* найвыжшаго Вел. Кн. Литовскаго.... пана Григорія Александровича Ходкевича *въ мѣсть зовомомъ Заблудовью* власнымъ накладомъ его милости, а *началася книга сія друковати по воплощенію Слова Божого року 1568 мѣсяца юля, а свершися 1569 мѣсяца марта 31*», и проч. (399 листовъ).

Знаемъ еще одну книгу, напечатанную также въ этомъ мѣстечкѣ Заблудовѣ тѣмъ же Ив. Федоровымъ, иждивеніемъ гетмана Ходкевича. Это *Псалтирь* in folio, напечатанная въ слѣдующемъ, 1570 году, хранящаяся въ настоящее время въ Императорской Публичной Библіотекѣ, куда поступила изъ Москвы изъ древлехранилища Погодина (**). Современемъ, быть-можетъ, окажутся еще и другія книги той же типогра-

---

(*) См. *Historja drukarń Krakowskich*, Bandtkie wyd. 1815 г. str. 174; «Архивъ Юрид. Свѣдѣній» Калачева, кн. I. въ Матер. для исторіи.

(**) «Современникъ» за 1853 годъ, октябрь, Библиогр., стр. 22.

фія. Но уже и изъ этихъ ясно видно, что первые московскіе типографшники Федоровъ и Мстиславцевъ въ означенныхъ годахъ пребывали у Ходкевича въ Заблудовѣ, напечатали здѣсь двѣ (а можетъ-быть и болѣе) книги, составляющія теперь библиографическую рѣдкость: *Евангеліе учительное* 1569 г. и *Псалтирь* 1570 года. Слѣдовательно, въ исторіи книгопечатанія въ Россіи промежутокъ времени отъ 1565 г. по 1573 г., о которомъ доселѣ умалчивалось, долженъ быть пополненъ этими извѣстіями. Съ другой стороны эти извѣстія показываютъ, что приведенныя выше слова Ходкевичевой грамоты «*што есмо еще засаживаючи знову место наше Заблудовское постановили....*» могутъ быть отнесены ко временамъ, предшествовавшимъ 1568 году, а самое начало народнаго преданія объ основаніи мѣстечка— къ гораздо древнѣйшимъ временамъ.

Не можемъ здѣсь умолчать еще объ одномъ извѣстіи, умильномъ для всякаго добраго сына православной церкви, извѣстіи, относящемся къ исторіи заблудовской церкви, бывшей непоколебимою въ православіи среди всѣхъ потрясеній Уніи. Сто-тридцать-четыре года тому назадъ въ Заблудовскомъ монастырѣ почивали нетлѣнные мощи младенца Гавріила. По монастырскимъ запискамъ, Гавріиль родился 1684 года, въ селѣ Звѣркахъ (въ 3 или 4 верстахъ отъ Заблудова; существуетъ и теперь). Въ 1690 году шестилѣтній отрокъ былъ похищенъ того жъ села жидомъ арендаторомъ въ *Бьломъ стану* (вѣроятно въ *Бьломъ стоку*, т. е. въ Бѣлостокѣ), замученъ и выброшенъ въ поле на съѣденіе птицамъ. Родители сыскали тѣло невиннаго страдальца и погребли въ православномъ Заблудовскомъ монастырѣ. Черезъ 30 лѣтъ обрѣтены были нетлѣнные мощи младенца Гавріила и поставлены въ церковный погребъ, гдѣ почивали съ небольшимъ 50 лѣтъ. 1775 года, мая 9, они были перенесены изъ Заблудова въ Слуцкій монастырь архимандритомъ Казачинскимъ; теперь же почиваютъ въ Слуцкомъ Свято-Троицкомъ монастырѣ, находящемся близъ уѣзднаго города Слуцка (*).

По немногимъ приведеннымъ здѣсь историческимъ фактамъ о главнѣйшемъ пунктѣ разсматриваемой мѣстности, мы

(*) См. «Словарь Историч. о Святыхъ, прославленныхъ въ росс. церкви», стр. 71, или же «Энци. Лексиконъ».

имѣемъ возможность подняться къ началу XVI и къ концу XV столѣтій. По нимъ можно сдѣлать заключеніе, что хотя и въ эти времена, такъ же, какъ и теперь, низшій слой народонаселенія означеннаго пространства дѣлился по вѣроисповѣданію на двѣ большія половины: православную и римско-католическую (ибо Григорій Ходкевичъ для означеннаго пространства учреждаетъ въ Заблудовѣ, 1597 г., настоятелей при православной церкви и римско-католическомъ костелѣ съ совершенно одинаковыми для того и другаго правами и преимуществами)(*), однако, обѣ половины, безъ всякаго сомнѣнія, и тогда, т.-е. 300 лѣтъ тому назадъ, употребляли языкъ совершенно такой же, какой живетъ въ устахъ народа обѣихъ половинъ и въ настоящее время. Какъ мало этотъ языкъ измѣнился въ послѣднія 300 лѣтъ, мы могли бы яснѣе это видѣть, если бы имѣли образцы для сравненія тогдашняго языка съ нынѣшнимъ. За неимѣніемъ таковыхъ, предлагаемъ здѣсь для сравненія съ приведенными выше образцами нынѣшняго языка хоть слѣдующее, напримѣръ, мѣсто упомянутой фундаментальной записи Ходкевича второй половины XVI вѣка, гдѣ основатель налагаетъ слѣдующія обязанности на духовенство основанной имъ церкви въ Заблудовѣ.

.... «зволоч испляцов наоселене поцу плебану илиякону однас даныхъ немають, инебудут повинни цыншу або плату никоторого нанас платити идавати; але будут повинни ужываючы того хлеба справы церковные яко насвещеников прыслушити быти пилны аза господара Бга Милостивого иросити; а людеи дотое Божеи церкви идокостела прыходящих немають наних незбожных вымыслов вымышляти надпроводу, также иодупису немають помногу брати але побожне як подиншых речей духовных маютсе такъ заховати.... тымже обычаем ивыншыхъ речех асправах духовных заховатисе мають, аубогих людеи, которыибы немел чего дати, яко отироводу, отвенчания, одхрещеня дитяти иодиншых духовных справ, тогды товсе повинен будет священник безплаты чинити; аотместца якопервей вымыслы чынявано цотося торговывано прыпохо-

---

(*) См. «Собрание древнихъ грамотъ и актовъ городовъ Минской губерніи», № 138.

ваню змерлых людей тела , тогда то вже болше немаеть быт чынено....» (*)

Сличивъ этотъ языкъ съ нынѣшнимъ (вышеприведенными образцами), замѣтимъ между ними разницу небольшую, и, следовательно, въ 300 лѣтъ, несмотря на всѣ измѣненія и перевороты, которымъ подвергался народъ въ другихъ отношеніяхъ, въ языкѣ его не произошло никакихъ перемѣнъ, или же эти измѣненія совсѣмъ незначительны. Если въ эти 300 лѣтъ онъ не измѣнился, то нѣтъ достаточной причины допускать въ немъ какія-либо измѣненія и для временъ древнѣйшихъ, для двухъ, трехъ столѣтій предшествовавшихъ. Поколѣнія, отживъ свой вѣкъ, психодятъ въ могилу, ихъ смѣняютъ новыя, а языкъ живетъ неизмѣнно; переходилъ и переходитъ отъ отцовъ къ дѣтямъ, внукамъ, правнукамъ и хранится отдаленнымъ потомствомъ, какъ завѣтная святыня, хотя совершенно безъ вѣдома и воли завѣщателей и хранителей.

Здѣсь оканчиваемъ наши замѣчанія, коснувшись въ нихъ двухъ противоположныхъ концовъ: быта современнаго, со стороны языка, и временъ, предшествовавшихъ XIV столѣтію. Въ послѣднемъ случаѣ по историческимъ источникамъ приблизились мы къ концу XIII и началу XIV вѣка; въ первомъ поднялись изъ одного пункта на 300 лѣтъ и приблизились къ началу XVI столѣтія. Взявъ въ соображеніе сказанное въ первомъ и второмъ случаяхъ, будетъ уже замѣтна нѣкоторая связь, общая цѣпь, соединяющая чрезъ длинный рядъ столѣтій минувшихъ два противоположные конца — настоящее и прошедшее. Можетъ-быть, когда-нибудь въ другое время, будемъ имѣть возможность обнаружить болѣе очевиднымъ образомъ, что эта цѣпь не прерывается въ-теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, о которыхъ мы здѣсь еще ничего не говорили, т.-е. въ-теченіе XIV, XV и другихъ столѣтій.

(*) «Собр. акт. и гр. Минск. губ.», № 138, стр. 298.

Списокъ деревень и селеній, находящихся на пространствахъ

т п о г с.

По произношенію польскому.

1. Zabłudow m.
2. Kucharówka
3. Zwierki
4. Protàsy
- 5.
6. Borowki
7. Rafalówka
8. Dobrzyniówka
9. Folwarki
10. Tyłowica
- 11.
- 12.
- 13.
14. Ochremowicze
15. Siéski
16. Hneciúki
- 17.
18. Kozliki
19. Lászki
20. Krynickie
21. Pasynki
22. Solniki
23. Ostrówki
24. Kowalówce
25. Łubniki
26. Skryblcze
- 27.
28. Karakúle
29. Bagnówka
30. Grabówka
- 31.
32. Zasciánki
33. Kamionka
- 34.
35. Łukjany
- 36.
37. Tatarówce
38. Rudnica
- 39.
40. Ziédna
41. Topolanie
42. Hereminów

По произношенію простонародному.

- Заблуду́овье — мѣсто.
Кухароука, Кухары.
Звѣрий.
Протасы.
Kurjany.
Боровкы.
Рохалоука.
Добрыніоука.
Полварки.
Цяльвѣчи.
Potoka.
Małynka.
Olszanka.
Олшэмювѣчи.
Сѣскы.
Гвѣцюкы.
Олѣксичи.
Куо́зылики.
Ляшкы.
Крыницкы.
Пасынкы.
Сальникы.
Оструоуки.
Коваліоуцы.
Лубники.
Скрѣбичи.
Загрушане.
Каракули.
Багнуоука.
Грабуоука.
Sobolewo.
Засьціэнки.
Камѣвка.
Zajeziégcy.
Лукьяны.
Bobrówka.
Татароуцы.
Рудница.
Zauma.
Зѣднѣя.
Тополаны.
Гарейшэво, Гаршнѣво.

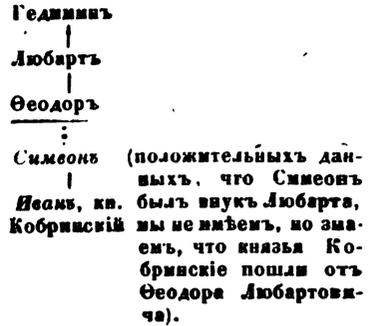
ПРИМЪЧАНІЕ.

Князя Андрей и Иванъ Володиміровичи, упоминаемые въ судной грамотѣ польскаго короля Казимира, 1484 года, августа 25, были дѣти князя Владимира Ольгердовича, внука Гедиминова. Въ грамотѣ этой, между прочимъ, сказано: «присудилъ есмо: тые имѣнья, *Айну, а Могилнью, а Словенскъ, а Илемницю, а Полоное* княгини Ивановой Семеновича Кобринскаго, княгини Фельдцъ, *внуць князя Андрея Владиміровича*, вѣчно съ всимъ тымъ, што въ тымъ имѣньяхъ здавна слушаетъ, потому какъ *сержалъ небожьчикъ князь Андрей Володимеровичъ*». Что этотъ небожьчикъ князь Андрей Володиміровичъ былъ ввукъ Ольгерда, видно изъ духовной его грамоты 1446 года, іюня 16, въ которой читаемъ: «се азъ рабъ Божій, князь Андрей Владиміровичъ, привѣдлъ есмь въ Киевъ, съ своею женою и съ своими дѣтками, и были есмо въ дому Пречистыя... и поклонихомся отца своего гробу князя Владимира Ольгердовича... и отписалъ есмь своей женѣ княгини Маріи, и своимъ дѣтемъ и еѣ дѣтемъ, свою отчину и свою выслугу... имѣніе прѣшое, *Айну, Словенскъ, Могилное, Каменецъ, Логожескъ, Илемницю и Полоное*, т.-е. то самое имѣнье, о которомъ былъ споръ въ 1484 году между княземъ Семеномъ Ивановичемъ, внукомъ князя Владимира Ольгердовича, и княземъ Иваномъ Семеновичемъ Кобринскимъ, который былъ женатъ на ввукѣ князя Андрея Владиміровича. А что князь Иванъ Владиміровичъ, упоминаемый въ судной грамотѣ 1484 года, былъ тоже сынъ Владимира Ольгердовича, то это очевидно изъ содержанія той же грамоты; онъ называется въ ней братомъ князя Андрея Владиміровича Ольгердовича, а этотъ послѣдній *дядькомъ* (дядею) князя Семена Ивановича Володиміровича. Въ родословіи князей Бѣльскихъ князь Иванъ Владиміровичъ показанъ бездѣтнымъ (см. Барх. Кн. 1. 47), между-тѣмъ, какъ изъ грамоты 1484 г. оказывается у него сынъ Семень. Изъ духовной грамоты князя Андрея Владиміровича мы узнаемъ еще, что у него въ 1446 году были дѣти сынъ Глѣбъ и дочь дѣвица Евдокія, а изъ судной грамоты 1484 г. видимъ, что княгиня Феодора (Федця), жена князя Ивана Семеновича Кобринскаго, была внука князя Андрея Владиміровича Ольгердова и наследовала всѣ его имѣнія, кромѣ Каменца и Логожска. Но кто же такой былъ князь Иванъ Семеновичъ, которому въ концѣ XV вѣка принадлежалъ городъ Кобринъ и который поэтому назывался Кобринскимъ? Князь Иванъ Семеновичъ Кобринскій происходилъ, кажется, какъ и жена его, отъ великаго князя литовскаго Гедимина, она отъ князя Ольгерда Гедиминовича, а онъ отъ князя Любарта Гедиминовича. По-крайней-мѣрѣ, въ «Бархатной Книгѣ» сказано, «7 сына Гедиманова Любарта Вольныскій князь взялъ къ дочери на свое

мѣсто на княжество. У Любарта сынъ **Федоръ**, и отъ того пошли Савкушковскіе князи да Карбинскіе (читай Кобринскіе) князи». Изъ составленныхъ нами и предлагаемыхъ здѣсь родословныхъ таблицъ яснѣе можно видѣть наше мнѣніе.

Федия (Феодора)
(чья была дочь Федора, Глѣба Андреевича или сестры его Евдокіи, намъ неизвѣстно).

Редакторъ.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ВЗГЛЯДЪ НА ВИЛЕНСКУЮ ГУБЕРНІЮ.

ВВЕДЕНИЕ.

Желая представить этнографическій очеркъ Виленской губерніи, согласно программѣ, издавшею Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ, считаю необходимымъ предварительно сказать нѣсколько словъ о географическомъ и статистическомъ положеніи губерніи.

Она лежитъ подъ среднею географическою широтою : $54^{\circ} 36'$; крайнія широты суть : на сѣверѣ $55^{\circ} 50'$, на югѣ $53^{\circ} 23'$; крайнія долготы, или меридіаны отъ Парижа : на западѣ $21^{\circ} 34'$, на востокѣ $26^{\circ} 4'$. Сѣверные уѣзды ея : Виленскій, Свенцянскій и Дисненскій, граничатъ съ Ковенскою, Курляндскою и къ сѣверо-востоку съ Витебскою губерніями ; отъ послѣдней отдѣляются они рѣкою Двиною. Западные уѣзды, Троцскій и Лидскій, граничатъ съ царствомъ Польскимъ (край Запущанскій), отъ котораго отдѣляются рѣкою Нѣманомъ, и къ юго-западу — Гродненскою губерніею. Южные, Лидскій, Ошмянскій и Вилейскій, — съ Гродненскою и Минскою губерніями. Восточные, Вилейскій и Дисненскій, — съ Минскою и Витебскою.

По исчисленіямъ Виленской астрономической Обсерваторіи, протяженіе всей поверхности губерніи составляетъ 73,159 квадр. верстъ, или 768,0 квадр. геогр. миль.

По прямой линіи съ сѣвера на югъ, отъ границы Свенцянскаго уѣзда съ Ковенскою губерніею, выше селенія Снянцки, до границы Ошмянскаго уѣзда ниже селенія Сенявская

слобода, заключается 220 верстѣ. Съ востока же на западъ отъ границы Вилейскаго уѣзда съ Минскою губерніею, вблизи мѣстечка Крайска до рѣки Нѣмана, на границѣ Трокскаго уѣзда отъ царства Польскаго, близъ мѣстечка Бирштаны, 224 версты.

Виленская губернія представляетъ песчаную равнину; въ ней нѣтъ ни одной цѣлыя горы. Живописные берега орошающихъ ее рѣкъ, и преимущественно Вилии и Нѣмана, увѣнчаны холмами, какъ обыкновеннымъ слѣдствіемъ углубленія рѣкъ, но не представляютъ постоянной гряды горъ.

Въ городѣ Вильно уровень рѣки Вилии надъ моремъ составляетъ $55\frac{1}{2}$ саж., или 386 футовъ.

Самая возвышенная гора надъ морскимъ горизонтомъ, близъ деревни Цюпишки, въ Ошмянскомъ уѣздѣ, составляетъ 147 саж.

Въ геологическомъ отношеніи въ Виленской губерніи явственны признаки поздняго наноснаго происхожденія почвы. Она вообще песчаная и глинистая, но перемѣшанная съ нѣкоторыми посторонними веществами органическими и неорганическими, и въ-особенности черноземомъ, почти вездѣ способна къ воздѣлыванію, при тщательномъ удобреніи. Ленъ и пенька произрастаютъ съ успѣхомъ. Лѣсъ составляетъ одно изъ главнѣйшихъ богатствъ губерніи. Вообще подъ лѣсомъ полагается 1,331,717 десятинъ. Наводненія рѣкъ имѣютъ большое вліяніе на урожай, занося землю пломъ и способствуя къ ея удобренію.

Главныя рѣки : 1) *Нѣманъ*, имѣющій 15 пристаней для причала судамъ и плотамъ. Въ Нѣманъ впадаютъ, съ правой стороны : Вилія, Страва, Вержпя, Меречанка, Ротничанка, Котра, Турія, Свѣнница, Деражная, Линичанка, Лебіода, Нѣманокъ, Зарѣчанка, или Ельненка, Дзитва, Нарель, Гавія, Березина, Быстрая, Усса, Черная и Сула; съ лѣвой стороны : Щара, Мовчатъ, Прудовая и Черновка. Всѣхъ вообще рѣкъ, протекающихъ по Виленской губерніи и впадающихъ преимущественно въ Нѣманъ и Вилію и другія, считается 116.

Виленская губернія богата озерами : ихъ считаютъ до 330. Самыя большія, въ *Свенцянскомъ* уѣздѣ : *Нарочь* имѣетъ 11,500 сажень длины, 7,500 ширины, 15 глубины; *Эйсакъ* имѣютъ 10,000 саж. длины, 1,500 ширины, $14\frac{1}{2}$ глубины,

Севръ 7,000 длины, 1,500 шир., 3 глуб.; въ *Диemenскомъ*: *Переводъ* 4,000 длины, 3,000 шир., 18 глуб., *Улма* 4,000 длины 1,500 шир., 14 глуб.; въ *Трококомъ*: *Троковое*, или *Гальва*, 3,000 длины, 1,000 шир. 20 глуб., *Окмяна* 2,500 длины, 1,500 шир., 12 глуб., *Давги* 7,000 длины, 1,000 шир., 15 глубины; въ *Вилемскомъ*: *Дуинки* 10,000 длины, 500 шир., 20 глубины.

Послѣ третьяго раздѣла Польши, по манифесту 14 декабря 1795 года, четырнадцатая часть Литовскаго княжества, или воеводства Виленское, Троковское и княжество Самогитія, т.-е. Жмудь, присоединены къ Россіи, и изъ нихъ образованы двѣ губерніи: Виленская и Слонимская. 12 декабря 1796 года эти двѣ губерніи соединены въ одну, подѣ названіемъ Литовской губерніи. 9 сентября 1801 года эта губернія раздѣлена на двѣ: на Литовско-Виленскую и Литовско-Гродненскую. Въ первой были уѣзды: Виленскій, Троковскій, Завилейскій (Свенцянский), Ошмянскій, Вилкомирскій, Ковенскій, Брацлавскій (Ново-Александровскій), Упитскій (Поневежскій), Шавельскій, Тельшевскій и Россіенскій, и заключала, кромѣ губернскаго и уѣздныхъ городовъ, 191 мѣстечко. 24 декабря 1839 года Троковскій уѣздъ былъ упраздненъ, и губернія составлена изъ 10 уѣздовъ. 18 іюля 1840 года повелѣно именовать литовскія губерніи отдѣльно: Виленскою и Гродненскою. Наконецъ 1 іюля 1843 года (на основаніи Высочайшаго повелѣнія 18 декабря 1842 года) изъ семи уѣздовъ Виленской губерніи образована Ковенская губернія, въ составъ которой вошли слѣдующіе уѣзды: Вилкомирскій, Поневежскій, Ново-Александровскій, Шавельскій, Тельшевскій, Россіенскій и часть Ковенскаго, съ назначеніемъ города Ковно губернскимъ городомъ. Южная же половина, т.-е. уѣзды Виленскій, Ошмянскій и Свенцянский, оставлены въ составѣ сей губерніи; въ замѣнъ же отошедшихъ уѣздовъ отдѣлены отъ Минской губерніи Вилейскій и Дисненскій и отъ Гродненской губерніи Лидскій уѣзды и восстановленъ Троковскій уѣздъ, къ которому приписано все пространство бывшаго Ковенскаго уѣзда до черты мѣстечка Румтишекъ.

Виленскій, Троковскій и Свенцянский уѣзды, а также часть Ошмянскаго и Лидскаго, составляютъ древнее достояніе Литвы и принадлежали постоянно до 1795 года къ великому княже-

ству Литовскому. Въ 1413 году образовано было Виленское воеводство, въ составъ котораго входили нынѣшніе уѣзды Виленскій, Свенцянскій и Ошмянскій; Трокскій же составлялъ особое воеводство, образованное въ томъ же 1413 году. Вилейскій уѣздъ и юго-восточная часть Ошмянскаго уѣзда принадлежали къ Минскому княжеству — отъизвѣ Славянъ-Кривичей, съ 1300 года постоянно находившихся подъ властію князей литовско-русскихъ; впоследствии уѣзды эти вошли въ составъ Виленскаго воеводства. Дисненскій уѣздъ былъ древнимъ достояніемъ Полоцкаго княжества, подчиненнаго владычеству Литовской Руси въ первой половинѣ XIII столѣтія, изъ котораго въ 1500 году образовано было особое воеводство. Наконецъ Лидскій уѣздъ, состоящій изъ бывшаго Дейновскаго княжества (*), частію Литовцевъ и Славянъ, занимающихъ южную часть уѣзда, во время Ольгерда составлялъ особое удѣльное княжество, причисленное потомъ къ Виленскому воеводству. Вилейскій и Дисненскій, послѣ втораго раздѣла Польши, съ 3 мая 1795 по 1 іюля 1843 принадлежали къ Минской губерніи. Лидскій уѣздъ съ 1795 года принадлежалъ къ Слонимской губерніи, потомъ съ 1801 къ Гродненской, а наконецъ съ 1 іюля 1843 года къ Виленской.

Населеніе губерніи по 9-й переписи къ 1855 году составляло

въ городахъ	39,170 муж.	39,212 жен.
— уѣздахъ	364,365 —	372,315 —
а всего	403,535 муж.	411,527 жен.
		(815,062)

Въ томъ числѣ:

неподатныхъ	44,342 муж.	31,956 жен.
податныхъ	359,193 —	379,571 —

Противъ 8 народной переписи въ-теченіе 16 лѣтъ (съ 1834—1850) населеніе губерніи въ мужескомъ полѣ уменьшилось на 996 душъ, а въ женскомъ увеличилось на 27,544 души.

По свѣдѣніямъ, собраннымъ въ 1851 году, населеніе губер-

(*) Дейновское княжество граничило съ Гродненскимъ княжествомъ, по р. Котру, съ нынѣшними уѣздами Волковыскимъ, Новогрудскимъ и Ошмянскимъ.

ніи но вѣроисповѣданіямъ представляетъ слѣдующіе выводы, въ общемъ итогѣ несогласныя съ вышеприведенными свѣдѣніями, взятыми изъ дѣлъ Казенной Палаты :

православнаго	92,181 м.	91,276 ж.	=	183,457
римско-католическаго. 313,551 —		321,138 —	=	634,689
евангелическаго.	458 —	456 —	=	914
старообрядческаго	6,630 —	6,147 —	=	12,777
магометанъ	1,299 —	1,031 —	=	2,330
караимовъ.	257 —	259 —	=	516
евреивъ	30,151 —	40,506 —	=	70,657

440,174 м. 456,744 ж. = 896,918

Исповѣдующіе православную вѣру, съ весьма небольшими исключеніями, и всѣ старообрядцы принадлежатъ къ славянскому племени; бѣльшая часть р.-католиковъ — къ литовскому племени.

Магометанскую вѣру исповѣдуютъ Татары, которые, равно какъ Караимы, поселены здѣсь вел. кн. литовскимъ Витомтомъ. Первые взяты имъ въ плѣнъ въ 1395 году и привезены въ Литву цѣлыми улусами. Послѣдніе, вѣроятно, тогда же или во время втораго похода его въ 1398 году, какъ гласитъ преданіе караимскихъ синагогъ, переселены изъ Крыма въ числѣ 383 семействъ.

Евреи пришли сюда первоначально изъ Кіева въ XII столѣтіи.

Есть еще небольшое число Цыганъ, пришедшихъ въ эту страну около 1417 года. Сколько ихъ именно, неизвѣстно, потому-что они вошли въ составъ разныхъ сословій.

Такимъ-образомъ, видимъ, что Виленскую губернію населяютъ два главныя племена: славянское и литовское, различныя между собою происхожденіемъ, языкомъ, бѣльшею частію вѣроисповѣданіемъ и, несмотря на вѣковое сближеніе, еще во многомъ отличающіяся преданіями, правами и обычаями. Поэтому, желая представить этнографическій очеркъ Виленской губерніи, мы должны отвѣчать на всѣ вопросы программы вавойнѣ, особо о Славянахъ и особо о Литовцахъ, прежде же всего считаемъ необходимымъ представить раздѣленіе губерніи на эти два племена.

Для опредѣленія, хотя приблизительнаго, границъ этихъ двухъ поколѣній и сдѣланія, такимъ-образомъ, вывода о числѣ

населенія особо каждаго поколѣнія , представляются два средства : изслѣдовать названіе древнѣйшихъ мѣстъ , рѣкъ , озеръ и т. д. и изъ нарѣчій , къ которымъ принадлежать эти названія , опредѣлить границы. Этотъ способъ самый вѣрный , но здѣсь представляетъ особаго рода затрудненія ; ибо сосѣдственныя поколѣнія , при непрерывныхъ столкновеніяхъ и живучи въ близкомъ сосѣдствѣ , а нерѣдко въ одной и той же деревнѣ , перенимали названія , отчего одна и та же мѣстность часто бываетъ наполнена литовскими и славянскими названіями , такъ что весьма трудно провести между ними границу. Другое средство — изслѣдовать преданія народныя , согласить ихъ съ древними хрониками , изучить мѣстность въ отношеніи нравовъ и обычаевъ , обращая вниманіе на нарѣчія , и , такимъ образомъ , извлечь изъ всего этого общій выводъ.

По этимъ даннымъ представляю хотя приблизительное разграниченіе Виленской губерніи по поколѣніямъ , составленное мною послѣ многолѣтнихъ изслѣдованій и усерднаго изученія мѣстностей , при пособіи и по указаніямъ во многихъ случаяхъ маститаго историка и глубокаго изслѣдователя литовско-русской старины Федора Ефимовича Нарбутта.

Взявъ въ основаніе пунктъ при впаденіи рѣки *Ротничанки* въ *Нѣманъ* (на сѣверо-южномъ рубежѣ Трокскаго уѣзда) , провести линію вверхъ по теченію *Ротничанки* до деревни *Лютъ* , далѣе , по прямому направленію на востокъ , до деревни *Кермуши* ; потомъ по границѣ Гродненской губерніи до озера *Дупъ* и деревни *Романовъ* , или *Ромуве* ; отсюда по прямой линіи до впаденія рѣки *Пелюсы* въ озеро того же названія , при деревнѣ *Дубичи* , потомъ вверхъ по рѣкѣ *Пелюсъ* до устья ея при имѣніи *Пелюса* , далѣе границею , отдѣляющею приходъ *Заблоцкій* отъ *Радунскаго* , и вверхъ по рѣкѣ *Дзитвъ* до впаденія ея въ рѣку *Оссовку* , далѣе по теченію этой рѣки до деревни *Подворонцовъ* , а потомъ на востокъ до деревни *Дайновка* , лежащей на правомъ берегу рѣки *Жижмы* , оттуда вверхъ правымъ берегомъ *Жижмы* до м. *Стокъ* ; съ этого пункта до устья рѣки *Ошмянки* при имѣніи *Граужюшки* и по теченію этой рѣки внизъ лѣвымъ берегомъ до впаденія ея въ *Вилію* ; отсюда лѣвымъ берегомъ послѣдней до м. *Михайлишекъ* , потомъ до сѣвернаго берега озера *Свиръ* , затѣмъ на сѣверо-востокъ вверхъ по теченію рѣки *Струны* и *Отры* , а потомъ по

прямой линіи до м. *Постава*; отсюда по границѣ Дисненскаго уѣзда до границы губерніи Ковенской, далѣе по этой границѣ до *Нѣмана* и наконецъ по теченію *Нѣмана* обратно до рѣки *Ротничанки*. Вся верхняя часть надъ этой полосой, или сѣверо-западная часть губерніи, заселена литовскимъ поколѣніемъ, нижняя часть, или юго-восточная половина губерніи — славянскимъ племенемъ. Такимъ-образомъ, оказывается, что литовское племя занимаетъ цѣлые уѣзды Виленскій и Трокскій, сѣверныя части Лидскаго и Ошмянскаго уѣздовъ и сѣверо-западную часть Свенцянскаго уѣзда. Остальное пространство губерніи, т.-е. Вилейскій и Дисненскій уѣзды, остальное пространство Свенцянскаго уѣзда населены Славянами-Бѣлорусами, юго-восточная часть Ошмянскаго уѣзда и все пространство за правымъ берегомъ *Дзитвы* — Славянами-Кривичами. Въ Лидскомъ же уѣздѣ отъ озера *Дупь* по границѣ Гродненской губерніи и приходы Лидскій, Новогрудскій и Заблоцкій населяетъ племя Чермноруссовъ. Юго-восточная часть уѣзда, и именно приходы: *Оссовскій*, *Жирмунскій*, *Мытлянскій*, *Лидскій* и *Бѣлорусскій*, составляла до XIV столѣтія особое княжество, извѣстное подъ именемъ *Дейновскаго*.

По этому распредѣленію, можно вывести приблизительное заключеніе, что въ Виленской губерніи

Славянскаго племени 177,091 м. 176,200 ж. = 353,290

Литовскаго . . . . . 195,738 — 192,959 — = 388,697 (*).

1. Наружность.

Въ-отношеніи наружныхъ примѣтъ и физическихъ свойствъ жители Виленской губерніи рѣзко отличаются отъ жителей великороссійскихъ губерній Россіи; но внутри различіе славянскаго племени съ литовскимъ, въ наше время, не всегда и не вездѣ замѣтно. Наружность жителя Виленской губерніи славянскаго племени совершенно сходна съ наружностью Бѣлоруссовъ, обитающихъ въ Минской, Могилевской и Витебской губерніяхъ; болѣе отличительныя черты лица встрѣчаются въ цѣломъ Трокскомъ уѣздѣ, въ смежной съ нимъ ча-

---

(*) Вообще Литовскаго племени считаютъ до 2,000,000 человекъ, въ томъ числѣ Литовцевъ и Самогитянь, или Жмудяновъ, болѣе 1,300,000, Латышей 400,000, Куровъ 300,000.

сти Лядскаго уѣзда и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Виленскаго, Свенцянскаго и Ошмянскаго уѣздовъ, тамъ, гдѣ обитаютъ исключительно Литовцы и гдѣ господствующее — литовское нарѣчіе.

Литовцы, съ рѣдкими исключеніями, имѣютъ волосы бѣлокурые, въ юности совершенно бѣлые, доходящіе почти до цвѣта жемчуга, въ среднемъ возрастѣ и въ старости немного потемнѣе, но никогда не превращающіеся въ рыжій цвѣтъ. Глаза выпуклые, полные, голубые. Носъ болѣею частію античный, въ прямой линіи съ челомъ. Вообще лице и тѣло цвѣта совершенно бѣлаго. Женщины литовскія, тамъ, гдѣ обитаютъ одни Литовцы, очень красивы. Правильныя черты, бѣлый цвѣтъ лица, голубые глаза, бѣлокурые волосы и гибкій станъ отличаютъ ихъ отъ прочихъ туземцевъ. Такія красавицы славятся въ-особенности въ Трокскомъ, Ковенскомъ и Валкомірскомъ уѣздахъ, въ другихъ мѣстахъ ничѣмъ или очень рѣдко разнятся отъ Бѣлоруссиновъ. Бѣлоруссы, или, правильнѣе, Русины, Виленской губерніи отличаются какъ отъ Литовцевъ, такъ и Великороссіянъ темнымъ цвѣтомъ волосъ и глазъ, нѣсколько выступающимъ носомъ и худощавостію.

Какъ Литовцы, такъ и Бѣлоруссы вообще роста средняго, отъ 2 арш. 3 вершковъ до 2 арш. 7 вершковъ; но часто случается видѣть въ 8, 9, 10, иногда и болѣе вершковъ. Ростъ Литовцевъ примѣтно уменьшается въ послѣднее время, ибо извѣстно, что прежде, во время привольной жизни среди лѣсовъ, войны и буйной отваги, между Литовцами попадались великаны. Мои собственные археологическіе поиски неоднократно убѣждали меня въ этомъ. У меня есть голень, вырытая въ Свенцянскомъ уѣздѣ въ курганѣ. Если всѣ члены были пропорціональны, то владѣлецъ ея имѣлъ, по-крайней-мѣрѣ, 16—18 вершковъ; но найденный при томъ черепъ чрезвычайно малъ и не соразмѣренъ съ этимъ ростомъ. Онъ сплюснутъ надъ глазами, такъ-что чела почти нѣтъ. Впрочемъ, еще и теперь случается встрѣтить челоуѣка ростомъ до 14 вершковъ, особенно на берегахъ Нѣмана и Вилин (*). Карлы между Ли-

---

(*) Во время послѣднихъ пяти рекрутскихъ наборовъ въ Виленской губерніи, произведенныхъ въ 1849—1850, 1852 и двукратно въ 1854 году, принято всего рекрутъ (крошъ Евреевъ) 12,841. Въ томъ числѣ было ростомъ

товцами большая рѣдкость. Какъ Литовцы, такъ и Бѣлоруссы бороду и усы брѣютъ; въ некоторые, однако, носятъ усы. Волосы носятъ длинныя, съ раздѣломъ не пополамъ, но ближе къ правому виску. Литовцы же болѣею частію подстригаютъ въ кружокъ, съ вырѣзкою на челѣ, безъ всякаго раздѣла.

Крестьяне здѣшніе не отличаются особенною ловкостію и проворствомъ, болѣе безпечны и лѣнны и хотя почти всѣ худощавы, но способны къ перенесенію физическихъ трудовъ самыхъ тяжкихъ, всякаго рода лишеній и недостатковъ. Кромѣ обыкновенныхъ дѣтскихъ болѣзней: оспы, одры, горлянки, здѣсь свирѣпствуютъ гнилыя горячки, кровавые поносы, лихорадки и колтунъ. Замѣчательно, что послѣдній рѣдко нападаетъ на Литовцевъ, и тамъ, гдѣ это племя живетъ отдѣльно, безъ смѣшенія и въ некоторомъ разстояніи отъ Бѣлоруссовъ, колтунъ почти неизвѣстенъ (*). Колтунъ въ Польшѣ и западныхъ губерніяхъ почитается мѣстною эпидемическою болѣзнію (plica polonica). Онъ поражаетъ всѣ сословія, не разбирая ни пола, ни состоянія, ни возраста, но только однихъ коренныхъ жителей. Лица, подверженныя какому-либо истощенію тѣла или душевнымъ потрясеніямъ, подвергаются внезапному появленію колтуна, постепенно усливающемуся и нерѣдко дѣлающемуся наследственнымъ. Болѣзнь эта свирѣпствуетъ въ-особенности въ мѣстахъ низменныхъ, хотя нерѣдко, при однихъ и тѣхъ же условіяхъ, при одномъ и томъ же источникѣ, жители одной части деревни болѣе подвергаются ей, нежели жители другой части той же деревни.

въ 10 вершковъ	11.
— 9 —	70.
— 8 —	481.
— 7 —	1,424.
— 6 —	2,902.
— 5 —	5,194.
— 4 —	2,319.
— 3 —	461.

(*) Во время вышеприведенныхъ пяти наборовъ, изъ числа представленныхъ рекрутъ обрковано 9,713 человекъ, въ томъ числѣ по слабости сложенія 1,008, за грыжею 434, по обнаруженію колтунной болѣзни 171, прочіе — за неуказнымъ ростомъ, которыхъ, сравнительно, небольшое число, неуказныхъ лѣтъ и за разными случайными тѣлесными недостатками.

Холера свирѣпствовала здѣсь съ 5 апрѣля по декабрь 1831 года, съ 12 іюля по 1 декабря 1848 г. и лѣтомъ въ 1853 году, но дѣйствовала весьма слабо. Въ 1848 году въ цѣлой губерніи больныхъ было 14,376 человекъ; изъ того числа умерло 2,822. Самая большая смертность въ сравненіи съ народонаселеніемъ была въ Вилейскомъ и Дисненскомъ уѣздахъ. Въ Вильно больныхъ было 2,055 челов.; изъ нихъ умерло 490. По увѣренію лекарей, холера слабѣе дѣйствовала въ приходахъ литовскихъ нежели бѣлорусскихъ.

II. Языкъ.

Простой народъ въ Виленской губерніи говоритъ двумя языками: по-литовски или по-бѣлорусски. Литовскій языкъ въ общемъ употребленіи въ цѣломъ Трокскомъ уѣздѣ, отчасти въ Виленскомъ, почти въ половинѣ Лидскаго, и отчасти въ Свенцянскомъ и Ошмянскомъ, въ остальныхъ мѣстахъ Бѣлорусской. Приведенное нами разграниченіе губерніи по племенамъ яснѣе показываетъ, гдѣ какой языкъ въ употребленіи, съ нѣкоторыми, впрочемъ, исключеніями, ибо среди деревень, заселенныхъ Литовцами, есть мѣста, гдѣ говорятъ и по-бѣлорусски, и, наоборотъ, среди племени славянскаго есть поселенія Литовцевъ. Въ этомъ отношеніи болѣе однообразія въ Трокскомъ уѣздѣ, гдѣ почти исключительно говорятъ по-литовски, и большая часть крестьянъ другаго языка вовсе не знаютъ, а также въ Вилейскомъ и Дисненскомъ уѣздахъ, гдѣ господствуетъ бѣлорусское нарѣчіе; но и въ Вилейскомъ уѣздѣ есть деревни, жители которыхъ говорятъ по-литовски. Мѣщане, однодворцы и граждане говорятъ по-польски. Въ селеніяхъ, близкихъ къ городамъ, многіе крестьяне тоже знаютъ этотъ языкъ, по-крайней-мѣрѣ примѣшиваютъ много польскихъ словъ къ своему природному языку.

Почти всѣ говорящіе по-литовски исповѣдуютъ вѣру римско-католическую, и, наоборотъ, употребляющіе бѣлорусское нарѣчіе — бывшіе униаты, нынѣ православные, съ небольшими исключеніями.

Бѣлорусское нарѣчіе, употребляемое жителями Виленской губерніи славянскаго племени, составляетъ нѣчто среднее между великороссійскимъ, украинскимъ и польскимъ. Оно нѣсколько разнится и отъ нарѣчія, которымъ говорятъ крестьяне

воглевской и бѣлорусской части Витебской губерніи, ибо тамъ болѣе русскихъ словъ, тогда какъ-здѣсь болѣе польскихъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что нарѣчіе, называемое нынѣ бѣлорусскимъ, именно то самое, которое употребляли древніе Кривичи. На немъ писаны были литовскіе законы, грамоты и всѣ публичные акты до времени Стефана Баторія, который, не зная ни по-русски, ни по-польски, сталъ вводить въ употребленіе латинскій языкъ, сдѣлавшійся потомъ, при ревностномъ поборничествѣ іезуитовъ, дипломатическимъ. На бѣлорусскомъ нарѣчіи извѣстны слѣдующія, болѣе важныя книги: Статутъ Казимира Ягеллона 1492 г., Статутъ Литовскій, составленный въ 1505 г., исправлявшійся въ 1522, 1529, 1564 и 1588 гг. (печатаемъ былъ въ 1856, 1858 и 1821 г.), Трибуналь великаго князя литовскаго 1581., Лѣтописецъ Литовскій и Русскій (изд. Даниловичемъ въ 1827 г.), Хроника Быховца (изд. Нарбуттомъ въ 1846 г.), Библія, изд. Скоринны въ 1517 (въ Прагѣ, а потомъ, въ 1585 году, въ Вильно), Псалмы, Апостольскія дѣянія, его же, изд. 1525 г., Посланія апост., 1528 г., и много другихъ.

Въ бѣлорусскомъ, или кривичанскомъ, нарѣчіи замѣтно сходство съ польскимъ, въ-отношеніи глаголовъ, въ измѣненіяхъ буквъ б на дз, т на цъ. Замѣчательно, однако, что въ глаголахъ для указанія различія лицъ не употребляются измѣненія окончаній самыхъ глаголовъ, но прибавляются мѣстоимѣнія личныя. Напр., Украинецъ, по образцу польскаго языка, скажетъ: *ходылъ, ходыла, ходыло*; здѣсь же говорятъ, согласно съ правилами великороссійской грамматики: *я хадзіу, ты хадзила, іано (оно) хадзило*. Буква *д* болѣею частію замѣняется звукомъ *дз*; вмѣсто же *л* почти всегда употребляютъ *у*, соединяя ее съ предъидущею гласною. Такъ, напр., *дају* (далъ); *любиу* (любилъ); *пхају* (ѣхалъ) и. т. д. То же самое употребляется въ словахъ, заимствованныхъ изъ другихъ языковъ: напримѣръ, *жауниерь*, съ польскаго *żołnierz* (солдатъ); *кауниерь* — *sołnierz* (воротникъ); *аутаръ* — алтарь; *каутунъ* — колтунъ; въ окончаніяхъ же нѣкоторыхъ словъ жевскаго и средняго рода бук. *л*. не исключается: напримѣръ, *я была, ано было*.

Буква *у* въ соединеніи съ словами, а въ нѣкоторыхъ слу-

чаяхъ и отдѣльно употребляется вмѣсто предлоговъ: напри-
мѣръ, *у двора, у сель*.

Къ словамъ, начинающимся буквою *o* и нѣкоторыми другими
гласными, почти всегда прибавляется буква *v*: напримѣръ,
вокио (окно), *воко* (*око*), *восень* (осень); *вулица* (улица).

Вмѣсто буквы *ф* употребляютъ *x* или *n*: напр., *xвальва-
рокъ* (фольварокъ), *пранцузъ* (французъ), *ахвицеръ* (офи-
церъ), *xвигура* (фигура), *xвига* (съ польскаго *figa*, — кукишъ).
Точно также слова, происходящія съ польскаго и начинающіяся
латинскою буквою *g*, замѣняются русскою *г*: напр., *гане-
чекъ* вмѣсто *gapeszek* (крымечко). Подобнымъ образомъ въ
словахъ, перешедшихъ съ польскаго, буква *p* замѣняется
буквою *л* или *n*: напр., *левизоръ* вмѣсто *ревизоръ*; *нл-
крутъ* вмѣсто *рекрутъ*; *алендаръ* вмѣсто *арендаръ* (т.-е. арен-
даторъ, *arcdarz*).

О очень часто измѣняется въ *а*: *агонь*, *асмина*; если въ
началѣ слова стоитъ буква *e*, то она переходитъ въ *'a*: ако-
номъ (экономъ); *ль* и *е* почти всегда переходятъ въ *и*: *нима*
(*nieta* нѣтъ), *элитаецъ* (слетаетъ); *у чисьцинкомъ* (въ чи-
стенкомъ). Точно также русское окончаніе на *ій* замѣняется
одною буквою *и*: *цихи* (тихій), *цлжжи* (тяжкій).

Предлогъ *съ* предъ словами, начинающимися буквами *б л
м н о у з*, замѣняются бук. *э*: *эбогомъ* вмѣсто *съ Богомъ*;
элюдзьми — съ людьми (*z ludzmi*); *эматы* — смятый (*zmięty*);
эняты смятый; *эозера* — съ озера; *эуха* — съ уха; *эзалоўки* —
съ заловки; *эбиты* — сбитый; *эсаломы* — изъ соломы.

Измѣненія частей рѣчи такія же, какъ и въ русскомъ языкѣ.
Прилагательныя имена и нарѣчія имѣютъ три степени сравне-
ненія, съ сокращеніями на концѣ, которыя отличаютъ ихъ отъ
русскихъ выраженій. Въ превосходной степени прибавляется
най (съ польскою *naj*): *найкраснѣйши* — прекраснѣйшій; *най-
лешъ* — всего лучше; *наибольшъ* — всего болѣе.

Въ именительномъ и винительномъ падежахъ имена при-
лагательныя жители береговъ *Нѣмана* оканчиваютъ на *е*:
бѣлье, *дробные* (мелкіе); жители же береговъ *Двины* — на *я*:
бѣлья, *дробныя*.

Окончаніе уменьшительныхъ именъ существительныхъ
жители восточныхъ уѣздовъ губерніи произносятъ, какъ Рус-

скіе: *сѣдочки*, *вѣночки*, а въ западныхъ уѣздахъ: *сѣдочекъ*, *вѣночекъ*.

Въ родительномъ падежѣ мѣстоименій и именъ прилагательныхъ тоже бываетъ разница: одни говорятъ: *да маю милемкаю*, а другіе — *да маей милемкой*.

Мѣстоимѣніе себѣ, соединяясь съ глаголами, измѣняется прибавленіемъ къ глаголу послѣ гласной *я, съ, си*, а послѣ согласной *ца* и *це*: *любяще, любящися*.

Въ именахъ существительныхъ находится двойственное число: *двѣ руки, двѣ шкоды* (два вреда, убытка).

Глаголы въ неопредѣленномъ наклоненіи оканчиваются на *чи* или *ць*: *прасчи, прасць*; женищисѣ, женища. Въ третьемъ лицѣ единственнаго числа настоящаго времени говорятъ *скачещь* и *скачеть*, *плачещь* и *плачеть*. То же самое при окончаніяхъ на *ѣць*: *злетавещь, злетаеть*. На берегахъ же Двины, гдѣ ѣ произносится какъ *и*, не отбрасывая, однако, *ц*: *злетаиць, скачиць*.

Въ восточныхъ уѣздахъ въ повелительномъ наклоненіи такая же форма, какъ и въ русскомъ словѣ *итти*: *пошюу робяць* (работать), *пошли тушиць*.

Причастія настоящаго времени оканчиваются на *чи* и *я*, прошедшаго на *уши* (вши), а прилагательныя на *вій, ая, ея*; *пасаи, робячи, аручи, жнучи, ходяи; рабюши, арауши, хадзіуши; арующій, працующая, бѣдоваущее*. Давно-прошедшее употребляется по образцу польскаго сказа *у бы* (*powiedział-by*), *зробиу бы* (*zrobiłby*).

И здѣсь, какъ въ великороссійскомъ нарѣчій, перемѣна ударенія измѣняетъ значеніе слова: *кѣня* — хищная птица; *кѣня* — коня, лошади. *Сыры* — сырой; *сыры* — сыры. *Гадѣина* — часть, *гадѣина* — змѣя.

Имена существительныя женскаго рода, оканчивающіяся на *га*, въ третьемъ падежѣ оканчиваются на *зь*: *спрмяга* — *спрмязь*, *присяга* — *присязь*, *адвага* — *адвазь*. (*)

(*) Замѣчательно, что такой же оборотъ рѣчи употреблялся еще во времена знаменитаго пѣвца древней славянщины. Въ *Словѣ о полку Игоря*, при описаніи кроваваго боя князя Всеслава съ Изяславомъ въ 1067 году надъ рѣкою *Нѣмтою*, говорится: *на Нѣмзѣ ономъ стѣлѣтъ золотали...* (См пер Гербеля, стр 98). Кстати будетъ указать здѣсь на ошибку

Послѣ продолжительныхъ и разнорѣчивыхъ толкованій о происхожденіи Литовцевъ, нынѣ, кажется, никто уже изъ людей просвѣщенныхъ не сомнѣвается, что племя литовское *самостоятельное* и языкъ литовскій *самобытный*.

Множество славянскихъ, греческихъ, латинскихъ и германскихъ словъ, вкоренившихся въ литовскій языкъ, ввело нѣкоторыхъ изыскателей въ заблужденіе насчетъ самобытности литовскаго языка; но кому хорошо знакомы судьбы литовскаго народа, тотъ не будетъ удивляться этому введенію чужеземныхъ словъ. Что языкъ литовскій есть коренной, самобытный, какъ греческій или славянскій, въ томъ убѣждаютъ литовскія названія важнѣйшихъ занятій человѣка, ближайшихъ въ употребленіи предметовъ и даже отвлеченныхъ понятій. Слова эти не заимствованы ни изъ какого извѣстнаго языка и доказываютъ самостоятельность языка литовскаго.

Мы не станемъ приводить здѣсь этихъ словъ въ доказательство нами сказаннаго, но отсылаемъ читателя къ словарю литовскихъ коренныхъ словъ, помѣщенному въ сочиненіи замѣчательнаго изслѣдователя литовскихъ древностей *Богуша: О началлѣ народа и языка литовскаго* (1808). Въ этомъ словарѣ помѣщены слова, относящіяся къ военному ремеслу, названія разныхъ предметовъ въ домашнемъ употребленіи, къ мореходству, яствамъ, предметамъ отвлеченнымъ и названія нѣкоторыхъ наукъ, искусствъ и предметовъ, къ нимъ принадлежа-

---

Карамзина, который думалъ, что *Нѣмига* значитъ *Нѣманъ* (см. II т., стр. 43, изд. Эйнерлинга). Этому повѣрили переводчики прославленной поэмы Гербель (стр. 102) и Ефлевскій (на польскомъ языкѣ). Но *Нѣмень*, или *Нѣманъ*, никогда нигдѣ не назывался даже въ простонародьи *Нѣмигою*. *Нѣманъ* отъ мѣста описываемаго боя находится въ 84 верстахъ. *Нѣмига* же текла въ самомъ г. Минскѣ (губернскомъ), въ такъ-называемомъ старомъ городѣ, отчего названа *Нѣмигою* и эта часть города. Рѣка эта нынѣ совсѣмъ высохла; во весною она принимаетъ размѣры большой рѣки, наводняетъ улицы, такъ-что жители сообщаются другъ съ другомъ на лодкахъ. Она вытекала изъ горъ, окружала бывшія укрѣпленія Минскаго замка и впадала въ р. Свислочь. Извѣстный польскій писатель Вл. Сырокомля (*А. Ковдратовичъ*), въ прекрасно написанной хроникѣ г. Минска (см. №№ 127—129 и др. «Газеты Варшавской» 1854 года), весьма логически доказываетъ, что боятъ, воспѣвавшій *Всеслава*, господствовавшего въ Минскѣ, жилъ, хотя нѣкоторое время въ царствованіи *Ярослава* и *Святослава*, въ *Минскѣ*.

щихъ. Языкъ литовскій довольно богатъ, звученъ, способенъ къ метрическимъ стихамъ. Смѣшеніе его съ языками славянскимъ и другими, какъ полагаютъ знатоки, не только не придало ему красоты, но ослабило его силу. Земли, осужденныя на частыя столкновенія съ чужеземцами, болѣе исказили языкъ, и оттого въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно въ Самогитіи, языкъ литовскій раздѣлился даже на нѣсколько нарѣчій, сродныхъ съ собою, но отличныхъ удареніями и особенностію выраженій. Литовскіе барды, *Bartnikas*, воспѣвали подвиги своихъ вождей, отраженіе кровавыхъ набѣговъ враговъ; изъ рода въ родъ передавали дѣла своихъ предковъ. Жрецы воспѣвали славу своихъ боговъ; странствующие нищіе, гадатели, даже дѣвушки слагали новыя пѣсни или изучали старыя и пѣли при всѣхъ житейскихъ случайностяхъ. Труды и игры, религиозныя обряды и воинскіе набѣги сопровождались пѣніемъ. Эти пѣсни, вѣрный отпечатокъ нравовъ и характера древнихъ Литовцевъ, переходя изъ поколѣнія въ поколѣніе, дошли до нашихъ временъ въ первобытной чистотѣ. Берега многочисленныхъ озеръ Трокскаго уѣзда, дубовыя рощи, высокіе курганы и нынѣ оглашаются звуками древнихъ литовскихъ пѣсень, въ которыхъ верѣдко встрѣтишь воспоминанія о литовскихъ, еще языческихъ, обыкновеніяхъ, обрядахъ, встрѣтишь даже имена идоловъ, которымъ почти шесть вѣковъ уже народъ пересталъ поклоняться.

Гораздо бѣднѣе письменность на литовскомъ языкѣ. Древнимъ Литовцамъ извѣстны были письмена руническія. Нарбуттъ раздѣляетъ ихъ на три рода: руны, заимствованныя отъ Варяговъ, біармскія и собственно литовскія. Первые два рода рунъ употреблялись на монетахъ и печатахъ, послѣдніе— жрецами накапищахъ, хоругвахъ и разныхъ священныхъ сосудахъ. Политическія событія, измѣнившія образъ мыслей и направленіе литовскихъ властителей, не дозволили литовскимъ письменамъ ни удержаться въ употребленіи, ниже усовершенствоваться. Названія письменности (*Rasztaš, raszau*), буквъ пли знаковъ (*Raszytine*), знаковъ препинанія (*Zimele-Tarpbrusznelis*), пѣсни (*Dainos*), преданія, повѣсти (*Lekime*), загадокъ (*Mysles Klausimas*), разсказа (*pasakojimas*), дѣяній (*Nasidawimas*) и т. п. ясно убѣждаютъ, что языкъ литовскій былъ письменнымъ и до XIV столѣтія не только находился въ общемъ употребле-

ни, но даже могъ быть довольно обработаннымъ. Но на этомъ онъ и остановился. Литва со времянь Ольгерда, Гедимина, Ягайлы и Витовта, составляя незначительную часть въ числѣ русскихъ княжествъ, одному князю подвластныхъ, естественнымъ образомъ не могла развить свой языкъ. Литовскій языкъ употреблялся только въ проповѣдяхъ, въ домашнемъ быту народа и даже двора; но дипломатическимъ, официальнымъ и судебнымъ сталъ языкъ русскій, или, лучше, кривичанскій. Дѣла разбирались и судились долго еще по-литовски, но записывались въ книги или акты по-русински. Точно также и въ единоплеменной Пруссіи еще въ 1309 году в. магистръ крестоносцевъ Сигфриль фонъ-Феухтвагенъ особымъ повелѣніемъ воспретилъ употребленіе природнаго языка. Вотъ почему мы не имѣемъ, кромѣ руническихъ надписей на нѣкоторыхъ идолахъ и монетахъ, никакого письменнаго памятника литовскаго языка.

Лѣтописецъ Альбертъ (Alberti Chronicon, p. 527) утверждаетъ, что Вильгельмъ, епископъ моденскій, находясь въ Пруссіи и изучивъ языкъ, перевелъ на литовскій языкъ грамматику Доната около 1223 года. Но только и знаемъ мы объ этой грамматикѣ. Иезуиты были ревностными поборниками литовскаго языка. Ихъ стараніемъ и трудами переведены въ XVI столѣтіи на литовскій языкъ священное писаніе, псалмы и разныя духовныя пѣсни. Въ 1561 изданъ въ Кёнигсбергѣ катехизисъ на нѣмецкомъ и прусско-литовскомъ языкахъ.

Въ послѣднее время, особенно въ Пруссіи, стали издавать много книгъ на литовскомъ языкѣ, но преимущественно духовнаго содержанія. Въ Пруссіи Бреткунасъ, Хилинскій, Кванатъ, Доналейтисъ, Ругикъ, Мельске и др. много писали по-литовски. Изъ нихъ Доналейтисъ пользуется даже славою поэта (умеръ около 1780 года). Онъ, между-прочимъ, написалъ поему *Четыре Времени Года*, въ которой прекрасно изобразилъ домашній бытъ народа. Поэму эту перевелъ на нѣмецкій языкъ д-ръ Л. I. фонъ-Реза и напечаталъ, вмѣстѣ съ подлинникомъ, въ Кёнигсбергѣ въ 1818 году. Этотъ же Реза собралъ и издалъ литовскія народныя пѣсни. Самогитскій епископъ князь Юсифъ Арнульфъ Гедройць перевелъ на литовскій языкъ *Новый Заветъ*. Вотъ его заглавіе по-литовски: *Naujas istatimas Sezaus Christaus Wieszpatices musu, Lietuwiszka lezuwiu iszgul-*

ditas, pas Jozapa Artulpa-Kunigajkszi Giedrajti Wiskupa Ziemajciu, zenklinika S. Stanisława: Jszspanstas pas Cunugus Missionarius, Wilniuje 1816. Евангеліе это посвящено имени Императора Александра I. Ксендзъ Станевичъ писалъ остроумныя литовскія басни. Кромѣ-того, въ послѣднее время издается много разныхъ сочиненій.

Извѣстнѣйшіе словари литовскаго языка: Ширвида, Мылка, Гаака. Императрица Екатерина II въ сравнительномъ словарѣ включила много литовскихъ словъ.

Извѣстнѣйшая литовская грамматика издана была въ Вильно іезуитами, еще въ 1713 году подъ заглавіемъ: *Universitas linguarum Lithvanicas, in principali Ducatus ejusdm dialecto.* Изъ новѣйшихъ грамматикъ извѣстны: Клейна, Шульзена, *Haack'a, Ruhig'a, Mielck'a* и Коссаковского.

Собраніе литовскихъ пѣсенъ, переведенныхъ на русскій языкъ П. В. Кукольниковъ, помѣшено въ изданной Виленскимъ Губернскимъ Статистическимъ Комитетомъ книгѣ, подъ заглавіемъ «Черты изъ исторіи и жизни литовскаго народа» (Вильно, 1854 г.). Здѣсь мы приведемъ нѣсколько пѣсенъ, а также пословицъ и поговорокъ въ подлинникѣ, съ переводомъ :

НА ЛИТОВСКО-ПРУССКОМЪ НАРѢЧІИ .

O wakog wakaratiј,
Prapule manu owate.
Aj! kas gelbės jeszkti,
Manu wienturte owate.

Вчера въ вечеру, вчера,
Пропала моя овца.
Ахъ, кто жь мнѣ поможетъ искать
Мою единственную овечку.

Jszeјau pas Ausrinne.
Ausrinne atsilepe:
Až angsti ryt sautelej
Turru prakart ugneti.

Пошла я къ зарѣ.
Заря отвѣчала:
Я должна утромъ солнцу
Огонь разжигать.

Jszeјau pas Wakarinne.
Wakarinne atsilepe:
Az Wakareis Sautefeј
Turru klot patafeli.

Пошла я къ вечерней звѣздѣ.
Звѣзда вечерняя сказала:
Я должна въ вечеру солнцу
Ложе постлать.

Jszeјau pas Meneseli,
Meneselis atsilepe:
Až Kardu perdelutas;
Nuludis mano weјdėlis!

Пошла я къ лунѣ.
Луна отвѣчала:
Я разсвѣчена мечемъ.
Печалень мой обликъ.

Iszejau pas Sautele
Sautuže atsilepe:
Dewynes dienas jezkosn;
O deszimta nej nusilejsu.

Kur paliku deewa sirgi?
Deewa dehli jahdija.
Kur aisjabje Deewa dehli?
Saules mejtos raudsitees.
Patti Saule atbildeja:
Mazi manni behrnini,
Mazas mannas dahwanas.

Пошла я къ солнцу.
Солнце отвѣчало:
Девять дней будешь искать,
А десятого (я) не буду закаты-
ваться.

Куда дѣвались божіи кони?
Божіи сыны на нихъ поѣхали.
Куда поѣхали божіи сыны?
Искать дочерей солнца.
Солнце само сказало:
Дѣти мои маленькія,
Маленькое ихъ я приданое!

ПО-ЛИТОВСКИ:

Skrindau Kaunis iš tola
Kur wassara umžynoja,
Man pasake Naszaugole
Jog tinaj mejlis karaujoja:
Unt szirwu arklu rejtwažoja,
Su didu izdu nuoptesiu.

Ej sugriže Dewutesiu!
Paimk jus unt sanos sparnos,
Atneszk man jus swejku tiktej,

Ne noru аз brungiu diktej,
Gañ man sakos apimirnos.

Prapałtas žmogus,
Kur pasidiesiu?
Kas mana aszaras,
Czion nuramins?
Oj ejsu, asz ejsu,
Ji gila gireli
Ju gita gireli,
Pas tejsu useli
Ten Diewas tejsingas,
Man iszkłausis.
Mana wargus,
Mana bedas
Nuramins....

Летѣлъ Каунисъ (*) издалека,
Гдѣ царствуетъ вѣчное лѣто.
Этотъ карличокъ мнѣ сказалъ.
Что тамъ воюетъ мой любовникъ,
Приѣдетъ на сивомъ конѣ,
Съ большой добычей дорогихъ
сокровищъ.

О, возвратись, маленькіи божокъ!
Возьми его на крылья свои
Да принеси мнѣ его только здо-
роваго.

Не хочу я дорогихъ камней —
Довольно мнѣ его объятій!

Пропавшій человекъ.
Куда я дѣнусь?
Кто мои слезы
Здѣсь осушить?
Охъ, пойду я, пойду
Въ глубокую пущу,
Въ глубокую пущу,
Къ справедливой ясени.
Тамъ богъ справедливый
Меня выслушаетъ,
Мои страданія,
Мои горести
Облегчить....

(*) Каунисъ — литовскій Амуръ, сынъ Мильды, литовской Венеры.
Жилъ въ Коново.

Вотъ еще языческая пѣсня, которую до сихъ поръ поютъ въ окрестностяхъ Вильно, въ день св. Петра :

Dydisie musu, Dewejte musu, Czuta, ruta, Czutela, rutela, Musu!	Дыдисъ нашъ, Божокъ нашъ, Чута, рута, Чутела, рутела, Нашъ! (*)
Dowenok raktus, Nupint wajnikus. Czuta, ruta, Czutela rutela Wajnikus!	Подари намъ ключи, Сплести вѣвочикъ.... Чута, рута, Чутела, рутела... Вѣвочикъ!
Sujung manis, Priglausk mumis. Czuta, ruta, Czutela rutela, Mumis!	Соедини насъ, Приголубь насъ... Чута, рута, Чутела, рутела... Насъ!
Dudisie musu, Dewajte musu, Czuta, ruta, Czutela rutela Musu!	Дыдисъ нашъ, Божокъ нашъ, Чута, рута, Чутела, рутела, Нашъ!
Sutark, priglausk, Raktelems rausk, Czuta, ruta, Czutela, rutela, Nausk!	Пошири, приголубь, Ключами свяжи... Чута, рута, Чутела рутела... Свяжи!

ПОСЛОВИЦЫ (PRIEŽODIS).

Gienis margs, žmogaus giwenims dar margiesnis.
Пестръ дятель, а жизнь человѣческая еще пестрѣе.
Su Diewu negali bartis.
Богъ не смотритъ на состояніе человѣка.

(*) Чута, рута, чутела, рутела не имѣютъ никакого особеннаго значенія. Это нѣчто *въ-родъ* ля, ля ля! Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поютъ цѣлыя пѣсни хоромъ изъ однихъ этихъ восклицаній. Кромѣ этихъ припѣвовъ, часто употребляютъ еще восклицанія, тоже не имѣющія значенія, но взятая съ польскаго : гопъ, гопъ, го, го!

Кунтай, балабай!
Джунгеса, Гоэернаса!
Минджура!
Гога!

О Дудусъ нѣтъ вѣрныхъ свидѣній. Нѣтъ ли тутъ связи съ славянскими припѣвомъ : дидъ, ладо, дидъ!

Dangus aukštoj, ant žiames kiet.

Небо высоко, а на землѣ жестко.

Gieltine ne weizd Dantū.

Смерть дна не дожидается.

Dievs wislab izlaiko.

Кому Богъ судить, тому и даять (сдержитъ). (*)

III. Домашній бытъ.

Грустно описывать домашній бытъ здѣшнихъ крестьянъ! Бѣдные труженики, кровавымъ потомъ снискивающіе дневное пропитаніе, съ удивительною энергіею и мужествомъ переносящіе свое жалкое положеніе, съ непонятнымъ самоотверженіемъ жертвующіе всѣми своими силами съ самаго младенческаго возраста, съ дѣтскою любовью привязанные къ своей родной землѣ, не пользуются часто не токмо всѣмъ необходимымъ для безбѣдной жизни, но нерѣдко бываютъ удручены самыми тяжкими нуждами и далеко не достигаютъ той степени домашняго благоденствія, какимъ пользуются крестьяне внутреннихъ губерній.

Постараемся передать сколь можно болѣе вѣрную картину домашняго быта крестьянъ здѣшней губерніи. Въ этомъ отношеніи разницы между Литовцами и Бѣлоруссами самыя незначительныя.

1) Деревни здѣшнихъ крестьянъ состоятъ изъ 10, 20, иногда 50 и 70 дворовъ. Крестьянскій дворъ, со всѣми принадлежностями, называется по-бѣлорусски *хата*. Хатою же называютъ и жилой домъ. На прилагаемомъ чертежѣ представлена такая хата снаружи (подъ № 18). Она строится обыкновенно изъ еловаго или сосноваго дерева, нѣкоторыя — на каменныхъ фундаментахъ, что, впрочемъ, очень рѣдко. Хата раздѣляется обширными сѣнями на двѣ избы. Изъ нихъ въ жилой (№ 1) большая печь для печенія хлѣба (№ 2), большою столъ (№ 3), на которомъ обѣдаютъ и ужинаютъ, пользующійся особеннымъ уваженіемъ, такъ-что на немъ никому не позволятъ лечь, а рѣдко и сѣсть. Кругомъ стола и избы простыя скамьи. Кромѣ-того, особая широкая скамья, насу-противъ стола, на которой ставятъ воду и другіе хозяйствен-

---

(*) Собраніе пословицъ въ переводѣ Кукольника въ «Чертахъ изъ ист. и жизни лит. нар.»

ные сосуды. Часть избы обыкновенно отъ печки отдѣляется особою перегородкою, за которою сдѣлано изъ простыхъ досокъ возвышеніе—*палаца*, на которыхъ спять (№ 4). Въ нѣкоторыхъ избахъ такой перегородки вовсе не бываетъ. Въ углу избы Распятіе или какой-нибудь образокъ. У болѣе зажиточныхъ крестьянъ, весьма немногихъ, бываютъ еще особыя небольшія комнатки, называемыя *святлицы*, убранныя образами. Здѣсь стоятъ кровать для гостей или самого хозяина, шкафъ, небольшой столикъ и нѣсколько скамеекъ. Передъ печью сдѣланъ особый каминъ, куда загребають жаръ. Печи дѣлають изъ глины, выкладывая только внутри кирпичемъ. Полъ изъ глины. Жилой домъ снаружи не отесанъ, внутри не штукатуренъ. Крыша вездѣ соломенная, называемая *стржеза*. Она довольно прочна и можетъ простоять до 25 и болѣе лѣтъ. Трубъ почти нигдѣ нѣтъ. Отъ этого хаты называются *курными*, т.-е. наполненными дымомъ, который выускають черезъ окно и двери, а также въ дуплики, устроенныя за печкой, отчего дѣти и даже взрослые перѣдко въ зимнее время, и особенно въ большіе морозы, подвергаются простудамъ и страшнымъ недугамъ; но крестьяне этому не вѣрятъ. Они говорятъ: *наши бацьки такъ жили!* и неохотно соглашаются на введеніе трубъ. Этотъ предрасудокъ имѣетъ самое вредное вліяніе на здоровье. При тѣснотѣ, духотѣ, при сквозной тягѣ воздуха, когда воздухъ внизу холоденъ, а вверху удушливъ, невозможно, чтобы и самая крѣпкая натура не подвергалась недугамъ и поврежденію организма. Поэтому-то статистическія таблицы смертности, особенно въ дѣтскомъ возрастѣ, представляютъ ужасающіе результаты. Въ послѣднее время нѣкоторые помѣщики, въ-особенности гр. Райкольдъ Тызенгаузъ, князь Пузыно, г-жа Бучинская, урожденная графиня Гинтеръ, Пясецкій и другіе, обратили особенное вниманіе на удобства жизни своихъ крестьянъ, построили цѣлыя деревни и въ нихъ печи вездѣ съ трубами. Избу освѣщаютъ лучиною изъ сосноваго дерева, хорошо высушенною. Лучину затыкають въ особо устроенное отверстіе въ печкѣ или въ особый изъ дерева сдѣланный для этого постаментъ. Отопляютъ дровами или хворостомъ.

Сѣнн (№ 5) бываютъ обыкновенно большія, въ которыхъ зимою содержать телятъ, поросятъ и проч.

Насупротивъ жилой избы, черезъ сѣни, находится особая изба, называемая *клець* (№№ 6 и 7), съ каменною печкою, нагрѣваемою въ большіе морозы. Она служитъ для склада разныхъ сѣстныхъ припасовъ, варива и другихъ предметовъ, на зиму заготовляемыхъ. Надобно прибавить, что въ жилой избѣ соблюдается чистота, сколько таковая возможна при тѣснотѣ и сообществѣ съ домашнимъ скотомъ, верѣдко зимою содержимымъ въ самой избѣ; но скамьи и столъ всегда вымыты.

Передъ жилымъ домомъ небольшой дворикъ (№ 8), очень часто садикъ съ цвѣтами и цѣлебными травами (№ 11), у многихъ колодезь (№ 12) на дворѣ.

Прочія хозяйственныя строенія каждаго крестьянскаго двора, или хаты слѣдующія: аубаръ, по здѣшнему *свиргънъ*, или *клець* (№№ 9 и 19), почти всегда на каменномъ фундаментѣ, съ деревяннымъ поломъ, безъ потолка. Здѣсь складываютъ хлѣбъ въ зѣрнѣ и прочіе бѣльшей стоимости предметы. Овинъ, по здѣшнему, *гумно*, бываетъ двойкій: въ мѣстахъ, избылиющихъ лѣсомъ, съ *оспцью*, т.-е. съ печкой, посредствомъ которой высушиваютъ прежде снопы, а потомъ молотятъ; въ мѣстахъ же безлѣсныхъ овины безъ осѣтей, и такіе овины называютъ сталочами. Мѣсто передъ овиномъ, гдѣ сушатъ хлѣбъ и складываютъ сѣно, называютъ *гумниско*. Сарай, гдѣ складываютъ сѣно, иногда хлѣбъ, называютъ *пуня*, или *адрина*; а куда загоняютъ скотъ — *хльвъ*, или *хльу*. Навѣсь, гдѣ стоятъ сани и тѣлеги и гдѣ рубятъ дрова, называютъ *повѣтка*. Лошадей ставятъ вмѣстѣ съ скотомъ или въ *пунь*. Всѣ эти строенія сдѣланы изъ мелкаго дерева; иногда стѣны плетутъ изъ лозы и хвороста. Крыши на всѣхъ строеніяхъ соломенные.

Деревни построены обыкновенно въ одну линію; дома строятся по обѣимъ сторонамъ улицы (№ 16), а ежели большія деревушки, то съ одной стороны.

2) Одежда здѣшнихъ крестьянъ непряхотлива и однообразна. Литовцы и Славяне одѣваются почти одинаково. Дѣти обоего пола до 5 и 6 лѣтъ ходятъ босикомъ, въ однѣхъ рубашкахъ изъ толстаго домашняго холста. Дѣвушки и замужнія женщины носятъ рубахи (кашули) изъ домашняго холста, такія же юбки (сподницы), передникъ, или фаргукъ, ситцевый, обыкновенно цвѣтной и узорчатый, корсетъ изъ синяго сукна.

или какой-либо недорогой цвѣтной ткани, бѣльшую частію красной или зеленой, безъ рукавовъ, съ прорѣзомъ на срединѣ или на боку груди связанный ленточкою, обыкновенно красной, подъ шею. На шеѣ бисеръ, или *карали*, изъ стекла, въ нѣсколько нитокъ. На головѣ цвѣтной или бѣлый платокъ, а зимою у замужнихъ теплый капторъ. У дѣвушекъ изъ-подъ платка спадаютъ двѣ сплетенныя косы, съ ленточками на концахъ, лѣтомъ украшены полевыми цвѣтами; въ большіе праздники, на свадьбахъ или крестинахъ дѣвушки являются иногда и безъ платка, въ однихъ волосахъ, исцѣренныхъ цвѣтами. Во время лѣтнихъ работъ, въ нѣкоторыхъ литовскихъ приходахъ, женщины носятъ черныя юбки изъ крашенаго холста и такія же длинныя и широкія покрывала, прикрѣпленныя къ головѣ. Во многихъ мѣстахъ лѣтомъ и осенью въ праздничные дни сверхъ этого костюма надѣваютъ свитку, или *катанку*, изъ синяго сукна, домашняго или тонкаго, покушнаго, смотря по состоянію, въ будни же изъ обыкновеннаго сѣраго домашняго сукна, а зимою — овчиныя домашнія полушубки (*кожухи*), рѣдко тулупы; на ногахъ, въ праздники и на пиршествахъ, кожаные башмаки и чулки, въ обыкновенное время лапти (лапци); а лѣтомъ ходятъ бѣльшую частію босикомъ. Праздничная одежда вообще ничѣмъ не отличается отъ будничной, съ тою только разницею, что бѣлье тоньше и чище, а все остальное новое. Въ нѣкоторыхъ бѣлорусскихъ приходахъ женщины изъ экономіи носятъ рубахи изъ двухъ сортовъ холста: подъ юбкою толстаго, а подъ корсетомъ тонкаго.

Мужчины носятъ рубаху изъ толстаго домашняго холста, съ откладнымъ воротникомъ, съ длиннымъ прорѣзомъ на груди, связаннымъ подъ шею, портки изъ такого же холста или изъ сѣраго домашняго сукна; рубахи опущены сверхъ портковъ и обыкновенно подпоясаны ремнемъ, за которымъ ножъ, трубка. Сверхъ рубахи, лѣтомъ, въ литовскихъ приходахъ, носятъ короткія свитки изъ бѣлаго холста, называемыя *триницы*, спереди не застегнутыя; осенью и зимою свитки *стрягги-опратки* изъ обыкновеннаго сѣраго сукна, съ небольшимъ стоячимъ воротникомъ, съ карманами по бокамъ, иногда застегнутыя на пуговицы въ поясѣ и всегда подпоясанныя ремнемъ; зимою — полушубокъ (*кожухъ*) до колѣнъ или ниже. На

головѣ шапка съ длинными ушами, подбитая овчинами, покрытая краснымъ темнаго цвѣта сукномъ; лѣтомъ—обыкновенныя суконныя фуражки съ козырьками, рѣдко шляпы домашняго издѣлія. На ногахъ по праздникамъ сапоги, въ будни лапти изъ липовой коры или изъ лозы, прикрѣпленные лыкомъ. Онучи изъ холста, зимою у болѣе зажиточныхъ изъ толстаго сукна. Въ деревняхъ, поближе къ городамъ, крестьяне носятъ длинные камзолы изъ сиваго сукна, съ металлическими пуговками и съ небольшимъ стоячимъ воротникомъ, часто платокъ яркаго цвѣта на шеѣ и всегда почти шапка въ родѣ фуражки съ козырькомъ. Лѣтомъ во многихъ мѣстахъ крестьяне носятъ соломенные шляпы, которыя отлично плетутъ сами. Платье дѣлается дома изъ собственныхъ издѣлій, за исключеніемъ ситца, иногда сиваго сукна на корсеты, головныхъ платковъ и тому подобныхъ украшеній. Кушаки обыкновенно носятъ красные, но только въ славянскихъ приходахъ; Литовцы же подпоясываются ремнемъ. Постель составляется изъ мѣшка, набитаго сѣномъ, рѣдко пуховика, подушки, набитой перьями, и холстянаго одѣяла.

3) Пища болѣе или менѣе одинакова у Литовцевъ и Славянъ. Весна для крестьянъ самое трудное время. Бѣлая часть живетъ тогда насчетъ помѣщика, получая отъ него вспомошествованіе хлѣбомъ или занимая насчетъ будущихъ урожаевъ у Евреевъ. Весною дѣлятъ картофель, главнѣйшій предметъ ихъ ѣды, крапиву, щавель; нѣкоторые, только зажиточны и немногіе, молоко, солонину. Главная ѣда — черный хлѣбъ, непріятный на видъ. Онъ печется изъ муки берловой, т.-е. смолотой изъ невѣянной ржи. Иногда вмѣсто хлѣба употребляютъ вареный сухой картофель. Въ болѣе тяжкое голодное время самые бѣдные къ невѣянной ржи прибавляютъ ровное, а иногда двойное количество разной мякины или муки изъ высушенныхъ въ печи листьевъ папоротника, копытника, вереска, разныхъ лѣсныхъ и торфяныхъ мховъ, березовой коры, кореньевъ: пырейника, водянаго шильника, водяной змѣйки, или бобовника, бѣлыхъ и желтыхъ кувшинчиковъ, или водяныхъ лилій. Выпеченный съ такою примѣсью хлѣбъ черенъ, мокроватъ, крошится и не вкусенъ. Гдѣ есть винокуренныя заводы, крестьяне въ голодное время выпрашиваютъ у заводчика барды, какъ лакомства. Они

солить ее, подогрѣваютъ въ печи и ѣдятъ вмѣсто кислой похлѣбки.

Есть еще весеннее кушанье, подъ названіемъ *лапней*. Оно составляется изъ крапивы, снити, борща, лебеды, щавеля и осота. Все это парятъ въ ведрахъ и ушатахъ калеными каменьями, для уничтоженія сырости, вымываютъ холодною водою, мелко крошатъ или рубятъ ножами и варятъ съ водою, посоливъ и, по-возможности, съ примѣсью муки или молока. *Лето*мъ хлѣбный квасъ, холодецъ (*холодникъ*), приправляемый пареной зеленью, разведенной холоднымъ легкимъ квасомъ, посоленной и забѣленной молокомъ, *зацирка*, изъ ячнхъ крупъ, каша разныхъ сортовъ, рѣдко приправленная саломъ, у немногихъ молоко, грибы и ягоды составляютъ важный предметъ роскоши. *Осень* представляетъ болѣе изобиліа. Крестьянинъ ѣстъ ржаной черный хлѣбъ, но не съ такимъ значительнымъ количествомъ плевель, похлѣбки — прѣсную съ овощами, или приваркомъ, т.-е. мукою разныхъ яровыхъ хлѣбовъ, и кислую, съ квашеной капустой, бураками или грибами. Похлѣбки приправляются молокомъ, или *окрасою*, изъ копченой баранины, свинины, разнаго сала. Кромѣ-того, крестьянинъ ѣстъ хлѣбный квасъ, ботвинью, картофель и т. п., а *зимою* — кислую капусту, *бураки*, картофель, кашу, или размазю гречневую или ячную, прѣсныя грешневья лепешки, называемыя *бабки*. Чистый вѣяный *бѣлый* хлѣбъ употребляется только у самыхъ зажиточныхъ крестьянъ, для дѣтей или по праздникамъ. Въ мѣстахъ, гдѣ занимаются рыболовствомъ, рыба свѣжая, сушеная и вяленая составляетъ родъ лакомства для крестьянъ, ибо какъ рыбу, такъ яйца и почти весь приплодъ отъ домашней скотины и птица употребляется немногими, и то развѣ послучаю праздниковъ или въ особенныхъ случаяхъ, а обыкновенно продается для пріобрѣтенія соли, желѣза и другихъ необходимыхъ въ хозяйствѣ предметовъ или же относится въ корчмы для промѣна на водку. Крестьяне очень любятъ кашу изъ *зеленцовой* крупы, для чего часто жнутъ рожь въ прозелень. Соли употребляютъ мало. На барщинѣ и въ дорогѣ ѣдятъ болѣею частію одинъ сухой хлѣбъ, печеный или вареный картофель, горохъ и бобы пареные. Питьемъ служатъ

вода и квасъ. Пиво не въ большомъ употребленіи, медъ еще менѣе; главный любимый напитокъ — водка (*гарьлка*).

Въ обыкновенное время каждый зажиточный хозяинъ выпиваетъ въ сутки кручекъ вина; но по праздникамъ или при семейныхъ пиршествахъ пьютъ много. Въ такихъ случаяхъ и ѣда болѣе изысканная: на столѣ являются яичница, *верещака*, приготовляемая изъ свинины, съ кислымъ соусомъ, гусь, курица, баранина. Говядина рѣдко подвляется на столѣ крестьянина, развѣ у болѣе зажиточныхъ и въ особенно важныхъ случаяхъ. Къ предметамъ роскоши въ литовскихъ приходахъ принадлежитъ *крупникъ*, т.-е. водка, сваренная съ медомъ и приправою разныхъ кореньевъ. Кушанье стряпаетъ всегда сама хозяйка. Вообще Литовцы имѣютъ болѣе притязанія на гастрономію, нежели Бѣлоруссы. Крестьяне, и молодые и старые, ѣдятъ чрезвычайно медленно и жуютъ долго, что происходитъ отъ грубости пищи и, естественнымъ образомъ, нѣсколько смягчаетъ ее. Взрослый мужчина съѣдаетъ въ день хлѣба 3 фунта, похлебки 2 кварты прѣсной и 2 кварты кислой, женщина хлѣба 2 фунта, похлебки нѣсколько менѣе. Для пятилѣтняго ребенка полагается полтора фунта хлѣба.

Крестьяне встаютъ съ восходомъ солнца, *обьдають* часовъ въ пять или шесть утра, въ 12 часу *полдничаютъ*, часу въ восьмомъ по-полудни *вечеряють*. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ѣдятъ четыре раза, именно, кромѣ описанныхъ часовъ, еще часу въ третьемъ по-полудни, что называется *подвечеркомъ*; но это принадлежитъ уже къ излишеству и рѣдко гдѣ слѣдуютъ этому обычаю.

Вотъ названія по-литовски платья, утвари и другихъ предметовъ, въ домашнемъ употребленіи находящихся:

Сапоги	<i>чеботай</i>	<i>czebotaj.</i>
Платокъ	<i>скара</i>	<i>skara.</i>
Шапка	<i>кяпуре</i>	<i>kiapure.</i>
Чепецъ	<i>панамьтисъ</i>	<i>panamietis.</i>
Фартукъ (передникъ)	<i>пѣіоустуве</i>	<i>priejoastowe.</i>
Кафтаиъ	<i>слуте.</i>	<i>siegute.</i>
Шляпа	<i>брилюсъ</i>	<i>brilus</i>
Рубашка	<i>маршкинъ</i>	<i>marszkinie.</i>
Тулузъ	<i>кайлинъи.</i>	<i>kajliniej.</i>

Лапти	вижуо	vizuo.
Платье, одежда	дунгатась	dungatas.
Перчатки	пирштынь	pirsztynie.
Юбка	апатинь	apatinie.
Штаны	коп	koje.
Башмакъ	курпе	kurpe.
Горшокъ	пуодасъ	puodas.
Одѣяло	апдунга	apdunga.
Колыбель (люлька)	любшисъ	łobszis.
Скамья	сколасъ	skołas.
Ложка	шаукитасъ	szauksztas.
Ножъ	пѣйлисъ	piejlis.
Сковорода	батилласъ	batillas.
Печка	паціусъ	pacius.
Миса	блюдасъ	bludas.
Столъ	скомья	skomja.
Тарелка	торелка	torielka.
Стуль	сестелись	sestelis.
Постель	паталасъ	patalas.
Подушка	пригалвисъ	prigalwis.

Не нужно, кажется, объяснять, какія изъ этихъ словъ коренныя литовскія, и какія заимствованныя. Для предметовъ, которые не были въ употребленіи у древнихъ Литовцевъ, нѣтъ и названій самобытныхъ.

4. а) *Рожденіе и крещеніе*: еще въ лонѣ матери крестьянскій малютокъ готовится къ бремени будущей своей труженической, безрадостной жизни. Беременная женщина почти до послѣдней минуты родовъ исполняетъ всѣ тягостныя обязанности хозяйки дома. Она вынимаетъ тяжелые горшки изъ печи, мѣситъ хлѣбъ, работаетъ въ полѣ подъ знойнымъ небомъ, укладываетъ сѣно и снопы на возы. Наступаютъ роды — нѣтъ опытной повитухи (*), приглашаютъ *знахарку* и,

(*) Благодарственная мѣра правительства въ дозволеніи изучать повивальное искусство у патентованныхъ повитухъ, подъ надзоромъ медиковъ, и потомъ держать экзаменъ на природномъ языкѣ скоро должна привести самые благодѣтельные плоды. Президентъ Императорскаго Виленскаго Общества, докторъ медицины Ю. И. Мошинскій, написалъ на польскомъ языкѣ образцовое руководство для обученія повитухъ, прижизненное практически къ понятіямъ и способностямъ уже и теперь во множествѣ обучающихся частнымъ образомъ повивальному искусству.

прѣ ея содѣйствіи , совершаются роды , часто насильственно , безъ всякой медицинской помощи . Иногда знахарка зажигаетъ освещенную восковую свѣчу и держитъ ее передъ носомъ больной , и въ то же время стучитъ метлой въ потолокъ избы . Природа совершаетъ чудеса . Собственно ея силами очерствѣвшая , одеревенѣвшая родильница , тотчасъ послѣ ужасныхъ болей при родахъ , пьетъ *троянку* , т.-е. грѣтое вино со смѣсю красной глины , меда , перца и коровьяго масла . Не прошло двухъ-трехъ дней ; она уже опять работаетъ въ потѣ чела , сама кормитъ новорожденнаго , просиживаетъ надъ нимъ безсонныя ночи .

Вскорѣ послѣ рожденія , у Бѣлоруссовъ везутъ ребенка въ церковь , или костель , тамъ крестятъ , потомъ привозятъ въ домъ родителей , передаютъ отцу , и начинается пиршество , на счетъ кумовей , которые привозятъ съ собою водку и закуски . У Литовцевъ тотчасъ послѣ рожденія повитуха , или знахарка обмываетъ дитя самою холодною водою , въ память богини Лаумы . (*) Когда воротятся изъ костела , ребенка передаютъ отцу , который кладетъ его на нѣсколько минутъ на порогъ , что называется *освятить дитя черезъ порогъ* . Кумъ долженъ непременно принести съ собою водку , а кума яичницу и пироги , жареные въ маслѣ , съ творогомъ . Незамужнія даютъ по нѣскольку копѣекъ бабкѣ *на мило для ребенка* . Когда водка вся выпита , кума постъ :

Kumuczik tu, tu, tu!
Kad aretkas butu,
Šr saldžios, iz gardžios,
Šzit piragas uszkundos.

Куманекъ, ты, ты, ты!
Чтобы водочка была,
И сладкая и вкусная.
Вотъ пироги на закуску.

Въ-теченіе перваго года жизни малютку пеленаютъ кусками холстины , не вкладывая рубашки , приговаривая : дозволено еще будетъ времени свой вѣкъ износить .

такъ-что черезъ нѣсколько лѣтъ несчастныя крестьянки за доступную по ихъ состоянію нѣшу будутъ въ возможности облегчать свои страданія пособіями опытныхъ повитухъ .

(*) *Praksimas Lauzinas prakajts!* — Вызывъ въ потѣ Лаумы ! *Лаума* , или *Лайма* , богиня изобилія и оплодотворенія земли . Она являлась народу въ различныхъ видахъ : когда предсказывала урожай — зеленою , когда войну — красною , а когда голодъ или морозную зиму — черною .

Мы не станемъ подробно описывать обрядовъ и обычаевъ Литовцевъ при свадьбахъ, похоронахъ и при другихъ случаяхъ, но отсылаемъ читателя къ прекрасной статьѣ П. В. Кукольника, помѣщенной въ «Чертахъ изъ исторіи и жизни литовскаго народа»; займемся здѣсь преимущественно Бѣлорусами, или племенемъ Кривичей.

б) *Свадьба*. Браки по любви между крестьянами здѣсь рѣдки. Большую частію родители между собою составляютъ проекты женить своихъ дѣтей, въ чемъ почти всегда расчетъ играетъ важную роль. Разумѣется, что есть исключенія: бываютъ случаи, когда молодой парень, влюбившись въ дѣвушку, хотя бы и бѣдную, но красивую и невинную, неохотно подчиняется расчетливой волѣ родителей. Отецъ, который хочетъ женить своего сына, выбираетъ свата и сваху и посылаетъ ихъ въ домъ родителей дѣвушки, на которую палъ выборъ. Сватъ и сваха, взявъ съ собою гарнецъ или и болѣе вина и большую булку хлѣба, пріѣзжаютъ къ домъ невѣсты и подчуютъ водкою всѣхъ домашнихъ, отъ чего никто не отказывается. Если отецъ невѣсты, заранѣе знавшій о пріѣздѣ сватовъ, не раздумалъ и согласенъ выдать свою дочь, то въ боченокъ, въ которомъ было вино, сыплетъ рожь, а въ противномъ случаѣ наливаетъ виномъ, и тогда сваты печально возвращаются домой, безъ всякихъ разсужденій или увѣщеваній. Когда же боченокъ насыпанъ рожью, невѣста собираетъ своихъ подругъ, приглашаетъ крестныхъ отца и мать и почетныхъ сосѣдей и вмѣстѣ съ ними является въ избѣ. Сватъ встрѣчаетъ ее обычнымъ христіанскимъ (древне-славянскимъ) въ здѣшней сторонѣ привѣтствіемъ: *няхъ бендзь похвалены Іезусъ Христусть!* — *На вяки вькоу!* Отвѣчаетъ невѣста. Сватъ встаетъ, пожмаетъ ей правую руку, кладетъ передъ нею пирогъ, сыръ, иногда кусокъ говядины, нѣсколько монетъ въ чашу и заливаетъ ихъ виномъ. Дѣвушки, между-тѣмъ, поютъ:

Отожъ табѣ Василька
Увядзюнка Агатка,
Кали яѣ любишь, дай пирогъ,
Кали ня любишь, вонъ за порогъ,
Не хвалися, што у насъ быу,
Что нашей Агатки не злюбіу!

Разумѣется, что собственныя имена замѣняются смотря по надобности, не заботясь о римахъ. Начинается ужинъ; дѣвушки, между-тѣмъ, удаляются въ особую свѣтлицу, ежели есть, или за перегородку и поютъ соответственныя пѣсни. (*) Пиршество оканчивается поздно ночью. Обрядъ этотъ называется *запоцны*.

На другой день родители испрашиваютъ согласіе помѣщика или сельскаго управленія, получаютъ дозволенныя свидѣтельства и отправляются къ священнику, съ которымъ условливаются о днѣ брака, даютъ ему *золтый* (15 к. сер.) или и болѣе на *заповѣди*, т.-е. троекратное оглашеніе въ храмѣ о предстоящемъ бракосочетаніи; между-тѣмъ, обрученныя приготавливаются къ торжественному дню. Для этого невеста приглашаетъ двухъ подругъ и двухъ кавалеровъ, которыхъ называютъ *закосъники*. Въ то же время женихъ избираетъ дружку и свата, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (напр., въ Ошмянскомъ уѣздѣ) человѣка два или три ассистентовъ, для увеселенія публики и распоряженія празникомъ, которыхъ величаютъ *маршалами*. Наканунѣ бракосочетанія, въ одно и то же время, въ домахъ невесты и жениха совершается особое празднество *печенія каравая*. Женихъ и невеста въ этотъ день исповѣдываются и причащаются; въ вечеру собираются въ оба дома родственники, сосѣди, знакомые. Дѣвушки поютъ разныя пѣсни (см. подъ б. Б.) Всѣ принадлежащія къ свадебному торжеству собираются и условливаются о порядкѣ, какъ будетъ происходить предстоящее празднество. Сватъ, между-тѣмъ, ставитъ на столъ вино и житный пирогъ, предназначенный обыкновенно повитухѣ, бывшей при роженіи молодой, ежели она на лице. Потомъ слѣдуетъ закуска. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно въ Дисненскомъ и отчасти въ Вилейскомъ уѣздахъ, при печеніи каравая соблюдаются еще особые обряды. Предъ тѣмъ, какъ слѣдуетъ всыпать муку въ лежу (квашню), крестная мать или старшая годами изъ живущихъ въ избѣ говоритъ слѣдующее: «*Юсьць тутъ Богъ, бацька, матка, радзюныя и сусѣды близкіяе и дальныя мужи статечныя, бабки запечныя, дѣтки запечныя, благословиць красней паннѣ каравай учи-ницѣ.*» При печеніи присутствуютъ семь каравайницъ и трое

(*) Смотри въ собраніи пѣсень подъ буквою А.

мужчинъ, пособляющихъ стряпанью. Одна изъ коронайницъ поетъ разныя пѣсни (см. подъ б. В.). Когда караванъ изготовленъ въ домѣ жениха, онъ отправляется къ невѣстѣ; но прежде его садятъ на коробѣ съ рожью, крестная мать подстригаетъ ему волосы, а дѣвушки опять поютъ (см. подъ б. Г.) Въ Свенцянскомъ уѣздѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ въ бѣлорусскихъ приходахъ *дѣвичій вечеръ*, или обрядъ печенія каравая, называютъ *великая гарьлка*.

Въ день брака, предъ тѣмъ, какъ ѣхать къ вѣнцу, невѣста отправляется, съ нѣсколькими подругами, къ сосѣдямъ и друзьямъ просить благословенія. Оставшіяся, между-тѣмъ, дѣвушки, ежели молодая сирота, поютъ :

Нѣмажъ Марьянки въ дому:
Паша Марьянка до Пана Бога,
Станць гадзінку,
Станць другую,
Пакуль адчинючъ райскіе дзвери,
Пакуль выпускаць яѣ мамуню,
Ей на вѣселе,
Ей на благословенство.
Яѣ мамуля вельми далеко,
У зямлі глыбоко,
За трема замкамі:
Першій замочекъ
Зелены мрочекъ;
Други замочекъ
Жолты пясочекъ,
Нѣмыя доски.
Вздымицѣсѣ вѣтры и бури,
Разорвицѣ зелены мрочекъ,
Равадзіміцѣ жолты пясочекъ,
Разобійцѣ нѣмыя доски,
Выпусцицѣ яѣ мамуню,
Ей на вѣселе,
Ей на благословенство!

Когда молодая возвратится, ее сажаютъ на концѣ стола, припѣвая :

Молодая Марьянка
Рано сѣла на посадѣ.
Кто азись цѣбѣ парадзи?

Мамуня Богу служиць,
На злотѣмъ крѣслѣ сядзиць.
З наномъ Богомъ говориць,
Папа Бога проситца:
Божегъ—на Бацюхна,
Пусци мамѣ знеба,
Поглядзица дзѣццямъ,
Чи хорошо прибрана,
Чи на пасады пасажена? —
— Мая дзѣцяточка
Прибрана якъ паняточка,
Пасадзена якъ сѣроточка...

Потомъ вводятъ въ избу родителей и прочихъ родныхъ,
а между-тѣмъ поють :

Черезъ сѣни сцѣжечка,
А въ коморѣ другая:
Тамъ Марьянка сѣдзѣла,
Русую косу чесала,
Сильнѣ жалоснѣ плакала.
Привядзиць мамуню,
Воймиць (уймите) Марьянку.
Якъ мамуню привяли,
Больше жалю задали.

Закосяники и маршалы приносятъ невѣстѣ вѣнокъ на салфеткѣ, положенной на тарелкѣ, а подъ салфеткой, — башмаки, чулки и подвязки для молодой. При этомъ въ Ошмянскомъ уѣздѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ начинаются между закосяниками и маршалами продолжительные споры, уморительныя аллегоріи и двусмысленности, которыхъ цѣль — допросить маршаловъ, зачѣмъ они пришли; тѣ, въ свою очередь, объявляютъ, что они отъ имени цѣлаго общества пришли поздравить молодыхъ. Чѣмъ богаче и знатнѣе свадьба, тѣмъ длиннѣе и утомительнѣе эти поздравленія.

Когда назначенный часъ свадьбы наступилъ, молодой, на двухъ или трехъ повозкахъ, со своими дружками, сватами и родственниками, предшествуемый скрипачемъ-скоморохомъ, является передъ воротами невѣсты. Между-тѣмъ, она падаетъ къ ногамъ родителей и поеть:

Да, мой таточка! благослови меня до шлюбу —
Ступиць, кали благословишь, самъ Богъ благословиць!

Въ это время дѣвушки поютъ:

Карися (смирися), Агатка, старому,
Кланяйся и малому.
З паклону галоўка не балиць,
Стары и малы благословиць.

Есть что-то трогательное, даже торжественное въ этомъ обрядѣ. Всѣ присутствующіе толпятся вокругъ невѣсты. Она подходитъ къ каждому, сначала къ родственникамъ своимъ, а потомъ къ роднымъ жениха и ко всѣмъ присутствующимъ, всѣхъ обнимаетъ, цѣлуетъ и проситъ благословія. Въ это время молодежь садится на коней, старики и женщины въ повозки. Невѣста съ дѣвушками, предшествуемая закосянками, на параконной бричкѣ, съ музыкою и пѣніемъ, отправляется въ храмъ. Невѣста въ дорогѣ кланяется всѣмъ встрѣчнымъ. Ежели надобно проѣзжать мимо мельницы, мельникъ останавливаетъ воду, и невѣста должна ему отдать свой поясъ, чтобы тотъ опять пустилъ воду. Въ церкви или костелѣ молодая кланяется каждому здѣсь находящемуся и останавливается у стѣны, окруженная подругами. Женихъ, съ своими ассистентами, подходитъ къ ней, кланяется подругамъ своей невѣсты и проситъ, чтобы ее ему отдали. Тѣ сначала не соглашаются, а потомъ какъ-будто нехотя уступаютъ его просьбамъ. Нѣкоторые же не кланяются дѣвушкамъ, не просятъ ихъ, но силою уводятъ свою суженую. Передъ наломъ подъ ноги невѣсты стелютъ утиральникъ. Во время бракосочетанія вниманіе всѣхъ обращено на свѣчи: ежели горятъ ярко — славная будущность предстоитъ новобрачнымъ; ежели же, упаси Боже, свѣча потухнетъ — быть бѣдѣ! Изъ храма отправляются въ домъ священника, который потчуетъ молодыхъ водкой. Потомъ опять тѣмъ же порядкомъ возвращаются домой. Въ нѣкоторыхъ приходахъ есть обычай заѣзжать по дорогѣ въ ближайшую корчму — позавтракать. Пріѣхавъ домой, общество раздѣляется; одни отправляются въ домъ молодой, другіе — молодого. Ввечеру большою частію собираются вмѣстѣ въ домъ родителей молодой, которая, съ своими ассистентками, садится у печки, а молодой въ углу. Между-тѣмъ,

общество пьеть и танцуетъ. Молодымъ подаютъ особенно для нихъ приготовленное кушанье, преимущественно яичницу, которую они ѣдятъ одною ложкою; передъ тѣмъ же молодой пьеть здоровье своей жены, говоря: *«пью да цябь поунымъ кубкомъ, щерымъ сердцемъ, добрымъ здоровьемъ; што мысля сабь, то и табь!»* Мать новобрачной беретъ ее на колѣни, обнимаетъ, цѣлуетъ; а новобрачная поетъ:

Мая мамечка!
Приступъ къ столачку,
Къ майму славѣчку.
Ня сына жанишь,
Ня невѣсту бярешь:
Мяне молодзенькую аддаешь
Мая мамачка! што жъ табѣ ляхчей:
Чи малую было хаваць,
Чи цяпѣрь въ сулоня адлаваць?

Потомъ отецъ или братъ беретъ ее за руку и подводитъ къ мужу. Она садится по срединѣ между нимъ и сестрой и близкой родственницей. Мать кладетъ ей на голову три тесемки льна и накрестъ поджигаетъ волосы; а въ то же время сестра поджигаетъ волосы молодому. Мать уходитъ; является сваха, снимаетъ лень, укладываетъ косы на головѣ и повязываетъ платокъ. Отецъ даритъ ей *дежу* (квашню), ва которую кладетъ булку хлѣба съ солью и нѣсколько монетъ, приговаривая: *«дарю цябь, дзѣцятка, хльбомъ солей!»* Потомъ молодой закрываютъ глаза, и всѣ присутствующіе дарятъ ее чѣмъ кто можетъ. Она благодаритъ каждого, приговаривая:

Да мой брахненка!
Дзякую табѣ за дары вяликіѣ тваѣ.
Кали жива буду да спамагуся.
Табѣ алгаджуся,
А кали нѣ табѣ,
То давѣткамъ твоимъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ молодая ночуетъ въ домѣ родителей и на другой уже день отправляется къ мужу, а въ другихъ въ ту же ночь, послѣ пиршества. При этомъ молодой даритъ сваху и дружку. Прощаніе съ родителями и домашними самое трогательное; молодая поетъ при этомъ:

Таткоу куточекъ .
Божи ламочекъ ,
Заставайся здороу ,
Живи багата !

Къ матери :

Мая матечка!
Заставайся здорова ,
Живи багата ,
Не забывайся на менѣ , маладуо :
Кали буду жебраваца ,
Воротца атчинийцѣ ,
Хоць по кусочку хлѣба давайцѣ .

Когда молодые ѣдутъ черезъ деревню въ домъ родителей молодого , мальчики на дорогѣ зажигаютъ куль соломы ; молодая должна имъ подарить что-нибудь , чтобы пропустили . Молодыхъ встрѣчаютъ семья , сосѣди ; новобрачная даритъ всѣхъ холстомъ , ей показываютъ хозяйскія строенія , домашнюю утварь . Потомъ она обязана мѣсить хлѣбъ , въ заблаговременно приготовленной лежи . Между-тѣмъ , собираются сосѣди и родные . Въ Лядскомъ уѣздѣ при этомъ устраивается родъ маскарада , т. е. молодежь наряжается какъ можно страшнѣе , бѣгаетъ по деревнѣ , захватываетъ въ опустѣвшихъ избахъ что-либо съѣстное и приноситъ въ домъ , гдѣ празднуется свадьба . Пиршество продолжается до глубокой ночи . На слѣдующій день молодые съ караваемъ , нарочно для сего испеченнымъ , отправляются въ господскій домъ , гдѣ ихъ дарятъ , потчуютъ виномъ , пивомъ , медомъ ; а у многихъ и здѣсь затѣваются пляски и веселье и продолжаются весь день и ночь , уже на счетъ владѣльца .

Надобно еще прибавить , что дѣвственность у здѣшнихъ крестьянъ считается чѣмъ-то священнымъ . Невинная дѣвушка , вошедшая въ домъ мужа , приноситъ съ собою благословеніе Господне . Ее уважаютъ , и во все время свадьбы она дѣлается предметомъ общаго особеннаго подобострастія : въ ея непорочности видятъ залогъ благоденствія и счастья . Напротивъ , согрѣшившая до замужства не можетъ скрыть своего стыда , тѣмъ болѣе , что у крестьянъ такія вещи не удерживаются въ секретѣ ; на нее смотрятъ совѣмъ иначе , и самые обряды во многомъ измѣняются : не поютъ многихъ обычныхъ торже-

ству пѣсенъ , не глядятъ на нее съ такою любовью. Часто она со слезами сама сознается въ своей винѣ и проситъ прощенія. Такая жена не сулитъ покоя и счастья въ новомъ семействѣ; перешагнувъ порогъ мужнина дома, она вноситъ туда вѣчный раздоръ , ибо домашніе не имѣютъ къ ней должнаго уваженія. Привязанность мужа , болѣе зажиточное состояніе новобрачной , покровительство господскаго дома , ежели тамъ источникъ , что чаще всего случается , ея посрамленія , не всегда могутъ защищать несчастную отъ насмѣшекъ и поруганій домашнихъ , особенно свекрови , сестеръ мужа и другихъ .

Мы старались передать болѣе общіе обряды , свойственные всему населенію кривичанскаго племени въ Виленской губерніи; но почти каждый приходъ имѣетъ свои особенности , свои пѣсни , прибаутки . Всѣ вообще обряды эти носятъ здѣсь вѣрный отпечатокъ домашняго быта здѣшнихъ крестьянъ , повѣческаго ихъ настроенія , смѣси самыхъ странныхъ предразсудковъ съ истиннымъ чувствомъ . Начала этихъ обрядовъ доискаться невозможно ; крестьяне свято ихъ чтутъ и ни за что въ свѣтѣ не согласятся на измѣненіе чего-либо изъ того , что , какъ они говорятъ , *наши дяды дѣлали* . Нѣкоторыя изъ прилагаемыхъ пѣсенъ ясно убѣждаютъ , что начала многихъ обрядовъ надобно доискиваться еще во временахъ язычества . Измѣнилось вѣрованіе ; но обряды переходили изъ рода въ родъ , изъ поколѣнія въ поколѣнія , не всегда для нихъ самихъ понятныя , но непременно исполняемыя .

в) *Похороны* . Трогательна и торжественна кончина бѣднаго труженика , весь вѣкъ проведеннаго въ потѣ чела , а при закатѣ дней , когда одряхлѣвшія силы лишили его возможности работать , верѣдко лишеннаго первыхъ житейскихъ потребностей . Несчастный ! онъ умираетъ со скорбнымъ сознаниемъ , что послѣдніе дни его были тягостію для семейства , его призрѣвавшаго . Конечно , горестъ семейства по утратѣ престарѣлаго , дряхлаго старика и продолжительна и нелицемѣрна ; но , ежели членъ семейства умираетъ во цвѣтѣ лѣтъ , здоровый и сильный , остающіеся приходятъ въ страшное отчаяніе , ибо съ нимъ теряютъ podporу , труженика , жертвовавшаго для нихъ своими силами и здоровьемъ .

Одръ умирающаго окружаютъ родные , сосѣди , иногда священникъ , или ксендзъ . Онъ оканчиваетъ дни свои какъ истин-

ный христiанинъ, послѣ исповѣди и св. причастiя, умираеть сопровождаемый воплями и рыданiями всѣхъ окружающихъ.

Похороны называются здѣсь *жаутуры*. До сихъ поръ сохранился языческой обычай *голошенiя*, т. е. оплакиванiя. Ежели умершiй не оставилъ близкихъ родныхъ или друзей, которые бы по внушенiю истинной горести *голосили* по немъ, то отъискиваются въ деревнѣ постороннiя женщины, принимающiя на себя роль древнихъ плакальщицъ. Онѣ провожаютъ покойника и присутствуютъ при погребенiи съ отчаянными воплями, естественными восклицанiями и рыданiями. Дико смотрѣтъ на такую сцену, порождаемую не чувствомъ, но только обычаемъ, хотя и въ этомъ случаѣ нельзя не дивиться непреклонному уваженiю къ памяти и обрядамъ предковъ. Покойника тотчасъ послѣ кончины моютъ, одѣваютъ въ лучшее, какое у него было, платье и кладутъ на столъ ногами къ дверямъ; въ руки даютъ ему бумажную икону, въ головахъ зажигаютъ восковую свѣчу. Когда гробъ сколоченъ, оставшимися стружками набиваютъ подушку, гробъ окропляютъ святою водою и кладутъ въ него покойника. Между-тѣмъ, до самыхъ похоронъ и день и ночь поютъ святыя пѣсни. Отправляясь на кладбище, берутъ съ собою вновь сдѣланный простой деревянный крестъ, перевязанный красною ленточкой, и несутъ его впереди, а также горшки со святою водою и святымъ зельемъ. Ежели церковь близка, изъ нея принесутъ хоругви, распятiе, и несутъ передъ гробомъ. Пока проѣдутъ деревню, покойника сопровождаютъ всѣ ея жители; далѣе ближайшiе родственники садятся на гробъ или идутъ вокругъ его. Ежели священникъ, или ксендзъ, по отдаленности, не присутствуетъ при похоронахъ, покойника везутъ прямо на кладбище; тамъ открываютъ крышу (вѣко), дѣти и родственники бросаются къ гробу съ воплями и рыданiями, цѣлуютъ его въ лицо, потомъ окропляютъ могилу святою водою, опускаютъ гробъ, насыпаютъ небольшой курганчикъ, въ головахъ котораго ставятъ принесенный крестъ и горшокъ съ святымъ зельемъ; въ заключенiе всѣ вмѣстѣ поютъ священныя за упокой пѣсни, а католики молитву *Anioł Pański* (Ангель Господень). Послѣ этого тутъ же пьютъ по чаркѣ вина и возвращаются домой, гдѣ приготовленъ обѣдъ. Первую рюмку вина и первую ложку каждаго кушанья выливаютъ на уголь стола, *для души покойника*. Послѣ

обѣда до самаго вечера опять поютъ священныя пѣсни. Въ годовщину болѣе зажиточные совершаютъ поминки въ церкви, или костелѣ, и потомъ приглашаютъ сосѣдей обѣдать; а бѣдные отправляются прямо на могилу, тамъ плачутъ, поютъ и потомъ пьютъ и ѣдятъ.

Похоронный пѣсенникъ невеликъ. Онъ приспособленъ къ болѣе частымъ случайностямъ и не всегда соотвѣтствуетъ обстоятельствамъ. Но есть пѣсни, въ которыхъ видно глубокое неподдѣльное чувство, простая, но благородная душа, оцѣнивающая свою потерю и воздающая хвалу почившему собрату.

Приводимъ здѣсь нѣсколько такихъ пѣсней :

Ахъ, мая жъ ты вязюлечка!
Ахъ, мая жъ ты матулечка!
Ахъ, чаму жъ ты мяне пакидаешъ?
Ахъ, кому жъ ты мяне остаўляешъ?
Хто жъ цяперъ мяне будзиць наўчаццi,
Хто жъ цяперъ мнѣ будзиць спагадаци?
Ахъ, гора жъ, мое гора,
Ахъ, я бездомница вѣщаслива!

Ахъ, мая жъ ты квятэчка,
Ахъ, мая жъ ты пташэчка!
Куды жъ гэта я цябѣ наражаю?
Куды жъ гэта я цябѣ выпраўляю?
Ой ня у церкоўку подъ ванецъ зялянеўки,
Ай, на могилу у пясокъ сырэнки!
Ахъ, хто жъ мнѣ цяперъ зацабэчыць?
Ахъ, хто жъ мяне цяперъ дай пацѣшыць?
Хто будзиць старосци моей пильноваци?
Хто будзиць мяне матулькой цяперъ зваццi?
Ахъ, цижъ гэта мнѣ нада цябѣ хаваци.

Ахъ, татулька нашъ
Ахъ, сизый голубе нашъ!
Ты жъ насъ гадаваў,
Ты жъ намъ спагадаў!
А цяперъ покидаешъ!
Чи ты жъ жалости нямаешъ?
Ахъ, загадникъ (*) нашъ!

(*) Распорядитель.

Хто жъ насъ цѣперъ парадокъ павядзѣць?
Хто жъ насъ цѣперъ пирасцаряжець? (*)
Ахъ, бѣдныя жъ наши голоўки, бѣдныя
Ахъ, гора жъ намъ, гора!

Эти же и подобныя имъ пѣсни, съ нѣкоторыми только измѣненіями, во многихъ мѣстахъ поются при провожаніи, иногда цѣлою деревнею, взятыхъ въ рекруты. Тамъ, гдѣ эта повинность исполняется по жеребью, домашніе еще отчаяннѣе оплакиваютъ судьбу того, на котораго палъ жребій.

Когда кладутъ камень на могилѣ или ставятъ большой деревянный крестъ (**), обрядъ этотъ называется *прикладны* и сопровождается молитвами и пирушкой (**). Совершаемые черезъ годъ послѣ смерти поминки по умершемъ называются *радощица*. Кромѣ того ежегодно совершаютъ общіе поминки въ теченіе мѣсяца со второй половины октября по вторую половину ноября, извѣстные подъ громкимъ именемъ *дзядоу*, воспѣтые знаменитымъ польскимъ поэтомъ Мицкевичемъ. Названіе, кажется, происходитъ оттого, что въ это время поминуютъ *Дзядоу*, т.-е. почившихъ предковъ, дѣдовъ и прадѣдовъ. Дяды празднуются исключительно славянскимъ племенемъ. Древнѣйшій этотъ обычай сохранился до сихъ поръ во всей своей языческой чистотѣ. Духовенство успѣло только придать этому обряду христіанскую форму въ томъ, что крестьяне въ это время посѣщаютъ церкви, приглашаютъ священнослужителей на кладбище для поминовеній; но все прочее осталось неприкосновеннымъ. Главный праздникъ Дзядовъ бываетъ 3 ноября, когда римско-католическая церковь совершаетъ богослуженіе за всѣхъ умершихъ. Наканунѣ этого дня, ночью

(*) Предостереженіе.

(**) При самыхъ похоронахъ ставятъ въ головахъ маленькій деревянный крестикъ или обозначаютъ мѣсто могилы небольшою насыпью.

(***) Въ славянскихъ приходахъ кресты и камни ставятъ только надъ могилами мужчинъ; могилы же женщинъ означаются курганчиками, но за то ставятъ имъ памятникъ особеннаго рода: гдѣ-нибудь при дорогѣ на болотистомъ мѣстѣ или же на ручейкѣ, чрезъ который идетъ дорожка, кладутъ бревно или доску; на нихъ вырѣзываютъ крестъ, башмаки или серпъ, а нѣкоторые и годъ кончины. Я распрашивалъ стариковъ, почему они это дѣлаютъ; но ни одинъ не умѣлъ мнѣ объяснить причины, говоря, наши дядямъ такъ дѣлали. У Литовцевъ обычай этотъ не существуетъ.

крестьяне избираютъ пустынное мѣсто на кладбищѣ или же вблизи онаго, буде возможно, въ развалинахъ церкви или оставленнаго жильцами дома, ставятъ разнаго рода кушанье и питья и начинаютъ вызывать покойниковъ, родныхъ и друзей. Они вполне увѣрены, что тѣни ихъ являются, что заставленная трапеза имъ пріятна, что они ею подкрѣпляютъ свои силы. Кромѣ-того, ставятъ кушанье на могилахъ своихъ близкихъ, а когда ѣдятъ у себя дома, то бросаютъ нѣсколько кусковъ говядины или чего-либо съѣстнаго подъ столъ и ставятъ горшки съ кушаньемъ на дворѣ подъ окнами. Въ каждой хатѣ готовятъ къ этому празднику маленькіе блины, и, когда начипаются вызыванья духовъ, глава семейства, по очереди исчисляя имена всѣхъ своихъ близкихъ умершихъ, послѣ произнесенія каждаго имени, прибавляетъ: *хаутуры!* (*) и бросаетъ одинъ блинъ подъ столъ. Пока продолжается вызыванье, вся семья хранитъ глубокое благоговѣйное молчаніе. Потомъ ѣдятъ, а все, что останется не съѣденнымъ, отдаютъ нищимъ, которые въ это время всю ночь толпами расхаживаютъ по деревнѣ.

Радауница въ нѣкоторыхъ славянскихъ приходахъ празднуется во вторникъ на недѣлѣ Оомы. Въ это время собираются на кладбищѣ и тамъ, на могилахъ своихъ близкихъ, пьютъ и ѣдятъ.

г) *Полевья работы*. При начинаніи полевыхъ работъ, священники освящаютъ поля, предназначенныя для посѣвовъ. При этомъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно на перекрестныхъ дорогахъ, ставятъ высокіе деревянные кресты съ распятіемъ или изображеніемъ святаго.

Важнѣйшій деревенскій праздникъ — *дожинки* т. е. окончаніе жатвы. Обычай этотъ одинаковъ у Литовцевъ и Бѣлоруссовъ; даже пѣсни у обоихъ племенъ почти одинаковаго содержанія. Осенью, когда всѣ полевья работы окончены, собирается цѣлая *волость*, т. е. жители всѣхъ ближайшихъ дере-

---

(*) *Хаутуры* собственно означаетъ имѣть въ домѣ покойника. Отъ этого даже произошла пословица: *у одной хаць вяселье* (свадьба), а у *другой хаутуры* (покойникъ).

У древнихъ славянъ праздникъ Дзядовъ назывался праздникомъ *козла*, или *козляра-гусляра*, жреца-поэта, руководившаго праздникомъ, пѣснями, игрою на гусляхъ.

вень, принадлежащихъ одному владѣльцу, отправляется въ господскій дворъ, имѣя впереди нѣсколько дѣвушекъ, изъ которыхъ красивѣйшая несетъ на головѣ или на поднось вѣнокъ изъ ржи или другаго хлѣба, который послѣдній снятъ съ поля. Заунывная ихъ пѣсня слышится издалека. Владѣлецъ выходитъ на крыльцо, встрѣчаетъ крестьянъ, принимаетъ вѣнокъ, кладетъ на поднось нѣсколько монетъ, благодаритъ за ихъ труды и приглашаетъ повеселиться. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, при отдачѣ вѣнка, старѣйшій изъ крестьянъ говоритъ привѣтственную рѣчь, въ которой аллегорически изображаетъ несчастную судьбу своихъ собратьевъ, говоря, что долго они скитались по міру, проходили степи, дебри, темныя пущи, терзаемые голодомъ, изнуренные, не знали, куда преклонить голову, какъ вдругъ встрѣтили медвѣдя, который далъ имъ благой совѣтъ итти и служить *такому-то* доброму пану (при этомъ называютъ имя владѣльца); они послушались, пришли, нашли пріютъ, довольство, живутъ припѣваючи и вотъ поработали для него, собрали ему хлѣбъ съ полей, принесли вѣнокъ, не *золотой*, не *серебряный*, но изъ *алмазныхъ колосьевъ*, а за то просятъ водочки, и пр.

По данному знаку, раздаются пѣсни, выкатываютъ нѣсколько бочекъ пива, вина, устраиваютъ столы съ ужиномъ, является скоморохъ со скрипкою, ѣдятъ, пьютъ, пляшутъ, поютъ до утра.

а) *Купала*. Древній языческій праздникъ Купалы сохранился до сихъ поръ во всѣхъ славянскихъ и литовскихъ племенахъ. Онъ извѣстенъ въ Россіи подъ именемъ Купалы, въ Польшѣ — *Соботекъ*, въ Литвѣ — *Kekiris*. Въ Виленской губерніи и въ самомъ городѣ Вильно Купала празднуется повсемѣстно наканунѣ св. Іоанна, 23 іюня. Въ Вильно есть особое загородное мѣсто, называемое Роса, отъ котораго и кладбище получило названіе Росы. Во времена язычества Литовцы собирались сюда, зажигали костры, прыгали черезъ него, приносили въ жертву богинѣ Ладо бѣлыхъ пѣтуховъ, пѣли въ честь ея пѣсни (*Lada, lada! di do musu deve!* т.-е. лада, лада, лада, великая наша богиня!), ѣли, пили и плясали всю ночь. Исчезло язычество; но обычай празднованія сохранился до сихъ поръ. Въ Вильно, за кладбищемъ, на роскошной полянѣ, тоже называемой Росса, собирается почти все населеніе го-

рода, играет музыка, пестрые толпы гуляющих живописно рисуются на зеленой муравь, окруженной пригорками, покрытыми дубовымъ и березовымъ лѣсомъ.

Въ деревняхъ и селахъ, въ этотъ день, послѣ заката солнца молодежь собирается на лугъ и разводитъ огонь. Въ ненастное время заблаговременно устраиваютъ шатры изъ свѣжихъ зеленыхъ деревьевъ, а въ хорошую погоду означаютъ мѣсто сборища зелеными березками. Являются закуска, пиво и водка. Приходятъ и пожилые, а нерѣдко и все населеніе деревни. Послѣ ужина и попойки, совершаемыхъ возлѣ огня, начинаютъ пѣть и плясать, иногда подъ скрипку, ежели найдется скоморохъ. Въ глубокую ночь отправляются въ лѣсъ искать папоротникова цвѣта, какъ знаменія всезнанія и указателя кладовъ. Во многихъ мѣстахъ простолюдины подъ именемъ Купалы разумѣютъ св. Іоанна Крестителя, производя названіе оттого, что онъ *купалъ* Спасителя.

Странные понятія и предразсудки сохранились въ народной памяти до сихъ поръ. Простолюдины увѣрены, что въ ночь Купалы деревья и животныя разговариваютъ между собою; а кто знахарь и можетъ ихъ подслушать, многому можетъ научиться. У чертей въ это время большая возня: они разѣзжаются на крестьянскихъ лошадяхъ и спѣшатъ на Лысую гору, въ Кіевъ, гдѣ происходитъ у нихъ торжественное собраніе. Поэтому крестьяне не выводятъ въ эту ночь лошадей на пашню, но крѣпко запираютъ въ конюшняхъ. Деньги (клады), зарытыя въ землѣ, являются на ея поверхности въ различныхъ видахъ: въ видѣ огня, волка, но чаще всего папоротника. Добыть кладъ нелегко, ибо при каждомъ наступѣ чортъ, и нужно особенное мужество и отвага, чтобы устоять противъ дьявольскихъ козней и ухищреній. Черти тогда прикидываются чѣмъ угодно, заводятъ смѣльчаковъ въ болото, въ трущобы, снимаютъ съ нихъ обувь, перемѣняютъ наизнанку одежду, страшатъ дикимъ звѣремъ и т. п. Только знахарямъ удается перехитрить чорта и добыть кладъ. Въ эту-то ночь цвѣтетъ папоротникъ, и счастливъ, кому удастся найти цвѣтъ его: онъ дѣлается могучимъ и всевѣдущимъ. Въ Диснепскомъ уѣздѣ сохранилось преланіе о работникѣ, который нечаянно наступилъ на папоротникъ, и цвѣтъ егѳ упалъ ему въ лапоть. Въ то же мгновеніе онъ сталъ всевѣдущимъ: открылъ пропавшихъ

лошадей, узнавъ, гдѣ сокрыты клады, какія мѣры должно принять противъ проказы чаровницъ. Прійдя домой, этотъ всевѣдущій разулся, цвѣтъ папороти остался въ лаптѣ, и — уввы! — кончилось всевѣдѣніе! Окружающіе его, удивленные этимъ быстрымъ переходомъ отъ всезнанія къ ничтожеству, догадались, въ чемъ дѣло, и бросились осматривать лапотъ. Нѣкто *Сципанъ* поймалъ цвѣтокъ и убѣжалъ. Донесли пану. Тотъ не побоялся знахарства Сципана, силою отнялъ отъ него волшебный цвѣтъ, и съ того времени горькое житье стало у него не только крестьянамъ, но и чертямъ. Смѣльчаки въ эту ночь, плотно поужинавъ и выпивъ добрую порцію для *резона*, отправляются поодиначкѣ въ глубокіе лѣса или трущобы, взявъ съ собою распятіе, святое зелье и восковую освященную свѣчу (громницу, которую зажигаютъ и кладутъ въ руки умирающему; ее освящаютъ 2 февраля). Тамъ, въ самомъ пустынномъ мѣстѣ, смѣльчакъ дѣлаетъ свѣчей большой кругъ и садится въ самой срединѣ его, держа въ рукахъ распятіе. Вдругъ разгоряченному воображенію представляются черти въ самыхъ страшныхъ видахъ; они прыгаютъ вокругъ его, сверкаютъ огненными глазами, бьютъ его по лицу длинными хвостами, цѣпляются за волосы когтями; поднимается вой, ревъ, свистъ; потомъ вдругъ является чортъ-великанъ, котораго видъ приводитъ въ трепетъ бѣднаго смѣльчака. Вотъ усвоенное фактическое описаніе этого великана-чорта: чудовище необыкновенно высокаго роста; на челѣ у него одинъ большой глазъ; носъ съ одною ноздрею, обнаженная голова, страшной величины; вмѣсто ушей большія дыры; на головѣ одинъ крючковатый длинный рогъ; правое плечо гораздо выше лѣваго; шея вовсе нѣтъ, вмѣсто рукъ и ногъ конскія копыта, вмѣсто тѣла у него рыба чешуя, а грудь покрыта длиною шерстью. Несчастный защищается распятіемъ и прочими святыми предметами, препятствующими сатанѣ переступить заколдованный кругъ. Еще не нашелся такой смѣльчакъ, который бы устоялъ противъ всѣхъ этихъ страстей и не убѣжалъ, но ежели бы выдержалъ и не струсилъ, предъ нимъ бы отверзались необъятныя сокровища. Впрочемъ, въ настоящее время сохранилось только преданіе и о чудовищахъ и о самыхъ смѣльчакахъ, изъ которыхъ нѣкоторые, какъ увѣряютъ, отправясь искать кладовъ, не возвращались болѣе, и ихъ находили мертвыми въ лѣсу.

Черти, отправляясь на Лысую гору, даютъ порученія кура-
лестить своимъ ученицамъ, т.-е. чаровницамъ. Онѣ отнимаютъ
у коровъ молоко, для чего поятъ ихъ росою, собранною въ
огородахъ. Для защиты отъ этого крестьяне давно открыли
лекарство: замѣтивъ, что корова менѣе обыкновеннаго даетъ
молока, хозяйка беретъ *цльдилку* и варитъ ее въ горшкѣ съ
св. янскимъ зельемъ. Отъ этого чаровница тотчасъ заболѣетъ
и сама придетъ къ хозяйкѣ просить чего-нибудь взаймы,
напр., рѣшета, ушата, и т. п.: хозяйка, такимъ-образомъ,
узнаетъ чаровницу, ничего не даетъ ей взаймы, стережетъ,
чтобы она чего-нибудь не унесла, хотя бы щепки, или песчин-
ки, и ежели успѣетъ въ этомъ, чаровница начинаетъ сохнуть,
хворать и вскорѣ умираетъ, къ великой радости отмщенной
хозяйки.

Солнце при восхожденіи своемъ въ день св. Іоанна *играетъ*,
т.-е. изъ одного обыкновеннаго солнца раздробляется на нѣ-
сколько частей, которыя, играя одно подлѣ другаго, разбѣ-
гаются и опять сливаются въ единое солнце.

Утромъ въ день св. Іоанна крестьяне собираютъ цвѣты и
травы, несутъ ихъ въ церковь и послѣ обѣда просятъ объ
освященіи. Такіе травы и цвѣты называются *св. янскимъ*
зельемъ. Ихъ хранятъ цѣлый годъ и употребляютъ какъ ле-
карство отъ разныхъ болѣзней, а иногда какъ противодѣйствіе
зачарованію, или предугадываніе будущаго. Такъ, напр.,
цвѣтъ *богатки* предсказываетъ удачу или наоборотъ. Ежели
разовьется, вѣщаетъ счастье, въ противномъ же случаѣ
бѣду.

Въ день св. Іоанна мальчуганы поютъ слѣдующую шутли-
вую пѣсню:

А на Яна
Баба пьяна,
На Барвса
Баба лыса,
А на Юрья
Баба дурна! и т. д.

е.) *Куцья*. На канунъ Рождества Христова, Новаго года и
Богоявленія народъ здѣсь празднуетъ куцью, т.-е. кутью;
это названіе происходитъ отъ извѣстнаго рода пищи, пода-
ваемой въ эти дни. *Куцья* наканунѣ Рождества называется

постною, ибо готовится изъ разнаго рода зерноваго хлѣба, гороха, пшеницы, ячневыхъ и гречишныхъ крупъ и т. п.; наканунѣ же Новаго года мясною, ибо въ числѣ кушаний подаютъ мясное.

Наканунѣ Рождества, послѣ заката солнца, не только среди простаго народа, но и въ высшемъ и среднемъ каассѣ устилаютъ столъ сѣномъ, покрываютъ скатертью, на которой разставлены блюда, въ католическихъ домахъ прикрытыя *оплатками* съ изображеніями Спасителя, символовъ вѣры, Божіей Матери и св. Іосифа. Хозяйка беретъ такую оплатку, подходитъ къ каждому изъ присутствующихъ и приглашаетъ отломить кусочекъ и съѣсть, при чемъ принимаетъ поздравленія съ наступающими праздниками. Потомъ садятся за столъ. Въ промежуткахъ вытаскиваютъ изъ-подъ скатерти сѣнную былинку, и по длинѣ ея заключаютъ о будущемъ ростѣ льна. Послѣ ужина наблюдаютъ, протоптаны ли тропинки по двору дочерна и много ли звѣздъ на небѣ. Первое предсказываетъ обильный сборъ гречихи, а послѣднее — хорошій приплодъ скота. Осматриваютъ также древесныя вѣтви: ежели онѣ всѣ покрыты инеемъ, это сулитъ хорошій урожай садовыхъ плодовъ. Если въ этотъ день оттепель, то санныя дорога продлится до половины марта и притомъ предсказываетъ раннюю весну и изобильное лѣто; точно также, ежели въ Срѣтенье большой морозъ, то снѣгъ недолго пролежитъ, весна же и лѣто немного обѣщаютъ хорошаго.

Когда пожилые гадаютъ о погодѣ и урожаѣ, дѣвушки въ то же время прислушиваются къ лаю собакъ: откуда онъ слышенъ, оттуда явится женихъ. Потомъ бѣгаютъ подъ сосѣднія хижины и подслушиваютъ подъ окнами. Необыкновенный восторгъ объемлетъ ихъ, когда подслушаютъ слова, изгоняющія кого-либо изъ дома: *напр., что засидьлся? Довольно, братъ! ступай!* и т. п. Отчаянная грусть, когда въ хатѣ приглашаютъ кого посидѣть, остаться, ежели говорятъ: *еще рано! успѣешь!* и т. п. Первый случай предсказываетъ непремѣнное замужство въ-теченіе года, послѣдній — сидѣнье въ дѣвкахъ. Но всего ужаснѣе, ежели посылаются слова: священникъ, свѣчи, доски и т. п., ибо это вѣщаетъ близкую смерть самой подслушивающей или ея суженому. Тѣ, которымъ не удалось подслушать и разгадать свою судьбу, берутъ охапку дровъ или обхва-

тываютъ простертыми руками плетень, и потомъ считаютъ число полѣвъ или колевъ: четное число предсказываетъ замужство, нечетное — бѣду; весь годъ никто не посва- тается.

Въ этотъ же вечеръ связываютъ ноги у стола, чтобы скотъ не перескакивалъ плетней и не стаптывалъ посявовъ, а также, чтобы ров пчелъ не уходили. Женщины въ это время сви- ваютъ клубки, какъ можно тщательно и побольше, ибо это увеличить *качки*, т.-е. головки капусты; небрежная же свивка клубковъ лишитъ воловъ силы въ ногахъ. Нельзя также въ это время сгибать обручей, ободьевъ и полозьевъ, ибо это имѣетъ дурное вліяніе на скотъ: весь приплодъ въ-теченіе года будетъ рождаться съ кривыми ногами. Нельзя связывать *памла* для выметанія печей, ибо отъ этого произойдетъ по- жаръ или громъ ударитъ въ домъ. Какъ съ Рождества до Богоявленія праздники, и крестьяне въ это время рѣшительно ничего не дѣлаютъ, то въ вечеръ куцы готовятъ къ пражѣ ленъ, начинаютъ прастъ, сучить нитки, веревки, сче- пать лучину и свивать клубки.

Сѣно, бывшее подъ скатертью, и остатки кушанья на дру- гой день отдають скоту; оставшіяся же на столѣ зернышки собираютъ и хранятъ до посявовъ, а тогда смѣшиваютъ съ зерномъ, которое сѣютъ. Это предохраняетъ отъ порчи колосья.

Куцы наканунѣ Нового года и Богоявленія не имѣютъ та- кой восторженной вѣры въ гаданья.

Наканунѣ Богоявленія до вечерняго освященія воды соблю- даютъ строгій постъ, и даже во время *куцы* нѣтъ того обилія яствъ и питья, которыя необходимы наканунѣ Рождества. При освященіи воды римско-католическаго исповѣданія, освя- щаютъ и мѣлъ, которымъ надписываютъ надъ всѣми дверьми, не только въ домѣ, но и прочихъ строеніяхъ, три буквы: С + М + В +, т.-е. три первыя буквы именъ волхвовъ, при- бывшихъ на поклоненіе Христу (Caspas, Melchior, Baltasar). Водюю же окропляютъ жилье, анбары, сарай и другія строенія. Надписи эти и окропленіе сохраняютъ здоровье и защищаютъ отъ чаръ. Мѣлъ хранятъ цѣлый годъ и употребляютъ какъ лекарство, съ виномъ, отъ желудочной боли.

ж.) *Каляды*. Подъ этимъ словомъ крестьяне разумѣютъ

рождественскіе праздники. Это же слово означаетъ все съѣстное, даримое священнику, посѣщающему крестьянъ въ это время. Наконѣцъ калдой называютъ даръ, которымъ надѣлаетъ хозяинъ своего наемнаго работника (паробка), оставляющаго въ это время службу; даръ этотъ состоитъ обыкновенно изъ одного большаго хлѣба, окорока и пары колбасъ.

Откуда происходитъ слово *коляда*? Нѣтъ ли связи съ языческимъ славянскимъ идоломъ *ляда*? У Литовцевъ праздникъ *Ляды* происходилъ между 25 мая и 25 іюня; слѣдовательно, числа эти не совпадаютъ съ праздникомъ коляды. Знаемъ, что и у Славянъ было *Ладо*, или *Лядо*, но не знаемъ, когда оно праздновалось. Славянская *Ладо* была не Венера, какъ думалъ Ломоносовъ, не Марсъ, какъ говоритъ Карамзинъ, но скорѣе *Золотая Баба*, покровительница малютокъ. Знаемъ, что въ Тюрингенѣ *Ладо*, дѣйствительно, была богинею любви, потомъ преобразена въ дряхлую старушку, съ пряжею, а вслѣдъ затѣмъ въ злую вѣдму, покровительствовавшую волшебству и колдунству. У нашихъ Славянъ праздникъ *Чаровницъ*, какъ мы уже сказали, происходилъ наканунѣ праздника *Куналы*; слѣдовательно, и это число не соотвѣтствуетъ *колядѣ*. Еще замѣчательно, что до сихъ поръ каждый порядочный хозяинъ считаетъ для себя обязательнымъ кормить съ осени кабана и убить его къ Рождеству. Это убіеніе зовутъ здѣсь: *забиць каляду*, или *забили къ калядзѣ*. Нѣтъ ли въ этомъ древнемъ обычаѣ и много вѣковъ повторяемомъ изрѣченіи напоминанія жертвоприношенія языческому *Ладо*? *Забиць-ко-Лядзѣ*, т.-е. принести въ жертву ко дню *Ляды*. Нѣкоторые хотятъ видѣть происхожденіе слова *коляда* и самый обычай въ польскомъ словѣ *Kolenda*, взятомъ съ латинскаго языка *Calendae*. (*) Дѣйствительно, ксендзы въ это время посѣщаютъ своихъ прихожанъ, которые дарятъ ихъ по-возможности, и это называется *Хадизъ jedzie po kolendzie*, т.-е. ксендзъ ѣдетъ за *колядой*.

И въ бѣлорусскихъ и въ литовскихъ приходахъ второй день праздника Рождества Христова считается годовымъ сро-

---

(*) У Римлянъ *Calendae* означало первый день мѣсяца. Былъ еще праздникъ *Calendae Martiae*, во время котораго Римлянки разсылали другъ другу подарки.

комъ найма работниковъ (паробковъ — батраковъ). Хозяева и работники расчитываются въ этотъ день, высказываютъ другъ другу свои обиды и неудовольствія и или мирятся за чаркой водки и заключаютъ новыя условія, или же расстаются. Отъ этого произошла поговорка: «На святый Сципанъ каждый сабѣ панъ!»

в.) *Святые вечера или вечеринки.* Со дня Рождества Христова до Богоявленія (*Крещенья*) включительно крестьяне празднуютъ и особенно съ закатомъ солнца ни за что не возьмутся за какую бы то ни было работу; несоблюдение этого влечетъ за собою неминуемыя несчастія. Ежели же крайняя необходимость заставитьъ крестьянина взяться за какую-нибудь работу, онъ, для избѣжанія бѣды, обязанъ на другой день расстѣчь жердь въ своей загороди. Во всѣ эти дни по вечерамъ крестьяне собираются по домамъ и проводятъ истинно святые вечера; не пьютъ вовсе или очень мало, поютъ пѣсни, слушаютъ рассказы людей *бывалыхъ*, предлагаютъ одинъ другому *гадки*, пляшутъ подъ скрипку или дуду, называемую *муцьянка*. Болѣе любимая игра въ эти вечера въ орѣхи. Берутъ горсть орѣховъ и предлагаютъ другъ другу угадать, *четное* или *нечетное* число заключается въ пригоршнѣ, говоря: *ци цотъ, ци лишка?* Угадавшій получаетъ эти орѣхи, не угадавшій обязанъ столько же дать выигравшему. Въ это же время работники и работницы, получившіе годовую плату отъ хозяевъ, пируютъ въ корчмахъ, и не такъ воздержно, какъ по домамъ, въ деревняхъ. Бѣдные труженики съ непостижимымъ хладнокровіемъ и безпечною въ нѣсколько дней пропиваютъ иногда годовую заработокъ. Вечера эти называются *игрицами* и лишены названія святыхъ вечеровъ.

г.) *Праздникъ св. Троицы* празднуютъ четыре дня. Дома внутри и снаружи украшаютъ березками. Скотинѣ, особенно коровамъ, рога украшаютъ цвѣтами.

Ночью передъ днемъ Сошествія Святаго Духа молодежь изъ цѣлой деревни собирается на лужокъ, раскладываютъ огонь, жарятъ ячницу, пьютъ и танцуютъ. Это называется пиршествомъ для пастушковъ и пастушекъ, которые приглашаются на эту забаву. Въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ ночью передъ днемъ Св. Троицы такимъ же образомъ проводятъ

всю ночь, ноцлежники, т.-е. присматривающіе за лошадыи ночью.

і.) Въ *Вербное Воскресеніе* стараются какъ можно ранѣе встать, и заранѣе приготовленною вербою будятъ спящихъ, приговаривая: «не я бью — верба бьетъ, за тыдзьянь вяликъ дѣвнь!» Въ-особенности достается дѣвушкамъ, и многія изъ нихъ всю ночь не спятъ, боясь сердечнаго изліянія вербою ухаживающихъ за ними.

к.) *Святло Христова Воскресеніе* празднуютъ крестьяне съ особенною торжественностію. Истощенное постомъ, строго соблюдаемымъ, каждое семейство изъ послѣдняго старается состряпать *свѣцное*, состоящее изъ кулича, сыра, яицъ, окрашенныхъ красною краскою, колбасъ, ветчины; все это укладываютъ въ особыя *коробки* и ночью отправляются въ ближайшую церковь, или костелъ, ярко освѣщенный, а иногда обставленный зажженными смоляными бочками. Съ разсвѣтомъ начинается всеобщая, по окончаніи которой священникъ освѣщаетъ *свѣцное*; крестьяне съ радостію возвращаются домой, поздравляютъ другъ друга съ праздникомъ и собираются по домамъ разговляться. Хозяйка рѣжетъ яйцо на мелкіе кусочки и подаетъ каждому изъ присутствующихъ; потомъ уже приступаютъ къ мясному. Празднуютъ четыре дня, и четвертый день называютъ *людовымъ*. Любимое занятіе въ это время—бить и катать яйца съ лубковъ. Игра эта у многихъ дѣлается азартною и иногда доводитъ до ссоры. Во многихъ мѣстахъ устраиваютъ качели; эта забава считается весьма полезною, ибо участниковъ ея будто бы освобождаетъ отъ нападеній комаровъ во все лѣто. Качели и катанья яицъ продолжаются по воскресеньямъ до св. Георгія (т.-е. 23 апрѣля). Въ первые два дня праздника молодежь расхаживаетъ по улицамъ, и передъ домомъ поютъ священныя пѣсни, иногда съ музыкою, т.-е. скрипкою, балалайкой, или душой. Хозяинъ приглашаетъ ихъ въ домъ и подчуетъ свѣцнымъ.

л.) Въ *день Всѣхъ Святыхъ* (въ первое воскресенье послѣ Сочествія Св. Духа, по римско-католическому обряду—праздникъ св. Троицы) крестьяне послѣ обѣдни цѣлыми семействами отправляются съ виномъ и закусками осматривать свои посѣвы, обѣдаютъ и подчуютъ другъ друга, гдѣ-нибудь на лугу возлѣ жита, потомъ отдыхаютъ, опять обходятъ свои

полн, разсуждая о будущей жатвѣ, и такъ проводитъ время до вечера.

м.) *Лекарства и леченіа*. Крестьяне какъ литовскаго, такъ и кривичанскаго племени не жалуютъ докторовъ и охотнѣе получаютъ совѣты отъ своихъ *знахарей и знахарокъ*. Еще большимъ почетомъ пользуются доктора *крестьяне* (*) и *исповидящіе*, къ которымъ за совѣтами обращаются многіе и изъ высшаго сословія. Дѣйствительно, было нѣсколько докторовъ изъ крестьянъ, почти неграмотныхъ, которые лечили съ большимъ успѣхомъ отъ всякихъ болѣзней исключительно виномъ или водою, смѣшанными съ травами. Ясновидящіе рѣдки; но есть и теперь одна въ Ошмянскомъ уѣздѣ, женщина среднихъ лѣтъ, здоровая и румяная. Въ припадкахъ ясновидѣнія она подвергается умышленнымъ или дѣйствительнымъ — Богъ ее знаетъ — страшнымъ судорогамъ и съ закрытыми глазами узнаетъ каждаго посѣтителя, угадываетъ его болѣзнь, прописываетъ лекарство, состоящее обыкновенно изъ травъ и растений, а притомъ велитъ *закупить* нѣсколько обѣдней и молебновъ, наказываетъ постъ и т. п., нѣкоторымъ читаетъ нравоченія и совѣтуетъ исправить нравственность. Слава о ней разошлась всюду, особенно между крестьянами. Было нѣсколько извѣстныхъ случаевъ, въ которыхъ она, дѣйствительно, оказывала пособія, и, притомъ, больнымъ, признаннымъ совершенно неизлечимыми. Знахари и знахарки пользуют преимущественно *троянкою*, т.-е. грѣтымъ виномъ, съ примѣсью глины, мѣлу, перца и коровьяго масла, или же настойкою изъ травъ. Нѣкоторые употребляютъ при этомъ заклинанія и какія-то непонятныя слова. Для примѣра, передаю слѣдующій случай: въ Лидскомъ уѣздѣ, у одного молодого человѣка разболѣлась рука. Позвали знахарку изъ деревни Стучики. Она объявила, что въ рукѣ совопились три болѣзни: *волосникъ*, *огникъ* и *мангана*, и взялась вылечить. Послѣ заката солнца она взяла нѣсколько колосьевъ ржи, связала ихъ и приложила къ больной рукѣ, потомъ стала обливать теплою водою, объявивъ, что это значитъ *вымыть волос-*

(*) Извѣстнѣйшимъ изъ нихъ былъ *Саргунасъ*, жившій въ Вилкомирскомъ уѣздѣ, вблизи мѣстечка Лабонарь. Онъ умеръ, въ глубокой старости, нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

*нахъ. Далѣе она сожгла три лучины, уголья разломилла на три ровныя части, взяла изъ одного нѣсколько угольевъ, раскалила ихъ и стала вертѣть надъ рукою, не дотрогиваясь ея и что-то нашептывая, а потомъ бросила въ воду; затѣмъ взяла уголья изъ второй кучки, уже не раскаленные, а потомъ изъ третьей и тоже вертѣла вокругъ руки, а потомъ бросила въ воду. Это, по ея словамъ, значило *исгонять огни*. Далѣе знахарка зажгла на камелькѣ солому, выдернула нѣсколько прутьевъ изъ вѣника, согнула ихъ въ-видѣ крючковъ и, посадивъ большаго передъ огнемъ, велѣла спрашивать: *што дѣлрши?* она отвѣчала: *мангану*, и при этомъ рвала крючекъ надъ рукою и бросала въ огонь, при чемъ большой долженъ былъ повторять: *дѣлри добра, кабы не балила*. Такимъ-образомъ, она разорвала нѣсколько крючковъ. Всю эту сцену повторила знахарка во второй разъ предъ восхожденіемъ солнца и потомъ въ третій, послѣ заката. Почти тотчасъ послѣ совершенія этого третьяго обряда появилось въ большой рукѣ отверстіе, чрезъ которое вышла матерія, и рука стала совершенно здорова.*

Вотъ нѣкоторые домашніе способы деревенскаго леченія, преимущественно у Литовцевъ: *беремоннымъ женщинами* даютъ пить мелко истолченный янтаръ, велѣть проглотить живую пчелу, а иногда, въ крайнихъ случаяхъ, выпить мочу жеребца. Желудокъ обкладываютъ зелеными березовыми листьями.

Отъ задержанія мочи даютъ пить вишневу кору.

Отъ вередовъ дѣлаютъ слѣдующее всѣмъ испытанное лекарство. Берутъ шесть луковокъ, мелко искрошенныхъ и раздробленныхъ, чтобы составляли одну массу; къ этому прибавляютъ мыла простаго величиною съ луковинку и чайную ложечку чистаго меда или патоки, и прибавляютъ еще весьма немного ржаной муки; изъ всего этого образуется пластырь, который и прикладываютъ къ больной рукѣ.

Отъ колотья даютъ рюмку вина съ солью.

Рану обкуриваютъ дымомъ отъ зажженнаго холста. Рана тотчасъ заживаетъ.

Отъ колтуна даютъ пить въ-продолженіе двухъ недѣль декоктъ изъ растений, называемыхъ *Susirajt plankis* — волокита-бабимуръ (?); потомъ даютъ пить въ-теченіе трехъ дней

цвѣтъ *Rajni-Taroz*. Колтунъ отстаетъ, и его подстригаютъ. Полагаютъ также весьма полезнымъ ѣсть жареное мясо ежа.

Отъ временной глухоты вливаютъ въ ухо мочу зайца или кладутъ жареный лукъ.

Кровотеченіе останавливаютъ прикладываніемъ паутины.

Обжогъ лечатъ мелко истертымъ картофелемъ.

Отъ головной боли прикладываютъ мокрый песокъ, вынутый изъ колодезя или изъ озера.

Огуречный рассоль способствуетъ пищеваренію.

Отъ укушенія змѣи даютъ пить зелье, называемое здѣсь венжовникъ *Poligonum Bisterta*, мелко искрошенное съ сладкимъ молокомъ. Также, а равно и отъ укушенія бѣшеной собаки или скотины берутъ кость отъ ноги вола, пережигаютъ ее и кладутъ въ глиняный сосудъ, потомъ одну сторону или кусокъ кости выглаживаютъ и прикладываютъ къ израненному мѣсту; она тотчасъ прильнетъ, какъ магнитъ, къ ранѣ и держится нѣкоторое время, а потомъ сама отпадаетъ. Тогда ее бросаютъ въ молоко, а къ ранѣ прикладываютъ другую кость, и такъ далѣе до тѣхъ поръ, пока кость не станетъ прилипать къ больному мѣсту. Прикладываютъ еще въ такихъ случаяхъ лягушку, пополамъ разорванную, засыпаютъ рану нюхательнымъ табакомъ, поливаютъ виномъ и молокомъ.

Отъ лихорадки даютъ вино, смѣшанное съ муравьинымъ сокомъ.

Отъ насморка нюхаютъ потъ спрочемъ пальцевъ на ногахъ.

Отъ расслабленія желудка и отъ кровавыхъ поносовъ даютъ пить настой отъ ягоды черницы (*midanes*) или же берутъ грибы, называемые мухоморами (*mashiges*), сушатъ ихъ, потомъ трутъ въ порошокъ, на который наливаютъ вино, и, продержавъ нѣкоторое время на солнцѣ, даютъ пить больному.

Всѣ эти лекарства менѣе или болѣе приносятъ пользу; но вѣра въ нихъ простолучиновъ глубокая, и въ глазахъ ихъ они лучше всякихъ медицинскихъ средствъ. Въ тѣхъ однако мѣстностяхъ, гдѣ помѣщики содержатъ постоянныхъ докторовъ, истинное знаніе скоро получаетъ перевѣсъ надъ предрасудками, и крестьяне охотно поддаются совѣтамъ медика.

Не только знахарямъ извѣстны симпатическія лекарства, но почти въ каждомъ приходѣ есть свои тайны, какъ загова-

ривать и лечить отъ разныхъ болѣзней людей и скотъ. Вотъ нѣкоторые способы: отъ укушенія змѣи надобно нѣсколько разъ произнести слѣдующія слова безъ всякаго значенія, но имѣющія магическое дѣйствіе на болѣзнь: *Kota, rota, dota, baszatyk, adyk, psyk, cik*. Повторяя второй разъ эти слова, начинаютъ отъ послѣдняго, т.-е. цикъ, псыкъ и т. д. Литовцы заговариваютъ еще слѣдующими стихами:

Karalan lipsnatas,
Givaczin Wieszpatas,
Zwilgtelek akieli,
Pasava karaneli:
Zalcziun karalu,
Alimk zundeli
Nu to (tos) vargdineli.

Огненный король,
Гадивъ господниъ!
Взгляни очкомъ
Изъ-подъ твоей короны.
Король ужей!
Сними жало
Съ этого (съ этой) бѣдныги.

Чтобы усмирить боль зубовъ, надобно дотронуться къ болящему зубу зубомъ, вынутымъ у покойника. Для предупрежденія же этой боли носятъ на шеѣ или на рукѣ красный бумажный снурокъ, повязанный 27 узелками. Приготовление этого снурка возлагается на старшаго или младшаго изъ дѣтей. Дитя беретъ снурокъ въ аршинъ длиною, дѣлаетъ на немъ 27 узелковъ и начинаетъ считать отъ 9—1, т.-е. 9—8, 7, 6, 5, 4, 3, 2, 1 и такъ три раза, пока не составитъ число 27. Каждый разъ ребенокъ долженъ сосчитать 9 узелковъ не переводя духъ.

Для предупрежденія отъ заразительной болѣзни скота, отрѣзываютъ ножницами у каждой скотины кусокъ дѣваго уха, потомъ всѣ эти кусочки складываютъ въ чистый горшокъ и прячутъ гдѣ-нибудь въ избѣ, такъ чтобы никто не зналъ, кромѣ того, который спряталъ.

Въ Вилейскомъ уѣздѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, чтобы усыпить ребенка, даютъ пить маковое молоко. Это имѣетъ самыя вредныя послѣдствія на умственныя способности, ибо ребенокъ дѣлается тупымъ и вялымъ.

Народныхъ увеселеній, плясокъ, пѣсенъ литовскаго племени мы не станемъ повторять, ибо все это подробно описано въ вышепомянутой статьѣ П. В. Кукольника. Скажемъ здѣсь нѣсколько словъ объ увеселеніяхъ славянскаго племени. Кромѣ *дожжинокъ, святыхъ вечереи, каляды, купалы*, народъ празд-

иуеть на свадьбахъ и крестинахъ, по воскресеньямъ и въ другіе храмовые и праздничные дни.

5) Увеселенія заключаются въ болѣе или менѣе обильномъ употребленіи пищи и питья, т.-е. вина, иногда пива, въ пляскахъ и пѣсняхъ. Болѣе извѣстная здѣсь пляска называется *женидѣба царешка*. Она заключается въ слѣдующемъ: молодежь становится по одну сторону, а дѣвушки и замужнія и даже пожилыя по другую. Изъ среды женщинъ избираютъ одну, болѣе ловкую, и называютъ ее *свѣтлей-матерью*. Она выбираетъ одного изъ мужчинъ, беретъ его за руку и проходитъ съ нимъ по цѣлой линіи возлѣ дѣвушекъ, ломаясь и приплясывая подъ тактъ слѣдующей пѣсни, которую сама поетъ :

Царешка волочица;
Яму жаница хочецца;
Волочица, выглядаецъ,
Кого то юмъ наймаецъ?

На это дѣвушки отвѣчаютъ хоромъ :

Царешка, царешечка,
Цѣрезъ боръ дорожичка,
Битая, тапаная.
Я у мамки коханая.

Такимъ-образомъ, проходятъ возлѣ женщинъ нѣсколько разъ; а потомъ мать-свѣтъ избираетъ одну дѣвушку и отдаетъ ее своему кавалеру. Пара эта идетъ плясать подъ нацѣвъ матери-свѣтъ :

Царешка волочи́ся,
Даужешъ юмъ ажані́ся,
А узлу дѣвушку пригожую,
Хощъ кулы, такъ гожую.

На это отвѣчаетъ хоръ дѣвушекъ :

Царешка, била стала.
Съ кимъ яго жена спала!
Ой, подъ гасемъ вилянѣнкимъ,
Ци ня съ назякомъ молодѣнкимъ?
Ой, гожая, пригожая,
Зрабила нягожал!

Маць-свацьця защищаець избранную д'звуську, нап'ваая.

Ци спала, ци ня спала,
Тольки тая слава стала,
Яна съ казакомъ гукала,
Про дорожынку пытала,
Про дорожынку, про сц'зжку,
Какъ знайсци свойго цярешку.

Въ это время танцующая пара останавливается въ началѣ ряда мужчинъ и женщинъ, образовавъ такимъ-образомъ первую пару; а между-тѣмъ *маць-свацьця*, приплясывая, выбираетъ другаго мужчину и такимъ же образомъ поступаетъ, какъ съ первымъ. Обрядъ этотъ совершается до тѣхъ поръ, пока она всѣхъ не переженитъ и изъ двухъ рядовъ насупротивъ стоявшихъ мужчинъ и женщинъ образуетъ пары. Тогда пары эти немного раздвигаются, давъ небольшой проходъ, по которому проплясываетъ первая пара. Дойдя до конца шеренги, мужчина вдругъ бросаетъ д'звуську и прячется отъ нея, а она его отыскиваетъ. Въ ловкихъ приемахъ во время этихъ преслѣдованій молодежь старается выказать свое искусство. Такимъ образомъ поступаетъ каждая пара. Все это совершается подъ слѣдующій нап'въ :

Ой, найду я на гародзѣ (*огородъ*),
На дз'вочкымъ хоровадзѣ,
Рыбачку лапаючи,
Милаго шукаючи.

Неуц'кай, мой дз'здзичка,
Неуц'кай лябедзичка!

Я вымаю кашуличку (*рубашку*),
Я свайму татуличку,
Тонкую, тоненькую
Бялинку, бялинькую!

Неуц'кай... и пр.

Ой, съ рубковымъ рукаўкомъ
Назавуць цябѣ панкомъ,
Ой, съ чарвонымъ каўнерчыкомъ (*поротникомъ*)
Назавуць цябя жаўнерчыкомъ.

Неуц'кай... и пр.

Пойду жъ я у жоночекъ пытаци,
Якъ гату кашульку даи прапи,

Якъ гѣту кашульку дай праці.
Якъ яѣ дай у валичкахъ качаці.
Неуцѣкай... и пр.

Потомъ тоже дѣлается съ дѣвушками, которыя, каждая по-очереди убѣгается; а парни ихъ догоняютъ. При этомъ поютъ :

Дѣвочки пралѣсачки,
Найдзиця на арѣшачки,
Ой, найдзиця вы сами,
Спаткацися (*встрѣтитесь*) съ воўками.

Няуцѣкайцѣ же, дѣвочки,
Няуцѣкайцѣ же, пташечки!

Або вы заблудзицѣ
И арешки пагубицѣ,
Або васъ што спугаицѣ,
Ня нуждая дай серца маицѣ!
Ня уцѣкайцѣ и пр.

Дѣвочки, шаху, шаху,
Што у вашимъ мяху, мяху?
Шпилички (*булавки*), иголочки,
Залатыя царціоначки (*кольца*).
Ня уцѣкайцѣ и пр.

Иголочки на хусточки (*платочка*),
Шпилички на устужечки (*ленточки*),
А царціоначки къ вяселійку (*свадьба*).
Утуію, што будзицѣ надзѣлиньку.
Ня уцѣкайцѣ и пр.

А паждзицѣ, ня уцѣкайцѣ,
Сваю ручку дай намъ дайцѣ,
Сваю ручку дай намъ дайцѣ,
Добрымъ слоўкомъ повитайцѣ!
Ня уцѣкайцѣ и пр.

Пляска эта и пѣніе сопровождаются, если есть возможность, скрипкой или *дудой-мацанкой*.

Падушечка. Въ этой пляскѣ всѣ мужчины и женщины взявшись за руки, составляютъ кругъ. Одинъ изъ парней входитъ въ середину, избираетъ дѣвушку, пропляшетъ съ нею нѣсколько разъ, поцалуетъ и броситъ въ кругъ, а самъ соединится съ хороводомъ. Дѣвушка, въ свою очередь, избираетъ любаго и т. д. Въ это время поютъ :

Падушечка, падушечка,

Дай ты пуховая!

Молодушка, молодушка,

Дай ты молодая!

Каго люблю, каго люблю,

Таго пацалую,

Пуховую падушечку.

Таму падарую!

Еще любимая пляска здѣшняго простаго народа *мятелица*. Собираются въ пары, берутъ въ руки *махрачки*, т.-е. полотенца, или поясы и становятся въ рядъ. Раздаются музыка и напѣвъ, и въ одно мгновеніе поднимается точная мятелица. Всѣ пары бросаются вдругъ, первая, проскочивъ подъ полотенцемъ, пропускаетъ вторую пару, бросается подъ полотенце третьей, пропускаетъ четвертую и т. д. Все это дѣлается съ неимоверною быстротою и всѣми парами разомъ. Надобно удивляться, какъ стройно, скоро и даже граціозно совершается эта кутерьма.

При этомъ поютъ:

Курыць, вѣць мяцелица,

Чаму старый няженицца.

Якъ же яму жаницца?

Усѣ будутъ дзвиницца.

Ухъ, ухъ, уха-ху!

Янки голова у снягу.

— А якъ гэта да-й ня смѣгъ,

Тогда будзѣць людзямъ смѣхъ!

Ухъ, ухъ, уха-ху!

Гэта жъ я быў на таку.

— А якъ гэта да-й ня пыль

То адъ дзѣўки будзиць тыль.

Охъ, охъ, аха-хо!

Гэта жъ на мнѣ малако.

— А якъ яго не сатремъ,

Каго у танецъ павядзіомъ?

Охъ, охъ, аха-ха.

Гэтажъ на мнѣ да-й мука,

— А якъ яна ня сляпиць.

Кто на стараго дай паглядзипъ?

Курыць, вѣиць, закурылась.
Мая дзѣўка разазлилась.
— А якъ же ей не разозлыцца
Кали старый да яѣ масцяцца?

А хоць старый не паганый,
Ящо дужый и румяный.
— А што кому до таво?
Можа я пайду за яво!

Курыць, вѣиць мяцѣлица,
Пеўнѣ (вѣрно) старый оженница.
— Ашто каму да таво?
Може я люблю яво.

Главные музыкальные инструменты: скрипка и дуда. Последняя составлена изъ кожаного мѣшка (телячьего брюха) и двухъ деревянныхъ дудокъ, въ него вдѣланныхъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ употребляютъ извѣстную балалайку. Народные литовскіе инструменты: *вамэдись* — дудка изъ вербной коры, *дзиндзинись* — толстая лучина, на которую натянута желѣзная струна, *малинка* — дудка изъ глинны.

IV. Особенности общественнаго быта.

Однообразенъ бытъ крестьянъ здѣшной губерніи. И Литовцевъ и Кривичанъ роды занятій одинаковы. Годъ году подобенъ. Замѣтками жизни считаются перемѣны владѣльца или управляющаго, неурожай, къ несчастію, часто случающийся и долго, иногда нѣсколько лѣтъ, продолжающийся, — холера, падежъ скота. Всѣ главныя занятія крестьянина можно очертить нѣсколькими строками: зимою молотить хлѣбъ и свозить дерево изъ лѣса; съ началомъ апрѣля начинается обработка полей; подъ конецъ іюня пачинается сборъ ржи и сѣна; подъ конецъ іюля, обыкновенно съ св. Ильи (20 числа), считается лучшее время въ году — овины и амбары полны; въ день св. Варооломея начинается посѣвъ яроваго хлѣба; около св. Николы улачиваютъ подати. Рождественскіе праздники, съ святыми вечерами и *игрищами*, поглощаютъ остатки запасовъ, и многіе, особенно въ славянскихъ приходахъ, до новыхъ урожаевъ живутъ пособіемъ владѣльцевъ,

а еще чаще Жидовъ , вдвое , или втрое получающихъ за свое даяніе.

Крестьяне Виленской губерніи состоятъ изъ помѣщичьихъ и состоящихъ въ вѣдѣніи государственныхъ имуществъ , т.-е казенныхъ имѣній , пиезунтскихъ , ленныхъ и подуховныхъ. Есть еще вольные люди , живущіе на владѣльческихъ земляхъ или при казенныхъ имѣніяхъ. Казенные крестьяне управляются на общемъ основаніи , какъ и во всѣхъ прочихъ губерніяхъ. На мірскихъ сходкахъ никакихъ особыхъ обычаевъ или обрядовъ нѣтъ. Здѣсь явственно проявляется отличительная черта здѣшнихъ крестьянъ — глубокое повиновеніе своимъ пачальствамъ: они избираютъ на этихъ сходкахъ преимущественно въ старшины и прочія сельскія и волостныя должности тѣхъ , которыхъ имъ укажутъ власти.

Въ помѣщичьихъ имѣніяхъ никакихъ мірскихъ сходокъ не бываетъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ , въ рѣдкихъ случаяхъ владѣльцы созываютъ старѣйшихъ изъ своихъ крестьянъ и совѣтуются съ ними , какъ пособить обѣднѣвшей хатѣ , насчетъ раздѣла семейства , или оказанія общаго пособія. Но и это случается весьма рѣдко.

Глава семейства , хозяинъ дома , пользуется общимъ глубокимъ уваженіемъ въ своей семьѣ. Онъ управляетъ хозяйствомъ безотчетно , и всѣ ему повинуются. Чѣмъ старѣе , опытнѣе и умнѣе отецъ семейства , тѣмъ сильнѣе его власть и вліяніе не только въ домашнемъ быту , но и на всю деревню. Дѣти , при встрѣчѣ съ старикомъ , цѣлуютъ ему руку. Разумѣется , что этимъ общимъ уваженіемъ пользуются только такіе старики , которые извѣстны безъукоризненнымъ поведеніемъ и отличаются не только нравственными качествами , но и умомъ. Прежде , рассказываютъ , водился особый обычай наказыванія воровъ , по суду стариковъ изъ цѣлой деревни , безъ участія владѣльца , или двороваго управленія. Изобличеннаго въ воровствѣ ведутъ , при стеченіи цѣлаго населенія деревни , къ первымъ воротамъ крайней въ деревнѣ хаты , кладутъ передъ воротами и даютъ одну розгу , читая , между тѣмъ , нравоученія дѣтямъ и молодежи , чтобы примѣръ этотъ возбудилъ въ нихъ презрѣніе къ преступнику ; потомъ цѣлой процессіей слѣдуютъ къ другимъ воротамъ , передъ которыми даютъ опять одинъ ударъ и такъ далѣе , пока не обойдутъ

всѣхъ дворовъ въ деревнѣ. Увѣряютъ, что это отеческое наказаніе имѣло сильное вліяніе на исправленіе нравственности крестьянъ; а благоразумные помѣщики нисколько этому не препятствовали, даже поощряли. Замѣчательно, что гдѣ судъ надъ провинившимся предоставляется самимъ крестьянамъ, какъ это еще и теперь водится въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, наказаніе всегда строже, нежели какое бы придумалъ самъ помѣщикъ. Матери семействъ состоятъ въ полномъ повинновеніи главѣ дома, хотя бы ими были сыновья ихъ; впрочемъ, онѣ имѣютъ вліяніе на свое семейство, но не вмѣшиваются въ распоряженія имуществомъ и заработками семьи. Дома мать или жена полная хозяйка; она сама, пока позволяютъ силы, готовитъ пищу, моетъ бѣлье, а когда наступитъ старость, въ этомъ отношеніи надзоръ ея не прекращается до гроба. Общественнымъ же уваженіемъ старухи не слишкомъ пользуются.

Кромѣ обыкновенныхъ дней, такъ-называемой барщины, исполняемой крестьянами по инвентарному положенію, или по принятому обычаю (отъ 3 до 5 дней въ недѣлю), всѣ безъ исключенія крестьяне обязаны еще нѣсколько разъ въ году собираться на работы къ помѣщику. Такіе сборы, сверхъ обыкновенной барщины, называются *гвалтами*. Въ условіяхъ объ отдачѣ имѣнія въ арендное содержаніе, между-прочимъ, включаютъ: крестьяне обязаны исполнять столько-то дней барщины въ недѣлю и, кромѣ-того, столько-то дней *гвалту* въ году. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, вмѣсто *гвалтовъ*, установлены дни *ласки*, т.-е. будто бы крестьяне добровольно идутъ работать сверхъ барщины. Крестьяне говорятъ, что *ласки* хуже *гвалта*, потому-что число *гвалтовъ* опредѣленное, а отъ дней *ласки* нельзя отказаться.

V. Умственныя и нравственныя способности и образованіе.

Отличительныя, характеристическія черты нравственныхъ свойствъ какъ Славянъ, такъ и Литовцевъ въ здѣшнемъ краѣ составляютъ: смиреніе, набожность и необыкновенная любовь къ родинѣ. Въ послѣднемъ отношеніи Литовцы даже превосходятъ своихъ сосѣдей. У нихъ любовь къ мѣсту рожденія составляетъ нѣчто религіозное; были примѣры, что отлучен-

ные изъ родины подвергались тяжкимъ болѣзнямъ, а иногда и самой смерти. Единственный порокъ здѣшнихъ жителей — излишнее употребленіе горячихъ напитковъ. Грустный, молчаливый, нерѣдко голодный, крестьянинъ здѣшній въ винѣ топить всѣ свои горести, хлопоты; гарѣлка единственное его утѣшеніе, и, когда вспомнимъ совершенную необразованность, всякаго рода лишенія, не будемъ слишкомъ строги къ этому пороку, особенно, ежели еще вспомнимъ, что, по прежнимъ обычаямъ, въ-теченіе многихъ лѣтъ, Евреи служили непреодолимыми и страшными проводниками къ развращенію народа. Еврей, изъ рода въ-родъ, наследственно арендовавшіе корчмы у помѣщиковъ, съ удивительною ловкостію опутывали бѣдныхъ крестьянъ своею дьявольскою наутинкою. Еврей былъ первымъ и главнымъ совѣтникомъ, руководителемъ и благодѣтелемъ крестьянина. Онъ его поимъ круглый годъ въ долгъ, записывая двойнымъ меломъ, онъ ему давалъ и наличныя деньги въ крайнихъ случаяхъ; а результатомъ этихъ благодѣній было то, что у крестьянина не оставалось ровно никакого имущества: все принадлежало опекуну-Еврею, или состояло въ его распоряженіи. Крестьянинъ не смѣлъ продать домашняго припюдка, ни даже собранной ржи и яроваго, потому-что Еврей впередъ заторговывалъ, или получалъ по расчету даже будущіе урожай. Разумѣется, что это ужасное зло существовало у такихъ только владѣльцевъ, которые, ведя беспорядочную и расточительную жизнь, и сами были менѣе или болѣе въ подобной зависимости отъ Жидовъ. Благодаря рѣшительнымъ и благодѣтельнымъ мѣрамъ правительства, зло это примѣтно уменьшается. Евреи не содержатъ уже корчемъ по деревнямъ, а ежели и содержатъ еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ тайно, то не могутъ дѣйствовать съ прежнею свободою, опасаясь быть изобличенными. Но главную мѣрою къ искорененію или, по-крайней-мѣрѣ, значительному уменьшенію пьянства было введеніе акцизной системы съ 1850 года. Изъ числа 639 винокуренныхъ заводовъ и 4,522 питейныхъ заведеній для раздробительной продажи питей, существовавшихъ въ 1849 году, до введенія акцизной системы, нынѣ (въ 1855) считается 298 винокуренныхъ заводовъ и 2,150 питейныхъ заведеній.

Воровство, буйство, разбой, смертоубійства между крестья-

нами весьма рѣдки. Преступленій противъ вѣры почти не бываетъ. Нравственность здѣшнихъ жителей зависитъ преимущественно отъ направленія и личныхъ нравственныхъ достоинствъ владѣльца и приходскаго священника. Нерѣдко встрѣчаемъ селеніе или и цѣлый приходъ, гдѣ крестьяне живутъ достаточно, пользуются отличнымъ общественнымъ имѣніемъ, гдѣ нѣтъ ни воровъ, ни пьяницъ. Въ такихъ случаяхъ можно впередъ ручаться, что помѣщики и священникъ этого прихода глубоко понимаютъ свое высокое призваніе. Народъ здѣшній еще дитя въ-отношеніи умственнаго развитія, но воспримчивъ, склоненъ къ подражанію, и трудно вообразить, какъ заразительны здѣсь примѣры дурнаго и какъ легко прививаются сѣмена добраго. Умный, благородный священникъ, съ самоотверженіемъ посвящающій всѣ свои часы своей паствѣ, вникающій въ ея нужды, подающій добрые совѣты, а притомъ отличающійся и личнымъ безукоризненнымъ поведеніемъ, можетъ руководить крестьянами, какъ дѣтьми, потому-что глубина ихъ прекрасна и Господь надѣлилъ ихъ высокими достоинствами: кротостію, набожностію, любовію роднаго края!

Надобно еще замѣтить, что вообще положеніе крестьянъ среднихъ помѣщиковъ, какъ въ нравственномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніяхъ, гораздо лучше крестьянъ богатыхъ помѣщиковъ, владѣющихъ тысячами душъ, разбросанныхъ въ разныхъ отдаленныхъ одно отъ другаго мѣстахъ. И неудивительно: первые управляютъ сами, а послѣдніе болѣею частію отдають свои имѣнія въ арендное содержаніе, а арендаторы рѣдко заботятся объ улучшеніи быта крестьянъ! И здѣсь, какъ и во всемъ, есть исключенія; но, къ несчастію, они еще немногочисленны. Въ наше время молодой гр. Т., милліонеръ, посвятилъ все свое время и огромные доходы улучшенію положенія крестьянъ. Большая часть ихъ переведены на оброкъ, удобрены поля, осушены луга, проведены отличныя дороги между деревнями, построены новыя, чистыя, красивыя, съ трубами избы; дано вспоможеніе болѣе нуждающимся. Въ имѣніяхъ недавно умершаго гр. Гинтера крестьяне давно приведены въ самое удовлетворительное положеніе, а что еще удивительнѣе въ здѣшнемъ краѣ — большая часть ихъ грамотны, многіе отличные ремес-

ленники и агрономы. Такихъ примѣровъ можно бы насчитать и еще нѣсколько.

Грамотность далась болѣе Литовцамъ, нежели Славянамъ. Между первыми почти половина умѣетъ читать (по-литовски) и съ молитвенниками отправляется въ костѣлы. Но этимъ болѣею частію и ограничивается ихъ грамотность. Писать рѣдкіе умѣютъ. Между Славянами, грамотныхъ почти нѣтъ, — развѣ изъ дворовыхъ людей. Училища по деревнямъ не существуютъ. Литовцы грамотѣ учатся дома, или у ксѣндзовъ.

Изъ мѣстностей, къ которымъ привиты насмѣшливыя пословицы, извѣстенъ одинъ Ошмянскій уѣздъ; но это относится болѣе къ шляхтѣ, нежели къ крестьянамъ. Про неуклюжаго, грубаго въ обращеніи говорятъ: *ошмянскій шляхтичъ!* Ежели же кто сдѣлаетъ что-либо неприличное, говорятъ: *вотъ сморгонская политика!* или *сморгонскій академикъ!* Пословицы эти весьма древнія. Жители Ошмянскаго уѣзда, вѣроятно, искони были извѣстны своею неуклюжестію и снискали въ этомъ отношеніи извѣстность въ цѣлой Литвѣ; а въ Сморгоняхъ, мѣстечкѣ, расположенномъ въ томъ же уѣздѣ, въ прежнее время было училище, основанное князьями Радзивиллами, въ которомъ получали образование — медвѣди. Училище это называли въ шутку Сморгонской Академіей.

Раскольниковъ здѣсь около 7,000. Они живутъ въ Литвѣ со времени Петра Великаго, многіе имѣютъ собственныя земли и дома въ городахъ; они весьма привержены къ своему исповѣванію. Отъ Литовцевъ заимствовали они любовь къ мѣсту рожденія. Къ сожалѣнію, между ними попадаетса много воровъ, а нѣрѣдко и разбойниковъ.

VI. Народныя преданія и памятники.

Народныя преданія и памятники, пѣсни, поговорки, пословицы, во множествѣ сохранившіяся въ здѣшнемъ краѣ, служатъ явнымъ проявленіемъ народной повѣтливости и умственного развитія. Иногда невзначай высказанное крестьяниномъ мнѣніе доказываетъ глубокую опытность и знаніе жизни; въ другой разъ кстати примѣненная пословица или поговорка неволью приводятъ въ удивленіе. Откуда, кажись, въ этомъ грубомъ, бѣдномъ самоотверженникѣ столько простаго

ума и сноровки? Бѣлоруссовъ и Литовцевъ намъ вообще стараются представить тупоумными, почти бессмысленными. А послушайте, какъ они кстати ввернуть вамъ острое слово, какъ, при всей покорности и, какъ-будто нарочно, при бранномъ глуповатомъ обращеніи, приведутъ васъ въ краску или заставить замолчать, ненарокомъ сказанною въ разговорѣ, пословицею, съ дѣтства заученною и ко всякому случаю весьма удачно примѣняемою. Надобно еще прибавить, что, прислушиваясь къ этимъ пословицамъ съ дѣтства, крестьяне привыкаютъ извлекать изъ нихъ мораль въ буквальномъ смыслѣ, съ глубокою вѣрою, и это, разумѣется, часто имѣетъ дурныя послѣдствія. Они убѣждены: *что долгеъ составляетъ обманывать, а голодеъ воровать, что плохой воронъ, когда изъ рукъ выпускаетъ добычу, что гдѣ нельзя перелетѣть, перескочить можно*, и тому подобное. Мы выбрали пословицы, имѣющія двусмысленное и часто вредное значеніе; но представляемое собраніе пословицъ и поговорокъ легко убѣдитъ, что большая часть ихъ имѣютъ и чисто нравственную цѣль, во многихъ проявляются легкая шутка, глубокое чувство или непреложная истина. Въ такомъ же смыслѣ надобно понимать и пѣсни крестьянъ. Въ нихъ мы найдемъ отпечатокъ ума, чувства, любви къ родинѣ, вѣрный отблескъ горькой судьбы ихъ. Преданія, пѣсни, пословицы и поговорки Литовцевъ въ подробности разсказаны П. В. Кукольниковъ въ упомянутомъ уже нами сочиненіи; а потому здѣсь мы займемся исключительно славянскимъ племенемъ. Славяне Виленской губерніи богаты преданіями, но гораздо бѣднѣе Литовцевъ преданіями историческими и даже мѣологическими; зато почти нѣтъ мѣстности, которой бы не приписывали чего-нибудь чудеснаго и не разсказали про нее какой-нибудь легенды, почти всегда имѣющей нравственное направленіе. Замѣчательно, что всѣ эти легенды разсказываются въ извѣстномъ какомъ-нибудь околдкѣ совершенно одинаково, безъ измѣненія даже собственныхъ именъ. Въ нихъ видно что-то поэтическое, страсть къ чудесному, необыкновенному, во многихъ фантастическіе очерки, а завязка почти всегда поучительная. Мы не станемъ пересказывать всѣхъ преданій; изъ нихъ можно бы составить цѣлые томы. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ:

Преданіе о камняхъ. Вблизи мѣстечка Курженецъ, въ 9-ти верстахъ отъ уѣзднаго города Вилейки, на полѣ лежитъ огромный камень, называемый *Гомсинь*. Крестьяне рассказываютъ, что давнымъ-давно на этомъ мѣстѣ жилъ сапожникъ Гомсинъ. Онъ былъ *философъ*, ни во что не вѣрилъ, не ходилъ въ церковь и не уважалъ праздничныхъ дней. Въ одно Свѣтло-Христово Воскресенье, называемое въ простонародіи *Вяликъ-дзень*, Гомсинъ, понимая значеніе этихъ словъ въ буквальномъ смыслѣ, такъ разсудилъ: когда онъ въ будній день можетъ сшить одну пару сапогъ, то въ Вяликъ-дзень онъ долженъ сшить двѣ пары. Объявивъ о своемъ умозаключеніи домохозяевамъ и сосѣдямъ, онъ прилежно сталъ работать, подтрунивая надъ ухажившими въ церковь, что въ то время, когда они понапрасну убиваютъ время, онъ въ тотъ день зарабатываетъ вдвое болѣе обыкновеннаго. Вотъ народъ валитъ уже изъ церкви, а Гомсинъ все еще сидитъ за работой; но когда поровнялся съ его избой, на ясномъ, лазурномъ небѣ неожиданно явилась черная туча, пошелъ дождь, и въ ту же минуту грянулъ громъ въ самую избу Гомсинна. Пораженные необыкновеннымъ явленіемъ и ослѣпленные такъ непостижимо блеснувшюю молніею, всѣ присутствующіе пали на колѣни и закрыли глаза руками, а когда, успокоенные обаянъ воцарившейся тишиною, открыли глаза, каковъ былъ ихъ ужасъ, когда удивленные и пораженные ихъ взоры не могли отыскать ни избы Гомсинна, ни его самого, какъ-будто никогда не существовавшихъ. На томъ же мѣстѣ, гдѣ была изба, лежалъ большой камень, до сихъ поръ существующій, какъ нѣмой свидѣтель грознаго событія и какъ рѣзкій примѣръ наказанія Господня; за неисполненіе его заповѣдей... Многіе изъ окрестныхъ крестьянъ глубоко убѣждены, что въ день Свѣтло-Христово Воскресенья, наклонясь къ камню, слышатъ пѣніе пѣтуха и стукъ сапожничьяго молота; но что всего удивительнѣе, какъ увѣрили меня люди, достойные вѣры, что почти каждое лѣто въ камень этотъ ударяетъ громъ, и, въ-самомъ-дѣлѣ, онъ во многихъ мѣстахъ потрескался.

Въ этомъ родѣ почти къ каждому большому камню присвоена чудесная легенда. Въ Вилейскомъ уѣздѣ есть еще другой камень, на которомъ будто бы видятъ оттискъ человѣческой ноги. Въ Ошмянскомъ уѣздѣ, при большой дорогѣ, веду-

шей изъ Трокъ въ Ольшаны, есть такой камень съ подобіемъ оттиска человѣческой ноги. Въ Лидскомъ уѣздѣ, Веверскаго прихода, въ имѣніи Іозефово, помѣщика Шишки, при деревнѣ Мейры, на большомъ камнѣ видѣнъ такой же оттискъ; но народъ говоритъ, что это *ступень* Пресвятой Богородицы. Въ Трокскомъ уѣздѣ, въ Козукишскомъ приходѣ, въ имѣніи Миткишки, помѣщика Подгурскаго, на правомъ берегу Вилии, такой же камень съ оттискомъ, также величаемымъ ступеню Божіей Матери. Въ Ошмянскомъ уѣздѣ, за мѣстечкомъ Сморгони, при Минской почтовой дорогѣ, на лугу лежитъ камень длиною пять аршинъ, шириною четыре. Далѣе, за Сморгонями, есть камень еще больше этого, длиною восемь, шириною 6 аршинъ, отъ котораго вблизи находящееся мѣстечко получило названіе *Камня*. Первый изъ этихъ камней, чрезвычайно высокій, служитъ работникамъ оградю отъ вѣтра и зноя во время отдыха; а о послѣднемъ сохранилось преданіе, что будто бы, въ прежнее время, ежели кто положилъ на немъ два злотыхъ (30 коп. серебр.), то, возвратясь домой, найдетъ повѣшенные сапоги, неизвѣстно откуда явившіеся. Въ городѣ Вильнѣ, за предмѣстьемъ Снипишки, по правой рукѣ Вилькомирской дороги, за домами, на полѣ лежитъ нѣсколько камней. Простой народъ увѣряетъ, что, во время оно, какіе-то новобрачные на этомъ мѣстѣ пировали свадьбу неприличнымъ образомъ, пьянствуя, богохульствуя и проч. За это Господь Богъ наказалъ ихъ, превративъ въ эти камни. Въ Вилейскомъ уѣздѣ, въ лѣсу имѣнія Клесинъ, помѣщика Коверскаго, находятся три окаменѣлости, изъ которыхъ двѣ похожи на воловъ, а одна на человѣка. Народъ увѣряетъ, что это пахарь съ двумя волами, превращенные въ камни, за то, что пахарь обрабатывалъ землю въ праздникъ Глѣба и Бориса (24 іюля). (*)

(*) Понятіе о наказаніи, за разныя преступленія, превращеніемъ въ камни широко распространено въ Литвѣ и въ западной Руси. Въ Слуцкомъ уѣздѣ, въ 14-ти верстахъ отъ Несвижа (князя Радзивилла), при фольваркѣ Лозовичи, лежатъ два камня необыкновенной величины и одинъ высокій камень, стоящій въ видѣ статуи, дѣйствительно, немного похожій на человѣческую фигуру. Лежащіе камни тоже были два вола, а стоящая фигура — пахарь, рѣшившійся пахать землю въ первый день Свѣтло-Христово Воскресенія, превращенный за это, вмѣстѣ съ волами.

Слѣдуя изъ Вилейки къ первой почтовой станціи Костеневичи, по Дисненскому тракту, не доѣзжая до мѣстечка Рѣчки, по правую сторону, указываютъ небольшую долину, про которую существуетъ слѣдующее преданіе. Здѣсь, давнымъ-давно, стояла церковь. Во время обѣдни пріѣхали, уже хмѣльные, женихъ съ невѣстою, и, вмѣсто-того, чтобы ожидать минуты бракосочетанія въ церкви, слушая обѣдню, они стали пьянствовать передъ церковью, на паперти, и предались неистовой оргіи. Когда кончилось богослуженіе и народъ вышелъ изъ церкви, женихъ и невѣста приблизились къ наюю; но вдругъ ударилъ громъ, церковь рухнула, земля вздрогнула, отверзла пасть свою и поглотила новобрачныхъ, со всѣми участниками ихъ сумасбродной оргіи.

Подобныя же преданія встрѣчаются въ разныхъ мѣстахъ здѣшняго края, съ небольшими измѣненіями. Слѣдуя изъ мѣстечка Рѣчекъ въ фольварокъ Орпы, при самой дорогѣ видно небольшое озеро. На этомъ мѣстѣ стояла корчма, въ которую, однажды, сошелся народъ на пирушку, въ то время, когда слѣдовало идти ко всенощной, передъ Свѣтлымъ Воскресеньемъ. И здѣсь земля разверзлась и поглотила корчму со всѣми преступными. Такое же озеро находится при дорогѣ изъ м. Долгинова въ фольварокъ Микулинъ. Глубина этого озера необыкновенная. Народъ увѣряетъ, что никогда еще не достали дна его, опуская камни, привязанные къ длиннымъ веревкамъ. Иногда только камень этотъ ударяется о что-то твердое, а потомъ опять тонетъ въ глубинѣ. Преданіе говоритъ, что здѣсь стоялъ костѣль, провалившійся сквозь землю, а на томъ мѣстѣ образовалось озеро, камни же ударяются о башни костѣла. Многіе пригорки на берегу Вилии величаютъ *чортовыми*. Происхожденіе одного изъ нихъ слѣдующее. Чортъ, разсердясь за что-то на рѣку Вилию, хотѣлъ ее засыпать и для этого несъ большой мѣшокъ съ землею, какъ вдругъ занѣлъ пѣтухъ: чортъ бросилъ мѣшокъ съ землею и бѣжалъ, а на томъ мѣстѣ образовался пригорокъ.

Каждая почти деревня имѣетъ преданіе о своемъ основаніи. Для примѣра расскажемъ преданіе объ основаніи деревни

въ камни. Въ Гродненскомъ уѣздѣ, на правомъ берегу рѣки Котры, вблизи Бершть, находится большой камень съ *чортовой ступенью*.

Цѣрешки, находящейся при дорогѣ отъ почтовой станціи Косцѣневичъ до Кривичъ и принадлежащей помѣщику Коверскому. На этомъ мѣстѣ, давнымъ-давно, былъ непроходимый лѣсъ, прорѣзанный рѣкою Сервечемъ (плыветъ изъ озера того же названія, въ 7 верстахъ отъ м. Ситца, впадаетъ въ Вилію, въ Костыкахъ). Въ лѣсу жильцовъ не было; дикій звѣрь безнаказанно здѣсь господствовалъ и вводилъ ужасъ на окрестныхъ жителей. Вдругъ узнаютъ они, что въ лѣсу явился смѣльчакъ и сталъ теревить лѣсъ, очистилъ себѣ полянку, построилъ избушку, развелъ садикъ, былъ звѣрей, стрѣлялъ дичь и одинъ-одинешенекъ зажилъ на славу. Собразивъ дѣло, крестьяне сочли его *знахаремъ*, т.-е. человекомъ, обладающимъ нечистою силою. Никто не зналъ ни рода, ни племени его; со встрѣчными онъ говорилъ привѣтливо, какимъ-то ломанымъ языкомъ и объявилъ, что его зовутъ *Цѣрешкой*. Сначала всѣ чуждались и боялись знахаря-нелюдима, но когда замѣтили, что онъ одинъ изъ первыхъ является въ храмъ Божій, а выйдя изъ храма, спрашиваетъ, нѣтъ ли больныхъ въ деревнѣ, да, молясь Богу, вымечилъ нѣсколько человекъ, привыкли къ нему, стали уважать его, просить совѣта; а совѣтъ-то всегда былъ умный и полезный. Немного прошло времени со дня переселенія *Цѣрешки*, а онъ уже успѣлъ пріобрѣсть большое вліяніе на всѣхъ окрестныхъ жителей. *Цѣрешка* сталъ ихъ лекаремъ, миротворцемъ, совѣтникомъ, предсказателемъ погоды, урожая, руководителемъ во всѣхъ работахъ. Между-тѣмъ, нѣкоторые крестьяне обидѣли, у тѣхъ хижины сгорѣли, у тѣхъ послѣдняя скотина издохла и изба разрушилась. *Цѣрешка* пригласилъ ихъ въ свою усадьбу, пріютилъ, пособилъ, вмѣстѣ съ ними расчистилъ лѣсъ, построилъ хаты, и вотъ образовалась деревушка, жители которой слушались и любили *Цѣрешку*, какъ отца роднаго. Да и какъ было не любить его, когда онъ всякому пособлялъ, мирилъ ссорящихся, присматривалъ за работами, ничего для себя не требуя? Господь Богъ благословлялъ его труды: гдѣ градъ выбилъ поля, гдѣ болѣзнь на скотѣ, гдѣ горячки поглощали людей, а у *Цѣрешки* все благополучно. Народъ сталъ толпами собираться къ *Цѣрешкѣ* и просить пріюта. Такимъ-образомъ, въ непродолжительномъ времени образовалось большое селеніе; а слава о достаточной жизни его жителей, о ми-

рѣ и любви, у нихъ господствующихъ, о трудолюбіи, воздержности разнеслась далеко. Селеніе назвали, отъ имени основателя, *Цѣрешки*. Такое общее благоденствіе продолжалось нѣсколько десятковъ лѣтъ. Многіе изъ переселившихся уже состарѣлись и поумерли; а Цѣрешко, по-прежнему, былъ бодръ и веселъ. Народъ сталъ уже было думать, что онъ безсмертенъ; но пришелъ конецъ и для Цѣрешки. Предчувствуя близкую кончину, Цѣрешка, нисколько не измѣнившійся въ наружности и, повидимому, совершенно здоровый, созвалъ всѣхъ крестьянъ изъ своего селенія, объявилъ имъ, что умереть черезъ три дня, роздалъ все, что только имѣлъ, бѣднѣйшимъ, оставя себѣ только три небольшіе ломтя хлѣба да кувшинъ съ водою, потомъ всѣхъ расцѣловалъ, со всѣми простился, заперся въ своей избѣ и передъ Распятіемъ Спасителя палъ на колѣни. Облагодѣтельствоваанные имъ крестьяне были поражены этимъ несчастіемъ. Три дня они не отходили отъ избы Цѣрешки, наконецъ на четвертый, утромъ, выломали дверь, вошли въ избу и видятъ, что Цѣрешка все еще стоитъ на колѣняхъ передъ Распятіемъ, руки сложены накрестъ, уста сомкнуты улыбкой невиннаго, неподвижный взоръ устремленъ на Спасителя. Въ Цѣрешкѣ ужъ не было никакихъ признаковъ жизни. Это несчастіе повергло всѣхъ въ ужасное отчаяніе. Когда пришли въ себя, стали придумывать, какъ бы почтить память почившаго, и рѣшили похоронить его на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ скончался. На похороны собрались жители изъ всѣхъ окрестныхъ мѣстъ — разобрали его хату, вырыли яму, похоронили, а надъ гробомъ соорудили часовню и поставили въ ней Распятіе, передъ которымъ умеръ Цѣрешко. Вокругъ часовни устроилось потомъ кладбище, гдѣ почивали переселенцы Цѣрешки. Деревня существуетъ и нынѣ подъ этимъ названіемъ. Часовни давно уже нѣтъ; но старики помнятъ еще кресты на кладбищѣ, перенесенномъ въ другое мѣсто; а память Цѣрешки передается изъ рода въ родъ.

Курганы. Цѣлая Виленская губернія усѣяна множествомъ кургановъ, разбросанныхъ въ разныхъ мѣстахъ. Войны Литовцевъ съ Крестonosцами, Меченосцами, Татарами, Шведами оставили здѣсь много памятниковъ. Курганы Виленской губерніи можно раздѣлить на три рода: 1) могилы предъ-христіанскіе, 2) военные курганы и 3) жертвенные. Первые Ли-

товцы насыпали надъ прахомъ умершихъ, вторые составляли укрѣпленіе, или же означали могилы лавшихъ на полѣ брани, или наконецъ служили для указанія дороги. Ихъ сыпаль болѣею частію непріатель, для того, чтобы означить мѣсто для возврата. Жертвенные принадлежатъ къ временамъ языческимъ: на нихъ приносили жертвы разнымъ богамъ. Жертвенные отличаются отъ прочихъ вышиною и плоскостью на вершинѣ; они всегда стоятъ поодиночкѣ на мѣстахъ возвышенныхъ. Точно также, при боевыхъ курганахъ, всегда одинъ въ сторонѣ, возвышеннѣе прочихъ, на видномъ мѣстѣ, полагать можно, сторожевой, чтобы легче замѣтить приближеніе непріателя.

Виленской и Трокскій уѣзды испрегрены курганами, болѣею частію могильными. Судя по находимымъ въ нихъ предметамъ, болѣшую часть слѣдуетъ отнести къ временамъ набѣговъ Крестоносцевъ, безпрестанно тревожившихъ Литву съ XII до XIV столѣтія, т.-е. до 1410 года, когда мужественный Витовтъ окончателно низвергъ могущество рыцарей. Такіе курганы преимущественно по берегу Нѣмана, въ Трокскомъ уѣздѣ, и отчасти въ литовскихъ приходахъ Лидскаго уѣзда.

Въ Ошмянскомъ уѣздѣ, вблизи проселочныхъ дорогъ изъ Ошмяны въ Ольшаны и Боруны, разсѣяно множество кургановъ по 2, 5, до 10; а вблизи деревни Монтуцишки, гр. Чапскаго, по тракту изъ Ошмянъ въ Крєвъ, находится ихъ болѣе пятидесяти. Эти курганы безспорно боевые, ибо имѣютъ форму укрѣпленій и, притомъ, двѣ большія горы, имѣющія въ окружности 500 шаговъ, съ признакомъ глубокаго вокругъ рва, наполненнаго водою. Горы эти весьма явственно созданы рукою чєловѣка и, вѣроятно, служили главными укрѣпленіями. Въ этомъ уѣздѣ весьма замѣчательны еще курганы въ Оберновскомъ приходѣ, при трактѣ, называемомъ Русскимъ, вблизи деревни *Копаче* (*). Здѣсь въ 1433 году произошло кровавое

(*) Русскій трактъ шелъ изъ Вильны чрезъ Мѣдники, Ошмяну до Крєва, отсюда чрезъ Лоскъ, Городзиковъ, Копаче, Бѣликовичовскій Гродецъ, Заставъ въ Миискъ; отсюда шли два тракта: одинъ чрезъ Несвяжъ и Пинскъ въ Луцкъ, а другой чрезъ Игумень, Рогачель и Рѣичу въ Кієвъ; съ лѣвой же стороны отъ д. Копаче, чрезъ Груздовъ, Молодечно-Долгиновъ, въ Полоцкъ.

сраженіе между войсками, низвергнутого Ягайлой съ литовскаго престола Свидригайлы, состоящими изъ державшихся его стороны Литовцевъ и Русиновъ, *Меченосцевъ* и отряда, присланнаго князьями Тверскими, подъ начальствомъ Петра Монтыгердовича, съ войсками в. кв. Сигизмунда Кейстутовича, подъ начальствомъ сына его, князя Михаила Сигизмундовича. Здѣсь рать Свидригайлы была совершенно разбита. Поле, на которомъ разбросаны эти курганы, народъ до сихъ поръ называетъ *Красная уволока*, сохранивъ, преданіе, что, послѣ кровопролитнаго сраженія, какой-то заблудшій рыцарь спасенъ былъ крестьяниномъ отъ неминуемой смерти. Рыцарь при этомъ далъ обѣтъ, что, ежели будетъ спасенъ отъ смерти, построить церковь и поставить въ ней икону Божіей Матери, висѣвшую у него на груди. Преданіе вполнѣ оправдывается, ибо одинъ изъ военачальниковъ Сигизмунда, Андрей Саковичъ, намѣстникъ смоленскій, дѣйствительно, въ этомъ же 1433 году основалъ церковь въ Груздовѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ спасенъ отъ неминуемой смерти (*).

Въ Вилейскомъ уѣздѣ, въ 10 верстахъ отъ м. Курженецъ, въ лѣсу, при дорогѣ въ имѣніи Губы, существуетъ до сихъ поръ цѣлая древняя, земляная крѣпость. Она состоитъ изъ величественнаго городища, которое простой народъ называетъ *Замковой горой*, окруженное глубокимъ рвомъ и валомъ; окружность его 200 шаговъ, высота вала 10 аршинъ; вершину составляетъ плоскость, имѣющая въ ширину и длину 50 шаговъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, по правую сторону, на видномъ мѣстѣ стоитъ высокій курганъ, полагать слѣдуетъ, сторожевой, а черезъ дорогу, насупротивъ этого кургана и городища, расположены, на протяженіи полуверсты, въ линію, 83 кургана, по два, по три и по четыре въ рядъ, почти всѣ одинаковой величины. Выборъ мѣста и самое устройство вала и расположеніе кургановъ доказываютъ нѣкоторыя повятія стратегии и планъ защиты обдуманнѣйшій. Позади кургановъ плыла рѣка Пѣля, нѣкогда судоходная; нынѣ замѣтно только русло ея, и въ немъ иногда еще попадаются полуистлѣвшія части ладей. За сторожевымъ курганомъ начиналась непроходи-

---

(*) Родовое имѣніе этого Саковича, Лешно, и нынѣ принадлежатъ роду Саковичей, владѣющему имъ слишкомъ четыре столѣтія.

мая пуща, извѣстная подѣ именемъ Губской. Полагать можно, что городище служило главнымъ фортификаціоннымъ пунктомъ; а на курганахъ, вѣроятно, расположенъ былъ отрядъ, защищаемый сзади рѣкою, а съ правой стороны пущею. Къ какой эпохѣ принадлежатъ эти укрѣпленія, съ точностію опредѣлить трудно, но, кажется, что къ временамъ Витовта, ибо въ 10 верстахъ отсюда, на рѣкѣ Узлѣ (впадающей въ Нарочь), есть мостъ, до сихъ поръ сохранившій названіе *Витовтоваго*. Отъ этого моста начинается рядъ могильныхъ кургановъ, числомъ болѣе 100. Нѣкоторые изъ этихъ кургановъ были мною разрыты: въ нихъ найдены человѣческія кости, необыкновенной величины, желѣзныя кольца отъ упряжи лошади, а вблизи кургановъ вырыта старинная алебарда, длиною 7 вершковъ 2 дюйма, шириною 5 вершковъ; рукоятка ея 6 вершковъ 2 дюйма. Недалеко отъ этого мѣста, на полѣ имѣнія Каесута, вилейскаго предводителя дворянства М. И. Тукалло, вблизи деревни Малмыги, тоже множество песчаныхъ кургановъ, до половины развѣянныхъ вѣтромъ, а въ нихъ множество человѣческихъ костей, такъ-что стѣдуетъ только немножко порыть курганъ, чтобы оттуда посыпались во множествѣ черепы и другія кости, въ безпорядкѣ набросанныя. На одномъ изъ такихъ кургановъ, или, лучше, возвышенностей—ибо форма его совершенно исчезла, но можно судить, что онъ занималъ значительное пространство—найдено мною болѣе 100 плоскихъ, тесамыхъ, разной величины камней, какіе обыкновенно магометане ставятъ на могилахъ. Объ этихъ курганахъ сохранилось слѣдующее преданіе. Татары напали на эту страну и производили страшныя опустошенія: жгли села, грабили храмы, неистовствовали надъ женами, дѣтьми и старцами. Кто могъ изъ жителей, бѣжалъ и скрывался въ лѣсу. Татары стали ихъ вызывать разными христіанскими именами, крича, что Татары уже бѣжали. Поддавшіеся обману гибли въ ужасныхъ мукахъ. Опустошая все огнемъ и мечемъ, Татары приблизились къ берегамъ Вилии, къ деревнѣ Малмыги. На противоположномъ берегу рѣки стоялъ другой значительный отрядъ Татаръ. Господь Богъ ниспослалъ на нихъ слѣпоту, въ наказаніе за неистовство и поруганіе храмовъ Божіихъ. Они не узнали своихъ, вообразили, что это Русины, и стали истреблять другъ друга, до послѣдняго. Изъ тѣхъ ихъ обра-

зовались и нынѣ существующіе курганы. Самое названіе деревни, *Малмыга*, несомнѣнно татарское. Надгробные магометанскіе камни, а также преданіе о существовавшей вблизи мечети убѣждаютъ, что здѣсь было татарское поселеніе, — но какъ и когда, опредѣлить трудно.

Въ Дисненскомъ уѣздѣ, въ разныхъ мѣстахъ, множество кургановъ. Особенно примѣчательны въ двухъ верстахъ за станціею Заборы, при озерѣ вблизи корчмы Короваки.

Въ Лидскомъ уѣздѣ, вблизи имѣнія Шавръ знаменитаго историка Литвы Э. Е. Нарбутта, въ разныхъ мѣстахъ разсѣяны курганы, по два и по три. Здѣсь я тоже дѣлалъ поиски и находилъ въ курганахъ человѣческіе черепы, кости, разные кольца отъ упряжи лошади и серпы, думаю, жертвенные, потому-что къ употребленію они никогда не могли быть голвыми. Величина ихъ въ лукѣ не болѣе 10 дюймовъ. Длина рукоятки 13 дюймовъ. Подобнымъ образомъ, въ Свенцянскомъ уѣздѣ, на полѣ имѣнія Швинты, гдѣ разбросано множество кургановъ, находилъ я цѣлые лошадиные остовы, разные части конской сбруи, такіе же, какъ въ Лидскомъ уѣздѣ, серпы и множество пепла, между которымъ попадались не дождевныя человѣческія косточки.

Вообще въ курганахъ Виленской губерніи были находимы слѣдующіе предметы: урны изъ глины, иногда простые горшки съ пепломъ, смѣшаннымъ съ пескомъ, слезницы изъ стекла, янтая и глины — въ нѣкоторыхъ, особенно янтарныхъ, до сихъ поръ сохранились слезы — каменные молоты, бронзовые сѣкиры и топоры, стрѣлы, дротики, пращи, бронзовые широкіе поясы; разные женскіе уборы: булавки, съ длинными цѣпочками изъ бронзы, ожерелья, запястья, кольца, браслеты шейные, бронзовые, иногда серебряные и весьма рѣдко золотые уборы. Доказано, впрочемъ, что золото было въ употребленіи въ здѣшней странѣ съ XI столѣтія. Большая часть находимаго оружія сдѣлана изъ композиціи, въ составъ которой входили преимущественно желтая и красная мѣдь. Желѣзо попадаетъ весьма рѣдко, и имъ болѣею частію украшали рукоятки оружія, сдѣланныя изъ бронзы или композиціи.

Городыща. Примѣчательнѣйшія городыща въ Виленской губерніи слѣдующія: 1) Въ м. *Эйшишказъ*, въ Лидскомъ уѣз-

дѣ, занимающее въ объемѣ $2\frac{1}{2}$ морга (*), въ срединѣ котораго воздвигнуть въ послѣднее время телеграфъ. 2) Въ м. *Радунь*, тоже въ Лидскомъ уѣздѣ. Эти два городища принадлежать къ древнѣйшимъ въ здѣшней странѣ. 3) Въ томъ же уѣздѣ, на Шейбакъ-полѣ, близъ имѣнія Костеневъ. Здѣсь въ 1243 г. одержана славная побѣда княземъ Эрдзивиломъ надъ татарскими полчищами подъ начальствомъ Шейбака. На городищѣ деревенское кладбище. 4) На полѣ имѣнія Парадовщижа, въ 7 верстахъ отъ почтовой станціи Красное (въ сторону отъ большой дороги изъ Вильны въ Минскъ), въ Вилейскомъ уѣздѣ. 5) За мѣстечкомъ рѣчки, въ томъ же уѣздѣ, въ лѣсу, окруженное двумя валами, изъ которыхъ второй составленъ изъ большихъ тесаныхъ камней. 6) Въ Ошмянскомъ уѣздѣ, вблизи деревни Коробъ, ѣдучи изъ Ошмянъ въ Ольшаны, на 16 верстѣ. 7) Въ двухъ верстахъ отъ м. Ольшанъ — обширное городище, которое простой народъ величаетъ *Господнею славою*. 8) Вблизи деревни Монтудишки, въ лѣсу при дорогѣ изъ Ошмянъ въ Крево. 9) Въ одной верстѣ отъ деревни Щепановичъ — городище, называемое Жагіянскимъ. Вышина его 6 сажень. Вершина занимает $1\frac{1}{2}$ морга. 10) Въ м. Крево. 11) Въ м. Лоскъ. 12) Вблизи имѣнія Городилова, князя Оадея Пузиня, въ Ошмянскомъ уѣздѣ. Всѣ эти городища окружены рвами. Кромѣ этихъ весьма много пригорковъ, впрочемъ, искусственныхъ, большею частію покрытыхъ деревьями. Народъ называетъ ихъ городками, или городыщами.

Развалины замковъ. Подъ пнемъ замка мы понимаемъ болѣе и менѣе обширный, укрѣпленный дворецъ, обыкновенно на высокой горѣ построенный. Горы такія сохранили до сихъ поръ названіе замковыхъ; а бывшія на нихъ жилища и укрѣпленія вел. князей и другихъ знатныхъ лицъ всѣ въ развалинахъ.

Вотъ главнѣйшія развалины замковъ въ Виленской губерніи:

1. *Въ г. Вильнѣ.* Здѣсь были два замка: одинъ на высокой горѣ, на берегу рѣки Вилейки, и назывался *Верхнимъ замкомъ*, а другой внизу, у подошвы этой горы, и назывался *Нижнимъ*

(*) Въ одномъ моргѣ 1,863 квад. сажень.

зѣмокъ; оба зѣмка еоединялись между собою посредствомъ галлерей. Изъ верхняго зѣмка былъ потаенный подземный ходъ, или туннель, выходившій въ Турьи горы, на нынѣшнемъ предметъ Аптоколь. Виленскіе зѣмки основаны вел. княземъ Литвы и Руси Гедиминѣмъ въ 1322 году. Въ окружности Верхняго зѣмка былъ при Гедиминѣмъ языческій храмъ, обращенный при Ольгердѣ въ православную церковь, а при Ягайлѣ въ р.-кат. костѣль св. Мартина, развалины котораго донныя существуютъ. Нижній зѣмокъ, съ принадлежавшими къ нему разными строеніями, а также, во времена язычества, храмомъ Перкунаса, основаннымъ здѣсь Гермундомъ въ 1265 году, и жилищемъ верховнаго жреца, или Креве-Кревейты, окруженъ былъ каменною стѣною и назывался *Кривымъ Градомъ* (отъ Креве, т.-е. жилище верховнаго жреца, или отъ русскаго слова кривой). Виленскіе зѣмки были разрушены во время Юанна-Казимира, въ несчастную для Литвы войну съ Россіею (1655—1661 гг.), и болѣе не возстали. Нижній зѣмокъ разобранъ въ 1797 г. Въ Верхнемъ осталась только одна башня, изъ которой въ 1838 г. устроенъ телеграфъ съ деревянною пристройкою. Подъ развалинами костѣла св. Мартина найдено нѣсколько весьма важныхъ для мифологіи предметовъ.

2. *Въ Старыхъ Трокахъ*. Это одно изъ древнѣйшихъ поселеній въ здѣшней сторонѣ, извѣстное подъ названіемъ *Гургани*, гдѣ имѣли мѣстопробываніе удѣльные князья, изъ рода Довшпрунга. Въ XI столѣтіи войска кіевскаго князя взяли Гургани, построили укрѣпленный городъ и назвали Троки. Здѣсь жили намѣстники кіевскаго князя, для сбора дани отъ подвластныхъ народовъ. По вытѣсненіи Литовцами этихъ намѣстниковъ, старые Троки оставались литовскимъ укрѣпленіемъ, и здѣсь имѣли иногда свое пребываніе князья литовскіе. Въ началѣ XIV столѣтія, Гедиминъ перенесъ сюда свою столицу изъ Кернова, но не надолго, ибо зѣмокъ совершенно разрушенъ крестоносцами. Этимъ оканчивается исторія Старотрокскаго зѣмка. Нынѣ видно только мѣсто, гдѣ онъ существовалъ; но еще недавно находили здѣсь каменные ядра вѣсомъ до 30 фунтовъ.

3. *Въ Новыхъ Трокахъ*. Послѣ разрушенія зѣмка въ Трокахъ, в. кн. Гедиминъ основалъ два новые зѣмка, въ 3½ вер-

стахъ отъ прежняго : одинъ на берегу озера Гальва, а другой на островѣ того же озера, около 1320 года. Съ того времени, мѣсто это получило названіе Новыхъ Трокъ, а гдѣ прежде былъ замокъ, наименовано Старыми Троками. Здѣсь жилъ в. кн. Гедиминъ, до постройки Виленскихъ замковъ; здѣсь имѣлъ резиденцію храбрый князь Кейстутъ; здѣсь было любимое мѣстопробываніе знаменитаго сына его Витовта, здѣсь же скончавшагося. Трокскіе замки были разрушены и истреблены пожаромъ въ 1655 году; но и самыя развалины, сохранившіяся на островѣ, свидѣтельствуютъ о его величии и чистѣйшемъ готическомъ стилѣ XIV столѣтія. До сихъ поръ уцѣлѣли еще два яруса его и главная высокая башня, съ множествомъ круглыхъ отверстій, оконъ и крутою выщепюся лѣстницею. Сохранилась даже живопись на стѣнахъ. Кроме того, сохранились двѣ круглыя, величественныя башни, въ окнахъ которыхъ аршина два въ поперечникѣ. Третья башня полуразрушена и сравнялась съ каменнымъ валомъ, окружавшимъ замокъ (*). Отъ другаго замка уцѣлѣли еще двѣ башни, а между ними крутая гора, окруженная рвомъ, съ замѣтными слѣдами бывшихъ укрѣпленій.

4. *Въ Мѣдникахъ*, въ двадцати-восьми верстахъ отъ Вильны, по Ошмянскому тракту. Это была древняя лѣтняя резиденція князей литовскихъ. Здѣсь часто проживалъ в. князь Ольгердъ, съ своею супругою Іуліанією. Нынѣшнія развалины составляютъ четырехугольную каменную стѣну изъ кирпича и камней, длиною около 249 аршинъ, шириною 195, вышиною 16. Внутри пространная площадка. На сѣверо-восточномъ углу была четырехугольная трехэтажная башня, изъ которыхъ въ каждомъ могло быть по двѣ большія комнаты.

5. *Въ м. Крево*. Крево, въ 35 верстахъ отъ г. Ошмянъ, нѣкогда столица удѣльнаго княжества, было удѣломъ Ольгерда, который, а можетъ-быть еще Гедиминъ, основалъ здѣсь замокъ, развалины котораго видны доселѣ; онъ вышиною 20 аршинъ и занимаютъ въ протяженіи своемъ 150 шаговъ. Уцѣ-

---

(*) Извѣстный художникъ С. М. Воробьевъ, нынѣшнимъ лѣтомъ (1855), сдѣлалъ замѣчательный, превосходный видъ развалинъ Трокскаго замка на островѣ. Видъ этотъ нынѣ въ С.-Петербургѣ.

лѣли еще готическія окна въ трехъ этажахъ. Подъ башнею было подземелье, въ которомъ мученически умерщвленъ князь Кейстугъ.

6. *Въ г. Лидь.* Лидскій замокъ построенъ въ кн. Гедиминомъ въ 1326 г. Строителями были кievскіе каменщики и русскіе плѣнники изъ Волыни. Нынѣ существующія развалины состоятъ изъ четырехъ стѣнъ, изъ которыхъ каждая имѣетъ длины 32 сажени, толщины 2 сажени и высоты 5 саж. и 2 аршина; существуютъ еще двѣ высокія башни. Шведскія войска въ XVIII столѣтіи разрушили и разграбили Лидскій замокъ; но лидскіе старосты поддерживали его до 1794 года.

7. *Въ Керновъ.* Нынѣ казенное имѣніе, въ 35 верстахъ отъ Вильны. Керновъ былъ первою столицею князей литовскихъ и основанъ, по сказанію лѣтописцевъ, въ 1040 году, княземъ Кернусомъ, внукомъ Палемона. Отсюда въ 1230 г. Рингольтъ перенесъ свою столицу въ Новогрудокъ; но и послѣ того Миндовгъ, Воишелгъ и др. здѣсь восходили на престолъ; кромѣ того, во всѣхъ важныхъ случаяхъ, сюда собирались удѣльные князья, для совѣщаній. Гедиминъ жилъ болѣею частію тоже въ Керновѣ, пока не воздвигъ замковъ въ Трокахъ и Вильнѣ. Сюда бѣжалъ, съ своимъ неугасаемымъ *Зничель* и удѣлѣвшими идолами, послѣдній литовскій Кривъ-Кривейто, послѣ обращенія Литовцевъ въ р.-кат. вѣру и низверженія капищъ въ Вильнѣ. Нынѣ въ Керновѣ нѣтъ даже слѣдовъ бывшаго здѣсь замка. Замѣтны только три высокіе кургана на крутомъ берегу Вилии, съ явственными слѣдами бывшихъ укрѣпленій.

8. *Въ казенномъ имѣніи Дубичахъ,* въ Лидскомъ уѣздѣ. Здѣсь, на островѣ, омываемомъ озеромъ Пелюсой и рѣкою Котрой, находился замокъ, въ которомъ иногда пребывалъ знаменитый Витовтъ. Это доказывается двумя грамотами, подписанными имъ въ Дубичахъ 6 марта 1415 и 25 іюля 1421 годовъ. Витовтомъ ли, или еще и прежде, построенъ былъ этотъ замокъ, исторія молчитъ. Нынѣ вѣковые дубы покрываютъ островъ, и сквозь ихъ чащу едва можно разглядѣть слѣды укрѣпленій. Существуетъ еще входъ въ глубокое каменное подземелье.

9. *Въ м. Меречь,* въ Троцкомъ уѣздѣ, надъ Нѣманомъ. Полагаютъ, что замокъ и самое поселеніе основаны здѣсь еще

Норманнами. Достоверно, что онъ существовалъ во времена Витенеса. Замокъ былъ сильнымъ и важнымъ стратегическимъ пунктомъ противъ нападений рыцарей. Великіе князья литовскіе часто посѣщали Меречь для охоты. Здѣсь умеръ Владиславъ IV (1633 г.); здѣсь же прожилъ нѣкоторое время Петръ Великій въ 1707 году. Слѣды замка и укрѣпленій существуютъ только въ высокому и пространному курганѣ, окруженномъ валомъ, и въ остаткахъ чрезвычайно древняго кирпича. Нѣсколько лѣтъ тому, въ обрывѣ горъ найдено было нѣсколько каменныхъ ядеръ и особый снарядъ изъ желѣза и дубоваго дерева. Полагаютъ, что это была машина для метанія ядеръ.

10. *Въ с. Дубинкахъ*, въ 35 верстахъ отъ Вильны. Здѣсь укрѣпленный замокъ князей Радзивилловъ. Слѣды его замѣтны на высокой горѣ. Здѣсь жила нѣкоторое время Варвара, супруга Сигизмунда-Августа, урожденная Радзивиллъ, вдова воеводы Гастольда.

11. *Въ Геранонахъ*, въ 45 верстахъ отъ Ошмянъ. Здѣсь былъ сильный укрѣпленный замокъ славнаго въ Литвѣ рода Гастольдовъ. Развалины замка, имѣвшаго 4 высокія башни, существовали еще въ началѣ нынѣшняго вѣка до перваго этажа, но были разобраны, хотя еще и нынѣ довольно замѣтны, представляя возможность судить о расположеніи замка. Здѣсь провела лучшіе годы своей жизни прославленная литовская Марія Стюартъ, Варвара, когда была еще супругою трокскаго воеводы Гастольда.

12. *Въ Гольшанахъ*, въ 21 верстѣ отъ Ошмянъ. Здѣсь князь Гольша, сынъ Ромунда, князя литовскаго, а по мнѣнію другихъ — сынъ князь Трабуса, основалъ сильный укрѣпленный замокъ, развалины котораго существуютъ доселѣ.

Кромѣ-того, находится еще много мѣстъ, гдѣ существовали замки владѣтельныхъ князей и другихъ знатнѣйшихъ родовъ; но самыя развалины ихъ давно исчезли, — остались только слѣды въ насыпныхъ валахъ и рвахъ.

СЛОВАРЬ БѢЛОРУССКО-КРИВИЧАНСКАГО НАРѢЧІЯ ЖИТЕЛЕЙ
ВИЛЕНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

А.

- Абагнаць — обогнать.
Абутраць — (буквально) облутрѣть, появленіе утренней зари.
Адчиниць — отпереть.
Адгадуць — отгадать.
Алтуль — оттуда.
Аглянуцца — оглянуться.
Абжени — обгоны.
Ачкире уполѣ — восклицаніе при выгонѣ овецъ.
Ачуняць — выздоровѣть.
Адвѣрчиць — распоясаться.
Асѣвица — пастбище близъ дома.
Адгавѣце — отговѣть.
Аколаць — окружать.
Аколаюць — окружають.
Апрануцьца — одѣться.
Арабинечка — рабиночка.
Асѣтка — овнѣ.
Атрута — отрова.
Ажно — ну-ка.
Асьмаки — деньги.
Астрыжень — середина дерева.
Астрыжонокъ — бревно.
Атуткацца — окутаться.
Атарица — часть поля, принадлежащая работнику.
Азѣродъ — родъ гѣстницы для сушенія сноповъ.

Б.

- Бачиць — видѣть.
Бяздоля — бѣда.
Блинецъ — блинъ.
Блудзиць — блуждать — блудить.
Блакацьце — тоже.
Бондароўна — дочь бомдарчика.
Бордао — шибко.
Бахтуриць — набить кому-нибудь голову бреднями.
Балабаниць — назвать балабаномъ, родъ насмѣшки.
Балайбушка — родъ булочки.

Балазѣ — лишь бы только.
Блейка — игра, въ которой проигравшій долженъ бѣгать.
Бразнуць — бракнуть.
Броень — плѣсень.
Бусѣль — хитерь.
Брыда — пакостникъ.

В.

Ваконца, аконце — окошко.
Валошка — василекъ.
Вулька, улька — улочка.
Вятокъ — новолуніе.
Вутка, утка — утка
Вѣсники — ворота.
Выпалаць — очистить зерно.
Вырай — мѣсто, откуда птицы прилетаютъ.
Высалапиць — выказать, выставить, вытаращить.

Г (*).

Гадзіна — часъ.
Гадзіна — галь, змѣя.
Гай — роца.
Галинка — вѣтка.
Галусиць — гласить.
Гареци, гарецъ — горѣть.
Галець — бѣднѣть.
Галюмужа — растрепанъ.
Гараткица — горемыка.
Гараваць — заболѣть.
Гетта — это-то.
Гладышь — горшокъ на молоко.
Глудзя — смыслъ.
Гарѣлка — водка.
Гародъ, агародъ — огородъ, садъ.
Голачка — иголка.
Господаръ — хозяинъ.
Гудвиць — оговаривать.
Гукаць — разговаривать, клякать громко.

(*) Произносится какъ латинское Н.

Гусакъ — гусь.
Гусци — гудить.
Гудзиць — гудить, 3-е лице единствен. числа.
Годзѣ, годзы — довольно.
Грымнуць — упасть съ шумомъ.
Груба — отверстие въ печкѣ, куда кладутъ дрова.
Губица — основа на полотно.
Гутарка — разговоръ.
Гузырь — нижній ковецъ снопа.

Д.

Дамовѣрка — домоправительница.
Дамоу — дамой.
Далоу — долой.
Дзядзвина — тетка, жена дяди.
Дацѣць — недоѣсть. Дацѣваю — недоѣдаю.
Доржикъ — мѣсто, огороженное для скота.
Даубня — палка, неповоротливая дѣвка.
Драбѣсьціо — тяжелыя жерди на крышу подъ солому.
Дрымотня — мѣсто для склада дровъ.
Дубасъ — большой и тупой ножъ.
Дуля — родъ грушъ.
Дурецъ — дурманъ (зелье).
Дыра, дыда — высокій и неповоротливый.
Дырдиц-ца — издыхать, окопѣвать.
Дзякло — известная подать хлѣбомъ.
Дзѣлѣ — для; дзѣлѣ того, для того.
Дзѣркачъ — изношенная метла или вѣникъ. Также птица (gallus).
Дзѣруга — дзѣрушка.
Джина — известный танецъ у простолюдиновъ.
Джинжыки — корчемная музыка.

Ж.

Жебраваць — просить милостыни
Жеужикъ — бойкій мальчишъ.
Журиць — бранить.
Жлукто — бочка, въ которой возятъ бѣлье.
Жылаць, желаць — желать, требовать.
Жуйка, жвачка — у скота, пережевывающаго кормъ.

З.

Замуциць — смутить.
Захавайло — олухъ.
Згадзиц-ца — пригодится.
Згадзiўся — согласился.
Заглядуха — пригожая женщина.
Згибаць каравай — дѣлать каравай, свадебный куличъ.
Згибаць — сгибать.
Загнѣтъ — кучи горячихъ угольевъ.
Заблиць — клевать.
Звѣличаць — величать.
Запойка — обрученіе.
Звонъ, дзвонъ — колоколъ.
Завихаць-це-увихаць-це — вертѣться около чего-нибудь.
Завила — ауволя, кукушка.
Злыдки — невыгодныя сани.
Здѣкъ — посмѣшище. Здѣкваць-ца — насмѣхаться.
Зяблиць — орать на зиму. Зябль — поле, которое пашутъ
на зиму.

И.

Ици, испи — итти.
Искрыпачка, скрыпечка — скрыпка.

К.

Качалка — валикъ для катанія бѣлья.
Кузулька — насѣкомое, Божія коровка.
Коли — когда.
Казакъ — летучая мышь.
Каламажичка — телѣжка.
Клокъ — жизненная сила въ зернѣ.
Канопѣнь — конопля.
Каливо — зерно.
Клецъ — клѣтъ, амбаръ.
Кобальцы — ковры.
Киндзюкъ — брюшная полость.
Кольки — кольцо, сколько.
Коляды — праздники Рождества Христова.
Комель — толстый конецъ ствола.
Кашута — шелуха, на тѣлѣ послѣ осыпки.

Кышь, а кышь! восклицаніе, которымъ прогоняють куриць.
Коузац-це — скользнуть. Покаузуц-це — поскользнуться.
Кудаса — мятель.
Кудзирка — рошница.
Кукса — кулакъ.

Л.

Лабіолечка — лебеда.
Лажчичечка — лощина.
Лакцац-це — пугаться.
Легчи — лечь.
Логъ — долина.
Лостечки — лесть.
Луста — ломоть хлѣба.

М.

Маца — мать.
Махляръ — лжець.
Мандаваць — странствовать.
Магаричъ — головая плата слугамъ.
Маланка — молнія.
Мѣжи, мижи — между.
Маракаваць — роптать или повимать, постигать.
Маркачь — баранъ.
Мазепа (бранное слово).
Мизиперсница — осыпка между пальцами.
Мотузъ — крѣпко затянутый узелъ.
Мурогъ — лучшій сортъ сѣва.
Мурза — запачканный, ая, ое.

Н.

Набрыкаць — разбухнуть.
Наговцы — штаны.
Наметка — головной уборъ замужнихъ, преимущественно въ
Могилевской губерніи.
Нароги — желѣзные концы у сохи.
Нарокомъ — нарочно.
На залицъ — вывести изъ терпѣнія.
Нѣма гляда — ненаглядная.
Нѣвистны — слѣпой.
Нутка — ну же.

П

- Пачопка — коромысло.
Почипекъ — толстый мотокъ.
Пахинуц-ца — обратиться куда-нибудь.
Подлыжникъ — льстець.
Паходы — походы.
Падсусѣдъ — бобыль.
Подвѣредзиц-це — подорваться.
Пакраса — украшеніе (въ-особенности въ одеждѣ).
Палохац-ца — пугаться.
Пакациц-це — покатиться.
Палуйка — горсть истертаго льна.
Палогъ — роды.
Папаръ — поле, съ котораго собранъ хлѣбъ.
Пакида воли — освободить свою волю отъ чужой.
Патароча — чучело.
Пасадь — мѣсто, на которомъ сажаютъ невѣсту на свадьбѣ.
Поцѣсь — праслица.
Переймо — награда за найденную вещь.
Покуць — мѣсто въ избѣ противъ дверей.
Перексциць, перехрисциць — перекрестить.
Переполотъ — тоже, что авѣродъ.
Пласконный — конопляный.
Пошесць — Божеское наказаніе.
Паѣсь — поясъ.
Прочка — тайное бѣгство.
Пакуль — доколѣ.
Прынада — приманка.
Полудзень — обѣдъ и отдохновеніе въ полдень.
Пуга — короткій крестьянскій бычь.
Пустоградъ — ни къ чему неспособный.
Пыпаць — тупуць у птицъ.
Постацянка — первая жница.
Пыпницъ — дѣлать что нибудь лѣниво, небрежно.
Прецю — предъ, противъ.
Пѣрсціонекъ — колечко, перстень.
Приданка — та, которая отвозитъ приданое невѣсты въ домъ жениха.
Пригроза — угроза.
Пушокъ, пуховъ — хлѣбъ съ мякиной.

Р.

Рабушка — пестрая.

Рахманы — спокойный.

Раскиданъ — разбросанный.

Радзіога, радзіошка — что-нибудь истертое, такъ-что нитки видны.

Разлучница — та, которая ссорить любовниковъ.

Рагатаць — слишкожъ громко смѣяться.

Роўня — равный.

Ражка — деревянный ковшъ.

Разбазырець — избаловаться, развратиться.

Разлабары — длинные разговоры.

Резъ — часть поля.

Рѣдини — сѣтка, въ которой пояснять въ коровныхъ сѣно или солому.

Ровора — борозла.

Рубѣль — шесть, которымъ придавливаютъ на возу сѣно или снопы.

Ручайка — пряжа на веретенѣ.

Рупиць, рупиц-ца — кручиниться, заботиться. Рупливъ — заботливый.

Рынуць — ринуться.

С.

Сцюдзіоный — холодный.

Сакаталь — кричать, кудахтать.

Сядзіолечко — сѣло.

Саладуха — кушанье изъ ржаного солода.

Скамлица — скамейка.

Слизко — скользко.

Слусиць — солгать.

Стоупъ — столбъ.

Спибло — стебель.

Судзвиночка — деревянная посуда.

Сціобаць — сѣчь.

Сядрево — холодновато.

Сіорбаць — хлѣбать.

Скалянуць — сболтать, смутить.

Сваньха — сваха.

Скуль — откуда.

Слимазарникъ — розивя.
Смага — сухость въ устахъ отъ жара.
Спогаць, спогодиць — состраданіе снисхожденіе.
Спрахисѣ — пропасть, издохнуть.
Стопка — малая изба.
Суница — земляника.

Т.

Тахляваць — мотать, расточать.
Таки — а все-таки.
Трасца — лихорадка.
Трыгубица — трехсторонная сѣтка для ловли птицъ.
Тупица — тупой топоръ.
Тузаць — тузить.

Ц.

Цѣрамачекъ — теремъ.
Цихѣнь, цихинь — небольшой громъ.
Циховаць — примѣчать.
Цѣкаць — рубить или толочь.
Ціунъ — тіунъ, волостной начальникъ.
Цкаваць — травить собаками.
Цмянь, цмяны — темноватый.
Цымбуръ — стебель у зелья.

Ч.

Чарпень — черепокъ разбитого горшка.
Чубайка — хохоль.
Чутно — слышно.
Чешуйка — полоса нитокъ на клубкѣ.
Чурац-це — стыдиться.
Чужепанецъ — крестьянинъ другого владѣльца.

Ш.

Шаперъ — шатеръ.
Шабуньки — шутки.
Шеры — сѣрый
Шауковы — шелковый.
Шерхнуць — вѣроятно отъ *шороха*. *Али шерхнѣ* — не тро-

нется со страха. *Скурмерхть* отъ страха кожа — дражить.
Шерхи сохою — тронь сохою.

Шейлуга — старая замученная лошадь.

Шуло — выдолбленный столбъ, въ которомъ закладываютъ бревны.

Швеля — бревно, брусъ.

Шипшина — шиповникъ.

Щ.

Щекотать — щебетать.

У.

Ухапичъ — схватить, украсть

Усп-ца — вьется.

Улѣтку — лѣтомъ.

Узлиць — дѣлать.

Учкуръ — шнурокъ около поясицы.

Удубѣць — отвердѣть.

Упыниць — воздержать. Упынь — унять

Услонъ — скамейка.

Усматку — невысохшій, недосушенный.

Ъ.

Ъвабы — шелковый.

Я.

Ятрузка — невѣста, жена брата.

Пѣсни жителей Виленской губернии, кривичанскаго племени.

1.

Ой надъ гаемъ зѣлюенкимъ
Ой эдау-сь маѣ сонъ даіуеньки, —
Кажу копи закладаци,
Ъду брата алаѣлаци —
Падъ вароты падъѣзжаю
Чую брата говорници:

Знимай жонка хлѣбъ, соль съ стала
Вазѣ сестра мая родна
Знаю бѣа, да голодна.
Жонка мужа не слухала
Хлѣба, соли не знимала;
Сестра тоіа якъ учула,
Назадъ кони завернула.
Мужъ на женку насварыуса,
Вышеу, сѣстрѣ да-й склануса —
Сѣстражъ мая родпенькая —
Прошу цѣбѣ абѣлаци —
Да-й и шѣнѣ адѣлаци —
Я абѣлу не хаѣла.
Цѣбѣ братка поглелѣла
Есть у меня хлѣбъ, соль у возѣ
Будзѣ абѣла у дорозѣ
Кажу копюмъ зброкъ даши,
Сама сяду абѣлаци,
Табѣжъ братку повѣло-сѣ,
А маѣ горо припелосѣ.
Якъ я дѣтки нагадую
Свайго гора пазабуду.

2.

Да поѣзиши павянку женицисѣ,
Нѣ стау коника подѣ калиною
Бо калина дѣрево нѣшастливое
Весною калину дѣѣука лощицѣ —
У осѣнѣ калину пташки зоблець
Пастау коника надѣ яворомъ.
Яворъ дѣрево шастливое
У яворнымъ комле чорныя бабри
У яворы у сѣредзинѣ райскѣ шполки,
У яворы у вѣрху сильныя сакалы,
Чорныя бобрики, добрыя набодники;
Райскіе шполки, солодокъ мѣдокъ;
Сивныя соколы да на гуляніѣ.

3.

Лещѣу воронѣ по надѣ моремъ
И стау галасици:
Ой якъ цяжко убогому,
Багату любичи!
Багатая нѣ, думаѣ,
Што бѣдливѣнныи пудзыць,

Багатая да думаѣ :

Якъ дѣвикою гудзиць

Палавша лѣтъ минаѣ

Я шася незнаю ;

Якъ же о мнѣ Боу пшезначиу

Што чиници маю ;

Хожу, блуджу, хожу, блуджу,

Якъ то словцо укрузаѣ

Куда пайду, чи што робляу

Усїо серце у тузаѣ.

Ходжу блуджу, ходжу, блуджу,

Вѣкъ свой прокланяю

Што полюбїу багатую

Да ее не маю.

Лѣтїу воронъ по валъ морешъ

Да стїу іонъ на сосїѣ ;

О мой же ты Пракпечку

Нѣбудзѣ такъ нулоснѣ.

Есць же у васъ Пракседулька

Молода хоць бѣва ;

Пакинь любиць багатую,

Палюби Пракседку.

Багатая, да пышная

Цѣбѣ глумиць будзѣ :

А бѣдна Пракседулька

Цѣбѣ любиць будзѣ.

4.

Ой наштож мнѣ сваого милаго гудзиць,

Кали іонъ мѣѣ малолу, да неравнѣько будзиць !

Да самъ идзѣ на токѣ малацїиць,

А мнѣ маладзѣвнкой вѣлиць лѣчи, запачиць,

Ой самъ идзѣ, да у полѣ гарацї

А мнѣ маладзѣвнкой вѣлиць исци гуляцї !

Ой иду я, иду гуляцї,

Кронїць-це маїо серцевоко на часцї

Ой маѣ сусѣдечки и пїюць я гуляюць,

А мнѣ адну бездошную, адну аколаюць,

Ой выду я на улечку, рассыпаны карты,

Ой гдзѣж маѣ дзѣвоцкїѣ падзѣлї-сѣ жарты ?

Ой выду я на улечку, рассыпану сунїцы,

Ой гдзѣ ж маѣ дзѣвоцкїѣ падзѣлїсѣ вѣчернїцы !

Ой выду я на улечку, рассыпаны дули ;

Ой гдзѣ ж маѣ дзѣвоцкїѣ падзѣлїсѣ чули ?

Ой выду я на улечку, рассыпаны вишнї

Ой гдзѣ ж маѣ дзѣвоцкїѣ падзѣлїсѣ мысли ?

Ой выду я на улечку, раскиданы дрова;
Ой бѣдна жъ я маладзѣнька сѣджу якъ ўдова!
Ой крутая бѣрозецька, што нааъ гаеъ зросла;
Нѣщасная вѣдзѣленька, штолая за мужъ пошла!
Ой крутая бѣрозецька воду замуцילה;
Нѣщасная галэмненька за мужъ пакруцила.

5.

Служыў Ясь Ваўводаў —
Выслужыў Касцьвнку, малоду жонечку.
Кася листы писала и до Яся посылала
Тыла Ясю до дому, збудуй нову камору,
Штобъ я мѣла глазъ лѣжаць, свой дзѣтки гадаваць.
Прыѣхаў Ясь да дому, правадзяць Касю да гробу! —
Ой покажиць касю мяѣ, погляжу, чы неживѣ!
Прышоў Ясь да сѣвей: лежиць Кася на досцѣ
Малы сынъ у колысцѣ, — люлю, люлю, сыну мой!
Нашто цѣбѣ Боў стварыў што ты Касю замарыў!
Сестра тоѣ учула, да на Яся скрыкнула,
Ой не кльни ты іого: тобѣ жонка заразь будзѣць —
Ему матки нѣбудзѣць!
Табѣ жонка у вивочку, ему матка у пасочку!

6.

Развивай-сѣ сѣры дубѣ —
Заразь марозъ булѣць,
Прыбирай-сѣ сыну у панцырь,
Заразь паходъ будзѣць!
Я марозу не баюсѣ,
Заразь разбѣрусѣ,
И паходу не баюсѣ
Заразь прыбѣрусѣ.
Ой сѣў собѣ на конька.
Низенко склавнѣсѣ!
Выбачайцѣ вы сусѣдкы,
Може на сварыўсѣ!
Матка у іого запытала
Каді булѣзѣшь госцѣмъ?
Якъ у сѣняхъ на паносцѣ
Травница выросцѣ!
Расла трава, расла трава
Стала пасыхацѣ
Ждала, ждала матка сына
Дай стала плакацѣ!
Покрапляйцѣ дзерженку

Штобы не пылыла;
Да скажиць моей матцѣ
Штобы не тужыла.
Ой лепыла завулечка
Да-й сказала «куку» —
Чекай жывіць, мая матка,
Чекай хоць до вѣку!

7.

Съ подь лѣсу, съ подь цѣмнаго,
Съ подь кусточка зеленого,
Вылетаѣ птушечка-райская
Выносиць письмо панскоѣ,
На крыделку напісанноѣ
Якъ бы намъ тую птушечку поймаць
Якъ бы намъ тоіо письмо перачытаць?
Поймала тую пташечку матуля,
Три сыны родзенькіе маючы
Якъ прачытала, то заплакала
Каторому да шастіо даць:
Да чы старшому, да чы малодшому
Да чы Грыгорьку, сѣрадолюшому
Той же бѣзенькі и харошенькі
Ѣна яго спалабѣць,
Будзѣ шастлівы и гаслашлівы
Да на цѣлумъ сѣцѣ;
Што спалабала, да и узѣла
Панѣвкі зъ Украіны!
Ой прыбѣрай-сѣ Грыгорько сынку, —
Щасліу ты будзѣшць!
Ѣдзѣ на Украіну, у шасліву гадзінку
Тамъ вѣць каратацѣ будзѣшць.
Есть же тамъ панкі, што цѣбѣ возьмѣць,
За мужа и за пана!
Памѣнтау сынку на сваю дружынку
Камі сѣбѣ шасціо спадкае
Штобъ не забыўсѣ и наўчыўсѣ
Якъ Бога знаць, и гаравані на землі.

8.

Зѣліная бѣрозенька, чому бѣла не зѣлена?
Якъ же мѣ быць зѣліной, при дарозѣ стоючы?
Да што дзѣнь купцы Ѣдуць,
На кареніяхъ огнѣ владуць,
Цѣравъ галіи дымы ідуць

Карентійко падцалываючы ,
Красна дзівенька чэму смутна нѣ вѣсѣла ?
Якъ мнѣ вѣсёлой быць , што лень госьцѣйкі.
Што суботы , то свецѣйкі
Што вѣдзѣлю маршалечкі
Зѣлёное вино возѣць
Мнѣ маладзѣйкое прасѣць :
Красная дзѣвѣнька , чы павѣдзѣшь ты зѣ нами
Зѣ маладымі сватамі ?
Рада бѣ я паѣхаци , жаль пакинуци .
Ойцоваго падворенка , матчынаго прыбранѣйка
Дзѣвочкаго гуляйѣйкі.

9.

Ой за лѣсомъ , лѣсомъ , за бѣлымі бѣрозамъ
Анѣ мѣсяцъ свѣциць , а нѣ слонцо граѣ.
Тамъ малолдзѣйцѣ коніка сѣлаѣ
Коніка сѣлаѣ , цяженько узлытаѣ
Узнѣ Каралоўну , на нѣ сваю раўну .
На дваре ходзіць ключыкамі звоніць .
Ухатку увойдзѣ , уся дружина устанѣ
И шапки анімаѣ : сяць сяць каралоўна
Зѣ нами хлопаѣ ; пій , пій каралоўна
Піѣць , водку зѣ нами . Чаравічкомъ тупнѣ
Адступісѣ глушнѣ !
Чаравічкомъ бразнѣ , адступісѣ блазнѣ !

10.

Сивы салавѣйко , чымъ ты не спѣваешъ
Чы ты салавѣйко голосу немаешъ ?
Патраціў я голосъ на зѣлёнымъ гаѣ ,
На зѣлёнымъ гаю , на цыхомъ Дунаю
Чэму ты малады , чэму нѣ гуляешъ ?
Чы ты малады шасця доли пемаешъ .
Патраціў я долю вѣразъ свое волю ,
У новай карчомце на горкай гореце .
Цѣперъ же мнѣ вѣкуды павѣрнуцѣце
Усё маѣ сѣло у Боруха , наводце ;
Тутъ маѣ конікі , тутъ маѣ воликі !
Тутъ мая адзѣжка , тутъ мая рошыкі .

11.

Сивы голубочку сѣдзі на дубочку ,
Выклипала матка сына сѣ корчмы ладомочку

Ой хадзи мой сынку съ карчмы да дядому
Забираюць арендары усю твою худобу
Я самъ тою бачу, што худобу трачу
За дробными слоюзунками я сѣту не бачу.

12.

Ой у поли подь вишенкаю
Тамъ казачокъ забитый лежыць
Налъ нимъ коникъ вараны станиць
Капыцьникомъ землю стѣць
Свайму пану' вады дастаць
Табъ коню вады не дастаць
А ниѣ маладому аль земли неустаць.
Бѣжи коню да новаго двора
Выйдзѣ да цѣбѣ старая жапа
Старая жапа, то матка мая
Будзѣ у цѣбѣ сынка пытаци;
Не кажи коню што забить лѣжу
Да скажи коню што аженнуѣсь.
Штожъ у него за сваты были?
Были у ѣго сваты зѣлюны дубы.
Штожъ у его коню за музыка была?
Быу у ѣго музыка зѣлюный яворь.
Штожъ у него коню за сванька была?
Была у него сванька чырвона калынка.
Штожъ у няго коню за дружки былл?
Были у ѣго дружки бѣлы бѣрозки.
Штожъ у его коню за млада была?
Была у его млада, арабнѣчка
У чистомъ полѣ да магилѣчка.

13.

Ой чемужъ то панъ Хамицки той часъ неженуѣсь
Якъ у лѣсѣ на аресѣ голубъ урадуѣсь!
Ой чемужъ ты Бондароуна у той часъ замужъ нешла
Якъ у млышѣ на камени пшепичунка узышла?
У мѣстечку Цѣрастечку камаида стаяла
Тамъ же Бондароуна усю почку неспала
Гаварили Бондароуна да добрыѣ людаѣ
Уцѣнай-ты Бондароуна лихо табѣ будзѣ
О якъ скочыць Бондароуна мѣжами лугами
А за нею панъ Хамицки съ своими слугами.
А якъ дагнау Бондароуна у полѣ пагчинецки
Такъ и хопіу Бондароуна за бѣлы рученьки
А привіоу же Бондароуна да своей свѣтлиценьки

Послазіу же Бондароу на бѣломъ креселку.
А казау же Бондароуи пѣсенку спѣвати
А самъ папоу панъ Хамицкій стрѣльбу забивати
А ци лепій Бондароуи у сыромъ пѣску гници
Якъ за мною за Хамицкимъ у атласъ ходати?
Ой лѣпій панъ Хамицки у сыромъ пѣску гници
Якъ за паномъ за Хамицкимъ у атласъ ходати
Ой якъ выщю Бондароу подъ лѣвое ухо,
Засталася Бондароуда и слѣпа и глуха
Ой казау же панъ Хамицки адъ ранку да ранку
Быкапаци Бондароуи глыбокую ямку
Ой казау же Бондароуи у три дни хаваци
Да нѣхайжѣ поплачец-це ее бацько, маци
Ой прошоу же ее бацько и спляснуу руками,
Отожѣ табѣ пришло лихо съ твоими думками.

14.

Паѣхау Ясѣнько на вайну.
Паминуу Касѣньку адеу
Заѣхау Ясѣнько къ цѣсци начавачъ
Стала цѣсци пасцѣль бѣлу слаць
Устау Ясенько раненько
Умыу-сѣ близнько;
Што я табѣ цѣсца, за лань скажу:
Предъ мѣни варатами яблыня цѣбла
И цѣтъ атрусла.
Я табѣ зяцю адгау:
Твая Касѣнька сына павила
Бѣлому свѣту, — сама пошѣрла
Служки маѣ вѣрѣнкіѣ
Закладайтѣ кони вараѣнкіѣ
Паѣлѣмъ да свайго двара.
Нашей Каси за свѣтъ нѣма. —
Падѣждаю подъ гай, гай-нѣшумиць
Падѣждаю подъ садъ, садъ нѣвѣліонъ
Падѣждаю подъ дворъ, дворъ нѣвѣсіонъ
Скачю Янко да пѣкарни
У пѣкарни мамки да няньки
Да ужо майго сыночка виньчаць и калышучѣ
Скачю Ясѣнько да свѣтлицы
У свѣтлицы панны у черни
Мая Касѣнька лѣжиць у бѣли
Служка маѣ вѣрѣнкіѣ
Поѣлѣмъ да Гайбона
А кушмъ три китайки:
Адна китайка червоная

А другая з'явілася
А третя чорная
Чирона китайка, то жана мая
З'явіла паходы ея;
А чорная жалоба мая.
Цяжко камбю на валзв плываці
Такъ майму сыначку безъ маці расці.

15.

Бѣдна мая гадовенка
Што чужая старошенька.
Бѣдна, бѣдна нещастная,
Мнѣ доля неспазнала
Якъ рекруціка лажіла
Назадъ ручки повязали
Резвы ножи акавали
У п'язѣлю наравенько
Выбрацьцѣ фурманенькы
Да да двора пасылацьцѣ
Да рекруціка саждацьцѣ
Самі сядуць на залочку
Мнѣ сядзьяць у передочку
И коніка паганяцьцѣ
Рекруціка разважачуцьцѣ
Цыць рекруцьцѣ нѣ журысь
Еще млоды нѣ сгодзяшсь
Вѣаучь мнѣ у городачкѣ
Угарлодець у Наваградкѣ
Садзьяць мѣна на столечкѣ
Голець маю головеньку :
Піваемъ, міодемъ напаяли
Цырагамі накармілі
У камбюныцы снэць лажілі.
Дазь (ложись) рекруцьцѣ нѣресыпайсь
Да да муштру прыбѣрайсь
Ліогъ (легъ) рекруцьцѣ не переспайсь-сь
Да да муштру не прыбраў-ся
Прыхлѣсь я къ яблыньцѣ
Мнѣ яблына нѣ матуля
З'явілася нѣ родная
Прыхлѣю-сь да явору
Да мнѣ яворъ нѣ ойченко
З'явіоненькы пѣ родненькы
И безъ маткі, и безъ ойца
Блукаюся якъ аўіца

Безъ сѣстры, безъ брата —
Я бѣды сирота.

16.

Зажурю-сь ясны сокалочекъ
Што въ рано съ выраю вылѣтаѣ
Нѣгдаѣ съспи гнѣдаѣ звисци
Сяду паду, у вишнёвомъ саду
Саюю (совью) гнѣзечко зъ зѣлёнаго древа
За гарою свѣги рѣчки стали;
Усѣ салдагы у паходѣ выступали
У агародаѣ ацвитага рожа;
Пазнала матка сына у паходаѣ.
Вѣримсѣ сынку да дому
Змыю табѣ бѣло галоуку.
Змывай маці себѣ иѣ мнѣ.
У полю дажде дробныя
Змыюць же мнѣ дажде дробныя
А высушаць вѣтры буйныя.
Веримсѣ сынку да дому
Пасцѣлю табѣ бѣлу пасцѣльку
Сцѣли маці сабѣ не мнѣ
Ой у поли трава шалковая
Для солдата пасцѣль готовая
Ѣдлояя шишечка.
Сылацка падушечка
Кленовымъ листочкомъ апану-сѣ,
Съ своимъ товарищемъ высилюся.

17.

У тамтой віосцѣ (деревиѣ), вѣцѣрь вѣе
А у той віосцѣ цихо;
У нашей віосцѣ добра няма
А у сусѣдской лихо
У нашихъ войтоу, аканомоу,
Ѣдвабныѣ хустки (шелковыя платки)
У гдѣ была гаспалары
То усіо хаты нустки
У вѣдзѣлю ранюстѣнько
У два званы звоняць
А насѣ войты, аканомы
На панцизну гоняць.
Якъ за старымъ было паномъ
Лѣтко на работу;
У вѣсь тылаѣш (вѣдзѣля) сѣдзи дома

Шарварка у суботу.
Цѣпѣрь за маладынь панюнь.
Цяжко на работы
Увѣсь тыдзѣнь на панцизанѣ
Шарварка у суботу.

18.

Щигликъ нѣ вѣлики грамаду собираѣ,
Самъ нѣхочѣ адзинѣ жицѣ, жаници—сѣ маѣ
Узяў сабѣ пцицу, бараву снисицу
Красную, ясную веребѣя сѣстрыцу
Паслаў арла, паслаў арла усю птаство збираци
А ароль напаў гуси, давай жардаваци (мучить, обдирать)
Два сингиры, два сингиры шпака (скаворца) спаймали
А вароны за той часъ каравай сгибали
Два каплуны, два каплуны солодь малацмили
Карапатава и сѣ цѣпѣро да млына насили
Бацянѣ (авестъ) вѣлѣ, бацянѣ мѣлѣ, акрукъ (воронъ) засынаѣ.
А вѣробчакъ добры хлопчыкъ муку збираѣ
Пѣрепюлка, перепюлка хату замѣтаѣ
Сава сѣдзиць на покуци, сѣ коса паглядаѣ,
Сѣдзиць дзѣркачъ на парозѣ, сѣдзиць на парозѣ
Пугачъ, пугачъ упиўсисѣ лѣжыць на марозѣ
А сарочки якъ придапки скачуць каля лаўки;
Бѣдна наша головицька, нѣмаецъ приганки
А чаѣчка сѣ куличкомъ на вѣсѣли играѣ,
А куликъ чайку узяў за чубайку
Чайка кигичѣ, сгинь ты куличе!
А заюля (кужушка) вазницца харошая птица
Залатыя крыла маѣ, такъ гучно лѣтаѣ,
А чмѣль мiodу даѣ в госци примаѣ.

19.

Да пайду я каля гаю, выганю сакала сѣ гаю,
Нѣ сакала выгнали, алѣ свайго ойченька. —
Ойченько мой родиньки, ружовы клѣцѣ
Пабывай у мѣнѣ хоцѣ разъ у лѣцѣ.
Дзѣцятко маю дарогою
Якъ мнѣ у цѣбѣ пабываецъ
У лѣтку за пяскамі, зимою за снѣгамі
А вѣсною за вадою
У лѣтку у карецѣ, а зимою вѣ вазочку
А вѣсною у чаўночку

20.

Патлициѣ-сѣ лозы адъ дуба да берозы
Кабѣ мнѣ было видно да ойченка майго;
Лосеньки схиляли-сѣ (наклонились) да хмарки (тучи) явилисѣ.
Паки мнѣ нѣвидно да ойченка майго;
Такимъ мнѣ нѣ видѣнько да ойченка
Майго радѣньнаго.

21.

Пара жонки ламой ници, пацѣкала зара ключи
Каза пастапи идучи а въ мѣсяцѣмъ гуляючи
А съ соушнѣнками гуляючи
А узойдзицѣ ясне зорки, азнайдзицѣ ключи лавонки
Пара змилю адшыкаци, вара расу выпускаци
А первую лѣдавую, а другую мадавую;
Лядавая свикратковаа, мадавая таткавая
Лядавая кааа плоту, мадавая кааа стала
Лядовую каааомъ прабию, мадовую съ людзми шапию.

22.

А при крайчаку, при дунайчаку
Самъ два брацятка акупали-ся
А купалися, размаулялися
А мижы нхъ чужезѣмчакъ быу
Чужеземчика загубиць хочущъ
А дзинъ кажець загубимъ яго
А други кажець папытаем-ся
Чы юсць у яго а родъ плямѣнѣ
А родъ плямѣня, ацѣць, мамечка
Ацѣць мамечка, братъ и съ сестрою
Братъ и сестрою, жани съ дѣтками
Цихи Дунаю, то мой татенька
Сырая земля, то matka мая
Улузи салавѣй, то мой брацятка
У бару зязюли, то сестра мая
Бѣла бярозка, то жана мая
У бярозки розги, то дѣтки маѣ,
Цихи Дунаю умывай маѣ!
Сырая земля, прикапай маѣ
Улузи салавѣй, пацабѣць на маѣ!
У бару зязюла пакукай на маѣ!
Бѣла бяроза пашуми на маѣ
У бярозки розки наживайця сѣ!

23.

У лузі салавѣй калинку клявѣць
Лихая свякроўка нявѣсту журыць.
Шлещь яѣ маладую ва Дунай на ваду
На маю бяздолгѣ патухъ на пѣяў
Патухъ вѣ пѣяў, гусакъ не крычаў
Только адзвѣтъ заучаща за гарою выѣць
Плакала малада къ Дунаю идучи
А зачуў милѣньки кони пасучи
Нѣ бось милая, я кони пасу.
Я кони пасу в вады прынасу
Черпаў милѣньки вюдры поўневьки
Нѣси милѣньки памалюстьнюку
Пастаў милѣньки у сѣняхъ на лаўцѣ
Нѣ кажи милѣнни а сваей матцѣ
Вотъ табѣ свякроўка зѣ Дунаю вада
Умойся, напійся съ поўнаго вѣдра
Яжъ цабѣ нявѣстка ни вады слеза,
Яжъ цабѣ нявѣстка свѣту збаўляла.

24.

На дорога пива півая
Ды дорога наслідзѣнника
Муская пагуляника
Муская гаспадарская
А у бѣсядѣзъ людзи добрые
Гукаюць яны мускоѣ :
А будзѣмъ мы пива верыць
А будзѣмъ мы сыноў жаниць
А будзѣмъ мы гарѣлку гнаць
А будзѣмъ мы лачокъ лавачъ.

25.

Чырваная калиначка
У вѣліоной лугъ схилилася
Я малада сжурилася
Што адъ роду адбилася
Ай адъ рода адъ радочку
Цяжка жыли цяжка быци
У чужой землѣ маладзица
Ей пайду я гуляючи
Сваей доли шукаючи,
Адвѣкнися мая доля

На томъ боку сны моря
А приплыли мая доля
А къ крутому бѣрабочку. 3.
А къ липовому кусточку. 2.
А напишишь на листочку
Мыжь напишишь на листочку
Ды и пашлюмъ да радочку
Нѣхай радна причитаѣ
Назадъ писма адсылаѣ.

26.

А паѣхаў сынъ Данила на войну ваѣваць.
А пакинуў Кацярыну у своемъ домѣ дамаваць,
Маці яго старая къ ваму листы писала:
А вѣрнисѣ жъ сынъ Давилушка дамоў.
А ужо тваіа Кацярына свою волю паніла
Міоды тваѣ салодкіѣ павыцелывала,
Сукніѣ тваѣ дэрагіѣ пазавашавала
Коня тваѣ стаѣшыне пазавѣжжавала
Грашы тваѣ вѣлікіѣ парассоравала
А вярнуўся сынъ Давилушка дамоў.
Ажно яго Кацярына вапярэйма вышла,
Сынка яго малѣнкаго на рукахъ вынісла
А хваціў сынъ Данила ваструсѣнькі мѣчы
А зняў Кацярыне галовачку съ плѣчы.
Якъ пашоў сынъ Данила да шафы сваей,
А у шафѣ яго сукні у цѣлосці вѣспѣ;
Якъ нашелъ сынъ Данила да клѣци сваей,
А у клѣци яго мяды назапѣсѣвали;
Якъ пашоў сынъ Данила да свѣтлицы свѣтѣй,
А у свѣтлицы двѣ сестрыцы дробныя сліозкі ліюць;
Якъ пашоў сынъ Данила да пѣварни сваей,
А у пѣварни Кацярына безъ голівочки лежыць
Нѣдалѣко Кацярына дамавѣрка стаяць;
Якъ пашоў сынъ Данила да палацу свайго —
А у палацы старая маці ла у креслѣ сядзіць
Сынка яго малѣнкаго на рукахъ дзѣржыць.
Ой маці, маці: увѣсь грехъ на цябѣ.
Пѣршы грехъ, што я моладъ аўлавіў
Другой грехъ, што мой сынъ сиротѣ,
Третья грехъ, што Кацярыны шина!

27.

О жила, была жидоўка удоўка,
Была у нѣ дочка Хайначка

Дочка Хайначка люблю я цаба
Павѣ Зиланкевич пайду за цабѣ
Ня їдзье же ка мнѣ у нлдзѣлю рава
Прїѣдзье жа ка мнѣ у суботу понав
Кали мая мамнїчка да школы пайдзѣ
Прїѣдзье жа ка мнѣ у трохъ вазочкахъ
У алномъ вазочку скрынки парынки
А ў другомъ вазочку сребро и злото.
А ў третимъ вазочку, тамъ мы съ табою.
Узлѣу я Хайначку падъ бѣлы плечки.
Кинѣу Хайначку у глубокую рѣчку,
Вотъ табѣ Хайнечка вада и блото
А мнѣ малодому сребро и злото.
Вотъ табѣ Хайнечка жыцця зъ вадом
А мнѣ аженнїцця и зъ малодой.

28.

Макъ заліоны макъ чарвоны съ паўпачи цвїцнїць
Тамъ за гарой тамъ за другой мянѣ татка кличнїць.
Мянѣ родный кличнїць.
Я нѣ пайду, да души (родъ божбы) нї пайду
Дали-Богъ нї пайду.
Ночка ціомна рѣчка быстра, кладка не моцена
(повторяется тоже при всякой строфѣ, съ перемѣною только
выраженїй: мянѣ матка кличнїць, мянѣ брацѣ кличнїць, мянѣ
сѣстра кличнїць. Напоследокъ мянѣ милый кличнїць)
Ночка видна, рѣчка цїха, кладка моцена.

29.

Засвнїцѣла у гародзѣ макоўка
Забалѣла Марыси галоўка
Захацѣла заморскаго зѣла.
Кому їхаць за морѣ по зѣла?
Таму їхаць кому рукадзѣла
Татку їхаць за морѣ па зѣла
Татка кажнїць я конїка нї маю
Татка кажнїць я и зѣла нї знаю.
Завнїцѣла угародзѣ макоўка (и проч., какъ выше).
Брату їхаць за мора по зѣла (и проч.).
Завнїцѣла у гародзѣ макоўка (и проч.).
Ясю їхаць за морѣ па зѣла
А Ясь кажнїць я и канїка маю
А Ясь кажнїць я и зѣла знаю.
Адзїнъ конїкъ поля пѣраїхаць
Други конїкъ мара пѣраїхаць

Трещіи коникъ да зъяла дѣвѣца.

А стау Ясь зъяла капаца

Стали валъ нимъ пушки шебитаци:

Нѣ капай Ясюиньку зъяла

Ужо у Марыси другоѣ вясѣла

А вѣзь Ясю лугомъ, бѣрегомъ

А станъ Ясю у полю валъ шатромъ :

Будзѣшь видзѣць, якъ Марыси сваты паѣдуць.

Пазволь, пазволь Марысинька на дворъ

Нѣ пазволю Ясюленько пѣрши

Ѣсць у меня другой милѣйшій

Пазволь, пазволь Марысинька у хату

Нѣ пазволю (и проч., какъ выше)

Пазволь, пазволь Марысинька за столъ

Нѣ пазволю (и проч.)

Пазволь, пазволь Марысинька танчиць!

Нѣ пазволю (и проч.)

Узлѣ Ясь Марысю за лѣвую ручку

У правой ручкѣ шабельку тримаецъ ;

Сплѣ (отрубилъ) Ясь Марыси галоуку роуно съ плечѣ

Вотъ Марыси за морскоѣ зъяла

Вотъ Марыси другое вясѣла

Вотъ Марыси Ясюленьки пѣрушы

Ѣсць же у меня другіе милѣйшы.

30.

Да што у полі за дымы дымяць?

Да што у полі за огни горяць?

Турецки царъ съ войны вѣдиць.

И зачула Марысенька

Да зачула яго душечка.

Татуличка а мой родинки!

Замкаи мянѣ на триста замкоу

Съ стиста замкоу да хоць у тры—

Камѣняками пазаваливай

Калоудвиками позакачивай.

Челомъ, челомъ да Ивановичъ

Вывидзъ свою да дачушечку

Вывидзъ свою да Марысѣчку!

Инавъ того нѣ убѣушися

Вынуу сваго да челдинцу.

Турецкій царъ да съ каня далоу

Трыста замкоу да паздымау

Колодзійки да пазакладывау

Камѣвники да пазакачивалъ

Челомъ, челомъ да Марысинька

Челомъ, челомъ моя душечка
Сядай са мной да на коника
А мой коникъ варавенькый
Каламажичка малаваиньская
Аглобачки вылащаныѣ

Вдзѣмъ полѣ, вдзѣмъ другоѣ

На трепіе уѣждаемъ мы
Пастой да пастой турецкій царь!
Адаай маю да Марысиныку
Адаай маю да дачушнику
Марысенька маю душечка
Ай варниса да адкависѣ
Сѣ атцомъ, маткой папрашай-сѣ!

31.

А да дымно у поля дымно
За чымъ яно дымно?
Тамъ ѣхали Татарыны.
Вали себѣ Вальмечку
Да красную панѣнечку
Маладзѣвнскую Юлечку
Да за тѣй погонь говиць
Яѣ родный тятенька
Яно дзица разушное
Назадъ аглянулося
Пастой татко нѣ ганисѣ
А назадъ варниса
Я сама къ табѣ буду
Зѣ маладзѣвнкимъ зяцьмъ
Зѣ бялюсенькимъ сыремъ
Зѣ малюсенькимъ сыномъ.

32.

А на моры, на моры, ваціомненькомъ азіоры,
Дуброўка, ты дуброўка ты зяліоная мая
Пясаръ гусей гавяиць и ускрыпочку играйць
Дуброўка (и пр, какъ выше, послѣ каждого стиха).
Да скажиць пэнениць што у чырвоной сукеиць
Няхай за мужъ вядзѣѣ, вяхай мянѣ падажджѣ
Я ѣсть пясаръ маладый, къ тому еще богаты
Дзѣвѣць кони у аборы, ѣще стольшой у поли.
А дзѣсяты вичаты што повѣаць у святы
Матка кашей карѣня зѣ полѣ бѣлаго малѣва
А вымый же на рацѣ, а упарѣ его у малацѣ
А вымыйць на ляду а усмажѣ у яладу.

Вище корень не квітну, уже писарь прилітну :
Що, що цябь привісло? чи чаюччикъ чи вясло?
Приніось мене сивий конь, да дзвучини маладой!

33.

Туманъ, туманъ, туманъ, туманъ на далинѣ.
Широкий листъ на келянѣ на калинѣ.
Шырей того, шырей того на дубочку
Кличецъ голубъ голубочку, голубочку
Хоць нѣсваго хоць нѣсваго да чужую
Пастой мила пацалую пацалую.
На чтожь тоя, на чтожь тоя цалаванья
Серцу туги задаванья задаванья?
Нѣ задавай нѣ задавай сердцу туги.
Ня возмежь ты, возмець други, возме други.
Пастой дзвѣка пастой дзвѣка не журыся
Я вѣще молодъ ня жениўся, ня жениўся
А якъ буду а якъ буду жавицися
Прашу и бѣва напицися, напицися
Прашу дзѣва дзѣвицися, дзѣвицися.
Тваіо и пѣва, тваіо и пѣва мѣѣ ня мида
Тваіо и дзѣва, мѣѣ не дзѣва, мѣѣ не дзѣва.
Только дзѣва якъ мы съ табой гаварили
Твоя моця чагайвица, твоя ціотка разлучница разлучница
Разлучила разлучила насъ съ табою
Якъ рыбачку и зъ валою и зъ валою
Гарыць агонь, гарыць агонь за валою
Я и не вижу за бялою, за бядою.
Гарыць агонь, гарыць агонь за лѣсами
Я не вижу за слѣзми, за слѣзми.

34.

Паѣхаў сыночекъ ажъ на Украину
Туды паѣхаў не зменіўшиць ;
Адтуль пріѣхаў ажэвиўшися
Ой вышла маця ихъ пераймаця
Сына витала чырвонымъ виномъ
А навѣсту бѣлой атрутой (отравы),
Сынъ вина выпіў на кана узліў
Бялую атруту навѣста выпилэ
Ня умѣла маця насъ пераймаця
Умѣй же маця насъ пахаваця.
Сына убрала у тонкую кытайку,
А навѣсту у тоўстую рагожу
Сына ввела шесцьми канями

А навѣсту слабой кабылой
Сынъ хавала шпираль касцюломъ
А навѣсту ажъ за касцюломъ.
На сына магилъ выросъ зворъ зилоны
А на навѣтки бѣлая бяроза
А расли, расли, да и нахинулись
У нѣста вѣршочки яраслись

35.

Каюсъ млада, а нѣ па малу
И што млада за мужъ пашла
Живу я голокъ живу я другой
У мамки не бываю
Абарнуса я шерой зязюлой
И палечу у мамкинь садъ
Сяду у мамкинымъ саду
На бѣлой лялиі ,
Якъ закукую якъ защабячу
Жалоснымъ галасочкомъ
Чы не пачуѣ мая мамѣвѣка
Подъ аконцемъ сядзя
Якъ вышеу старши бранецъ
Зъ новаго цѣрема
Кали зязюля кали шерая ,
Лаци у шырые бары ,
Кали сясстрыца, кали родная
Хадзи на нѣ у госци.
Ахъ добра табѣ мой брацѣтка
Гдзѣ радзіўся тамъ и жыць ;
А я маладзѣнька ў чужой странѣ
Цяжынька нѣѣ жыць.
Чужая страна туюю (тоскою) арана
Сліозни засѣяна :
Сва страна сошкою арана
Пшовкою засѣяна.

36.

Никому такъ нѣ тошненько, якъ нѣѣ маладзѣ
Асталасѣ адъ радзіны , якъ листъ на вадзѣ ,
Якъ выйдужъ я за вароты, зяліона трава ,
Якъ выйдужъ я за другія, чужа старана
Якъ выйдужъ я за треція, вишніовеньки садъ
А у садъ пашло дзѣ дарожки, мнимо садъ адна
А у садъ пашло дзѣ сясстрыцы, мнимо садъ адна
Вы сясстрыны вы радныѣ галубки нѣѣ

Будзѣ-цѣжъ вы шипаць вышня , шипицѣжъ и мнѣ
Пойдзѣцѣ жъ вы къ айцу къ матцѣ ясяцѣ и мнѣ
Палажцѣ на талерцѣ , кладзѣцѣ и мнѣ
Будзѣ цѣ и вы гуляць , спамяныцѣ мянѣ
Ахъ якъ наша бяздольница ў чужой старанѣ
Да чы живѣць чы гаруцѣ , бяду бядуцѣ?
Сызлицѣ сабѣ надъ аконцомъ якъ на рожы цвѣтъ
Выплакала сваѣ очки наволѣвъ ей свѣтъ.

37.

У чистомъ поли надъ бѣлой бярозкой
Бѣлы маладзѣцѣ сачыбочку коснѣ.
Пакасиўши караваточку сцѣлицѣ
А наславши спатычкі кладзѣцѣ-цѣ
Якъ настрѣли буйныѣ вѣтры
И забили малойца у караваци
Нѣ-каму па нимъ кукаваца
Ай нѣкаму па нимъ шебѣтаци !
Прыляцѣли тры зязюлькі зъ бору
Прыляцѣли тры шарынкѣхъ зъ бору
Явы стали па нимъ кукаваца
Явы стали па нимъ шебѣтаци
Адна сѣла у малейца у галоўце
Другая у малейца на серцу
А трэцяя у бѣлыхъ ножкахъ яго
А якъ стали па нимъ кукаваца
А якъ стали па нимъ шабѣтаци
Якъ родныѣ маткі по лѣцѣаци
Што у галоўцѣ то яго матулька
Што на серцу , то яго жанухна
Што у ножкахъ , то яго сястрыца
Матка плачыць адъ вѣку да вѣку
Сѣстра плачыць адъ году да году
Жана плачыць адъ абѣду да абѣду
Па абѣдаши пашла у салочыкъ
Звила сабѣ на галоўку вяночекъ.

38.

Зашумѣла лѣнечка позва а поўночы
Затужыўся бѣль малойчыкъ на вайну млучы
Затужыўся занудзіўся и стаў павираца
Ахъ вы браця чужы панцы учыницѣ волю
Привѣдаце мнѣ коніка да зъ усю вброю.
Якъ я сяду , я паѣду . ажъ на войнѣ стану
Заржы , заржы сивы коню , хопъ разъ пала мною

Какъ зачула мая матка у маѣ старонѣ.
Якъ зачула, уздыкнула, сльзна заплакала
Кабъ я была зязюлечка ожъ бы палицѣла
    Помѣръ помѣръ быу малойчикъ у видзѣлю рано
Палажили малойчица у святницы на лауцѣ
Пахавали малойчика у трауцѣ мурауцѣ
Прялицѣла зязюлечка ды сказала: «куку»!
Падай падай мой сыночекъ хоць правую руку
Ай радъ бы я мая маці, абѣдзѣь падаци.
Сыра земля, жоуты пѣсокъ вѣвозмога миѣ устаци
Ляцѣу пугухъ цѣразъ рѣчку. крыкнуу кукуреку;
На видзѣла матка сына на видзиць да вѣку.

39.

Жана на новыхъ сѣняхъ ходзиць
Свайго милаго просиць :
Начуй, начуй милы, хоць адпу ночь у минѣ
Начазаубы я и тры
Ужъ маѣ кони запражены
Ужъ маѣ служечки засѣдзѣлась
    Якъ выйду я на вуличку
Усѣ мужи зѣ пайвы ѣдуць
Майго ни чуваць ни видаць
Майго милаго толькы коникъ бѣжиць.
На томъ конику сядзюлечка ляжыць
На сядзюлечку хустачка вѣвабная.
    Ѣхали каля законка, у кинули у законка
Якъ думала хустку ядвабную
Ажъ кашуличку кравую.
А зѣ вялкими пригрозами :
Кабъ безъ вады вымыта была
Безъ вѣтру высушына
Безъ качалокъ слизка выкачана.
    Я молода догадлива была :
Слюзкама была вымыта
Уздыкаючы цажка высушила
Ручки любючы слизка выкачала.

40.

Ахъ у лузѣ калинушка,
А у бару станць сосна ;
Глзѣ я пайду пахляюся
Усё на мамъ сердцу тошна.
Луги маѣ зѣлюныя
Да усё иѣ камевыѣ ;

Поля мой широкой
Да усю нъ араной :
Валы маѣ паланый
Ѣще нъ пѣвыи,
Кони маѣ вараныи
Ѣще нъ пасаныи

Пайду я къ сѣйму татку на парадку (на советъ)
Парадъ, парадъ татуленку якъ миѣ гарапанъ
Якъ миѣ дѣткѣ надхаванъ ?
Гаруй сынку гаруй родны !
Будуць поля па араныѣ
Будуць дуги накошенныѣ
Будуць валы паланые ўсѣ покормленныѣ
Будуць кони вароныѣ ўсѣ напоеныѣ,
Будуць тваѣ дѣтки подкованыѣ.

43.

(Да милыхъ мушчыкоў).

Да и якъ вамъ памагу
Пѣсеньку спѣваю
Дай якъ мнѣ ваши ўаросъ
При бацьку и маці
И миѣ Боу на сѣбѣ дау
Горо гороваці ;
Штобъ дѣшисъ я васъ любіу,
И ўмѣу спагадаці
Ой штожъ вы вапѣли тутъ
Да якога дзана ?
Шкада, што на голасъ вашъ
Сторонка дремлива
Алѣ якъ пшечхнец-па сѣ сва
Гѣта дабрэдзѣйка
Пеўно будаѣць слушаць васъ
Лѣпшъ якъ саловѣйка
Будаѣмъ колісь такъ и мы
Якъ тыѣ гараці
Што павъ дау имъ ѣсць и пиць
Ѣшь и граши брали
Треба тылько слушаць нашъ
Рады того татка
Што-то казау гараванъ
Какъ аджила хатка
Тольки мусиць той сывокъ
Нѣпнѣу якъ мы водни;
А тобъ ѣму велѣу іомъ
Кинь и мідѣ салодки

Ой гарушы братцы мы
Киньми горку жлопль (пятье, въ пре-
зрительномъ видѣ)
Што нѣ въ жыта гоняць ужо,
Ааъ аўса картофель
Киньцѣ пѣршы жонки вы
Милыя дзѣўчаты;
Доля шасця зачѣй жыць
Газѣ цѣброва хата
Благаславиць будзѣ Боу
У каморы аборы,
И нѣ будзѣ такі людѣ
Бѣзсильны янѣ творы
Ой кабъ калісь намѣ дажиць
Да такой направи;
Тобѣ запѣў бы съ вами я
Што намѣ Боу ласкавы.

По способу изложенія и нѣкоторымъ выраженіямъ этой пѣсни, видно, что она принадлежитъ уже къ новѣйшимъ произведеніямъ мѣстной, но уже не народной поэзіи. Стопосложение въ ней вездѣ правильно и одинаково; въ ней является слово водка, которая въ прежнихъ пѣсняхъ вездѣ именуется *гарелкою*; наконецъ намекъ на картофель, изъ котораго гонятъ водку, также доказываетъ, что она составлена въ позднѣйшія времена. Да и самое слово *жлопль* (съ польскаго *Złapć*) не славянскаго происхожденія, въ прежнія времена не было употребляемо на Руси и взято изъ польскихъ простонародныхъ или, лучше сказать, площадныхъ выраженій. Повидимому, авторъ этой пѣсни, называя такимъ словомъ водку, хотѣлъ возбуждать къ ней отвращеніе въ милыхъ мужичкахъ, которымъ посвящаетъ произведеніе своей музы.

42.

Сама вѣд дарбгою
Пушу голось дубровок,
Нѣхай голось галасуѣць
Нѣхай маі матка чуѣць.
Де ў святлицы сѣзючы
Презь аконка глядзючы
«Кали маіо дзѣця
Нѣхай пагуляѣць
А кали нѣвѣстка

Нѣхай пажинаѣць !
На широкой постаці
При вяликой волостці.»

43.

Ишоу богъ дарогаю
Ишоу богъ ширóкою
А за мнѣ самъ панѣ, самъ панѣ.
Де ка мнѣ Боже, ка мнѣ,
У мнѣ гумно вяликоѣ
Зѣ частвыми капамі
Зѣ густыми снопамі.
Вѣ аянымъ озѣрочку сужонка каня пошы.
Конь да вады той вяпѣ
Юнь яго по галоуѣ бѣ
«Ня-бѣи мнѣ по галоуѣчѣ
Шауи мнѣ у лемоуѣнѣ
А я цабѣ у дароженьчѣ
Булаѣшь малодъ жанци-сѣ
Булаѣ цабѣ цѣща витачѣ
А я булу цѣхо ставѣ.
Какъ кубка нѣсхмилици
Какъ вина нѣраващи.
Какъ цѣшы нѣругѣвщи.»

44.

Панѣ свацѣ, панѣ свацѣ, панѣ дамавы
У цабѣ пили у цабѣ ѣли, у цабѣ жѣ и ўзіали ;
Выкацѣли, выкацѣли ядолоую бочку
Выкруцѣли, вымуцѣли де-ў-свагата и дочку

45.

Де ўставау мая матечка ранѣнъка
Де палѣвай маю рутечку часцѣнъка
Нѣ палѣвай-же маѣи рутечки вадою
Де палѣвай маю рутечку
Де ад-вады мая рутечка жаўцѣѣ
А адъ сыты мая рутечка зялянѣѣ.

46.

Да вѣлаѣшь мая матечка
Де ранѣнъка устауши
Де вóлки пагнауши

Де волики прїйдуць, а мнѣ ня будѣ
Тыкнѣ табѣ мая метка вялика жалѣ будѣ
Будѣ маю мѣсцѣ за сталомъ гуляци
Будѣ мая лужечка сухая лежаци
«Ой нѣту, нѣту майго дѣвцяци ?
Слядомъ на парозѣ
Маю дѣвця у дарозѣ.»

47.

Зѣ вишніова саду саколы вылетяюць
Зязюлю вызываюць.
«Сивая зязюлька, чы паляцишь ты зѣ нами
Зѣ ясными сакалами.» —
— «Рада бѣ я палецѣць и жалѣ саду пакинуць
Де у мамѣ садочку, калїна малїна ;
Юсць гдѣ мнѣ полатаць
Юсць чого поѣлаць
И крыниця
Ваданца.» —
Де зѣ новаго двара саватовѣ выѣждаюць
Дѣвчечки вызываюць
«Маладая дѣвчечка, чы паѣдѣшь ты зѣ нами
Зѣ малалыми сватами.» —
— «Рада бѣ я паѣхаць и жалѣ бацци пакинуць
Де ў майго бацѣчки де у варотѣ сыважаци
Ѣсть гдѣ мнѣ пажажаци
Ѣсць-дѣ мнѣ пагуляци.»

48.

Хадзїла стральцы лауцы на бары
Хочуць лнѣ стараго лося лабїци.
Ой зачула стара ласїца у лузѣ
Ой кїнула крутыѣ роги на луги :
«Нѣхай мая крутыѣ роги прѣпадуць
Якѣ майго стараго лося тутѣ забюць.» —
Ой заржали кони вараныѣ за дваромъ
А запѣли дѣ свашки за сталомъ,
Засѣстали два саколы на моры
Де зачула малала дѣвчечка у каморы ;
Ой кїнула залатыѣ ключы зѣ зямлю :
«Нѣхай маѣ залатыѣ ключы прѣпадуць,
Якѣ мнѣ адѣ бацюшкѣ павязуць.»

49.

Де ў вядзьмьку на рэву.
Пашла дзѣўна на валу.
І вадзцы нѣ набрала
У глыбоки Дунай пэла.
Лѣпей нѣ зъ Дунаіомъ плысці
Якъ за пана за мужъ исці
Яѣ матка каля Дунаю ходзіць
Де-н зъ Дунаемъ гаворыць.
«Ой Дунаю, Дунаю, якъ нѣ цабѣ звані.
Чы Дунаемъ глыбокимъ
Чы зяцѣмъ далокимъ.»

50.

Де кляновы листочекъ куды ты пакоцішы-сѣ,
Чы ў гару чы ў даліну, чы ў заць на клявину?
«Я и самъ нявѣлаю куды мянѣ вѣтржикъ павѣѣ,
Чы ў гару чы ў даліну чы ў заць на клявину.» —
Маладая дѣвочка кудыжъ ты адѣждзѣнѣжъ
Чы ў Турки чы ў Татары чы ў сваю зямлю
«Я и сама нявѣлаю куды мянѣ бацка аддѣѣ,
Чы ў Турки чы ў Татары чы ў сваю зямлю
Чы ў вясіолую сямлю.
Парловѣнѣки вѣнчыкѣ пѣляжы на престоля
Павлынь на Дунаю, чы я тутъ запредадзѣна
Чы я тутъ заваіована
Чы даремъ аддзѣна
Кали я тутъ запредадзѣна
Нѣхай вѣдуць выкувалюць, ,
Кали даремъ аддана
Нѣхай вѣдуць адвѣлаюць
А южежъ тутъ нѣ на нашму
Де сѣдзѣнѣка нѣту,
А збѣдъ каля палуна,
Вечера каля поўночы
Высплюся я стаючы.»

51.

Разгарела-сѣ каліна
Де у шомнымъ лузѣ стоючы,
Дробнымъ искѣрки ронючы
Де чумы вѣтрычекъ, вѣтушы
Де болѣи искѣрекъ разнасіу.

«Яжъ цабѣ калина вѣтушу
Только болѣй искѣрокъ разнашу
Утушица цабѣ дробнѣе дожць
Съ подѣ цюмней хмуры илучы
Мокрый дождыкъ ровючы.» —

Расплакала-сь дѣвочка
Пѣредъ татулькомъ стоючы
Унишау татулька де вѣ унау
Только болѣе жалосии задау
«Яжъ цабѣ дѣвчатка вѣувишу
Только болѣй жалостии задаю,
Де утѣиъ цабѣ чужына
Уся сужонкова дружина,
Каля столника ходячы
За бѣлую ручку водячы.»

53.

Казали люди што мой сѣвкоръ добры
Ажно най сѣвкоръ вельми онъ лихы:
Паслау мнѣ малоду
Съ поўночи па валу.
Што на куры вѣ пѣюць
Ани гуси не крычаць,
Нѣ вадзицы жадаючы
Мнѣ малоду забываючы

Зачуъ миленьки
Коники пасучы

На журыся жоньчка

Мая малодѣвчыка

Я коники напасу

Я вадзицы привясу

Я сваѣму бацку, я ўсію нягдаму.»

53.

Эъ суботы на нядзѣлю дзѣўны сонъ я вядзѣла
Никому вѣ сказала — сваѣй родной матцѣ:
«Матечка мая радная, дзѣўны сонъ я вядзѣла,

Вылѣцѣла сивыѣ галубы

Чорны шоўкъ разѣврили

Бочку вина выкаццали

— «Дѣвчатка маю радноѣ:

Сивыѣ галубы, то светы тваѣ,

Чорны шоўкъ, коски тваѣ

Бочка вина, то слѣзини тваѣ.»

54.

Патрова дочка наваличка
Я маладзёнышка нѣ выпіла-сѣ
Усю ночку не спала

Шнурики сукала.

Сукала шнурики шалкавыѣ
Шыла кашулька рубкавыѣ
Сяму, таму запрэдавала,
Сваѣму милому дарма давала
Давала я ему нѣжалуючы,
А юнѣ браў нѣдзякуючы.

55.

Зазюлька рабая, нѣ кукуй рана
На кукуй рана, бо я ёщо мала
Я ёщо мала дароў нѣ наткала
Дароў нѣ наткала, кубла нѣ наклала
Закукуй парой полѣ ясной зарой.

56.

Де каліна маліна
Два луги пабѣлала
Де сваннѣ бѣлымѣ цвѣтомѣ
Чырвонымѣ ягодкамі
Малая дзвочка
Два двары покрасіла.
Адамнѣ дворѣ гдзѣ расла
А други дворѣ куды пашла
Де русою касою
Де сваѣю красою.

57.

Де гула пчолика гула
Па бару лятаючы
Де мядокъ збѣраючы
Де мядокъ мой саладокъ
Яж на цабѣ спазніла-сѣ
Начавала у цюмнымѣ лѣсѣ
Де ў яліновымѣ вѣрсѣ
Де ў липовымѣ кусточку
У ялоуенькімѣ вѣрасочку.
Де плакала удовечка

Де абѣдъ гатуучы
Абѣдѣ мой горки
Де безъ цабѣ мой милѣньки
Я сяду абѣдаць,
Я азѣтками абсаджусь
Де слозками абальюсь.

58.

Де свѣтъ свѣтаѣ
Да зара зараѣ
Малая дѣвчачка
Зѣ двара звѣжлазѣ
Де ў яѣ бацѣчка
Ключоу пытаѣ
«Да гдѣ дѣцятка
Ключы падеѣла?»
— «Міодъ вино тачыла
Ключоу забыла
Ужомъ цаѣѣръ бацѣчка
Я и на ключница
Я и на вѣрница
Де цаѣѣръ ключница
Свѣму свѣкратку
Цаѣѣръ вѣрница
Свѣму милому.»

59.

Де на свѣньнымъ морѣ
Два бабры кушали-сѣ
Де на новымъ ганечку
Два стральцы змаўлялі-сѣ
Хочуць баброу пастреляці
Де сабѣ на шапечки
Дѣвчачкамъ на шубечки
Дѣвчачка за столъ идѣѣ
Шубечка въ ручкахъ насѣ
Ой дѣвчачки дружечки
Нѣ сатрыцѣ шубечки
Де на тутъ то спраўлено
Де зѣ лалокъ прывязіоно
Спраўлено въ Чаргарадѣ
Прывязіоно наѣ молодѣ
Шыли яѣ краўцы Нѣнцы
Прыслали малоды малойцы.

60.

«Ой чаго лесю, ой чаго сивы
Къ лугу прилагашь
Ой чы ты лесю ой чы ты сивы
Лихую вину чушь?»
— «Ой хоць лихая, хоць не лихая
Ня будзѣ якъ лецьчка
Я-ў лѣтку пайду, травіцу скашу,
Расіцу рацьрушу. —
«Чаго дзѣвочка, чаго маладзѣнька
Такъ сільнѣнью влачешъ
Чы ты дзѣвочка чы ты маладзѣнька
Лихую слякроў чушь?» —
— «Ой хоць лихая, хоць не лихая
Ня будзѣ якъ матечка
Я-ў маткі пайду, я вяночекъ саўю
Зъ дзѣвочкамі у садцѣ пайду.»

61.

Де у сѣвѣчкахъ галубокъ гудзѣць
У святолецце азуваѣц-ца
Сывѣ у бацкі да пытаѣц-ца:
«Бацьчка мой родненькі
Чы многа мнѣ сватоў салзѣць?»
— «Дзѣцятка, челядзѣвечка
Салзі сваю ўсю радзѣвечку
Багатою и худобою
Холобая де гуляць будзѣ
Багатая пыхаваць будзѣ.

62.

Ўхаў козакъ зъ Украины
Пусціў коня у поў долины;
Хадзіў кося напасайсѣ.
Хадзіў конікъ зъ Украины
Выѣў травы поў долины
Выпіў вады поў Дунаю
Прішла мила настаяла
Настаяўшы падумала
Якъ милаго абудзѣці
Ташла жъ яна у лозечку
Выламала бярозечку
Де-й кранула ў ножечку:

Чы ты мила спишь нечуешь ?
Наѣхали Татаровъ,
Вазмуць коня вараного
Забьюць цабъ маладога
Чы ты мила вѣрна любишь
Што ты мянѣ рава будзмишь
Кабъ я цабъ нялюбила
Ябъ да цабъ вѣхалзила
Ранюсѣнька бѣ ня будзила.

63.

Чаму у цабъ вязюлька дзѣткѣ нѣтъ,
Чаму у цабъ сивая дзѣткѣ нѣтъ ?
— «Были у мянѣ дзѣтчки , цаперъ нѣтъ.
Прылацѣли сакалы сы-бору
Побрали дзѣтчки зъ сабою
Пакинули вязюльку сиратою.» —
«Чаму у цабъ дзѣвочка бацькоу нѣтъ
Чаму у цабъ малая бацькоу нѣтъ ?
— «Были у мянѣ бацьки , цацѣръ нѣтъ.
Сыслау Богъ Аполоу да долу
Узяли мянѣ бацькоу зъ сабою ,
Пакинули мянѣ маладзѣньку сиратою.»

64.

Де чыѣжъ то жывечки
Па нѣсци жыга жали
Сярпы пагубляе
Каторая пашла
Тая домой пашла
А каторая нѣтъ
Тая ишець да-свѣтъ

65.

КОМАРЬ И МУХА.

Комаръ зъ мухой пазлюбіўся
Пазлюбіўши-ся , пажаніўся ,
Пажаніўши-ся , пасваріў-ся.
«Ой ты муха , ты буркуха ,
Ня унѣшь ни ткаць , ни прасци
Ави шолкомъ вышывачи.» —
Палацѣу камаръ па ласечку ,
Сѣу камаръ на дубочку
Прылацѣла муха буркуха

Синнула камара зъ высокоосци
Пабіу камаръ косци
Тамъ пѣсли пѣславали
Камару хатку збудовали
Прыляцѣу шарцѣвнѣ запытаў—сѣ
Хто въ четымъ лону паказаў—сѣ
Паказаў—ся тутъ камарыша.
Великаго паўка казачыша.

66.

Была жонка мужыка
Руки закасаўши:
А онъ зѣ пѣрэпрашау
У шапечку зняўши.
«Ахъ малжѣ ты мила
За штожѣ ты мнѣ была
Купаю табѣ парежокъ
У конеўку пива.» —
— «Адъ пива животь балиць
А адъ мѣоду галава,
Купи жѣ мнѣ гарелицы
Штобъ адаровая была.»

67.

Туманъ, туманъ на дзямнѣ
Широка листокъ на малнѣ
Шарши, больши на дубочку
Ключѣ голубъ галубочку.
«Хадзи, серце, пацалую
Хоць не сваю, такъ чужую.» —
— «На што чужу палавацц
Будзѣ свая жалавацц.» —
«А якъ буду жанцисѣ
Спрашу пива вапцисѣ.» —
— «Твая пива, мнѣ нѣ дзива
Дзвунѣй же мнѣ тваѣ слова;
Матка твая чарауницца,
Сястра тваѣ разлучницца,
Разлучила насъ зѣ табою
Якъ рыбечку н зѣ вадою.
Цяжка рыбцѣ зѣ Дунай плысци
Такъ мнѣ маладой за мужъ исци,
Цяжка рыбцѣ зѣ акувѣццани
Якъ мнѣ маладой зѣ маладццани,

Цяжка рыбцѣ на пасочку
Якѣ мнѣ молодой на дружочку.

68. (*)

У насъ сяговъ-ня вайна была :
Усію поли зважали ,
Да паву жыта пажали.
Панѣ жѣ нѣулякайсѣ
Да ў пакой нѣхавайсѣ
Бо мы іосць нѣ жаўнерги
Да паньскіе жнѣйки.
Да выходзѣ панѣ выходзѣ
А вина бочку выкоць,
И бѣлы сырѣ на тарелки
Частуй-же сваѣ жнѣйки
Да ушѣу же насѣ приганяць
Ушѣй, цяпѣрѣ частаваць.

69.

Де засѣю я полѣ
Де ясѣвѣнѣкимъ золотамъ ;
Де засѣблю я луги
Червонымъ кармазынамъ ;
А змащу я масты
Залатымъ мастоўнкамъ.
Де засѣй полѣ , засѣй
Ясѣвѣнѣкимъ золотамъ ,
Де зашумиць луги
Червонымъ кармазынамъ
Де зазвеніць масты
Залатымъ мастоўнкамъ
Будзѣ вѣхць Валынечка
Нашаго пана дочка ,
Падъ вѣю коники
Якѣ галки летаюць
Кала вѣй служечки
Якѣ макѣ раецѣтаюць
Де уцѣшнѣ-сѣ Іагѣмосць
У пакои сѣдзючи
Презѣ аконка глядзючи
«Де хвала жѣ мая хвала
Што вѣдзѣцѣмая пана.»

(*) Этн послѣднія пѣсни преимущественно поютъ при окончаніи полевыхъ работъ.

На удоучыномъ полѣ

Сабралисъ работники :

Де мязвѣць, карчомъ арещь,

А ваучокъ барануѣць —

А зайчыкъ дрова сячень

А лиска хатку топичь.

Соушійка за лясъ, за лясъ,

Ани пайдушъ ласой заравъ :

Де мязвѣць у лесъ палесь

А ваучокъ, у хмѣльничокъ

Зайчыкъ у бѣрезничокъ

А лиска у норечку

А удоўка у каморечку.

Пословицы, употребляемыя жителями нѣкоторыхъ
уѣздовъ Виленской губерніи.

1. Абоѣ рабоѣ (оба рабыя, обѣ хороши).
2. Авѣчку стрыгуць, а баранъ дрыжыць.
3. Авоўкѣ памоўку, а воўкѣ (волк) тутъ.
4. Баба съ каліосъ, каліосамъ легчей.
5. Багаты дзивиц-ца, якъ худы жывиц-ца.
6. Багаты чы будзѣмъ, а голодны не будзѣмъ.
7. Баючисѣ воўка у лѣсъ нѣ иц-ци.
8. Блиско видаць, да даліоко дыбаць (итти, ѣхать).
9. Ближшая сарочка, якъ кабатъ.
10. Боў высоко, панъ даліоко.
11. Будзѣ кій, да нѣтакій.
12. Быў конь да зѣздзиўсѣ.
13. Быў на каню и надъ каніомъ.
14. Вага зѣдудць, зайца забьюць.
15. Вѣдаў Богъ, што нѣдаў свињи рога.
16. Волась доўги, умъ каротки.
17. Воўкъ дарогу перебѣгъ (когда кому посчастливится).
18. Воўка ноги кормяць.
19. Вывеў воўка зъ лѣсу (накликаль на себя бѣду).
20. Гадко зѣѣсци, жаль пакинуць.
21. Гаманиць не балиць.
22. Гаваріў бы катокъ да языкъ каратокъ.
23. Гдзѣ чортъ нѣараў, тамъ сѣяць нѣбуздѣ.
24. Голы якъ бичъ, востры якъ мѣчь.

25. Голы разбою нѣбаиц-цѣ.
26. Госць у домъ, Богъ у домъ.
27. Гуца дѣцѣй нѣ разганяець.
28. Доганяючи нѣ нацалавац-цѣ.
29. Да пары збанъ (кувшинъ) ваду носиць.
30. Дзница нѣ плачѣ мапи нѣдогадаѣц-цѣ.
31. Дзѣнь нашъ, вѣкъ нашъ.
32. Дзѣтки надрасли хатку растрасли.
33. Дзѣнь што у царая жонка хараша.
34. За маіо жыто (рожь) меня пабито.
35. Заплата у ката, былѣ душа не была голодна:
36. Зларылоцѣ червяку на вѣку.
37. Знаюць яго якъ лихаго шеленга (истертая монета).
38. И зъ Пракопомъ и безъ Пракопа, то ўсіо роўно.
39. И воўкъ сыты и козы цѣлы.
40. Кабыла здыхаѣ а за траву хватаѣ.
41. Кали узяўсѣ за гужъ, то нѣ кажи што недужъ.
42. Кали нѣ пошъ нѣ убрай-сѣ у ризы.
43. Кали шанцуѣ, то и Филимонъ тамцуѣ.
44. Кали вѣдзѣц-цѣ, то и на треску прадзѣц-цѣ.
45. Кали рабишь у купѣ, то нѣ балиць у пуфѣ.
46. Кали ѣсть хлѣбъ и вада, то нѣ бѣда.
47. Кали ѣсть хлѣбъ и вода то нѣма галала.
48. Кѣпско панѣ Григоры: што далѣй то горый.
49. Кѣпско у Минску панѣ Коренѣўски (должна нѣтъ основаніемъ какое-нибудь событие).
50. Круци нѣ круци треба умерци.
51. Куку у руку (о взяткахъ).
52. Купиць нѣ купиць, а потаргаваць можна.
53. Люби якъ душу, треси якъ грушу.
54. Ласкавое цѣлятко дзѣвѣ матки ссѣ, а гордое ни одной.
55. Майстеръ зъ Мира, што цяў то дзира. (Мѣстечко Миръ, въ Новогрудскомъ уѣздѣ, извѣстно было въ особенности-торговлею мѣхами. Но, видно, тамошніе скорняки не отличались ловкостію, когда вошло въ пословицу «Мастеръ изъ Мира, что ткнулъ, то дыра».)
56. Май милы пакою добрѣ нѣ съ табою.
57. Мужикъ дурны якъ ворона, а хитры якъ лисъ (или якъ чортъ).
58. На чьіомъ возку ѣдзѣшь, таму пѣсеньку спивай.
59. Надъ сиратою Богъ съ калитою.
60. На дурня и Богъ ласкаў.

61. На табѣ нѣбожѣ чито миѣ нѣ згожѣ!
62. Нашто намѣ гѣты пистагѣты, кали стрѣляць не умѣемѣ.
63. На злодѣтю шапка гарыць.
64. На комѣ скрупиц-цѣ на комѣ змѣлиц-цѣ.
65. Нѣ адзинѣ гаурыла у Полоцку.
66. Нѣ бѣуши кума нѣ пици пива.
67. Нѣ дай бацко шанки, нѣхай уши мервниць.
68. Нѣ фигуруй Гришко (вошедшее въ пословицу восклицаніе новогрудскаго шляхтича, которымѣ онѣ предостерегалъ своего кучера).
69. Нѣ гѣто паны што гроши маюць, алѣ што Бога знаюць.
70. Нѣ кай-сѣ рано устауши, ни малоло аженіушисѣ.
71. Нѣма той хатко штобѣ не было звадки.
72. Нѣ плюй уводу, часемѣ треба будѣ напип-цѣ.
73. Нѣ плациць багаты, плациць виноваты.
74. Нѣ радзіу макѣ перабудзимѣ такѣ.
75. Нѣ стрыжено а голѣно (обрыто).
76. Нѣкажи гоць! кали не перескачіу.
77. Нѣ вѣлики панѣ перелѣтѣшь самѣ.
78. Нѣ зарыуши пендзы (нужды) нѣмѣць пиянѣнды (денегѣ).
79. Ни чытаць ни писаць, наурадѣ вѣдуць.
80. Ни куѣц-цѣ, ни плѣцѣц-цѣ (въ-случаѣ неудачи).
81. Ни рыба ни масо.
82. Ни сѣло, ни пало, дай бабѣ сало.
83. Ни у пяць ни у дзѣвяць (сѣ польскаго).
84. На пахилое дзѣрево и ковы скачуць.
85. Поголи ѣздѣшь, даліоко станѣшь.
86. Пѣредѣ нѣволоомѣ рыбы вѣлави.
87. Пѣрвѣй Боу стварыу пальцы, якѣ видельцы (вилки).
88. Покуль сонце узыздѣ, раса выѣсць очы.
89. Придѣ каза да ваза, будѣ сѣна просиць (нѣкоторые при-
бавляютѣ) а я казу вѣмѣ.
90. Принѣси Божѣ гасца, то и гаспаларѣ паживиц-ца.
91. Припомѣла баба дзѣвиць вѣчерѣ.
92. Сабака брешиць, а дваранинѣ ѣздѣ.
93. Сѣмѣ сіоць адзинѣ воць и той голѣ.
94. Скачи ураже якѣ панѣ каже.
95. Слѣпому вѣчная память.
96. Славенѣ бубенѣ за гарами.
97. Сѣ нѣсни слова нѣ выкинуць.
98. Сѣ прыбытку галава нѣ балиць.
99. Свая сѣрмяжка, никаму нѣцяжка.

100. Свой свайго познау, и на пиво пазвау.
101. Сыты голодному нѣ спагадаѣ.
102. Съ чужой кабылы, треба и убалоцѣ ссѣсцю.
103. Треба жыць якъ набѣжиць.
104. То нѣ банкѣтъ кали принуки нѣтъ.
105. Хоць бѣла, то гоць.
106. Хоць ты мѣнѣ капуть, то я нѣгалиомъ.
107. Хоць завала, былѣ у дому не была.
108. Хитро мудро въ нѣвѣликииъ коштомъ.
109. Хто богатъ той мнѣ братъ.
110. Хто пытаѣ, той нѣ блудзиць.
111. Хто цихо ходзиць, той густо мѣсиць.
112. Улезъ якъ ўпѣредъ, ни ўзадъ ни у пѣредъ.
113. Усюда добра, а дома лѣпѣй.
114. У страха очи вѣлики
115. Ци дау я табѣ бабко шелѣтъ? дау нанѣ (когда часто при-
поминають свое благодѣяніе).
116. Цѣрпіонъ — спасіонъ.
117. Чаго чорнѣ у балоцѣ сѣдзишь? бо привыкъ.
118. Чымъ хата багаты, тымъ рада.
119. Чымъ чортъ нѣсѣяу, тымъ араць нѣ буздѣ.
120. Што галава, то розумъ.
121. Шмаруй мужика саломъ а іонъ двіохціомъ смердзиць.
122. Штобы галава, а шолудзи будуць.
123. Што убіу, то уѣхау.
124. Што въ возу спало то уже пропало.
125. Ъшь дурню въ макомъ.
126. Якъ кукнѣшь, такъ и адезвѣц-це.
127. Якъ паспѣлѣш-сѣ, такъ и выспиш-сѣ.
128. Якъ перавачуѣшь, то большъ пачуѣшь.
129. Якибъ гѣта крукъ (воронъ), штобъ выпускаиу зъ рукъ.
130. Языкъ Кіева дапытаѣц-цѣ.

Пословицы, принаровленныя къ осовеннымъ днямъ
года.

На Срѣтеніе: Грамница зимы пазавица.

Въ день св. Матѣея: На Маѣя зима пацѣя.

Въ Юрьевъ день: Юрьева раса нѣ треба каниомъ аўса.

Въ маѣ: Май, валомъ дай, и самъ на пѣчь уцѣкай.

Въ Ивановъ день: Пѣредъ святымъ Яномъ, прасицѣ двѣ-
тѣчки Бога а дожджъ, а по святымъ Янѣ я и самъ упрашу.

Въ Петровъ день: Пришоу Пётрокъ, апау листокъ, пришоу Илія, апало два.

Въ Ильинъ день: На Илью поуну пѣчь хлѣба налію.

Въ Борисовъ день: Барысѣ, Барысѣ, самъ баранисѣ.

Въ Преображенія день: Пришоу спасъ устму часть.

Въ Варооломея день: Пришой Баўтрошѣй, жыто на зиму сѣи.

О лѣтѣ: Кали грыбно, то и хлѣбно.

Въ Варваринъ день: Святая Барбара ночи урвала.

Въ Николинъ день: Да Миколы, нѣтъ дѣбра николи.

Въ Стефановъ день: На святы Сципанъ усяки сабѣ пань.

**Особенныя выраженія и сравненія, употребляемыя
вмѣсто пословицъ.**

1. Ани галера нѣма (галеръ — польская мѣдная монета).
2. Ани ухомъ нѣ вѣдѣ.
3. Брешѣ якъ сабака.
4. Бычокъ трепячокъ (говоря объ избалованномъ ребенкѣ).
5. Вадзицъ дзѣды (когда кто дремлетъ за работой).
6. Варачаѣц-цѣ якъ млзвѣць.
7. Высалапилася якъ патароча.
8. Галы ў рады (очень рѣдко.)
9. Дзѣцѣй якъ бобу.
10. Затакаваўся якъ цѣцѣрукъ.
11. Квокчѣ якъ курыца.
12. Лостечками душу вынимаць (ласками душу вынимать).
13. Мѣля языкомъ якъ цѣля хвостомъ.
14. На ката пацягушки, а на дзиця растушки.
15. Накрыўся якъ лисица хвостомъ.
16. На усъ матаѣ.
17. Ни къ Богу ни къ людзямъ.
18. Ни къ селу ни къ городу.
19. Ни вага ни кага.
20. Пацѣха якъ ражонъ (вертень).
21. Палажиць зубы на палицы (когда нечего ѣсть.)
22. Паповые очы.
23. Пашли ўсѣ у камышъ.
24. Пѣсци кашели зъ лапцями.
25. Плачѣ якъ у дзѣвиць вѣчеръ.
26. Працуѣ (работаетъ) якъ чорны волъ.
27. Пришоу на него гизъ (наѣкомое, которое скотъ кусаетъ).
28. Распуциўся якъ дзядоўная пуга (бичъ).

29. Самъ сабѣ радъ.
30. Сѣдницъ якъ заѣць у жыць.
31. Скрывіўся якъ сѣреда на пятница.
32. Хаваѣцца якъ сабака адъ мухъ.
33. Хоць ёму козь на галавѣ чешы.
34. Хоць запалі, то не трэсьнѣ.
35. Худы якъ хрусцѣль (птица).
36. Цаца, лаяя — баутрусь (на избалованнаго ребенка).
37. Цѣѣць якъ макоўка.
38. Щебѣць якъ сарока.
39. Якъ курыца сакочѣ.
40. Янъ у Бога за павухой.
41. Якъ воўкъ мѣльнуу хвѣстомъ.

СВАДЕБНЫЯ ПѢСНИ.

I.

Ой гаросѣ! гаросѣ!
Сѣили цябѣ харашо?
При лузѣ при дарозѣ
При битымъ гасцину.
Ай ты красна Агатка
Заручали цябѣ харашо,
При раліи и племяни,
При родномъ татечку.

II.

Пріѣхали заручинки
Чаму яны безъ дудечки?
Агатка ня удовачка
Захоцець пагуляць
Таткаў дворъ раўнаваць
Ножкамі астрожкамі
Чорнымі чаботамі
Зъ маладымі сватамі.

III.

Кабъ я вѣдала близкіе заручинки
Паслалабъ я свайго татечку и логъ на каліну.
Татачка идзѣць
Калінку нѣ нясѣць,
Вѣтры ня вѣюць,
Словца ня грѣць,

Калинка ня спѣеъ ;
Што мая за доля !

IV.

Мавила бочечка
У пиварцы стаючы :
Кали мянѣ ня выпѣцѣ
Сама выкачусѣ
Па дварѣ разліюсѣ
Крыницею сцѣвизоуеі вадзіцы.
Мавила Агатка и татки сядзючы
Кали мянѣ не выдася ,
Такъ я сама пайду,
Па дварѣ па малѣньку иду,
За варота у грунь пабягу.

V.

Зыбнула мора зыбнула ,
Тамъ наша Агатка утанула !
Прышоу къ ней татка :
Падай ручку Агатка ,
Нѣ падамъ я ручки
Хоць я у моры утану
Нѣхай нікому не застануса
Застануся аламу
Янечку мілому.

VI.

Сягодня заручнінкі
Богъ намъ дау ;
Працю папядзѣлку
Богъ намъ дау.
Шли дары на тры стады ;
Таму саму на падарку
Нашаму Янечку
Тры падаречкі
Богъ яму дау ;
Алэнінъ падарокъ залаты пѣрсцѣнь ,
Други падарокъ , шаўковая хустка
Трэці падарокъ , красная Агатка ,
Залаты пярсцѣнь на жѣнянѣ
Шаўковая хустка , на уцѣранѣ
А красная Агатка , на каханѣ.

VII.

У гародзѣ на частаколя
Зязюлька кукавала
У лазні на креслѣ
Касу Агатка чесала
А чешучи касу русу
Зѣ касой размаўляла :
Мая касіца мая русаа
Нѣгдзѣ я татку ня мила !
Я табѣ мой татечка ,
Зѣ вясны гаварыла :
Ня дзары бору
Ня сѣй ліону
Нѣкаму будзѣ палоць
Глзѣ я пайду, глзѣ я жыць буду.
Тамъ я и рабіць буду.
Я табѣ сѣкранка зѣ вясны гаварыла :
Надзары бору, насѣй ліону:
Я прійду и палоць буду.

VIII.

Дзѣшева была майму татечку
Да гарелечку піць ;
Якѣ пойдзѣць на токѣ
Возмѣць цапокѣ
Нѣ сѣ кнѣмъ малаціць
Цапочкомѣ махнѣць
Цяжка уздыхнѣць
Сильнѣнька зэплачець
Што лачушки нѣ бачець ;
Дарага была да майму саякранку
Гарелеяку піць ;
Якѣ пойдзѣць на токѣ
Возмѣць цапокѣ
Юсець сѣ кнѣмъ малаціць.

IX.

Камора звынѣла
Гдзѣ Агатка сядзѣла :
Сядзѣла у каморы
Тонкіе абрусы ткала
Мыслями узоры
Дзіўныѣ паклала

Прытхау суженьки самъ дѣсятъ
Папушао коники у вишновы садъ ;
На ржицѣ коники, на ржицѣ
Явечка напасѣць на жицѣ
Ядраннымъ аусомъ абсыпѣць
Черѣвнымъ сукномъ абшыць.

ПѢСНИ, КОТОРЫЯ ПОЮТЪ НАКАНУНЪ СВАДЬБЫ ВЪ ДОМѢ
НЕВѢСТЫ :

X.

Дагадайцѣся добрыя люди
Што въ этомъ каравай есць
Трыдцать бочокъ пшеничной муки
А тры бочки крыничной вады
Сорокъ копъ молодыхъ курей яюкъ
И тры фаски древичихъ (молодыхъ) коровъ масла.

Выйду я на улочку
Рученьки загорювши
Ошибуць мянѣ дробныя сязюки
Матки быць вспомянууши
Матчѣно ложе спиць до абѣда
Гуляѣ до полудня,
Только встала коску счесала
Бѣло лицо обмыла
Чи нѣ жаль табѣ красная дѣвочка
Дѣвочкиаго стану
Дѣвочки гуляюць
Косонки маюць
Тамъ цябѣ не принимаюць
А молочочки чепчики вакуць
Тамъ цябѣ закликаюць.

XI.

ВЪ ДОМѢ ЖЕНИХА.

Чья жана каравай нѣсла
Шолкомъ, золотомъ рукава машивала
Кака колнера бѣлымъ папѣромъ
Коло забору чарвонымъ горемъ (gorino)
Сестра брату каровай бѣ
Зѣ бѣвѣвнннннн ручками
Персцѣночкн съ очками.

Зеліоная дубровенька
Чему у цабѣ яворокъ много
Зѣліонаго ни олнаго
Листа ни у олнаго
Малойчикъ чаму а цабѣ
Ойцоу много
Роднаго нѣма ни однаго
Нѣкаму рады радзиць
Веселя спородзиць.
И до шлюбу высылаць.

Да скапцалася свѣча
Да зѣ малойчика зѣ лица
Да впала на моголаку
Да прибила далінку
Да пашла слѣза
Зѣліоный морогъ пробываючи
И жоутый цѣсокъ промываючи
Ойца матку побужаючи
Стань ойцѣць раду радзиць
Да веселье спородзиць.

XII.

Благославиць людзѣ
Блискіе сусѣдзи
Гетаму дзѣццѣ
Каравай замасиць
Ручкамі бялѣнькімі
Пѣрсцѣмі залацѣнькімі
Пѣсьнямі вѣслацѣнькімі
Ты ступъ Боже зѣ нѣба,
Якъ намъ цяцѣрь треба!
Памагай раздзѣниць
Памагай замасиць,
Ручкамі бялѣнькімі
Пѣрсцѣньмі залацѣнькімі
Пѣсьнямі вѣслацѣнькімі
Ня стой Боже за дзѣярмі
Да иди Боже у хату,
Да сязаь Боже на куцѣ
Да дай долю маладзѣ
Я у хату нѣ нѣ пайду.
Я за дзѣярмі настаю
Маладзѣ долю перашлю
Збѣрайсь родзѣ!

Да къ бѣленькому караваю
Старыѣ бабы дѣл парадку
Молодыѣ маладзницы пѣсни пѣць
Удалыѣ малойцы каравай пѣць

XIII.

Хвалажъ табѣ Боже
Што мы дѣла зрабали
Каравай замасили
Ручками бѣленкими
Пѣрсивами залацѣвнкими
Пѣснями вѣсѣленькими
Чатыры ножи у дзяжы
Пятая мая сила
Каравай замасила ;
Да упала я у дѣла ,
Цѣла маю упацѣла
Гарелечки захацѣла
Гарелечки акавитечки
Для мянѣ працавитечки
Гарелечки ташанечки
Для мянѣ мяшанечки .

У нашаго госпадара
Кудравая галава
Кудзюркамі патрасѣць
Намъ гарелкі прывясѣць
А кудзюркамі накалаціць
Намъ гарелкі присалодзіць .

XIV.

Каравай у дзяжы играець
Да вѣка надимаець
Каравайніць жылаець
Гдзѣ жъ маѣ каравайніцы ?
Чы на мяду запілі-сѣ ,
Што на мянѣ забылісѣ
Гаспадынечка водка
Варачай-сѣ хутка
Уже на дваре вечерь
Каравай ня пѣчехъ

XV.

Саступъ Боже зъ вѣба

Якъ нашъ цапѣрь треба
Памагай зяясницъ
Памажи и усалзницъ
Ручками бяленькими в т. д.

XVI.

Никто не угалаѣ
Што у нашихъ караваю
Дѣвѣщи пудоу мука
Асьми кароу масла,
А яецъ поўтораста
Зъ суботы на нязѣвлю
Сабрала-ся Агаты радзѣнна
Зяяслижъ яны сѣмъ ситъ муки на каравай.
Хвалажъ Богу! вяликъ будзѣ каравай.
Зяяслижъ яны сѣмъ фасекъ масла на каравай.
Хвалажъ Богу! пушонъ будзѣ каравай.
Зяяслижъ яны сѣмъ ситъ яецъ на каравай.
Хвалажъ Богу! румянъ будзѣ каравай.

XVII.

Да багатъ Агатка татка твой
Добра пшавица што у називѣ
Да вяликѣ стырты у гумѣт
Поўныя аруды у клеци;
Падашоу каравай у дзяжы
Зашумѣу каравай у дзяжы
Да чаму яму нѣ шумѣць
Харошая у чыняла
Румяная мясила
Господа Бога прасила
Кабъ нашъ каравай удауць.
Стаяла калина коськи лѣтъ
Сячыць рубайць назагнѣтъ
Кабъ нашъ загнецьць ясны быу
Кабъ нашъ каравай красенъ быу,
Кабъ наша Агатка ясола была
Кабъ наша рутечка зѣліона была.

XVIII.

На дворѣ яворъ сякуць
А в хатечку тресечки латуць
Каля явору тресечки
Каля караваю младавнички

Першая кватка
Наша Агатка,
На лварь яворь сакуць
А у хатечку тресечки латуць.

XIX.

Каравайцы п'яныя ўсіа цвста пакрали
Па к'шняхъ паклали ;
Ахъ п'яныя прышло
У к'шени цвста палышло
Чыя жена гожа
Языкамъ дэжу гложе
Чыя жена хижэ
Языкамъ дэжу лиже
Дайць мнѣ чэрку , я тую выню ,
Дайць другую , я выню и тую
А за трэцюю надзеўскую.

XX.

Стану я для п'чы
Караваю глядзѣць
Кабъ іонъ нѣ адпюкса
Кабъ іонъ нѣ абжогса
Кабъ намъ соромъ ня быў
Да у чужыхъ людзѣхъ.

XXI.

Паламыли каравай на сталѣ
Сталовыхъ ложка гублюцься
Усѣ людзи дзвюцься
Што удаўся нашъ каравай
Да Пау Богу на хвалу
Добрымъ людзіемъ на славу
А прыцѣлямъ на даша
Вы прыцѣли глядзѣць
И по талару кладзѣць.

XXII.

Пытаў-сѣ каравай у іўрап'чы
Да куды сцѣжка да клѣци ?
А ты караваю в'зравао
Часто у клѣци бывашь
Сцѣжии дарожки пыташья !

Вазми пажажокъ пагбрей-ся
Да у клетку добывайся.
Мыжь были на караваю
Тамъ насъ частавали
Піўцомъ маладзёвнянмъ
Мядкомъ саладзёвнянмъ.

XXIII.

Цымбалы заіграли
Каля аконъ забраджали
А гатчина челядзъ
Зацацли вѣчараць.
Ляцѣли гусечки зъ выраю
Да пытали-сь караваю :
Чы ужо вы каравай спляскалі ?
Чаму насъ гусячегъ не жадалі ?
Мыбъ каравай спляскалі,
Крыльнямі, ножкамі спляскалі.

XXIV.

Янечка брахна на гумнѣ холэщы
Да тры салы салэщы, усѣ тры хмѣлювыѣ
Вій-сь хмѣлю, вій-сь лакола тычки
Да в садъ шпашечкамі; надстрыгай-сь Янечка.
Зѣ ребяцкаго стану, да у мужескую славу.

Да у мѣсяца два рожки крутыѣ,
Да Янечки два браты радныѣ;
Адзінъ брахна каня саллаць,
А другі брахна аго научаць:
Да будзъ брахна разушненькі
Да павдзѣшь брахна ў чужіе мовыѣ
Выйдзѣць къ табѣ танокъ дзѣвонъ;
Ня бяры таѣй, што ў аэлоць,
Да бяры тую што ў розумъ;
Мы золота ў крамѣ дастанемъ
Мы разуму сэйго не устанемъ.

Синѣе озеро на лугахъ стаць
Нашѣ Янечка на думкахъ салэщы,
Думаецъ думу вялікую
Павну радзінку багатую
Звядзіў конніка гарцуючы
Сціоръ шапачку клімяючы;
Значіў хустечку уцѣраючы.

Кляновы листочекъ кудыжъ ты копишься?
Чы ў лугъ чы ў даліну
Чы звоў на кляніну?
Да не самъ я качуся
Коциць мянѣ буень вѣцерь
Ни ў лугъ, ни ў даліну
Да и знову на кляніну.
Янечка маладзѣньки
Кудыжъ ты радзіш-ся
Чы у госци чы у дарожку?
Да вѣ самъ я радау-ся
Радзіць мянѣ той татечка
Ни ў госци, ни ў дарожку;
Къ цѣсьпятку на падворья
Къ Агатицѣ на застоля.

XXV.

Чыѣ то конікі
Для ставікі стояць,
Сімыѣ буланыѣ
У дарожку прыбраныѣ?
Чыѣжъ то свачечкі
За столикомъ с'вязаць
Б'лыѣ румяныѣ
У дарожку прыбраныѣ?
Янечка вы конікі
Для стаенкі стаець
Сімыѣ буланыѣ
У дарожку прыбраныѣ;
Янечкі свачечкі за столикомъ с'вязаць,
Б'лыѣ румяныѣ, ў дарожку прыбраныѣ.

Сабраў-сѣ раіочекъ
Да у ціомны куточекъ,
Хочець палатцѣ на шарыѣ бары
На жаўтыѣ святы
На салодкіѣ мяды
Сабраўся Янечка зъ сваѣй радзінай,
Хочець іонъ паўхаць
Тэсьпятку зваяваць
Агатку къ сабѣ ўзіаць

Янечка у абовѣ
Нѣ указаы конікѣ што у возѣ
Іосць у мянѣ кавалі ў даровѣ
Падкуюсь коніка што ў возѣ

Юсць у маеі Агатки парціонки
Будуць коніку подноўкі :
Юсць у маеі Агатки карали
Будуць коніку ухаляі :
Юсць у маеі Агатки паяски
Будуць коніку падаски.

Да борамъ, борамъ, борами
Ъхали сваты радамі
А моладъ Янечкѣ наіпродъ
А яго брахнечка пасяродъ.
Стойць, пастойць сватовѣ
Чы вѣ аязюлька кукуѣць ?
Чы вѣ салавѣйка стабѣць ?
Янечка алказываецъ :
Што на аязюлька кукуѣць
Ня салавѣйка стабѣць
Гето маеі Агатцѣ пѣсни паюць
Мнѣ малядому вѣдома даюць.

Да зъ борку зъ борку на колку
Висіць калыска нашолку
А у тей калысцѣ Янечка :
Да мнѣ маеі сватовѣ !
Зъ малыхнцѣ маіѣ високо !
Кабъ я забачыу далёко !
Гдзѣ мая Агатка гуляецъ
Салавымъ яблочкомъ шібаецъ
Да яна у арешкі цалуѣць
Зъ малымі рабятані жартуѣць.

Для святнаго двара
Да высокая гара
Ня узыйці ня узѣхаць
Сакаломъ не узлѣцѣць
Што даці то даці,
Тую гару раскапаці
И узыйці ня узѣхаць
Сакаломъ узлѣцѣць
А Янечку узѣхаць.

Да замурыўса Янечка у палдорожы адучы
На бѣлые бярозкі глѣдзючы
Да мая бярозка бѣлая
Да мая галоўка бѣдая
Я у іетымъ дзвѣ не бывау,
Па ціомныхъ ночкахъ не вѣджау.

Да нѣ журсыя — Янечка,
Мы цабѣ аднаго нѣ пашлѣмъ
Мы цабѣ пашлѣмъ зъ дружиной
А ўся дружина зъ сваей радничай.

Бѣлыя барозки
Да не разивайцѣ-сь
Крутыѣ дарожки
Да не разивайцѣ-сь
Янечка къ цѣсцю вѣдзѣць
Юнѣ дзюца разумнаѣ
Юнѣ море сѣлазюномъ плювецъ
Юнѣ полѣ сакаломъ лацяцъ
У вароцяхъ расой падаѣць
На дваре князямъ станець
За сталомъ госціомъ сядзѣць
Частуйцѣжъ частуйцѣ
Небывалаго госца
Свайго любого заця.

Ай Божежъ мой Боже, мы борожъ вѣхали,
Вѣтры на вѣяли, бары нѣ шумѣли
Прывѣхали къ свату, такъ дзѣўки запѣяли
Якъ сучки забрехали :
Чы на іета сватѣ запрасіў
Кабъ сельскімі сучкамі напусціў;
Вазмі сватокъ памяло
Да гани сучекъ за сѣло ;
Альбо вазмі добры луть (лыко)
Да гани сучокъ у ціомны куть,
Да дзѣвачки маѣ
Нѣ лайцѣ мянѣ
Да прійдзѣцьжъ и вы къ намъ
Будзѣць іета и вамъ.

А мой брахненька, пашто увыштоў
Са ржанымъ пірагамъ зъ дубовой ражкой?
Ржаны пірогъ дзѣўкамъ падаѣлю.
Зъ дубовой ражкой у яголы пайлу
Пшонная пива падъ уголь падаію
Зъ бярозавой розгай на паству паганю.

Братъ сястру на пасадъ вадзѣць,
Шаўкомъ земельку мацѣць
Сытоў палеваѣць,
Зъ сястроў размаўляецъ :
Сястрыца радная

Да ня будзь гордая
Да нѣ жалеі галоўкі, да кланай-сѣ
Маміцѣ у ножкі, нѣхай мамка знаѣць
Да абѣ долю угалаѣць
Знаю дзѣцятка, знаю
Да абѣ долю не угадаю;
Дасць Богъ долю дасць добрую,
Хвалажъ табѣ Боже!
А казі якую преклатую
Ахъ моцны мой Боже!...

Ходзіць ходзіць вязюлька
Па шырымъ борочку
Садзіць пасадзіць дзятчечкѣ свадкѣ
На бѣлымъ паўчыцѣ
Пакуль прыляціць салавей зъ лугу;
Іоць васъ разгоніць, і мянѣ зъ сабой возміць
Ходзіць ходзіць малая дзѣвечка
На новымъ ганку садзіць пасадзіць свадкѣ
Дзятчечкѣ на бѣлыхъ лаўкахъ
Пакуль прывазіць Янечка зъ дружкай
Іоць васъ разошць, іоць васъ разгоніць,
А мянѣ зъ сабой возміць.

Што-то за зора
У таткі на дварэ,
Дзѣвечка зъ цяпломъ ходзіць,
Дзятчечкѣ пабуджаѣць:
Устаніць дзѣвечкі
Барыцѣ шотечкі
Чашыцѣ галовечкі;
Ужэ мая учесана
Каснікомъ уцясіона
Ужожъ маѣ прыѣхала
Ужожъ маю развіюць цоску
Мамчыню развіюць словку.*

Улезъ дружка ў хату, на прѣзъ заѣздзіць:
Чы вялікі гаршчокъ нашы, чы палладзіць,
Нашы: адзінъ каже-ць мола
Другі каже-ць годза
Тречы каже маўчы;
Бо загадаюць таўчы.

Бары сабѣ гета
Купі сабѣ мыла
Кабѣ пабѣ жонка любіла

Кабы дзѣци познали
И бацкомъ назвали.

Вѣрабѣй дружко, вѣрабѣй,
На сумѣтнику паскакаў
Нагой шелягъ выкашаў
Сваю дзѣўку выкупаў.

Дружко! дружко! нѣ варочай мянѣ,
Я нѣ калода табѣ.
Кабы я калода
У бару бѣ лежала,
Кабы я бяроза
На мамы бѣ стояла.

XXVI.

Звязали дружка, звязали.
Гдзѣжъ яго паймали?
Запіўся дружко запіўся!
И на дружину забыўся.
А гдзѣжъ твая дружина?
Чы у полі подѣ шатромъ
Падѣ бялецькимъ палатвомъ?

Дружинка жена дасужа была
Сѣмъ годъ кросна ткала
Сѣмъ вядзѣль фартукъ шила
Да абѣду звасила
На паровѣ згубила.

Дзѣўку дружинка блин
Чупрыну залушннн
Хто и кзѣць смяѣн-ся
Што чупрына трасѣць-ца.

Даў нашого дружка
Голымъ гола галоўка.
Добра дзѣўкамъ бобѣ малацнн
На закуточкахъ нѣ ляннн.

Прыѣхали пацярбннчкн
Да цярбннц цярбннц зубчкн
Целаѣ жераба вѣѣлн, на сталу качаючы
У попалѣ малаючы.

Пѣрадѣ дружкомъ сарока

Ляжиць яна безъ ока
Яна лежучы сакоцець
А ювъ нѣ вѣсна хочець.

XXVII.

Сваты баромъ вѣдуць и играюць,
Наша дзѣвочка не даць вѣры — нѣ плачѣць.
Ужо сваты положъ вѣдуць и играюць,
Наша дзѣвочка не даць вѣры — нѣ плачѣць.
Ужо сваты сяломъ вѣдуць и играюць,
Наша дзѣвочка не даць вѣры — нѣ плачѣць
Ужо сваты сяломъ вѣдуць и играюць
Наша дзѣвочка не даць вѣры — нѣ плачѣць
Ужо сваты на дворъ вѣдуць и играюць,
А наша дзѣвочка не даць вѣры — нѣ плачѣць
Ужо сваты за столъ вѣдуць и играюць,
Наша дзѣвочка не даць вѣры — не плачѣць
Ужо сваты за столъ вѣдуць, за ручку бяруць,
Тагы дала вѣры наша Агетка, и плачѣць.

Прылацѣла сарока, чы чы, чы чы чы,
Сѣла у дзѣвочки на плечы,
Скажу табѣ добрую вѣсцю чы чы чы
Што у наць на дворъ сваты чы чы чы.

Прыѣхали три казаченьки на дворъ къ намъ,
Пазнай, пазнай дзѣвочка, каторый нашъ?
Чы то што у снанимъ, на каню сивымъ
Чы то твой?
Самъ маладзѣньки, конь вараненьки
Чы то твой?
Чы то што у атласѣ у жоўтымъ пасѣ
Чы то твой?
Што у снанимъ, на каню сивымъ
То дзѣвѣць твой,
А што у атласѣ у жоўтымъ пасѣ,
То сѣнькеръ твой,
Самъ маладзѣньки
Конякъ вараненьки
Гета мой.

Прыѣхали сваты на дворъ, пусцили стралу у акно,
Страла мая страла
Пашто ты прышла
Чы на мёдъ, чы на гарелку
Чы на красную дзѣўку?

Ни па мёдъ, ни па гарелку
Але па красную лавѹку.

XXVIII.

У грознаго цѣсця, стантѹ за варотами,
Сняжкомѹ перапахнуши,
Дажджомѹ перамокнуши;
Крыйсѹ зацѹ кунами,
Бабрами, черными саболами.

Ужожѹ мы пазыбли у доўгой дэроўѹ
На тугимѹ мароўѹ
Нашыѹ зубки сабоцѹць
У хатечку хочѹць
Нашыѹ коньки гатѹцѹць
У ставку хочѹць.

Цѣсця заца ждала,
Кунами дворѹ слала,
Кунами, бабрами
Черными саболами,
Каже мал змога,
Выслалабѹ я я нѣбога,
Пышва цѣсцѹ пышва
Да къ злцу не вышла
Чы у яѹ кажуха нѣтъ?
Чы у яѹ зубка нѣтъ?
Чымѹ заца вѣтаць?

Эѹ цѣха баары вѣдзѹць
Харомѹ нѣ вярнѹць,
Харомы ўсѹ новыѹ
Столики цѣсовыѹ
Абрусы двайчастыѹ
Мы гости нѣчастыѹ.

Наляцѹли гуси
Да зѹ Бѣльненькой-Руси
Сѣли, пали на крышцу
Стали яны ваду пиць
Наѣхали госци
Да зѹ чужой валосци
Сѣли яны за сталомѹ
Стали яны мёдѹ, вино пиць
Да кубкамі абѹ столѹ бѣць.

У нашей тещинки
Пирага зъ кашени коцюп-са;
А намъ же ихъ хочец-са.
Тѣй даваць маркотна
А намъ браць ахотна;
Яна даць плачучы
А бярэмъ скачучы.

Дзюкую табѣ тасцянка
Нѣ гдѣ тваѣ пираги
У шэдзяной печи были
Да харашо яны расав.
Залатымъ ясломъ выймамы
Большавечкамъ даваны.

Дмѣтса, сваца дмѣтса,
Къ намъ нѣ хмѣтса,
Капа при печку третса;
Чы мы тѣй нѣ дубы?
Чы мы тѣй ня млы?
Мы госци зазваныѣ,
Любыѣ, коханыѣ.

Казали людзѣм
Што наша Агатка
Ни ткаха,
Ни праха:
Ажъ наша Агатка
И тонка прала
И дзвонка ткала,
И бѣла бѣлыла,
И ў снхъ святоў дзвлыла.

Нашъ сватъ салавѣйка
Частуй насъ харашецька
Мы госцѣ зазваныѣ
Любыѣ коханыѣ
Кали мы нѣ зналіся
Сватами нѣ зналіся
А цяцерь познаіюся
Сватами назвіюся.

Казали намъ людзѣ
Хоць вѣдцѣ ня вѣдцѣ
Вашъ сватъ не багатъ
Ажъ у нашаго свата
Да зъ явару хата

Залатоѣ падстрешѣ
Стѣнчки зѣ папѣрачки
Лавачки съ китаецки
Пѣчь яго кафельная
Чесць яго коханая.

Ялиничка зиму и лѣта зѣлюна
Наша Агатка нѣ што дѣнь вѣсела
У саботу касу чесала
Сліозки разливала
И нядѣлю рана да шлюбу вѣхала.

У нядѣлечку паравѣнечку
Агатка сѣньцы мяцѣць
Вѣнничкамъ махнець
Жалосна плачець
У нѣ мамечка пытаець :
Чаго мая дачушка любая ,
Такъ жалосна плачець ?
Чы ты жалуѣшь старосци моей ?
Чы падворыѣйка майго ?
Мая мамечка, мая родная !
У сяго я жалею : жалею старосци тваей ,
И падворка твааго , жалею касу русой ,
Услѣй дзавочей пакрасы.

XXIX.

Хто ў полі пацигусѣвѣкку гуляець
Тамъ Агатка своей матки шукаець
Хоць шукаець, не шукаець — нѣ знайдзеѣць
Ой далока тѣй маменька, далока,
У сырой зямля, у жоўтымъ пяску глыбока,
Да зрабѣли добрыя людзи вѣчныи домъ,
Безъ дзварей безъ аконечка безъ слонца
Нѣ прамоўлю дѣцятна ни слоўца.

Чыѣ то сліозки зѣ горѣ каццѣлись?
Агатчыныѣ сліозки зѣ горѣ каццѣлись
Пяски разрывали,
Матечки доставали
Далока мамечка за трема замочкама:
Пѣрши замочекъ
Сасновы пѣрамочекъ;
Други замочекъ,
Жоўты пясочекъ;
Трѣци замочекъ

Дозки сасновыѣ
Сасновыѣ дозки
Да списнули ножки ,
Да списнули ножки , вѣльга нѣтъ крануць ;
Сырая земля грудцы налегла , вѣльга крануць ;
Жоуты пясочекъ засыпау вочки , вѣльга преглянуць
Сырое камѣнѣ позабочу лажуць , вѣльга папаруць .

Агаціна мамка пѣрадъ Богомъ стаиць
Ручки на крыжъ дзаржиць ,
Да у Бога проситъ-ца :
Пусци мянѣ Боже
Да зъ неба да долу !
Дзѣцѣй нагледаѣць
Якъ лно прибраво
На пасадзѣ пасадзона
Прибарона якъ лѣбодка
Пасадзона якъ сѣротка ;
Прибарона бѣлаго
Пасадзона якъ бѣлая .

Ишла пашла , дарожечка па вѣбу ,
Тудышъ ишла маладзенька Агатка
Прышла яна да шкляннаго каньца
Угледаѣла мамечку сѣзючы
Стала яна у Господа Бога прасиць :
Пусцижъ , пусцижъ , мой Божечка мамечку
Бѣднаму дзѣцѣци да паблагословиць .
Богъ аказау :
Штожъ бы то за свѣтъ настау
Кабъ Богъ зъ вѣба людзей пущау .

Гдѣ слоньца усхолзиць ,
Тамъ Агатка ходзиць ,
Сваю мамку просиць .
Мая мамка радная !
Пѣрайдзи дарожку ,
Пѣрайдзи дарожку ,
Тройца за Миколай ,
Щасцянѣ и долай .

Знаць Агатка павасѣли
Што нѣ татечка дзѣць
Што нѣ татечка родны благаславиць .
Дворъ вялики , зборы нѣ вялики :
Бо нѣ-ўся родня
Пашли Агатка хоць салаўя .

На милого раднаго татечку
Салавѣйка пашлю на татечку
Сама пайду на украину
На свою любою радану
Салавѣйка ляццѣ да не даятца
Татечка мой родны дагадаўсѣ
Ляццѣ не ляццѣ, мой салавѣйка!
Ужо мнѣ не устаець
Радъ бы я устаець, да сыйму ляццѣ
Падарачекъ даць
Да сырыя земля
Грудцы налегла
Нѣльза мнѣ устаець.

Нѣту, нѣту Агатка дома
Пашла до Пана Бога,
Станець галаву, станець другую
Пакуль адчинили марвовыѣ дзѣбры
Тамъ углѣзницѣ свою мамечку
Якъ же абачыць,
Сильна заплачець:
Боже, Боже прошу на вясѣль!
Чы самъ прыдзи
Чы мамку пусцѣ
И самъ не прыду и мамка нѣ пушу;
Да шасцѣ и дою перашлю.

Устала Агатка у вядзѣлю рана
Маласѣ Богу, Богу молитца
Татку кланитца у ножки няютечка
Благослави мянѣ татечка
Да шлюбу зѣ Богомъ, ступицѣ!
Зѣ Богомъ, зѣ Богомъ даццятка
Зѣ ўсими святыми
Зѣ дзѣўкамі маладыми
Табѣ дарожка благаслаўлёна
Церкаў адчинева
Табѣ дарожку Богъ благаславіў
А церкаў ксёндзѣ адчিনিў.

У Васильки на двारे станець бяроза для шота.
Каля таѣй бярозы бяразничекъ,
А на таѣй бярозѣ листочекъ.
А на листочку расица,
Ажъ то нѣ бяроза — да Агатка,
Изъ бяразничекъ — да дзѣвочки

Ажъ нѣ листочекъ — а дружечки
Ажъ нѣ расца — а сѣюлечки.
Агатка за столъ нѣзѣць
Шубачку ў рукахъ нѣзѣць
Дзѣвачки дружачки
Ня трыца шубечки :
Бо ня тутъ яна спраўлена
Шыли яѣ краўцы вѣшцы
Брали сукно у Кралеўды
У Кралеўцы у горадѣ
Прыслана нѣ наладѣ.

Ишла Агатка зъ поля
Нясла краскі ў прыполѣ
Змыла вянокъ при столѣ :
Пакацала па столѣ
Задала жаласца усѣй сямѣ
Нѣ такъ сямѣ якъ танцѣ и шамцѣ
Агатчына мамка у каньцы стала стаяць
На дзѣвачекъ глядзяць
Усѣ дзѣвачки , якъ дзѣвачки
Адно маю дзѣцятѣ слѣвакми залыванца
Сѣюлкам залыванца заласкам уцпрѣнтца
Па чымъ же пазналі мамку у дзѣць
Нязѣнька слезиць бѣльнѣкы сымцѣ
Па чомъ же пазнаѣ Агатку и мамку ?
Мижъ дзѣвекъ сядзѣць ,
Жаласна плачѣць
Да дубу зязюлька , да дубу.
Чаѣ табѣ , Агатка да шлюбѣ.
Што табѣ зязюлька , да таго
Юсць у мянѣ татка да таго,
Благаславиць нейсца — я пайду,
Пасцѣляць ручничокъ — я стану
Паставиць цераву
На крутымъ бѣрожку
На дробной жарствицы,
Кабъ добре хадзѣць
Пана Бога хвалѣць
Дайме Боже долю
Щастливую гадзѣню
Нашаму чаладзѣню.

Благаславиць людзѣ
Близкіе сусѣдзѣ
Гетаму дзѣцятѣ
Да шлюбѣ стаці.

XXX.

Закладайцѣ сѣнца
Падаѣмъ да вѣнца
Да нѣтъ исавда дома
Паѣхаў да Львова
Ключики купляцѣ
Церкаўку адмыкацѣ
Двоѣ дзѣткѣ веньчацѣ.
Дзѣтки нѣ адналетки
Ня аднаго аўца
Пѣрваѣ радзонаѣ
Другое судзонае
Явечка радзона
Агатка судзона
Явечку аддадзона

Вхала Агатка да вѣнца
Сыпала золота зъ рукаўца.
Хто зга золота пабрэцѣ
Той мяѣ на вянецѣ павядзѣцѣ
Набрэцѣ золота нѣвѣши братѣ
Павядзѣцѣ на вянецѣ большы святѣ.

Вхала Агатка да вѣнца
Заламала бярозку зъ вѣрха
Будзѣ мая бярозка безъ вѣрха
Чы будзѣшь такая якъ была?
Ня будзѣць вѣтцѣйка шумѣць
Ня будзѣць лиецѣйка шумѣць
Будзѣ мая намечка, безъ мяѣ
Али ня будзѣшь такана, якъ пры мяѣ
Ня будзѣць ножка рэзута
Ня будзѣць пасцѣлька паслана
Ня будзѣшь машкай названа.

За варагачы трава мурава, золотомъ насыпана,
Агаткашла, золата рѣсла, золата разсыпала;
За слозкамі за дробнымі, золата несабрала,
За жаласцамі, за ваянкамі, мамачкі непазнала.

Да вѣнца Агатка да вѣнца
Да не забывай гребенца
Да палай Явечка, гребенецѣ
Якѣ таѣ Агатка, нѣ маладзѣцѣ
Што буду палавецѣ гребенецѣ.

Богъ табѣ дай Янечка
Што таа Агатка багата
Нѣ падаѣшь къ Вильку на уборы
Прибарет-цѣ яна у каморы
Да алаѣвнецъ шубу
Да шлябу.
Бѣлы кауверъ якъ въ шапѣры
Чорныѣ саболи ў крылѣ
Жоутыѣ лисочки ў рукавы.

Дымъ, дымъ на долині ,
Шумъ, шумъ на дубровѣ .
Агатка къ лицу вѣзѣць,
Свѣчнай накурона,
Хустечкай нахылона.
Агатачка на Бога нарекала
Сырую землю пракинала :
Сырая земля сырыца
Узяла маю маменьку старую .
Пакинула мнѣ маладую
Зѣ кудравой галавою.

XXXI.

Мы были ў касцѣлѣ
Стали при сцялѣ
Малілісь Богу и Духу Святому
Нашѣ ксіюдаѣ маладзельки
Да вусокъ (уць) залацѣньки
Бародка шаўкова
Галоўка кудрава ;
На іомѣ чырвоныѣ кѣцьцѣ .
Звязай нашыѣ дѣцьцѣ .
Дѣцьцѣ , не аднаѣткѣ
Нѣ аднаго айца маткі ,
Першаѣ радзювоѣ
Другое судзювоѣ
Янечка радзювы
Агатка судзюва , Максимку отладзюва .

Зѣ гары зѣ гары здали бѣгли коньки чатыры
Вязли каретаю сямюю , звязали Агатку сильна .
Да не дарма яѣ звязали звязали за грошы
И харожѣ и пригожѣ и вялікѣ ,
Чаму нѣ прывіозѣ чаравікѣ ?
Якже я маю вязіць
Кали яна нѣ умѣѣ насіць

Хопь червоныѣ привязи
Буду насипь по грази.

Замыгай, мамка свѣчку
Да выходи на сустрѣчку
Да выходи мамечка прещіу насъ
Да втай кубечкамъ усихъ насъ
Да пытайся у лачки: чы твая?
Нѣ твая мамечка, нѣ твое
Да того няня марала,
Зѣ кимъ я на шлюбъ стала
За бѣлую ручку дѣржала
Залаты пѣрещы мѣвала.

Пабару, на вѣресу раіоныѣ шчолаки
А у Василька на купѣ шлюборыѣ гоща,
Да пьюць яны зялоная аме, мідоды зэщидаруць.

Хвала жѣ табѣ Богу
Што на нашымъ стала
Што мы равнянка ўстали,
Ксендза ашукали
Да на дарога адавали
За смяю панѣку
Цѣлаю капѣвку.
А за того маладага
Поў залатога.

XXXII

Шаўковая витечка ісцянѣ лѣгвіць
Агатка зѣ мамкай чоламъ бьець.
Дабраночъ мамцѣ адазѣць
Дабраночъ мамка, дабраночъ
Нятой дабраночъ што на ночъ;
Але той дабраночъ што на вѣсь вѣць
Нѣ на агну мянѣ алѣ на ў вѣсь свѣтъ
Нѣ на агну почку алѣ на у вѣсь вѣць.

Жаль вамъ Агатка, на цабѣ,
Што ты насъ говнись алѣ сьлѣ
Чы мы табѣ косечки не плали?
Чы мы табѣ алавечка нѣ вали?
Плали табѣ косечку ў чатыри рады
На будзямъ плясца ня разу
На будзямъ у татка ня года.

А мой татечка заручку бярэжъ
Чы за постаць адзѣшъ?

Кали запостаць ? займай широка
Паганю даюжа.

Цяперь я сьла ніжъ шыпчынику
Мижъ красіўки, — жижка красіўка
Пажыгаць буздець, сухы шыпчыникъ сушыць буздець.
А мой татэчка, аздавай я прэтай
Кабъ вѣ прапою
Кабъ вѣ разбою
Кали прапою у корчгѣ прапницъ
Кали разбою на дарозѣ забыць

XXXIII.

На синнихъ азёры сядзѣла лебѣдка
Крылакамі апусцяся пѣр'ёйкамъ асыпяся
Прапцѣў кѣ ней лебязь : бѣлая малъ лебѣдка
Узвѣіімі своіо крыле, збярэ своіо пѣр'я
Палецямъ зѣ табоу, глэзѣ галубы влэталіся
Насъ сѣ табой спадзѣваліся
Цюплаіо гняздычка вьцюць
Бѣлічкэй лебѣдзкэй ждудць
Да за новай скаміою сѣдзѣла Агатка
Коскамі апусціўшыся
Слэзкамі абліўшыся ;
Прыѣхаў Явечка :
Мілая малъ Агатка
Збярэ сваѣ коскы
Да утрый же дробныя слезкы
Паѣдзямъ зѣ табоу да свайго адму
У насъ госца зѣѣдзваліся
Насъ зѣ табой спадзѣваліся
Бѣлая ложе слава
Зіолкі у галоўкі клала,
Насъ маладзѣнныкѣ ждала.

Матка дачку прапала .
Машну гроши набрала
Волосомъ зашрала
Голосомъ завывала .
Прапала матка дачку
На салодкімъ мядку ;
Да упіўшыся скачэць
А выпіўшы—сѣ влэчэць .

За дзвнъ призабуду
Сваѣй дашучкн коханей
Па звнъ нѣ забуду.

Да гулай, гулай шука, рыбечка ў свнннмъ моры
Якже ты пойдзвншь на лугн, раки, на будзвншь гуляць
Уловнць цабѣ малалые рыбаловы
Да звнмудь зъ цабѣ салатую луснавнцу
Папроуць рыбачку на стальннцы

У святлнцы.

Злагунць рыбачку малалыгъ кухары
Да звядуць цабѣ нановѣ сенаторовѣ
Да гулай, гулай Агатка у раднаго таткн
Пойдзвншь къ чужому
Да не радному
На будзвн жъ гуляць
У сваѣго татечкн крутыѣ горы
Да гуляла на воле
А у чужога ўсню полн роўна
Да гуляць на вольна
У сваѣго таткн што дзвнъ
Галоўка ў вяночку
А што вядзвнлю у таночку;
А у чужога татечкн
Буднн дзвнъ ў рабоцѣ
А сваты ў балаоцѣ.

Чаму Агатка нѣ вччерада у сваѣго татечкн ?
Пойдзвншь къ чужому
Да не радному
Нн будзвншь вччерацѣ
Цабѣ малала
Пашлюць на ваду
Самн сядуць вччерацѣ
Прынесн валы
Па сабѣ бялы
Каждому пншь даць .
Якъ старому
Такъ малому
Янечку малалому
Нѣ сварысѣ наменька са мною
Сладзвнъ же нн павччераемъ зъ табою.

Хоць ты мянѣ татка
Малую за мужъ аддавай ,
Толькн мянѣ ў сваю хатку
Чужога не прнмай

Приняўши зяця, толькі будзямъ сварыц-ца
Ня буду вѣдаць за каго ўступіц-ца
Уступіўши-са за татечку буду бита
Уступіўшыся за милога, вовка быць.

Бадиць мая галоўка адъ венка
Нѣ аддавай, мой татечка за удаўца
Адавай мянѣ, мой татечка и сямью
У сямьи іосць парабечекъ усяму
У истопку таўчы, малоць — залюни
Дажу масиць, хату тапиць — атроўки
А у крыніцу, на вадэцу — и малада.

Да мой татечка, пакиваўся мною
Якъ нѣ люблю, якъ садовымъ яблочкомъ недаспѣлннкимъ,
Нѣ бядаўже ты, сястрица мая
Якъ буду нѣ далека адъ цѣба
Будзямъ ў чистымъ полю жыта жаць
И раннай и вѣчорнай зарю
Зойдут-цѣ вашыѣ голаски зъ табою.

XXXV.

Хоць я ночки не спала
Я сваю свацьку ашукала :
Сабѣ вѣвѣхи удаждала
Да къ сиюдзонай змѣ, — плаць прапѣ
А къ красной вясѣ, — кросны ткаць
А къ цяхому лѣту, — жито жаць
А къ цюмнай ночы, — на таку малацаць.

Прыбѣрайцѣ-ся брахны
Пара намъ дамой вѣхаць
Даўгая дарожечка :
Чатыре мѣли бораць вѣхаць
Пятую жораць пмысци.
Хоць бы мы жораць пмызи
А бы мы дома были
Паѣдзимъ дамоўки
Цѣразъ валатоўки
Наша дарожка доўга
Цѣразъ дарожку рѣчна
Цѣразъ рѣчку кладка
Будѣ сварыц-ся матка
Што у насъ доўга вѣтъ
Паѣдзимъ къ Вайцѣху
На дауную уцѣху.

Глазѣ мы пили, вѣли
Добрыя мысли жѣли.

Ночь на ночи цюмневьякая ночка,
Зажуриласѣ саколяка цыречка (цыранка)
Да за чымъ майго сакала даўго вѣтъ?
Нѣгдзѣ июнь червзѣ сады палаяцѣу,
Нѣгдзѣ яго ўсѣ птушечки злюбали
Нѣгдзѣ яго на быливачцѣ садзили
Нѣгдзѣ яго ягодкамі каршили
Нѣгдзѣ яго зѣ лисципачки павили,
Нѣгдзѣ яго шарой лязгольвой ларыли
Ночь на ночи цюмневьякая ночка!
Зажурыла сѣ Явечки мамечка:
Зачымъ же то майго сынечка доўга вѣтъ?
Да нѣгдзѣ июнь цѣразѣ жѣста вѣхау,
Нѣгдзѣ яго жѣщанечка злюбила
Нѣгдзѣ яго за столикамі садзили,
Нѣгдзѣ яго пирошкамі каршили
Нѣгдзѣ яго зѣлюнымъ виномъ павили
Нѣгдзѣ яго красной дзѣўкай ларыли.

Отъ табѣ мамка шашки у пятки,
Што вѣма каму мясци хатки.
Ой цяжка табѣ будзѣ безъ дачки,
Парастуць, па за лѣўкай казлячки.
Людзямъ треба ў боръ хадзюць,
А табѣ будуць па залаўнай радзюць.

Да я гаварыла, сакалы лятуюць!
Ажъ маѣ брахны на кони садаюць;
Я тварыла што жѣсяць усходзюць
Ажъ мой татечка по двору ходзюць
Майѣ маладую праводзюць.

XXXVI.

Таткава нюка да вѣ улэкай-сѣ
Радзила пры мнѣ, радзи и безъ мянѣ
Добрая доля да илзи за мной,
Зѣ пѣчы пламѣнюмъ
Зѣ хаты коминомъ.

Звонка дзѣрева калина
Да боражѣ ишла шумѣла
А полежѣ ишла звявела
А кѣ двару ишла гаварыла

Атчина намечка, новы дворъ
Вязиомъ вязѣху якъ яворъ;
Атчина намечкаю аконца
Вязиомъ вязѣху якъ слонца;
Атчина намечка вяршочекъ
Вязиомъ вязѣху зъ каршочекъ;
Атчина, намечки, хитя
Вязиомъ вязѣху грызѣ.

Милые нашъ сватовъ
Чы добра было ў дарозѣ?
Чы бѣлыѣ были тарелки?
Чы давали намъ гарелки?
Да добра было ў дарозѣ,
Да бѣлые были гарелки,
Да давали намъ тарелки.

Добрые нашыѣ марозы,
Нѣ змаразили нашъ рожи.
Пакраса ваша Агатка!
Да покрасила два двары:
Алзину дварокъ гдзѣ расла
А други гдзѣ пришла.

Гуляйцѣ прыданки у Ахатки каханей.
Да влзела намъ мица
Харашенька гуляца
Слаўку учиниць
Да лаўку на ла миць
Да у гародѣ лчмень
Юнъ золотомъ зацнѣу
Лепша таго злота
Агатчина цвота;
Кали наша Агатка швачка была
Вышила кашулю зъ падала.

XXXVII.

Учора
Зъ вѣчора
Пѣрапіолка злцѣла,
Мы сегодня свѣтомъ
Пѣрапіолчынымъ слѣдомъ;
Гдзѣ мы лѣ услѣдуемъ
Тамъ мы заначуемъ:
Тамъ же намъ добра будзѣць,
Коникамъ аброкъ будзѣць

Копивамъ булѣць аброкъ, сязцо,
А нашъ самымъ мядокъ винцо.

Да умная, разумная дѣвечка
Поставила старожечку на браду,
Сама сѣла паць вишавькой ў саду.

Буду сязць
Буду гладць.

Паць зару :

Адъ куль же ясьнъ мѣсячекъ узойдць
Адуль же маѣ сястрыцы узѣдуць.
Да узойдць ясьнъ мѣсячъ зъ паць зары,
Узѣдуць маѣ сiостры зъ за гары,
Яны жъ мнѣ на паміотечку привауць,
Яны жъ маю галовечку прыблруць
Яны жъ мнѣ зъ пшныцы вывадуць.

Да у чыстымъ полю прыданыѣ блудзям
Нѣгдѣ яны дарожку згубили
Да спаткали маленькую хлопчыку:
Таки сяки маленьки хлопчына
Укажи нашъ дарожку ў сяло;
Куды наша сiестра вазіона
Тая уся дарожка мураўкой утрасіона;
Булѣць наша галовечка васіола.

Прыданыѣ на дворъ ѣдуць,
Курки надъ клець бягуць:
Набойць-сѣ курки! Нямнога жъ вашъ нада,
Семъ на вѣчеру
А осьмую на пачень
Дзѣвятая на сибланѣ
Дзѣсятая на адѣджанѣ.

Вышла дѣвечка на парогъ
Да паслухала прыданакъ:
Чы нѣ вязюлька кукуюць?
Чы нѣ салавѣйки цабѣчуць?
Ажъ нѣ вязюлька кукуюць
Але маѣ рэдныѣ памоць
Мнѣ маладой вѣсци даюць.

Дали нашъ вѣсць я пшыць,
Дайць пагуляць,
Дайць нашъ волю,
Пусцаць у камору
Хачабъ мы паглядзѣли

Глѣ вашу сестру дѣла
Наглядѣць на каинку
Падваць парынку
Чы харашо развиласъ
На кашула развиласъ.

XXXIX.

Пасяродъ хаты станицъ пѣчь
Ня умѣла Агатка пѣчь пѣрапѣчь
Нѣчага на яѣ дзивоваць
Во не лаўна стала женаваць (быть женою).
Учора была дзѣвою
А сядога женою.
Якъ мы захацѣли
Такъ мы вяралѣли
Зъ жыта палавицу
Зъ дѣўки малалзину.

Пашоў Янечка ў каиновы лугъ
Паламаў каины колки змухъ
Отъ табѣ Агатка калина мая
Нѣхай гуляецъ радзина твая
Гуляйць, прыданки, гуляйць
Жадкай трывоги нѣ майць.

Прыгхали прыданки зъ Глана
Напрасили у Агатки сядзана
Пажджыць маѣ сястрыцы пажджыць
Пакуль я сваю сякроўку пазнаю.
Тагды и вамъ сядзана згадаю
Атчывиць дзѣўры!
Да нѣхай вѣцерь вѣць:
Падъ новыѣ лаўки;
Гдѣ сѣли прыданки
Здрыгнулисѣ лаўки
А чы такъ здрыгнутса
Якѣ прыданки напютса!
Гдѣ сѣли зацѣли,
Гдѣ стали заиграли;
Хто зъ нимъ приткнетса,
То и пива напѣйтса
Дзана наглядзиц-са.

XI.

Милыѣ закосьники!
Чаму жъ вы ня вясіолы?
Чы вашыѣ коньки нѣ узлоцѣ?
Чы ваша сѣстра не у цноцѣ?
Гета жъ нашіе коньки у злоцѣ
Гета жъ ваша састра у цноцѣ.

На дваре снежокъ прыпаў,
Ой рана! рана!
У Агатки Янечка прасіу:
Агатечка падай боцки;
Агатка не паслухала
Боцкаў нѣ падала
Вазьму жъ я пужку (бичъ)
Святустку,
Да выганю бацьковыѣ гнѣвы
Да перавѣрну на свой
Абычай.

Закосьники паничы
Чаго вѣдзюцѣ па начы?
Да мы вѣдземъ трапой,
Да за русой касой
Да за родной сястрой.
Закосьничекъ верабѣй
Чаго равно прыляшчѣ?
Чы вѣсці захацѣ?
Дайцѣ яму гречки снапокъ;
Няхай кляўцѣ якъ пятушокъ
Нѣхай скачець якъ бѣлка.
Нѣхай пѣць якъ дзѣўка.

XII.

Агатка сястрыца мая
Стань же ты у кавыцы стала,
Хаця мы нагледзім-ся,
Пакуль мы развѣдзім-ся.
Агатка сястрыца мая
Ужо жъ мы дамоў вѣдзімъ
Мы цябѣ научымъ:
Уставай ранѣсенька
Мый лаўки бялюсенька,
Маци хату чысцісенька,

Какъ табѣ не упала,
Што мы у цѣбѣ гуляли.

Паўдзѣцѣ сястрыцы дамоўкі
Пакланицѣся мамцѣ у ножкі
Што яна мянѣ малѣнькую тавала
Трыдцать ночекъ цямяюсенькихъ не спала
Пакуль мянѣ малѣнькую выгадавала;
Сорокъ свѣчекъ яснысенькихъ спалила,
Пакуль мянѣ малѣнькую урасцילה
Урасціўшы у чужыѣ людзи пусцילה.

У чужыѣ людзи, да чужому ланцані
Свацѣчка, галубечка, спавагай
Кабъ не было нашэй сястрыцы зыўвагі.
Што намъ за зыўвага?
Наша сѣстра гожа
Якъ чырвоная ружа.

XLII.

Нашѣ Казиміръ паничъ быў
Въ Магилевѣ вянокъ звіў,
Вазіў да Вильна шазляницѣ
А у Сморгоняхъ пралазаў
Сваей Маріанцѣ дараваў.

Наша Марьянка здарова
Нѣ скаже табѣ ни слова;
Ни яго вѣтрыкъ на зѣтѣ
Ни яго дожджыкъ не омочы
Вѣтрыкъ навѣ-ѣ
Злелеѣ;
Дожджыкъ пакропи,
Скраснѣѣ.

XLIII.

Черезъ сѣни свѣжечка
А въ каморѣ другая.
Тамъ Маріанка сѣдзѣла
Русую косу часала
Сильнѣ жалоснѣ плакала
Прывязницѣ Казимірку
Вайницѣ Маріанку
Якъ Казимірка прывѣла
Такъ Маріанку уняли.

XLIV.

За сѣньми, сѣньми тры сады цѣтцѣли
Въ аднымъ садочку вязюлька кукуцьцѣ
Въ другимъ садочку салавѣй шабѣць
Въ трецимъ садочку Маріанка плачѣ.
Вязюля кукуць въ шеры боръ лѣтучы
Соловѣй шабѣць въ лугъ лѣтучы
А Маріанка плачѣ да шлюбу илучы.

Клянковы листочку, куды цѣбѣ вѣтрыць коци,
Чы въ лугъ чы въ далину
Чы назадъ подъ клянну?
Я и самъ нѣ вѣдаю, куды мнѣ вѣтрыць коци,
Чы въ лугъ, чы въ далину
Чы назадъ подъ клянну.
Маладая Маріанка, куды цѣбѣ выпраўляюць
Чы у госци чы у дарогу
Чы да Богаго дому?
Я и сама нявѣдаю, куды мнѣ выпраўляюць,
Чы у госци чы у дарогу
Чы да Богаго дому.

Вѣчеръ, вѣчеръ, нѣ вѣчерыць
Бѣзъ, бѣзъ Казьмиръ нѣ станавися
Кабъ твая патрава парохомъ нѣ упала
Кабъ твая Марьянка другому нѣ стала.

XLVI.

Для маѣй патраўки, стаяць кухарки
Для маѣй Марьянки стаяць бальшанки.
Мая патраўка цыномъ накрыта
Мая Марьянка за мнѣй запита,
И запатѣ и заручона
Хось заручона, но не вѣнчона.

Да дубу вязюлька, да дубу
Чась табѣ Марьянка да шлюбу
Бѣсь табѣ вязюлька датаго,
Бѣсь у мнѣ татуля для таго
Іонъ мнѣ радечку парадзіў,
Іонъ мнѣ на пасадъ пасадзіў,
Перейдаѣ сцѣжечка я пайду
Выправницъ да шлюбу и пайду.

XLVII.

Ой вѣту вѣту Гануса у дому
Пашла Гануса да Пава Бога
Богу малитца, баджкомъ кланитса
Стаиць гадзѣннику, стаиць другую
Пакулѣ аччивюць райскіе дзѣры
Увидзѣла Гануса баццаны ноги
Якъ пазнала на ножкахъ упала
Прашу татуля на благаславеньѣ.
Да дзѣцатка родная, я самъ нѣ магу
У ведзѣлю рана Анелоу пашлю
Нѣхай насѣдзяць, нѣхай нагледзяць
Якъ прыбарона якъ пасадзона
Прыбарона якъ павятачка
Пасадзона якъ сѣротечка
Па выжей олдзѣць хустечку дзяржыць
Хустечка бяленка адъ слѣзъ макреника.

Спакорся Антоля спакорся
Каждому у ножки паклонся
Стараго, маладаго нѣмнинай
У Бога доли дабывай.
У сихъ сватоу перешла
Сваей матухны нѣ вшла
Уся нѣ галоука уквѣць.
Нѣма нѣ матухны на свѣць.

Дворная суботка настала
Маладая дзѣўчынка дружинку збѣрала
Пасадзѣць баары усѣ урадѣ,
То пойдзѣ дзѣўчына на пасадѣ,
Ручкамі ножынкы абаймаць,
Дробнымі слозкамі спѣжку аблеваць,
Яна увѣсь радочекъ перайшла
Сваего баццюшкі не нашла
Вярніся дзѣўчына вярніся
Чужому баццюшку пакланісь
Юнѣ табѣ раденьку паралазѣць
Юнѣ цябѣ на пасадѣ пасалазѣць
Юнѣ цябѣ олъ шлюбу шпреймѣ.

XLVIII.

Ой зъ гары и даліны
Да бѣгли коніки чатыры

Да вясли карету синюю ,
Нѣ даремъ за гроши
Што яѣ малады харошы.

Ѣдзѣ Ѣдзѣ не баўса
Тамъ цабѣ у касцѣлѣ надзждаюць
И кабѣты засцѣлаюць
Богу будзѣшь присягаць
И сыгнеты мѣняць.

Вы слаўныя багатыя сусѣдзкі
Благослаўцѣ гетоѣ дзѣця што Ѣдзѣ
Нѣхай яго Богъ богославиць
Нѣхай Богъ долю вѣму даць
И мы даёмъ.

XLIX.

Да хвала жѣ табѣ Боже,
Што мы добра зрабѣли
Съ пѣва галавѣцу
Да зѣ дзѣўкі маладзѣцу.
Ѣдзѣцѣ, сваты Ѣдзѣцѣ,
Нѣ бойцѣ сѣ нocy
Вамъ ларошка якъ доска
Мѣсѣцѣ свѣтѣцѣ якъ свѣчка.

Да хвала табѣ Боже
Што мы ксендза ашукалі
За тры грошы шлюбъ узялі
Кѣды млада не плаць
Узышло солненка абутрыло,
Да плакаці маладая на думала
Ой дайцѣ рады и пѣмоцы
Прывясніцѣ цыбулькі палѣ очы:

Ой ты свацѣ ты баламуцѣ ты усіо лжежѣ,
Ты казаў што дзѣвѣцѣ дзѣвѣроў якъ дубоў,
Якъ я прѣшла, аднаго шашла безъ зубоў
Ой ты свацѣ ты баламуцѣ ты усіо лжежѣ,
Ты казаў чetyрехъ валоў якъ зуброў
Якъ я прѣшла, аднаго знашла безъ рагоў.
Ой ты свацѣ ты баламуцѣ ты усіо лжежѣ,
Ты казаў дзѣвѣцѣ свѣрноў и зѣ дабромъ,
Якъ я прѣшла аднаго знашла бязъ углоў.

Всѣхъ сааты репу
У насъ морхы вѣту,
Быу парсюкъ ваукоу;
Да паѣу усю маргоу.

А. КИРКОРЪ,

Д. Чл. Общ.

843849

GNe
R78
v.3

THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY

